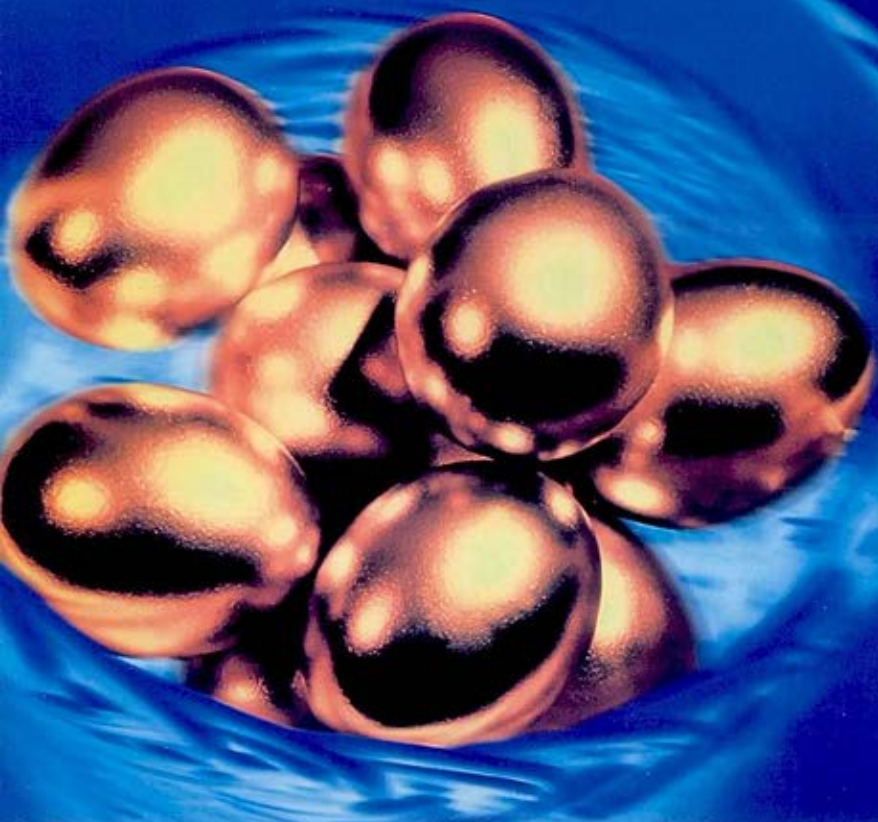

СМЕНА

2000

■ Виктор Астафьев **Затеси**

■ С. Висоцкий **В интересах следствия**

ВМЕСТЕ НА ВСЮ ЖИЗНЬ

«ЛУКОЙЛ» ориентируется на потребителя и выпускает широкий ассортимент масел как для двигателей подержанных автомобилей, так и для двигателей последнего поколения.

«ЛУКОЙЛ» ценит свой товарный знак поэтому качество масел контролируется в течение всего процесса изготовления, и каждая партия продукции перед отправкой проверяется и сопровождается паспортом качества.

ТЕЛЕФОН: (095) 207-1441.
ТОЛЬКО ДЛЯ ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ.

ЛУКОЙЛ

ТОВАР СЕРТИФИЦИРОВАН

Главный редактор*Михаил Кизилов***Редколлегия:****зам. главного редактора***Борис Данюшевский**Николай Левитов***зам. главного редактора***Сергей Попов***главный художник***Виталий Федоров***редактор отдела****литературы и искусства***Шамара Чинина***4** **2000**
апрель (1626)

Сдано в набор 14.2.2000.

Подписано к печати 17.3.2000.

Бумага газетная.

Печать офсетная.

Заказ № 457

Тираж 50 000 экз.

Цена свободная

101457, ГСП, Москва,

Бумажный проезд, 14.

212-15-07 — для справок.**250-29-39** — отдел реализации.**Факс (095) 250-59-28.****E-mail: smena@garnet.ru**

Журнал зарегистрирован

в Комитете Российской

Федерации по печати.

Per. № 014832

Учредитель —**ООО "Издательский дом
журнала "Смена".**

Рукописи, фото и рисунки

не возвращаются.

Набор, верстка и цветоделение

ЗАО "НИИ НИТ"

Отпечатано в типографии

ОАО ПО "Пресса-1"

В случае полиграфического брака

обращаться в типографию

ОАО ПО "Пресса-1"

257-42-29

257-41-03

Журнал распространяется
на самолетах "Аэрофлота".**Журнал выходит****12 раз в год.**

© "Смена", 2000.

Литературно-
Художественный
Иллюстрированный
Журнал

Основан
в январе
1924 года.

4 *Виктор Астафьев*
ЗАТЕСИ

106 *Роальд Даль*
ТАТУИРОВКА
Зарубежный рассказ

132 *Сергей Высоцкий*
**В ИНТЕРЕСАХ
СЛЕДСТВИЯ**
Детектив

42 *Ольга Фестрова*
**ИХ ДОМ —
ПОД ВОДОЙ**

*Анатолий
Цирульников*
56 **ВОЗНЕСЕНИЕ
СПАСКОЙ ГУБЫ**

84 *Георгий Падерин*
ЗВЕРИНЫЙ НЯНЬ

*Светлана
Бестужева-Лада*
98 **ПРОПАВШАЯ
НЕВЕСТА**

122 *Галина Калинина*
**"ПОЗВОЛЬТЕ ВАМ
НЕ ПОЗВОЛИТЬ..."**

*Николай
Александров*
263 **БАЛОВНИ СУДЬБЫ**

стр. 84

стр. 66

- 18 *Владимир Васильев:*
**"МИР СПАСАЕТ
ЛЮБОВЬ"**
- 28 *Любовь Русева*
**АКАДЕМИЯ
РЫЦАРЕЙ**
- 66 *Борис Зотов*
КЛИМТ
- 246 *Иван Зюзюкин*
**ВЕЛИКИЙ
ДИЛЕТАНТ**
- 268 *Галина Сирик*
"ВЕТЕР С МОРЯ..."
- 278 *Мария Мельникова*
**ВОЗРОЖДЕННАЯ
КРАСОТА**

стр. 268

*Борис
Сопельняк*
**УБИТЫЕ БУДУТ
ЖИТЬ**

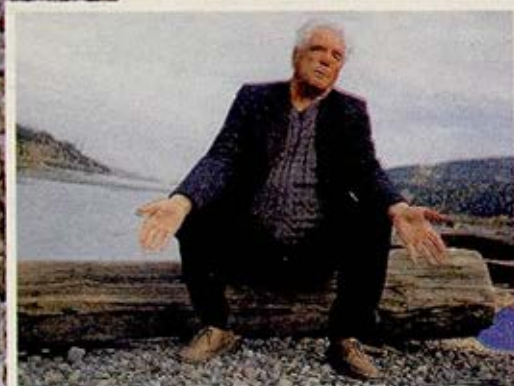
В заголовке очерка нашего корреспондента, побывавшего в Самарском окружном госпитале, нет преувеличения. Военные хирурги делают здесь невозможное: возвращают к жизни раненных смертельно солдат...

*Буало-
Нерсежак*
КОЛДУНИ

Сын известного фокусника после смерти отца оказывается в цирке, чтобы стать его достойным преемником. Постепенно для него исчезают все нравственные запреты, и становится нормальной ситуация, в которой можно перешагнуть через труп, аккуратно заметая следы преступления. Но зло обладает способностью распространяться, как круги по воде. И вот уже герой повести не в состоянии адекватно воспринимать действительность. Здесь-то и начинается нечто сверхъестественное...

май '2000

АНОНС:

За

Прихлебатели

Долго я искал в старых сибирских словарях это слово и... не нашел. В Ожеговском словаре кратко: — подхалим, дармоед. Зато уж если кому доведется составлять словарь советской эпохи, слово “прихлебатель” займет в нем главенствующее место. Сказано, что социалистическая система — самая лучшая для воровства, но уж советское время, новая наша эпоха несомненно самая плодovitая для прихлебателей. Они так тучами и следовали за трудовым народом, и впереди всех толп бравое комиссарство в галифе — главные прихлебатели века.

Естественно, что и на фронте прихлебателей было допoлнa, и чем далее шла война, тем их становилось больше и больше. Они, прихлебатели большие и маленькие, придумывали для себя отделы, части, звания, изобретали себе занятия, чаще всего бдящие, карательные, путались в ногах армии, мешали воевать, и после войны, усвоив крепко, что прихлебателем быть легко и выгодно, выставлялись в первые ряды победителей, добывая блага и всяческий корм за счет изувеченных, погибших окопников-страдальцев.

После голодного, гибельного Букринского плацдарма на Днепре, соседний, Ходоровский плацдарм, был просто курортом. Здесь была наведена понтонная мостовая переправа, на плацдарм переправилась артиллерия, танки и много всякого народу, в том числе и чиновного. Даже командующий 38-й армией, молодой и форсистый Москаленко, сидел на плацдарме. И сидел крепко, комфортно, под многими накатами, при сильной охране и угодливой службе.

теси

Ежедневно ополудень через Днепр, почти задевая колесами поверхность воды, тащился за Днепр кукурузник и через часик-полтора возвращался обратно. Солдатский телеграф разнес по окопам — на кукурузнике том личный повар доставляет командующему обед. Ну, доставляет и доставляет, известно же: кому война, кому мать родна.

Но однажды барражировавшие над Днепром два дежурных “мессершмитта” решили от безделья, не иначе, позабавиться и спикировали вниз, полоснули по кукурузнику из пулеметов. Вода в Днепре разбрызнулась, закипела, но кукурузника пулеметные очереди миновали. Скорость у немецких самолетов велика, не подрассчитали асы и, взмыв в небо, пошли на второй заход.

Плацдарм замер, воевать перестали, наблюдая воздушную битву над Днепром. И весь народ, который копался, стрелял и ползал на плацдарме, кроме, наверное, командующего, тайно желал, чтоб немцы ущучили самолетишко прихлебателей, разбили бы его вместе с термосами, тарелками, вилками, ложками и румяным, как правило, высокомерно себя ведущим поваром. Но на кукурузнике-то был еще и летчик, опытный, видать. Он смекнул, что второго захода “мессершмиттов” в хвост его проплавленного воздушного лайнера лучше не дожидаться, до левого же спасительного берега при его скорости ему не успеть дотянуть, и повернул самолет вдоль реки, спеша к острову с песчаной заостровкой, ивняком, густо заросшим и в середке отмеченным несколькими снарядами, поврежденными осокориями и вербами.

Наметившись расстрелять кукурузника по определенному курсу, “мессершмитты” с него сбились, пошли на новый разворот, а наш-то обедовоз пыр-пыр-пыр к острову, аж дым из-под зада клубом валит — так он газует. И тырнулся ведь в песок кукурузник, покотил по нему к кустам, “мессершмит-

ты” его поливают, асы его добивают, и попали ведь, попали-таки в самолетишко, аж ключья фанеры из него полетели, но он все же дотянул до затени, вткнулся мордой в кусты, и видно было, как два человека — летчик и повар, вывалились из него на разные стороны, стриганули в кусты, да и запали в них.

Говорила солдатня, что ночью приплывал на остров отряд спасателей, забрал двух героев, пытался самолет выкатить из кустов, да он при том вроде бы разломился пополам.

И пока не пришла пора покидать Ходоровский плацдарм нашим войскам, из мятых кустов ивняка, на острове все торчал хвост кукурузника, и слух был, — оба самолетных героя лично командующим были награждены орденами.

Так что если в парке Горького в Москве или в иных русских городах вы в День Победы увидите среди ветеранов 38-й армии двух хорошо сохранившихся молодцов, без единой царапинки прошедших всю войну, — это они, подлинные герои Днепровской и всяческих других битв, они, они, прихлебатели из прихлебателей, героически выпячивающие грудь с бренчащими на них медальками и краснеющими орденами.

12 ноября 1999 г.

Почти все народы, населяющие автономии России, мнят себя родоначальниками всех остальных народов и культур, сетуют на то, что русские оккупанты все у них отобрали и загубили даже родной язык.

Как говорится в русской поговорке, “мели, Емеля, твоя неделя”, но вот соседняя с нашим краем область отделилась-таки. При “оккупации” она жила худо, стала жить еще хуже, народишко ее, ленивый и вороватый, вовсе захудал, но спесь властей, но их самоуверенность только возросли, и, хотя живут они в основном на подачках федерального бюджета, ни культура, ни образование, ни возрождение национального лица и обычаев не началось, зато подражательность, это свойственно всей России и народам, ее населяющим, обезьянничание возросли стократно.

Подражая столицам, и в столице соседней республики обзавелись всем “столичным”, в том числе и зоопарком. Поналадили вольеры. Понаковали железные клетки, позагоняли в них зверье и птиц, как из местной тайги, так и экзотических животных с других земель и континентов. Убухали уйму денег, но как содержать пленное поголовье, не знают, чем и как кормить, не ведают.

Наняли научных сотрудников опять же из соседней страны — России, наняли рабочих и сторожей из местных бичей и

бродяг, потому как люди, знающие себе цену, на нищенскую, мизерную зарплату не идут. Бродяги есть бродяги, пьют, воруют и несут все, что плохо и что хорошо лежит. Воровали и у невольников в нечистых клетках корм — мясо, кости, фрукты, овощи, зелень.

Доглядывали зоопарк наплевательски, животные захудали в клетках, шерсть на них свалилась, повылазила, перо на птицах посекло ветряной болезнью. У волков потух хищно горящий взор, медведи, опершись лапой на прутья клеток, другую лапу высовывали меж этими прутьями, прося подавание, летали и кричали в клетках обезьяны с голыми задками, только гордый бенгальский тигр со спутавшимися, перевившимися меж собой полосами, лежал в углу клетки и накрывал морду лапой, чтобы не видно было его гноящихся глаз, посекавшихся усов и оголившихся зубов в одышливо открытом рту.

И однажды в этом жутком узилище собратьев наших по земле случилось редкое и самое страшное несчастье. Пожар! Варили ль бродяги ворованное мясо, окурочек ли заронили в сено и высохший навоз, но вспыхнул зоопарк разом. Местное пожарное снаряжение давно не проверялось и не работало, городские пожарные пока приехали, не зная, как подступиться к такому вот горящему объекту, толкались подле зоопарка, обзванивая руководящие конторы и службы.

А в клетках в это время ревели заживо сгорающие животные.

На волю их выпустить невозможно, они, с древности боящиеся огня, все почти ошалели, сдвинулись со своего нехитрого ума и сделались опасны для людей города.

Город, проснувшись от неслыханного рева, съезжился, ужас в себе, бежали толпы к зоопарку, и люди тоже что-то кричали.

— Мама! Мама! Тигр плачет.

— Да, плакал тигр, и медведь плакал, схватившись за раскаленные прутья решетки, — рассказывал мне потом пожарный, — слезы по морде текут, во, с мой ноготь величиною, шерсть на гордом загривке льва сперва шаяла, потом взялась смолистым пламенем... Птицы горели, как тетрадные листочки, но дольше всех горели и трубно ревели верблюды. Они и здесь оказались всех животных выносливей, но вот волки, наши саянские волки, выбили дверцу клетки, завязанную веревкой, и ушли незаметно в родимую тайгу, да жирафа с обгорелыми ногами и хвостом тоже плакала и звала кого-то слабым детским бляньем. Ее пришлось достреливать...

Я всегда говорил и здесь повторю, что за животных, за этих братьев наших меньших, на страшном суде людям, всем без исключения, из автономий, из джунглей, из сибирской тайги, будет вынесен отдельный приговор — это мы, люди, приручили

их, сделав рабами, научили их предательству, жрали и жрем тех, кто вскармливает нас, мы, мы сделали их коварными, вселили в них страх и трусость, но обороняться от оружия, железа и огня научить не смогли, не захотели, нам невыгодно это. И вот еще в клетки позагоняли братьев-то, младших-то, для развлечения, чтоб вживе видеть дикую природу, быть ближе к ней.

Что это значит для животных, каков их век, каково им в неволе, люди не задумываются, не хотят тревожить свое нежное сердце.

17 ноября 1999 г.

Я вырос на кромке енисейского берега, черной нахмуренной бровью вдавшегося в реку, среди горных увалов и скалистых разломов, выдавленных грузными перевалами в реку. Дико, красиво, дивно — дух захватывает. Но как подумаешь, каково-то было здесь обживать, осваивать землю и тайгу действительно отважным первопроходцам, так восторг-то и убывает.

Среди таежных красот, в скалах, в камнях, по берегам речек, в распадках, в поймах все цвело, валило, давило друг друга, борясь за существование, пыталось вырваться на волю, к свету. В этой таежной и каменной свалке кроме зверей и птиц водились змеи. Во множестве. Змеи самые безобидные — гадюки серого, черного и пестро-коричневого цвета. Ходили жуткие слухи о какой-то медянке, которая, не дай Бог, укусит, и все, пиши пропало, ни знахарки, ни лекарства не помогут спастись. И тут наверчено-накручено — медянка не что иное, как крупная ящерица, в процессе развития природы утратившая лапки. Ящерки у нас водятся или велись мелкие, шустрые, страсть какие любопытные, а этой самой таинственной медянки никто в глаза не видел.

Однако ж деревенские знатоки и о безобидной медянке, и о гадюке плели такое, что волосы дыбом поднимались. Сейчас уж я и не вспомню все, что из жутких росказней о змеях запало в мою детскую головушку, что я напридумывал сам.

Будто бы однажды, клубком свернувшись, гадюка катилась за мной под гору, и когда я упал, и с меня свалился сапог, она закатилась в него и ждала, подлая, когда я суну ногу в обувь, чтобы сцапать меня за пятку. Иль на огороде было дело, полон я грядку и только раздвинул морковные зеленые прядки, вот она лежит-нежится, да еще и зырится, шипит на меня. Эх я хватанул с огорода и нашел хороший способ

отлынивать от полезного труда, чуть чего и в рев: "Змей бою-уся!"

Надо сказать, что огороды деревенские со второго подгорного посада доходили до самых увалов, упирались в лес, а тут тебе и каменные бычки, и пещеры, и скалистые останцы. В пещеры мы боялись заходить не только потому, что там обитал пещерный домовый весь в мохе, но плодилось и жило там, в потемках, такое количество змей, что и подумать страшно.

Змея наша не очень опасная и совсем не агрессивна, но к вольному житью привыкшая. В деревенских зарослях жалицы, конопля, лопухов, пустырника и прочей дурнины летом вольготно ползали змеи, иногда их выносило на дороги, на улицы, в переулки. Поднимался тогда крик, переполох, змею били нещадно чем попадая, и какой-нибудь парень-отчаяга, бабушка всех их звала коммунистами, подцепив на конец палки безжизненное тело гадюки с разможенной головой, гонялся с нею за детьми-малышами: "Счас акусит. Счас она тебя сцапает!"

Ну и приснится ночью-то на печке этот ужас, с криком подскочишь, торнешься головой об потолок — искры из глаз. Бабушка святой воды попить подаст, лицо оботрет мокрой тряпичей, перекрестит, но все равно страшновато, ведь подлая тварь может и в открытый рот спящему заползти, в зыбку к младенцу влезть погреться, когда и кровь высосать, ей нет никаких препятствий. А еще видели змей каких-то особенно жутких в заброшенной церкви, в гнилом бревне недостроенного сруба, а уж в стайках, у скота, самое милое дело змее в мягком сене иль назъме жить и присасываться к вымени коровы, чтобы молочка теплого попить, вон у соседей наших, юшковских, вчераь корова дверь в стайке вышибла и с ревом понеслась к реке, аж хвост трубой. Отчего, думаете?..

Самое странное, что страхи эти прилипли на всю жизнь, и мало того — они генетически или еще по каким-то органам и каналам передались детям и детям детей. Правда, с приходом прогресса, строительством новых дорог, плотин, с подпором, подтопившим скалистые берега, с бесчисленного количества новых строек змея в нашей местности почти подчистую вывелась, сказывали дачники, что где-то и когда-то видели змею, но она поскорее скрылась с глаз долой. В погибельный век живем, и не только люди, животные, но и тварь ползучая это чувствует, может, и прежде, чем человек, ведь то, что мы считали гадом ползучим, намного древнее нас, земных выскочек и погубителей природы.

Вот так-то со своими привычками дожил я до седых волос, детей вырастил. Живя в Вологде, спускаюсь как-то к мостку через Золотуху и вижу шатры по всему спуску. Приехал московский цирк на гастроли и остановился в лесу, что разросся вольно по берегу древней канавы, всегда полной грязной воды

и в жару дурно пахнущей. Борясь за чистоту природы, местные руководящие дураки начали сводить лес по берегам Золотухи, но, слава Богу, не весь свели, денег не хватило иль разум восторжествовал, тем более что Золотуха как была сточной канавой, таковой и осталась.

Вот на полянке со свежебелеющими пнями и разбросил свои шатры цирк. Гляжу, у входа в один шатер стоит стройный, лохматый парень, и у ног его, в кольца свившись, лежит змея. Агротоманная! Пестрая! Рептилия называется. Лежит, не поднимая головы, вроде как дремлет. Я невольно замедлил шаги. Странновато!

— Чего, дядя, боишься? — ухмыляется парень.

— Боюсь, — говорю, — очень боюсь, еще с детства.

— Ну бздун ты гороховый, дядя, — говорит парень и зовет меня подойти: — да смелее, смелее. Я вынес своего партнера погреться на скупое вологодское солнышко.

— А ты что — укротитель змей?

— Да чего тут укрощать-то? Питон едва шевелится, остыл, замерз. Да иди ты, иди ближе! Фронтоник, судя по орденским колодкам, а вон какой робкий. Ну, я отучу тебя от страха, отучу.

И парень, которого звали мирным именем Гена, пригласил меня на цирковое представление. Я и пришел в большой шатер и пропускал всякие номера циркачей без особого внимания, все ждал “своего” укротителя со змеей.

Народу в цирке до потолка. Безбилетники в проходах толпятся. Рядом со мной баба с маленьким ребенком, как у нее дух займется от потрясающего зрелища, она того ребенка слабеющими руками начинает опускать ниже, ниже, аж почти до полу опустит, спохватится, подкинет дитя до груди, прижмет родимого к себе. Пареван вологодский спит себе, пустышкой чмокает, никакое его зрелище не касается.

Но вот появился и он, укротитель наш. Наряжен под индийского принца во все блестящее, темно-зеленое, тропическое, с красочной чалмой на голове. Ящик принес, окованный, старинный, крышку откинул, а из-под нее змей выползает страшной величины, весь под огнями светится, пятнами переливается. Вологодская публика ахнула и замерла, на всякий случай втихаря отодвинув детей и молодух подальше от арены. Баба, соседка, открыла рот ширше уж некуда — ребенчишка почти выронила.

А змей-то, змей на принца ползет, в кольца его заключает, давить его начинает. Вот-вот задушит и заглотит. И главное, тварина, как и положено змее, в глаза человеку смотрит, гипнотизирует, стало быть, башкой плавно перед лицом качает. Но наш-то, боец-то из таковских, змеиные кольца могучими руками развивает, задавить себя не дает, хотя уж, кажется, вот-вот он и конец человеку, глаза выпучены, качается он, ноги дро-

жат, едва его держат. Но одолел гада человек, одно кольцо ослабил, другое — и повис змей плетью вдоль тела человека. Учитель за горло его схватил, давит так, что змеина спиралью ходит, хвостом по полу бьет, но слабо уж все это делает, изнеможенно.

Уканал змеину человек, на то он и укротитель.

Вологодская публика облегченно вздохнула и, пережив потрясение, наградила укротителя такими аплодисментами, каковые нынешнему укротителю русской публики Филиппу Киркову и не снились, хоть он и наряжается всяко и прыгает по сцене, что бес.

Баба подняла с пола ребенка и, обмерев, ждала еще чего-то, глядя на опустевшую арену.

После представления укротитель сказал:

— Плохо сегодня работал мой Дозик, совсем охладился, едва шевелится. Пришлось мне страсти-ужасти изображать. Кстати, сегодня я его буду кормить. Хочешь посмотреть?

Мы купили бутылку водки, консерву, хлеба и пошли в шатер, где в слабо освещенных клетках нежилась два удава. Один, Дозик, стало быть, в изнеможении возлежал на второй полке клетки, и снизу его грело-нежило несколько могучих электраламп.

Я на всякий случай отсел подальше от клетки, и мы стали выпивать и закусывать. Укротитель Гена рассказывал мне с умилением и любовью о своих подопечных. Стоят эти твари очень дорого, цирк же на хозрасчете, вот и выкручивайся, как хочешь. Ослабленные нашим холодным климатом, болеют питоны часто, один в прошлом году сдох от экскрементов, в которых содержались глисты, у этого вот Дозика недавно болели зубы, зубов же у него полон рот, попробуй, угадай, который болит. Охлаждал рептилию Гена почти до неподвижности и сам больной зуб у змея удалял. А что делать? Родители с натугой собрали, наскребли денег на пакистанского питона и сказали, в последний раз, пусть тебя и твоих артистов содержит государство, раз ты служишь в государственном цирке, мы ж свою задачу выполнили — вырастили тебя, выкормили, уму-разуму научили и на том спасибо скажи, коли не забудешь.

Поздно уже ночью принес Гена белого кролика, и хотя тот сопротивлялся, не хотел идти в клетку к Дозику, он его все же туда впихнул. Сел кролик в клетке поближе к дверце, глазает на свет лампочки. Ему бы вверх посмотреть, на вторую полку. На плацкарте той согрелся и зашевелился удав, как объяснил Гена, уже три месяца не кормленный, начал сползать с полки вниз. Из рта его высунулся язык, раздвоенный на конце, и затрепетал, затрепетал алчно, завораживающе. Гена мне объясняет, что удавы расправляются с жертвами по-разному, чаще всего нападают сверху и сразу же обвивают жертву кольцами,

задушив, начинают заглатывать с головы. Рот у них безразмерный, вроде как резиновый, и они скорее даже не заглатывают, надевают себя на жертву.

Этот же удав Дозик имеет во рту два зуба вроде клыков, загнутых вовнутрь, и, прежде чем задушить кролика, питон должен ударить его зубами, подтянуть к себе, потом уже обвить и задушить.

“О-о, батюшки святы, куда я попал-то!”

Удав крадется к кролику, трепещет, трепещет языком, голове вздымает, вот-вот долбанет его, а тот хоть бы что — сидит, глаза пялит, вроде бы даже и любитесь иль дивуется на невиданную экзотическую скотинку.

Репетиция была захватывающе-долгой, но наконец-то удав молниеносно ударил кроля, он громко, как дитя, укушенное клопом в люльке, заверещал, завозился, не давал себя терзать и душить, бил лапами и... вырвался.

Сидит отдыхивается, и по морде его двумя полосками кровь течет, но тварь-то, тварь в раж вошла, в обход ползет, для второго броска изготавливается, однако и второе нападение не увенчалось успехом. Наш советский кролик не сдавался без боя какой-то твари из буржуйских земель. Более того, он острыми когтями нанес травму голодному удаву, и, заматерившись, Гена выбросил из клетки кролика, тот вмиг ускакал куда-то, а укротитель, вынудив своего артиста из клетки, осматривал его и почти плача утешал:

— Ах, Дозик, ты мой Дозик, повредил тебя олух царя небесного, щечку рассадил, ладно глазик не выцарапал. Ну ничего, ничего, мы погреемся, раздухаримся и завтра его схаваем. Схаваем, схаваем...

При этом Гена гладил тварь ползучую, чем-то смазывал царяпину на его морде, чуть ли не целовал его в липучий, скорбно сжатый рот.

Я, не прощаясь, выпятился из палатки циркача и во все лапки хватанул домой.

Назавтра Гена позвонил мне и сказал, что Дозик-таки доконал и проглотил того глупого кролика и ныне для арены мало пригоден. Он, как русский мужик, в дело годится, на подвиги идет только полуголодный или вовсе голодный. Сегодня выступление укротителя будет со вторым удавом — Бобиком, он более активен и артистичен, хотя хозяин любит все-таки больше Дозика, уж очень он красив, ласков и разумен.

Я поблагодарил Гену за приглашение, но на представление идти не решился, да с тех пор и в цирке-то бывал лишь раза два и старался расспросить у гастролеров, есть ли у них укротитель змей, если есть — не пойду. Страху моего древнего не убыло, пожалуй что и прибыло после того, что я посмотрелся однажды в Вологде.

17-20 ноября 1999 г.

Бродячие собаки, революционно говоря, — зеркало нашей эпохи.

Они живут и плодятся, невзирая на все и всяческие постановления их призрения или истребления. Приспособляемость этих существ к условиям этой самой эпохи поразительна, характерами они похожи на современных русских людей и на хозяев, их когда-то предавших и бросивших.

В новорожденном лесу Академгородка прогуливают аристократа аглицких или каких еще заморских кровей. На ремennom поводке с золотыми наклейками, кормленный мясной вырезкой, следует аристократ неторопливым шагом, полный важности и достоинства. А шпанато подвальная, росту мелкого, окрасу неопределенного, смешанного, среди которой покрупнее рыжий или серый атаман с оторванными ушами, искусанной мордой, храбро выступает вперед и, подняв дыбом шерсть на загривке, люто

рвется к аристократу, чтоб свалить и порвать его на куски. За ним, за отцом-командиром, вся бродячая шпана, среди этой шпанти, судя по окрасу цвета хозяйственного мыла или береговой глины, половина — дети самого атамана. Шайка тоже лютует, тоже шерсть на загривке дыбит, взъерошивает и слаженным хором норовит испугать или объяснить суть жизни со стола кормленному, холеному, с шампунью мытому господину.

Если перевести собачий этот лай на человеческий язык, он выглядеть будет примерно так: “Эшь, эшь, харю-то наел, как у бегемота, прогуляться, оправиться вышел, эвон какую кучищу наворотил с пряников-то да с котлет. А на нас люди прут напраслину, мы, мол, лесок загадили, да нам не с чего, где косточку, где горбушку плесневелую отыщем, мышку выроем, повежет, так шкурку с колбасы, с помоек ведь не сходим, отбросные ящики ревизируем, бывает, когда и упрешь чего в столовке или с магазину — не без этого. Ты бы, харя дворянская, попробовал нашей жизни, голый-то, без шерсти, глазищи-то, злом налить, что мазутом лужи красноярские, а мы из них пьем-лакаем, да еще и лебезим перед хозяевами жизни, лаем, вроде как оберегаем их, да бомжей сторонимся, эти чуть чего и освежают, сварят и обложут за милую душу. И вообще, россияне дорогие от веку держат нас, кошек и ворон, тучами расплодившихся, как главный мясной резерв. Чуть чего — революция у них аль перестройка, не дай Бог, война, нас в харч пускают.

Вот ноне операцию “Вихрь” затеяли, с кавказскими бандформированиями борются, на нас отозвалось. Все подвалы закрыли, окна законопатили. Где нам спастись? Куда подаваться? И постановление за постановлением: истребить, отравить, в

лазареты упрятать бедных собачишек. У людей раздор — нам горе. Тебе-то что, тебе питание, постеля и тепло обеспечены, дрыхай да гавкай с перепугу. У них, у людей, как и у нас, никакого равенства и справедливости отродясь не было, нет и не будет. Как богатые забижали бедных, так и забижают, хвост твой голый скоро отрежут и, ровно плетью, пороть им всех бедных и сирых примутся. Но не ерепенся! И не рычи! Придет наш час, пролетариат гамузом опрокинет тебя, начистим мы те рожу ирландскую, сытую, пасть порвем, кишки выпустим, хозяев твоих в углы загоним, чтоб дрожали, как мы ноне дрожим без приюта и надзора, без подвала и конуры на ветру и морозе. И-ы-х, подлая буржуйская морда, убирайся с глаз долой, не то...”

Аристократ, на то он и аристократ, никакого внимания на пролетарьев не обращает, их революционного гама вроде бы и не слышит. Атаман смелеет, того и гляди, за холку аристократа рванет, шайка его верная тоже зарывается, от родного подвала на опасное расстояние удаляется.

Не выдержал аристократ, рванул поводок, с чугунным буханьем на дыбы встал, что жеребец, пасть оскалил — и эх, как рванул атаман к своей братии, шавки брызнули в разные стороны, прижались к исходным позициям, готовые вмиг занырнуть в подвальные окна, но они вот заколочены, значит, в леса беги или опять же к людям, под их защиту.

С людьми вообще, особливо с жителями крайних домов, у бродяжек радужные отношения. Распределившись по подвалам, когда они были открыты, здесь собачонки жили, попрошайничали, зная в лицо кормильцев своих — ребятишек. Не любят бродяжки стариков и старух, клянущих это отродье за распутство, сдержанно относятся к мужикам, каким-то, уже вновь народившимся в них чувством выделяя среди них пьяниц и охотников, которые, может, хлеба и не дадут, но и не обидят понапрасну.

Перед богачами бродяжки виляют хвостами и уже знают, откуда, из какой машины могут кинуть конфетку, булочку, недоеденный бутерброд. Презирают тех крутых, что норовят их пнуть, задавить колесом, такой хозяин, как в подъезд войдет, шавки непременно поочередно окропят колеса его, тоже аристократической, заморской машины.

Вольная, гулевая орда часто затевает шумные свадьбы. Неделю, когда и две, вокруг того дома, где прижилась сука, бродит, рыскает, пластается в драке, хором и поодиночке лает, визжит, скулит страстью охваченное кодро, захмелелое, дичающее от секса. Ни сна, ни покоя тому дому, проклятье собакам и владельцам, которые их худо досматривают и поголовно не истребляют.

Среди этого собачьего сброда, как и среди людей, есть совсем уж обиженные, презренные, напрочь отвергнутые. Пестренькую сучку с полуоборванными ушками и поросычьим рыльцем, хвостом, приставленным как бы от другой собаки, с метелкой шерсти на конце, всегда полуоблезлую, грязную, и в подвал собратья по

борьбе за выживание не пускали. Она прибилась в крайнем подъезде нашего дома, жмется под лестницей, по углам, спит на подстилке у тех дверей, где ее однажды накормили парнишки, их было двое, выносили они ей кость, старого супу в консервной банке.

Пеструшка этих ребятишек, парней-погодков, из школы дождалась, громким радостным тывканьем встречала, прыгала, норовя в щеку лизнуть, до дверей провожала и, не смея войти в квартиру, стояла у дверей, трепетно дожидаясь подавания.

Но природа упряма и несгибаема. Приосанилась Пеструшка, хвостом завертела, и завихрилась еще одна свадьба в здешней округе, кобелищи даже лагерно-арестантского сословия объявились, здешнего атамана так уделали, что он на трех лапах скакал, издали, сладострастно скуля и облизываясь, празднество наблюдал.

Явилась гулена в подъезд, усмирелая, виноватая перед всеми, благодетелям своим в глаза заглядывает, несмело пищит, прося прощения. Потом исчезла, потерялась, думали насовсем, но она обнаружилась в овраге возле коллективных гаражей.

Сознавая, что за грехи ее тяжкие никто ее не простит и в "дом", стало быть, в подвал, ни в какой собратья по борьбе не пустят, вырыла собачка пещерку в глинистом откосе, под корнями, свесившимися шторкой до земли, и там, в укрытии, принесла четверых щенят. Один тут же умер, мать его к сосцам не подпускала, природным наитием понимая, что четверых детенышей ей не выкормить, троих же вывела хитрая собачка на свет, когда они сделались зрячими и забавными.

Рыская по округе, мать добывала пропитание, ребятишки нашли пеструшкиных детей, тащили им кто что может. Подле пещерки кости голые валяются. Куриные слепые головы, шматок чьей-то кожи, щи и каша мерзлые в банках желтеют, вываленные в земле и снегу куски хлеба Пеструшка уносила под навес и закапывала. Умная, ловкая собачка подняла детей, оформились они, шерстью теплой обросли, характеры разные выявили. Самый храбрый и к людям любезный получился и самый рослый, даже толстый, второй — ни то ни се, пестрая сучонка в маму пошла, подхалимка себе на уме, она опекала младшего братца, который рос трусоватым и все прятался от людей, норку себе в пещере отдельную вырыл.

Однажды поутру едущие из гаражей на машинах мужики увидели мертвую Пеструшку возле хитрой пещеры. Две или три машины остановились.

— Кому-то ж вот понадобилось убивать эту жалкую тварь? Совсем озверел народ, — качали головой мужики.

Здесь же братцы — шефы из нашего дома, их подружки малые, верные друзья-товарищи похоронили бродяжку. Из камешков, из разноцветных, выложили на могиле собаки человеческого крест, из голых еловых веток крест связали.

Эти детеныши человеческие еще могли кого-то и чего-то жалеть, подметили, помнили, может, и по телевизору увидели

что-то из человеческого обряда и, пусть неуклюже, пусть по-детски наивно, выражали за всех нас раскаяние и скорбь.

Старшего, лохматого кобелишку, забрал сторож плодопитомника, сестру и брата брата попытались содержать в подъезде, но на воле, в лесу родившиеся, они не знали никакой дисциплины и обиходу. Выгнали их из подъезда. Сделались они жителями подвала, сроднились с пролетарской братией, однако везде и всюду сестрица руководила братцем, брехливым пустолаем, ленивым ее нахлебником, изрядным пакостником.

Иду я однажды по-за домом, вижу, Пеструшка-сестрица вся обмякла, стоит, хвост и уши опустив, у ног ее братец тешится. Добыл где-то выброшенную пластмассовую куклу, раздел ее, разул и грызет, уж руку сгрыз, исхрумкал, за голову принимается.

Сестрица сраженно поскуливает, одуматься братца просит. Заслышав мои шаги, подняла голову, в глазах слезы, и по-женски горестно, да так понятно запричитала:

— Ое-е-ёоооо! Что же это делается! Он же, паразит, человека ест! Маленькую девочку охминачивает! Ой-е-е-ёоооо!

А тот, пареван-то, справный мурлатый барбос, урчит плотно и грызет, грызет свою жертву, по харе видно, по глазам заметно, озорует он, сестрицу свою, кормилицу милостивую, дразнит, рвет ее слабое женское сердце.

Я поглядел тоненькую, худенькую собачку, плачущую по-человечески, за ушами потрепал:

— Ах ты, собачка, собачка, тебе бы человеком родиться, ты бы сестрой милосердия работать пошла.

И шуранул "людоеда". Он отскочил на безопасное расстояние и залаял на меня, сестрица его, лизнув мою руку, поспешила следом за ним, оглянулась в отдалении, повиляла хвостом, мол, извините нас, неразумных, и исчезла в хвойном лесочке.

22 ноября 1999 г.

Начался декабрь. Смутный, кислый день с мокретью, со слепящим, гноящимся снегом — годовщина битвы под Москвой, перелом в войне, сотворенный сибирскими дивизиями.

В эту пору в Москве и в Подмосковье всегда гнусная погода. Ясно вижу, как мокрые, со сторбленными на спинах шинелями и полушубками, в валенках, проваливаясь в раскисших наметах, по снежным лужам, по грязно расползшимся дорогам, по серо заголившимся пашням идут ребята-сибиряки вперед, в вечность.

Но, может, погода была милостива к войску, и солдатики бойко катились на лыжах по белому, взрывами испятнанному снегу, как показы-

Скорбь

вают в кинохронике. Да в кинохронику-то попал скорей всего один, свежий, стрелковый батальон, наступали же два или три фронта, десятки армий, сотни тысяч бойцов. Всех на кино не заснимешь, да и тот оператор, что снимал, пал на поле боя, и его кинокамеру с заснятой лентой случайно нашли среди сражения.

Сегодня в Москве будут вино пить старые генералы и офицеры, может, и салютик жиденский в небо бросят, высветят на минуту спасенную столицу. По Сибири же будут пить самогонку, где и дешевый, отравный спирт пить еще есть кому, а вот молиться и плакать об убиенных желающих мало.

Истлели косточки молодых парней и сибирских мужиков в подмосковных полях и по подмосковным лесам — раздавило их фундаментами строящихся домов вширь и вдаль раздавшейся столицы, уже не белокаменной, не той, которую грудью загородили русские люди, но какой-то чужой, финдокультяпистой, на гулевую, раскрашенную бабу-давалку похожую.

И вдовы солдатские вымерли по сирым, заброшенным, всеми забытым селам, в сгнивших бараках рабочих поселков, в полуразвалившихся послевоенных, городских соцжилищах.

Лишь небо скорбит, потому как оно вечно, а наши жизни, наши беды и победы, при избиении друг друга, мимолетны, отлетчивы.

Плачь, небо, плачь.

Сегодня умер еще один фронтовик-сибиряк, Михаил Ермолаевич Бахирев, израненный под Москвой, когда-то бывший стройным красавцем, лихим баянистом, нежнейшим художником-пейзажистом, не принятый в местный Союз художников по причине скромности. Умер он в скособоченной избушке, прилепившейся к склону Николаевской горы.

Снаряжали его в последний путь самые милосердные и жалостливые бабы нашего города, из краеведческого музея, да сиротой оставшийся ветхий его брат-погодок. Ни проводить бойца в последний путь, ни похоронить некому — не хочется себя беспокоить, душу травить празднично озабоченным русским людям. Ладно хоть мэр наш, отец и радетель города, разрешил хоронить таких вот покинутых бедолаг за казенный счет. Бог его не забудет, он милосерден, он всевидящ, его милости и память тоже всевечны.

Плачь, небо, плачь обо всех павших и еще живых солдатах.

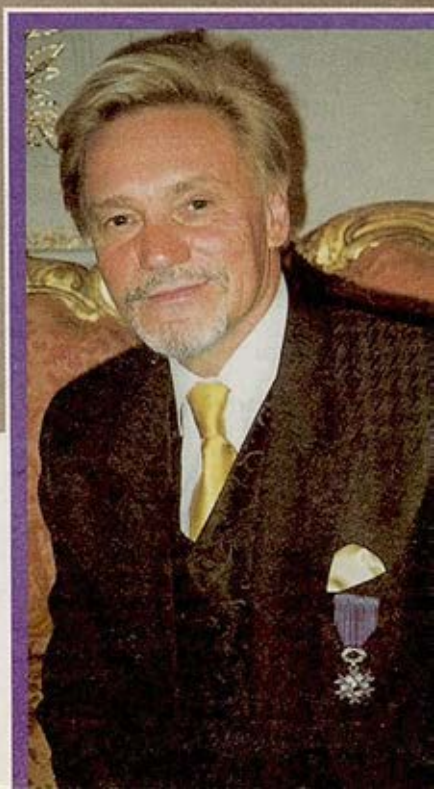
30 декабря 1999 г.

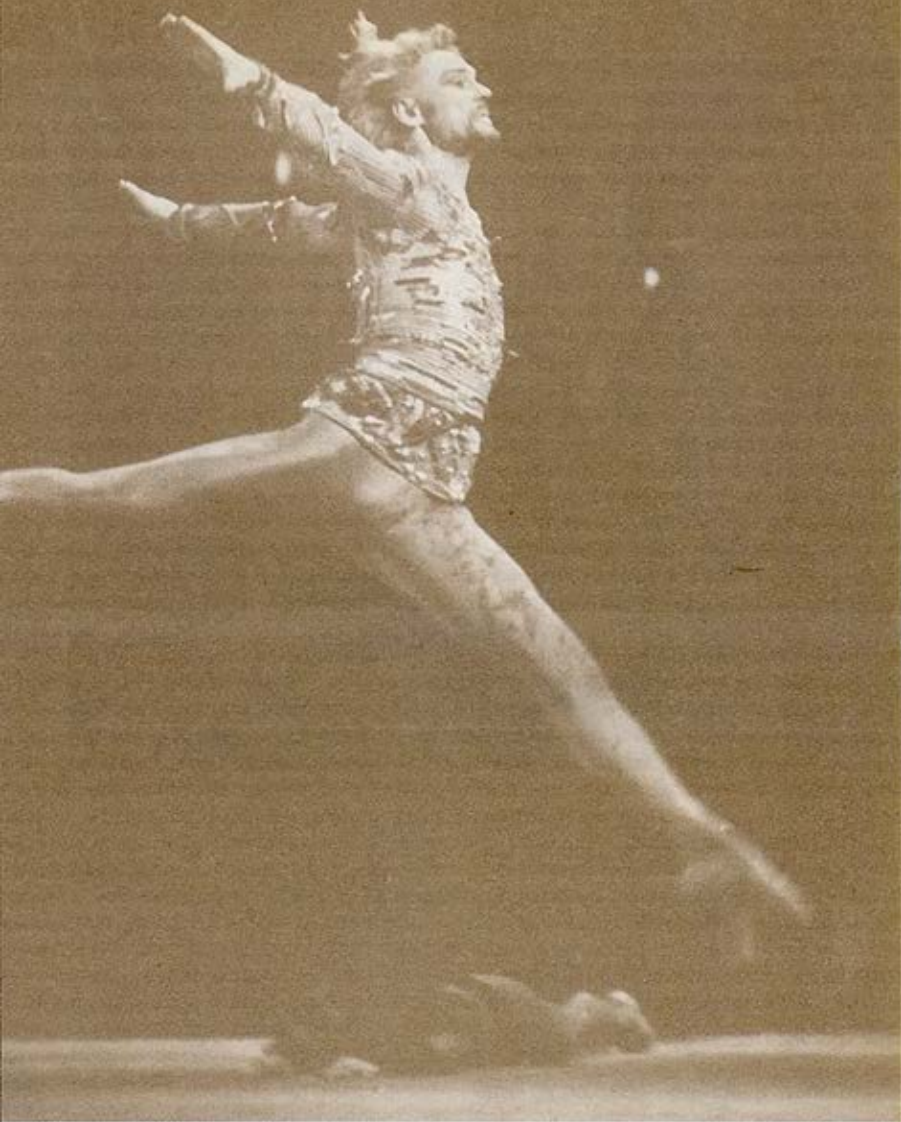
Владимир
ВАСИЛЬЕВ:

“МИР СПАСАЕТ ЛЮБОВЬ”

Владимир Васильев,
отмечающий
в этом месяце
свой 60-летний юбилей,
человек-легенда
в мире хореографии.

“Гений балета”, “русское чудо”, “бог танца”, “танцовщик века № 1”, “корифей балетной сцены”, “супер-звезда Большого Балета”, “великий маг танца”, “непревзойденный колосс мировой хорео-

графии"... — таких превосходных эпитетов и сравнений удостоивался он за истекшие десятилетия в 82 странах мира. В его яркой творческой биографии несть числа всевозможным премиям, при-

зам и наградам. В 1995 году Васильев принял пост художественного руководителя — директора Большого театра, на сцене которого вместе с Екатериной Максимовой творил почти сорок лет.

*Навалер Почетного ордена Франции
"За заслуги".*

Луиза 19

В. Васильев и Е. Максимова.

— Согласие стать руководителем Большого театра я дал не сразу, — рассказывает Васильев. — Долго раздумывал, всякие мысли одолевали меня. Самые близкие люди настойчиво отговаривали от столь ответственного шага. Говорили примерно следующее: "Ты должен понять, на какие испытания и муки идешь, какой тяжелый крест предстоит тебе нести. Будь ты хоть семи пядей во лбу, все равно не получишь признания, потому что найдутся люди, — а их число может быть немалым, — которым ты можешь причинить боль как директор. Они тебе этого не простят. А те, кому ты очень поможешь и многое сделаешь, принесешь тем самым огромную радость,

удовлетворение, забудут об этом сразу, воспринимая твои благие действия как должное, и никогда не поблагодарят за них".

— Трудно было расставаться со сценой?

— Еще как. Профессия директора, да еще такого театра, как Большой, требует совсем иных подходов и в корне отличается от профессии танцовщица. Почему? В спектакле все орудие работает на тебя, и каждый художник-творец занят собой. Директор же должен работать на всех и заниматься всеми. Не всегда и не всякому это удается.

— Наверное, не случайно за годы, прошедшие с Октябрьского переворота 1917 года, в Боль-

шом театре сменилось 24(!) директора. Если взять прошедшее столетие в целом, лишь В. Теляковскому удалось удержаться на посту директора 16 лет — с начала века вплоть до самой революции. Этот "рекорд долголетия" за всю историю ГАБТа до сих пор никем не побит. Если говорить о советском периоде, то, по признанию многих мастеров старшего и среднего поколения театра, лишь Е. Малиновская и М. Чулани оставили о себе добрую память.

— Да, и Малиновская, и Чулани дольше, чем другие, находились у руля этого огромного коллектива. И больше, чем другие, успели сделать для театра, для его

славы, для становления и развития талантов в балете и опере. Но и при Малиновской, и при Чулани не было и долины спокойствия, единения, дружбы в Большом театре. У каждого из работающих здесь всегда было, есть и будет свое личное отношение к тем людям, что стоят во главе. Чаще всего это сопряжено только с одним: насколько директор дает возможность именно тебе ярче всего проявить себя. Никто представить себе не может, насколько сложно управлять знаменитой на весь мир труппой. И я тоже не представлял всей тяжести и сложности задач, которые встали передо мной. Мало всех обеспечить финансово,

творчески, дать людям — а их две с половиной тысячи человек — возможность работать без оглядки на прожитый день, надо ведь еще и подобрать ключи к сердцам личностей, каких в театре много, и все они без исключения считают себя уникальными, ни с чем и ни с кем не сравнимыми явлениями в искусстве. При этом они никогда не будут твоими единомышленниками: у каждого есть свое на все собственное мнение и свои привязанности. Вознесение до небес одного непременно вызовет принижение другого. А возвысить всех и всем дать все — невозможно, это все понимают. Поэтому объединить все личности в одно целое, направить их усилия на соединение, на любовь, на искреннюю дружбу и симпатии друг к другу, без зависти, амбиций, корысти, не задавая самолюбия и честолюбия, — задача невыполнимая. В идеале, конечно, к ее разрешению надо стремиться. Я никогда не думал, что буду сидеть за столом директора ГАБТа с таким ворохом проблем, да еще в такое сложное время, и зная при этом, что деятельность настоящего художника и руководство театром — вещи по сути своей несовместимые. Более того, если художник очень долго остается у власти, его заставит поверить в свою гениальность окружение. Как сказал поэт: "не в том беда, что мыслишь о себе велико, беда, когда поверишь, что и впрямь велик".

— Что самое страшное для театра?

— Творческая немота. Был бы рад, если бы кто-то из известных творческих людей пришел и сказал: "Я так люблю Большой театр, что готов поработать в нем бес-

платно". Однако таких предложений нет. Я устал от постоянного словоблудия великих мира сего, которые распинаются на всех углах о любви к Отечеству, к Большому театру; когда же разговор заходит о конкретном деле, то сразу хотят иметь за это огромные деньги. Я уже столько раз обманывался... А хочется очень многое сделать, ставить то, что задумано, выстрадано, выношено годами.

— Сколько нужно денег, чтобы поставить спектакль?

— Смотря какой. "Дочь фараона", думаю, обойдется тысяч в 800 долларов, "Хованщина" — под миллион. Если сравнивать оперу и балет, то балетные спектакли обходятся дешевле.

— Мы с тобой знакомы уже 30 лет, и за эти годы у меня сложилось впечатление, что тебе комфортнее пребывать в качестве артиста, нежели директора?

— Комфортнее и интереснее. Мне ведь в творческой жизни многое не удалось. Не удалось станцевать ни одного спектакля, после которого мог бы сказать себе: вот сегодня действительно все было потрясающе. В каждой из моих постановок есть то, что не нравится, что сегодня переделал бы. А должность директора — это огромная ответственность и все более бескомпромиссное отношение к себе.

— О чем ты жалеешь?

— Я вообще никогда ни о чем не жалею. Даже не жалею о тех ошибках, которые совершал. Потому что они естественны и я их извиняю.

— Откапывая ошибки, считал Вольтер, теряют время, которое, быть может, употребили бы на открытие истин.

Больше всего мучалось
от однообразия, боясь его,
борясь с ним, а потому
и Вам, дорогие Падугели
мурмане «Смена», темнее
как можно больше
смените впечатлений
и разнообразия в жизни.
Ваш Владимир Васильев

— Совершенно верно подмечено. Нельзя жить без ошибок, нельзя выстроить свою жизнь так, чтобы она текла в русле берегов, тобой задуманных. Обязательно течение поменяет твои планы в связи с непредсказуемостью. Его надо предвидеть, знать, а это не всегда возможно и человеку порой не дано. Я не могу понять людей, которые гордятся тем, что они абсолютно точно следуют выработанному жизненному плану. Я себя веду соответственно изменениям в окружающей жизни и в самом себе. Я из тех людей, для которых обязательно разнообразие.

— Вас с Катей приглашали танцевать едва ли не все крупные театры мира. Зарубежная пресса в захлеб писала о фантастических гонорарах за предлагаемую вам работу. Почему вы не уехали, как другие звезды Большого?

— Можно было работать за рубежом, не меняя Отечества. Но мы выбрали работу в нашем замечательном театре, на сцене, кото-

рая нас воспитала и вывела на орбиту мирового признания. Если бы у меня были какие-то невероятные сложности в творческом отношении или на ниве политики, если бы я чувствовал то давление, которое ощущали на себе Нуриев, Макарова, Барышников, не находя выхода из создавшегося творческого тупика, то, возможно, мы в то время и уехали бы за границу, не теряя, правда, своего подданства. Но на нас с Катей никто никогда не давил, нас не загоняли в угол, когда мы должны были огрызаться или отбиваться от какой-то напасти. Человек должен жить там, где ему хорошо. Плисецкая живет в Мюнхене. Значит, ей там нравится. А нам здесь хорошо. Даже когда в годы триумфа я знал, что у меня на Западе или в Америке будет фешенебельная вилла, свой остров в океане, скопище всевозможных яхт, мне не хотелось ради честолюбия оказаться за рубежом. Сегодня у меня есть все, что необходимо человеку. Есть удобная квар-

тира, дача в Снегирях, отличный дом в живописном местечке Нарыжевка на берегу реки Меры, что в Костромской губернии, там мы с Натей ежегодно летом отдыхаем. Есть три авто — у Кати "Тойота", у меня "Жигули", вездеход "Газ-66".

— И при этом вы дважды с Натей оказывались в кювете?

— Было такое в начале 70-х годов. Сначала на Новгородчине на дорогу неожиданно выскочил лось, я резко затормозил, машину занесло в сторону, а затем отбросило в кювет. Были ушибы и шрамы, но не было никаких жутких переломов и якобы костылей, о которых написали тогда некоторые газеты. Одна публикация даже крест поставила на дальнейшей нашей творческой судьбе, дескать, кругом одни переломы, все кончено, оттанцевали.

Легко отделались и во второй раз, когда ранним утром ехали из Михайловского. Катя — за рулем, я прилег вздремнуть на заднем сиденье. По шоссе навстречу шла машина с прицепом. Прицеп раскочало и он врезался в бок нашего авто. Удар был таким сильным, что мы улетели в болото. К счастью отделались синяками и ссадинами. Лобовое стекло было разбито, а заднее совсем вылетело и через этот проем я вылез сам и вытащил Катю.

— В пору творческого расцвета вашего "золотого дуэта" Катя часто жаловалась на преследующие ее травмы. Дома она была вся в компрессах, примочках, с забинтованными коленками. А тебе по части травм и падений тоже пришлось съесть не один пуд соли?

— Я привык к боли. Два года мучился с мениском в колене.

Помню, на Кубе жуткие боли постоянно преследовали, не давая покоя ни днем, ни ночью. Что оставалось делать? Выходить на сцену — гастрольные спектакли отмене не подлежали. Подобное происходило не раз. И в Штатах, и в Европе, да и в Большом театре. Публика ходила на наши спектакли и ее ожидания нельзя было обмануть. Оба выходили с травмами и танцевали...

— ...а в антрактах ты понуривал "Camel"...

"Ромео и Юлия" Е. Максимова и В. Васильев.

— Я курил 32 года подряд. Пил и пью хорошую водку, однако ни алкоголик, ни наркоман из меня не получился. Здоровье от генетики, от того, что в тебя заложили родители. Я танцевал до 53 лет, в 50 исполнял партию Альберта в "Жизели". Разве, будучи молодым, я мог себе представить, что кто-то сможет танцевать до этих лет? Да такого примера и не было вовсе.

— Были у тебя любимые и нелюбимые роли?

— Не знаю. Вот Голубую Птицу в "Спящей красавице" и Юношу в "Шопениане" не любил танцевать и всегда мучился.

— А роль-мечта?

— Их много, но не было такой — "ой, как жалко, что не станцевал!"

— Сегодня, когда вроде бы полная свобода творчества, наша культура отнюдь не процветает. В чем тут дело? В засильи попсы? Или в естественном замещении прекрасного неким суррогатом.

привнесенным извне? Планка снизилась до такого уровня, что петь, танцевать и сочинять, оказывается, может каждый? Посмотри, сколько развелось на нашей эстраде поющих. Поют все, кому не лень, всерьез претендуя на роль звезды.

— Мне кажется, любое произведение — песня, танец, книга — должно быть выстрадано. Это видимость, что, например, Пушкин творил легко и весело. Он был человеком глубоко страдающим, иначе его строки не находили бы отклик в душе стольких поколений. И вообще, русское национальное искусство всегда шло от сердца к разуму, а не от разума к сердцу, как западное. А массовая культура воздействует скорее на наши инстинкты, на физиологию. Как наркотик. Мы должны переболеть, пережить этот процесс. Думаю, это временное явление. Впрочем, не уверен, что с экранов телевидения, например, исчезнут ставшие традиционными многочисленными потасовки, убийства, мордобой, насилие, секс, что, конечно, не украшает нашу национальную духовность, но служит отражением сегодняшнего дня.

— Скажи, пожалуйста, ты счастливый человек?

— Думаю, что да, в определенной мере счастливый. Вопрос только — по сравнению с чем или с кем? Если считать за счастье чувство и состояние полного удовлетворения в жизни, творчестве, то его нет и быть не может, как нет и полного, всеобъемлющего определения, что такое счастье.

Счастье есть лишь мечта, считал Вольтер. Пьер Буаст, французский лексикограф и философ,

большой специалист в области афоризма, вообще отказывался от многообразного определения счастья, которое ему вовсе не знакомо.

— Зато Густав Флобер определил три условия, необходимые для того, чтобы быть счастливым — быть дураком, эгоистом и обладать хорошим здоровьем. И если первого из них не хватает, то остальные бесполезны. Но это так, между прочим. Помимо твоего 60-летия у вас с Натей еще один юбилей — 40 лет семейной жизни. Когда вы ссоритесь, кто первый идет навстречу?

— Я. Я легко вскипаю и так же легко отхожу. Ната наоборот. Она может долго терпеть и если взрывается, то надолго.

— Вот поистине пример торжества гегелевского принципа единства противоположностей.

— Я бы еще добавил: и торжества компромиссов. Потому что жить вместе — это уже компромисс. Ни один долгий брак не бывает беспечен, одинаков, бесконечно превосходит во всех отношениях. И мы не исключение. Считается, что разлука уносит любовь. Я же думаю, что разлуки обязательно нужны. В первое время, например, я часто уезжал. Важно с самого начала делать то, что необходимо для тебя. Если жена или муж привыкают, что каждому из них нужны какие-то дни, чтобы побыть одному, это не значит, что он или она обязательно кем-то увлечены. Но я не отрицаю, что не влюблялся. Влюблялся и довольно часто. Я очень ценю красоту прекрасной половины человечества, женственность, мягкость, доброту в сочетании с умом.

— А в мужчине что тебе ближе?

— Твердость, физическая сила в гармонии с нравственным началом. Рассудительность, немногословность. Хитрых, расчетливых просто терпеть не могу.

— И, наконец, последний вопрос. Как думаешь, красота спа-

сет мир, как мыслил Достоевский?

— Красота спасает мир постоянно. И еще **спасает мир любовь**. Только ею, любовью, держится и движется жизнь. В ком нет любви, в том ничего нет, говаривал Виктор Гюго. И был прав. ■

Беседу вел

Юрий БЕСПАЛОВ.

На репетиции.

Академия рыцарей

Любовь РУСЕВА

рисунок Геннадия Новожилова

16 февраля 1907 года.

С раннего утра ярко светит солнце, в воздухе пахнет весной. Кадеты направились в Петропавловскую крепость, где возлагают венок на гробницу державной основательнице корпуса и поклоняются ее праху.

12 часов. Перед дворцом светлейшего князя Меншикова собралась огромная толпа зрителей. На набережной Невы в полном составе выстраивается Кадетский корпус. Грянул выстрел пушки с Петропавловской крепости.

— На караул!

Оркестр заиграл “Встречу”. Из дворца показались кадеты со святынями: они выносят пять зачехленных старинных знамен. В эту торжественную минуту все замерли. Публика, стоявшая на тротуарах, из уважения к приближающимся святыням обнажила головы. Под звуки “Малороссийского марша”, чеканя шаг в ритм барабанного боя, ровными стройными рядами кадеты двинулись к Царскосельскому вокзалу. Петербуржцы с восхищением провожают их взглядом.

17 февраля 1907 года.

Сегодня, в день 175-летия кадетского корпуса, на 11 часов назначен императорский смотр. Корпус выстроился в манеже. На фоне однородного темного строя кадет резко выделяется отдельный строй в пестрых костюмах — исторических формах корпуса. Во главе них стоит красавец-полковник Иванов. “Орлом смотрит наш воспитатель Федор Степанович, — писали кадеты после юбилея в своих сочинениях, — облаченный в пышную одежду “времен промчавшихся императрицы Анны”, в ярко-зеленый, богато вышитый золотом мундир, белый камзол с широким шарфом через плечо. Трудно узнать его без усов под белым париком и в треугольной шляпе...”

— Государь приехал, — пронесся краткий шепот.

Без команды стали выравниваться, смахивать пылинки, едва заметные для глаз. Затаили дыхание, мертвая тишина водворилась в манеже.

Император идет вдоль линии фронта, приветствуя и поздравляя с юбилеем каждую роту. “Не знаю, как другие, но я чувствовал в этот миг какой-то подъем сил и сознания своих будущих обязанностей. Все это наполнило мою душу истинной и неподдельной верностью Царю и Отечеству”.

Водворилась тишина, обнажились головы — началось молебствие. По окончании Николай Александрович подошел к царской ложе, принял на руки малютку Наследника Цесаревича и вторично обошел линию фронта. “Это был самый торжественный, самый лучший момент всех наших празднеств. Многие плакали, глядя на нашего Монарха и на прелестного малютку Наследника, обнявшего своего Державного отца”.

Царь остановился перед 1-й и 2-й ротами.

— В течение 175 лет существования своего 1-й кадетский корпус дал много сотен честных, верных и преданных слуг Престола и России, и во все войны многие из бывших кадет 1-го корпуса сложили свои головы за славу Родины и верность Царям. Я уверен, что святые заветы, существовавшие с самого начала корпуса, останутся незабываемыми и среди будущих его питомцев. Для того, чтобы восстановить утраченное, когда шефом корпуса был мой прадед император Николай Первый, я принимаю на себя шефство над 1-м кадетским корпусом и желаю, чтобы моя рота, в память прадеда, отныне носила на погонах вензель императора Николая Первого. Уверен, что и сыну моему вы послужите так же верно, как служили предкам моим отцы, деды и прадеды ваши.

“Как перед грозой бывает затишье, так и после речи Государя мы стояли секунду молча, вдыхая в себя воздух. Но вдруг сразу раздалось могучее и звучное “ура!”

Императорская фамилия осталась довольной парадом кадет.

— Мои кадеты, благодарю вас за блестящий парад!

— Рады стараться, ваше императорское величество!

— Нашему державному шефу государю императору ура! — провозгласил начальник корпуса генерал-майор Григорьев.

Еще дружнее, еще громче покатилося “ура”. Раскаты молодых голосов и звуки гимна долго не умолкали, хотя государь и государыни отбыли во дворец. Кадетам был дан завтрак в Екатерининской зале.

И снова торжественное шествие кадет по улицам Петербурга — на этот раз кадеты шли с распущенными знаменами.

18 февраля 1907 года.

Празднично смотрятся лестницы и коридоры корпуса, украшенные цветами, бюстами и флагами. Гости воочию убеждаются, насколько талантливы юные рыцари, превратившие свои залы в экзотические уголки.

Прохладительными напитками и мороженым можно угощаться в зале 4-й роты, который кадеты 7 класса превратили в пышный древний великокняжеский терем. Стены покрыты старинной русской живописью, а в простенках — портреты великих князей и царей — родоначальников дома Романовых. Сводчатые потолки, резные колонны, решетчатые окна переносят в седую старину. А вот уютно расположилась в углу удивительной красоты пестрая изразцовая печь.

Хотите отдохнуть в зимнем саду? Милости просим в зал, где при входе стоит столбик с объявлением “Собак не водить, деревьев не ломать и по траве не ходить”. Старанием кудесников-кадет в два дня выросла еловая роща, распространяющая смолистый аромат. Ельник залит мягким, голубоватым лунным светом. Прихотливо извивающиеся дорожки ведут к мостику, перекинутому через пруд, где плавают золотые рыбки. Для заядлых рыбаков на всякий случай прибита дощечка с надписью: “Просят рыб не ловить”. В глубине лесной чащи, на скале, гордо сидит хищ-

ный коршун, а внизу среди камней, выслеживая добычу, притаилась рыжая лисица. Невдалеке сквозь заросли мерцает красное пламя костра, разведенного охотниками. На лужайках зацвели душистые гиацинты, а рядом скамеечки, которые так и манят к себе. Посиди, отдохни в лесной тиши и прохладе.

Отдохнули, развлеклись, пора и на концерт — здесь чудо продолжается. Перед зрителем чередой проходят величавые образы славных питомцев корпуса. “Историческая хроника” живо воскрешает прошлое Рыцарской Академии: пестрой вереницей разворачивались одна за другой картины давно минувших дней.

— Ваше императорское величество, граф Ягужинский подал зело важную мысль: учредить корпус, кой мог бы готовить сведущих офицеров для армии. На сей день, почитай, все почетные должности занимают иноземцы. Сие обидно природным россиянам.

— Так ведь мало кто из русских дворян приобрел необходимые для того познания: одни по неимению способов, другие по закоренелой привязанности к старинным предрассудкам и обычаям, — перебила Миниха царица.

— Дабы неимущие могли обучаться, должно сей корпус учредить, и обучать в нем не токмо военным наукам, но и гражданским. Державе не меньше нужно политическое и гражданское обучение.

Анна Иоанновна одобрила доклад Миниха. Открытие корпуса состоялось 17 февраля 1732 года, а 14 июля, когда уже собралось 352 кадета, последовало открытие классов, названных *Рыцарской Академией*. В этом же году пожаловано было первое знамя. Так в России появилось высшее учебное заведение, которое было одновременно и военным и гражданским, и которое стало очагом новой русской культуры. “Рассадником великих людей” назовет Рыцарскую Академию Екатерина Великая.

Начальником ее назначен был сам граф Миних, а директором или подполковником — знаменитый строитель дока в Кронштадте генерал-майор фон Люберас. Миних исходатайствовал для корпуса большой каменный дом с садом, красивой оранжереей и многочисленными службами на Васильевском острове, принадлежавший ранее князю Меншикову. До постройки Зимнего дворца этот дом был самым большим и красивым в Петербурге.

Граф Миних и барон Люберас неусыпно заботились о новом заведении. Барон жил при корпусе и был неотлучно с кадетами, в их спальнях, классах, во время обеда, ужина. Он строго наблюдал за нравственностью и прилежанием воспитанников.

В корпус принимали дворянских мальчиков от 13 до 18 лет. Кадеты обучались закону Божьему и геральдике, чистописанию и рисованию, русскому, немецкому, французскому и латинскому языкам; географии и истории, риторике и морали, физике и математике, астрономии и механике, архитектуре и юриспруденции,

артиллерии и фортификации, фехтованию, музыке и танцам, верховой езде и вольтижировке.

Режим в Академии был жестким: подъем в 4.45 часов утра, в 5.30 — молитва и завтрак, уроки начинались в 6.00, с 10 до 12 — занимались строем, в 12 часов — обед, с 14 до 16 — снова уроки, с 16 до 18 — строй, в 19.30 — ужин и в 21 час — отбой.

По воскресеньям и праздничным дням кадеты ходили “с парадом” в церковь, а по окончании литургии лучшие 15-20 человек из каждой роты получали увольнительную. Эти кадеты вне корпуса должны были достойно себя вести, строго соблюдать установленную форму и отдавать честь не только офицерам, но и всем знатным кавалерам и дамам. Малейшее нарушение этих правил строго наказывалось. Кроме того, по воскресеньям по одному кадету из роты становились ординарцами фельдмаршала Миниха. Те, кто удостоивался этой чести, предварительно посылались к танцмейстеру учиться, как к начальнику подходить и ему “компимент делать”.

Сохранились любопытные воспоминания иностранцев, посещавших Рыцарскую Академию при императрице Анне Иоанновне. “Сейчас во дворце Академии ... 400 кадет, сыновей знатных дворян страны, — пишет Фрэнсис Дэшвуд, — кадет учат там обращению с оружием и всем прочим традиционным наукам. В военном деле они упражняются по прусскому образцу. Я видел, как 80 человек в 4 шеренги обучались ручным приемам с оружием и стрельбе, выказав большое умение. Кадеты живут и питаются в этом дворце, и их содержат в строгой дисциплине...”. “... Офицеры строго надзирают за всем этим занятием, — писал Карл Рейнхольд Берк, — наказывая провинившихся, смотря по их проступкам, арестом, фухтелями, выставлением к позорному столбу, сидением на острой кровельке, поставленной на оружейный запал... Фухтелями наказывают в столовой в присутствии всех. Учителя фехтования и танцев показали мне парнями знающими свое дело, а вот учитель письма обучал мелкому почерку с многочисленными безвкусными хвостиками и печатными буквами. Учитель рисования — то же самое, он учил юношей мазать красками, сам хорошо не владея рисунком... Чтобы обучение шло как можно успешнее, ни у кого на уроке нет больше 16 кадет. Чем слабее кадет в своих предметах, тем меньше видов упражнений и больше уроков по каждому предмету получает он в неделю... Я, проходя с майором по классам, с величайшим удовольствием наблюдал, как любовно обращается он с этими чудесными юношами. Он называет их по титулу — князь, граф, барон, или, если это просто дворяне, юнкер... Комнаты чистые, опрятные. Едят все в большом зале, получая три добрых блюда в обед, два на ужин... Для провинившихся, кто слишком мал, чтобы выдержать удары шпагой, есть штрафной стол, накрытый мешковиной. На него в деревянной чашке ставят разломанный хлеб, соль и кружку с водой...”

Если вначале среди учителей были и несведущие, то им под-
стать были и некоторые кадеты. В 1761 году был выпущен “Имен-
ной список” кадет, поступивших в первые годы в Рыцарскую
Академию. Среди кратких характеристик встречаются такие: “...
за непонятием немецкого языка, також геометрии обучаться не
мог, умеет немного арифметике, рисует ландшафт, обучился вер-
ховой езде, фехтованию, танцу”.

Но в это же время учились мальчики, прославившие впослед-
ствии свое Отечество на разных поприщах. Среди них создатель
русского театра и трагедии Сумароков, победитель Юсуфа князь
Репнин, покоритель Бендер граф Панин, граф Каменский, являв-
вшийся, по словам Фридриха Великого, лучшим европейским так-
тиком, создатель легкой конницы князь Прозоровский, Хера-
сков — творец “Россияды”, драматург Озеров, будущий фельд-
маршал Румянцев-Задунайский, блестящий дипломат Обресков
и многие другие.

В зависимости от успешности окончания курса из Академии
выпускали поручиками, подпоручиками, сержантами, капрала-
ми, рядовыми. Выпускные экзамены принимали представители
Сената, Военной коллегии и Академии наук.

Новой вехой в истории Рыцарской Академии стало царствова-
ние дочери Петра Великого. Академия фактически стала частью
Двора. С 1743 года, когда появился морской кадетский корпус,
Рыцарская Академия стала именоваться *Сухонутным кадет-*
ским корпусом.

19 февраля 1750 года главным начальником корпуса был на-
значен действительный тайный советник князь Юсупов, образо-
ванный человек и меценат. Князь удалил неспособных чиновни-
ков, улучшил содержание кадет, ввел лучший порядок в препода-
вание наук, приказал при ротах вести списки штрафных воспи-
танников, узнавал отличившихся по наукам и поведению. Его у-
правление корпусом примечательно многими обстоятельствами. В
1756 году 68 выпускников корпуса отправлены в главную Меже-
вую Канцелярию для черчения карт и межевания земель. В 1757
году стараниями князя состоялся указ об учреждении при корпу-
се типографии. Большое внимание Юсупов уделял литературе и
искусству. В последний год его правления группа учащихся и
офицеров корпуса предприняли издание первого в России худо-
жественно-литературного журнала “Праздное время, в пользу
употребленное”, в котором сотрудничали лучшие русские писате-
ли и поэты.

В период правления Елизаветы Петровны среди кадет пробу-
дился живейший интерес к литературе. Они создали “Общество
любителей российской словесности”. Члены общества собирались
вместе, читали друг другу свои сочинения, переводы. Завсегдата-
ем его был и бывший выпускник корпуса Александр Петрович
Сумароков. Товарищи Сумарокова и кадеты с удовольствием дек-
ламировали его стихи, потом перешли к представлению его коме-

дий и трагедий. Спектакли стали любимым увеселением кадет в течение многих лет.

Как-то в присутствии автора кадеты прекрасно сыграли трагедию "Хорев". Это дошло до императрицы, которая велела представить трагедию во дворце. До того времени при русском дворе находились только итальянские и немецкие актеры. Представление состоялось на Святках 1749 года. Главные роли исполняли кадеты Петр Мелиссино (впоследствии генерал-поручик и директор второго кадетского корпуса), Петр Свистунов (сенатор, писатель и переводчик Мольера) и Никита Бекетов (генерал-поручик).

Елизавета Петровна велела выдать из царской кладовой богатые одежды и собственными руками убирала Свистунова, игравшего роль Оснельды. Успех превзошел все ожидания. Сумароков, уже офицер, был предметом общих похвал. После этого кадеты часто давали представления в корпусе и во дворце.

Сумароков настойчиво хлопотал о создании профессионального русского театра. В Петербург с этой целью выписывают для русской труппы актеров из Ярославля, но театр был создан не сразу. После первых успешных представлений труппы братьев Волковых актеров помещают в Корпус для получения образования. Сценическому мастерству их обучали оставленные при корпусе офицеры: Свистунов, Мелиссино и Остервальда. Вскоре императрица повелела открыть русский театр, и первым директором его стал Сумароков.

Первые русские балеты давались также кадетами под руководством корпусного танцмейстера Ланде. Таким образом, Первый кадетский корпус — колыбель славы многих героев и знаменитых мужей — стал *колыбелью русского театра и балета, русской художественно-литературной журналистики*.

Бывали в корпусе и карусели, на которых кадеты демонстрировали проворство и ловкость в присутствии государыни и большого количества зрителей.

Разделяя забавы кадет и ободряя их склонность к драматическому искусству, Елизавета Петровна не упускала из виду главной цели их воспитания. Из Петербургской крепости им отдали несколько пушек, а в саду устроены ими же самими небольшие земляные укрепления, которые они постоянно или обороняли или атаковали. По ее воле некоторые ученики были определены в Коллегию Иностранных дел для изучения языков не только европейских, но и восточных.

12 февраля 1759 года вместо умирающего князя Юсупова главным директором назначен великий князь Петр Федорович. Это событие — большой знак внимания правительства к корпусу. Склонный к военщине, и мечтая о военной реформе, наследник проводил с кадетами большую часть своего времени. Он присутствовал при их занятиях и играх, познакомился с каждым воспитанником и добился для корпуса многих значительных выгод. Великий князь улучшает быт кадет, добивается бесплатного от-

пуска артиллерийских боеприпасов для учений, учреждает при корпусе публичную аптеку, его стараниями типография стала печатать военную и художественную литературу на русском, французском и немецком языках.

Из-за отсутствия подробного географического описания России в 1760 году на кадет был возложен этот труд. В этом же году Петр Федорович добился нового штата. Кадеты разделились на 5 рот: гренадерская, конная и три мушкетерские. Для снабжения армии мастеровыми наследник повелел обучать при корпусе 150 солдатских и мещанских детей.

В 1762 году корпус посетил его основатель — граф Миних. При виде нового поколения кадет, воздающих воинские почести основателю корпуса, фельдмаршал был растроган до слез. Мысль, что заведение, доставившее государству столько полезных людей, обязано своим существованием ему, тешила знаменитого старца.

Именным указом Сенату 7 марта 1765 года императрица Екатерина II приняла корпус под непосредственное свое ведение. Управление возложено было на генерал-поручика Бецкого, который на началах гуманных идей французских философов составил новый «Устав для Сухопутного Кадетского Корпуса». Этим Уставом ставилась цель совершенно перевоспитать целые поколения. С утверждением этого устава в 1766 году корпус стал именоваться *Императорским шляхетным кадетским корпусом*.

Вместо деления на роты кадеты были разделены на пять возрастов. К приему допускались только маленькие дети, начиная с 5-6 летнего возраста, и пребывание их в корпусе длилось 15 лет. Самые младшие были подчинены женскому надзору. 4-му возрасту предоставлялось право выбора готовить себя для военной или для гражданской службы. Увольнение кадетов со двора было вовсе прекращено. Кадеты, получившие золотые медали на выпускных экзаменах, могли на казенный счет путешествовать в чужих краях три года с целью дальнейшего самообразования.

Блистательной эпохой в истории Корпуса явилось семилетнее правление родственника Екатерины II — графа Федора Евстафьевича Ангальта. Питомцы называли это время золотым веком истории их alma mater. В период его правления образование было поставлено очень высоко. Кадетам преподавали прославленные академики и профессора. Граф поставил корпус на такую высоту, что он сделался одним из лучших учебных заведений не только в России, но и во всей Европе.

Федор Евстафьевич был оригинальным человеком. Высокого роста, стройный, он носил зеленый мундир с простыми обшлагами, белые суконные панталоны и ботфорты с одной шпорой. Такая странная привычка была связана с Семилетней войной. Както граф был вызван к прусскому королю и в спешке не успел надеть вторую шпору. Вдали от Отечества, чуждый всякого честолюбия, холостой граф обрел в корпусе свою семью. Все душевные

силы и все свое время он отдавал питомцам. Федор Евстафьевич был предельно строг к себе и очень снисходителен к воспитанникам. Он всегда приезжал в корпус в пятом часу и сам будил кадет:

— Вставайте, дети мои.

Никакая погода не останавливала графа, и случалось, что по только что вставшему на Неве льду он первым переходил реку, спеша в любимый корпус. Как-то Федор Евстафьевич в четыре часа утра подъехал к Исаакиевскому мосту. Карету его остановил пристав, так как мост был разведен для пропуска кораблей с товаром. По установленному расписанию это должно было происходить двумя часами раньше. Ангальт подозвал пристава и попросил его пропустить карету.

— Не можно! — грубо ответил офицер.

— Не можно?

Граф показал офицеру трость с императорским гербом — знак дежурного генерал-адъютанта. Эта трость являлась беспрепятственным пропуском, ее владельца никто не мог задержать.

— Ах, можно! Опускай мост! — заорал перепуганный офицер.

Добродушный генерал сжалился над ним и облегчил хлопоты, он отпустил карету, попросил настелить доски и по ним перешел.

Не только воспитанники корпуса, но и все петербуржцы полюбили Ангальта. Гвардейцы караула во дворце радовались его дежурству. Обходя ряды, он приветливо со всеми разговаривал. Однажды граф спросил рядового:

— Женат ли ты?

— Холост.

— А много ли у тебя детей?

— Шесть человек, ваше сиятельство, — спохватился часовой.

Граф дал ему 50 рублей, а вернувшись домой, отыскал в словаре слово “холостой” и понял, что его провели.

— Любезные дети, я вчера заплатил за невежество мое 50 рублей, и очень рад. Старшего Катона упрекали за то, что он на восьмидесятом году принялся за греческую азбуку; тот отвечал: “Лучше быть старым учеником, нежели старым невеждой”. Я не только не стыжусь быть учеником в русском языке, но почитаю это учение укреплением моей памяти. Укрепляйте сколько возможно вашу память: без нее слабы все другие способности ума. Вот почему древние называли муз богинями памяти. Фридрих II затверживал каждый день по двадцати стихов. Подражайте его примеру. Тело требует своей пищи, а ум своей. Огонь гаснет, если под него чего-нибудь не подложат; гаснет душа, если мысль дремлет в праздности. От праздности до порока один шаг. Мне нравятся русские пословицы: “век живи, век учись” и “без труда нет плода”. Вы в корпусе учитесь, а вышед из него, доучивайтесь.

Ангальт сохранил внутреннюю организацию корпуса и основное внимание уделил нравственному воспитанию кадет. В его время розга была редкостью. Добрый Федор Евстафьевич относился к шалостям и даже проступкам питомцев с большой снисходи-

тельностью. Он никогда не разыскивал виновного, а созывал кадет, говорил им об обязанностях и правах человека.

— Я не желаю даже знать того, кто сделал дурно, кто пятнает звание кадета и свое доброе имя.

Его речи возбуждали в кадетах слезы, и они сами расправлялись с виновными. Граф обходился с питомцами как попечительный отец, наставляя их, и умел действовать на их чувства. “Дети мои! Любезные дети! Товарищи! Любезные товарищи!” — были обычными его обращениями.

Поучения заключались в усвоении начал добродетелей, любви к человеку, к изживанию лжи, к постоянному усовершенствованию себя учением.

— Читайте историю, любезные дети, не обольщайтесь пустым блеском, старайтесь различать подлинную славу от ложной, — наставлял граф.

Чаще всего вместо поучений Ангальт рассказывал нравоучительные сказки и притчи. Граф придумал особые тетради, куда воспитанники обязаны были записывать понравившиеся мысли из книг и свои рассуждения по поводу прочитанного. Ангальт внимательно все прочитывал и записывал свои соображения. Лучшие тетради переплетались. От этого времени в музее корпуса сохранилось 369 рукописных томов на русском, немецком и французском языках.

Большое внимание Федор Евстафьевич уделял и физическому развитию кадет. В результате питомцы его красовались в езде на манежах, были замечательными борцами, вольтижерами, всегда брали призы на гимнастических состязаниях, искусно плавали, мастерски бились на рапирах и танцевали.

Во время войны со Швецией в 1788-89 годах значительное число воспитанников было выпущено из корпуса во флот, большая часть — в гребную флотилию, которая успешно действовала в эту войну. Кадеты заслужили похвалу, и многие остались во флоте, некоторые стали флагманами. На выпуске граф напутствовал своих воспитанников:

— Прощайте, дети мои, прощайте, милые дети! Во время мира живите, как добрые кадеты, во время войны — как храбрые воины. Приблизьтесь ко мне, примите в последний раз отеческий поцелуй. Еще несколько слов: помните, друзья мои, прошу вас, помните всегда, что наиболее надлежит страшиться четверых неприятелей. Без сомнения, вы помните, что говорил я о неприятелях нравственных; я уверен, что противу неприятелей политических вы выставите грудь с важностью и неустрашимостью. Неприятели же нравственные, могущие встретиться на пути вашей жизни, суть: вино, азартные игры, леность и гнуснейший и отвратительнейший из всех пороков, рождающий стыд и беспорядок между родными и в обществе благородных людей, — ложь. Сверх того, не забывайте признательности, каковою должны вы Императрице. Благоговейте к храму... Прощайте.

За два дня до своей кончины больной Федор Евстафьевич посетил корпус. Бледный, медленными шагами он обходил сад, беседовал с кадетами.

— Слабеет тело мое, но не душа. Вы, мои любезные дети и друзья, всегда были в ней, и она никогда не расстанется с вами.

Улицы, по которым везли тело этого замечательного педагога на Волково кладбище, были запружены людьми, петербуржцы заполнили крыши домов и балконы.

— Он был отцом кадет.

— Он был и нашим отцом, — слышалось в толпе.

Только после смерти графа открылось, что он все средства, в том числе и богатейшие подарки императрицы, тратил на помощь нуждающимся. С утра до отъезда в корпус Ангальт посылал своего камердинера справляться о всех бедных и больных той части города, где жил. По вечерам посылал к ним пособие от неизвестного. Два раза в год он выкупал по 3 человека из долговой тюрьмы, уплатив за них по 300 рублей.

Память о нем жила до преобразования корпуса. Легенды, предания, анекдоты о нем и самое имя его передавалось с величайшим уважением от одного поколения к другому.

На место умершего Ангальта директором был назначен Михаил Илларионович Кутузов. Полководец, приехав в корпус, молча прошелся по залам и остановился у скульптуры Марса.

— Ваше высокопревосходительство, в лице графа Ангальта мы лишились нашего отца, но мы надеемся, что и вы с отеческим чувством примете нас к своему сердцу, — обратился от имени воспитанников один из кадет. — Душа и мысль графа жила для нас, и благодарность запечатлела в душах наших любовь его к нам. На полях битв слава увенчала вас лаврами, а здесь любовь ваша к нам будет одушевлять нас такою же признательностью, какую питали мы к прежнему нашему отцу.

— Граф Ангальт обходился с вами как с детьми, а я буду обходиться с вами, как с солдатами, — мрачно произнес Кутузов.

Генерал-поручик Голенищев-Кутузов учредил при корпусе и сам преподавал класс тактики не только для кадет, но и для офицеров. Чертежи он поручал выполнять кадетам и преимущественно будущему герою войны 1812 года Барклаю-де-Толли.

С воцарением Павла корпус получил военную организацию. До этого кадеты делились на возрасты, а каждый возраст на камеры, по 20 человек в каждой. При них состояли гувернеры из иностранцев (аббаты), французы и немцы. Они неотлучно находились при кадетах и даже спали с ними. Гувернеры дежурили по две недели подряд, и кадеты говорили на том языке, какой национальности был дежурный. Павел уволил аббатов и заменил их офицерами. Возрастные отделения заменились ротами. Император в очередной раз изменил название этого славного учебного заведения. В 1800 году ему повелено было именоваться *Первым кадетским корпусом*.

В 1798 году главным начальником корпуса стал великий князь Константин Павлович. До 1812 года он почти неотлучно находился при корпусе, но война, а затем назначение наместником Польского царства отвлекли его.

Александр I корпусом не занимался, поэтому все зависело от личности директора. С 1801 года по 1820 год директором был генерал Клингер. По внешности и характеру он был угрюм, суров и внушал страх. Он никогда не говорил с кадетами, в корпусе царил розга. Последствием этого режима стали грубость и жестокость воспитанников. На смену ему пришел Пекарский — полная противоположность генералу. Умный, образованный Пекарский был воспитанником графа Ангальта и, следовательно, враг жестоких мер. Двенадцатилетнее его правление вернуло высокий нравственный уровень рыцарям.

В 1832 году торжественно праздновалось столетие корпуса. За это время Рыцарскую Академию закончило 6.388 человек. В связи с юбилеем была пожалована Андреевская лента на знамя корпуса с юбилейной надписью: "17 февраля 1732 года — 17 февраля 1832 года". На парад император прибыл в сопровождении блестящей свиты в мундире корпуса, чем вызвал неопишуемый восторг кадет. Он лично командовал парадом.

После парада и литургии кадетам был дан праздничный обед в Зимнем дворце, вечером в Эрмитаже воспитанникам показали спектакль. Возвращаясь домой, кадеты увидели свой корпус, освещенный тысячами огней. Это была самая великолепная иллюминация того времени.

Александр II, подобно Александру I, лично не занимался кадетами. Вместо него корпусом руководил генерал-адъютант Ростовцев, который занимал должность начальника штаба его императорского величества по военно-учебным заведениям. Кроме того, Ростовцев был председателем редакционной комиссии по освобождению крестьян. Он избрал местом заседаний этой комиссии один из залов корпуса. Яков Иванович не успел увидеть плоды своей деятельности — он скончался за две недели до отмены крепостного права.

Реформы царя-освободителя отразились и на корпусе. Любопытно, что именно в правление царей-либералов (Александра I и Александра II) наступили черные дни корпуса: лучшее учебное заведение с богатейшими традициями находилось в упадке.

Александр II упразднил кадетские корпуса, они стали военными гимназиями. Рыцарская Академия лишилась всего: богатейшей библиотеки, музея и кабинетов, создававшихся на протяжении более 130 лет; дворец был отдан вновь образованному Павловскому военному училищу.

Чтобы противники реформы сразу же убедились в ее преимуществе, в Павловское училище собрали лучших кадет из всех корпусов, а самых плохих направили в бывший Первый кадетский корпус. Лишенная материальной базы, Рыцарская Академия по-

теряла и всех лучших преподавателей, профессоров, академиков и офицеров, которые не могли служить в такой атмосфере. От Академии осталась одна память в виде высочайшего повеления, объявленного 17 апреля 1864 года: "Дабы сохранить память о первом кадетском корпусе как о рассаднике военного образования в Отечестве, и предания, связанные с его именем, о доблестях военачальников и государственных людей, проводивших юность в этом заведении, придать Павловскому военному училищу название 1-го военного Павловского училища. Передать ему от бывшего 1-го кадетского корпуса архив, все исторические памятники и военно-учебные пособия и хранить в нем мундир императора Николая Павловича, дарованный 1-му кадетскому корпусу".

150-летие корпуса прошло незамеченным для русской общечественности. Но об этом событии не забыли его воспитанники. 158 человек собралось в тот день в зале одной из гостиниц Петербурга на товарищеский обед. Великие князья почтили собрание телеграммой: "Сердечно поздравляем своих однокашников по Первому кадетскому корпусу с полуторастолетним юбилеем его основания; мысленно с вами с радостью вспоминаем о том времени, когда имели честь быть в рядах славного заведения. Пьем ваше здоровье, старые товарищи. Николай и Михаил".

— Я не успокоюсь до тех пор, пока не восстановлю Рыцарскую Академию и не переведу корпус в его прежнее здание, — заявил император Александр III.

Царь сдержал слово, он восстановил Первый кадетский корпус во всех своих правах. В приказе по военному ведомству от 22 июля 1882 года высочайше повелено было, чтобы все военные гимназии на будущее время именовались кадетскими корпусами. Сделано это во внимание к вековым заслугам бывших кадетских корпусов, питомцы которых, прославив русское оружие в достопамятных войнах прошлого, доблестно подвизались на различных поприщах полезного служения престолу и Отечеству.

4 марта 1900 года главным начальником военно-учебных заведений был назначен его императорское высочество великий князь Константин Константинович. Началась новая эра, сущность которой выражена в знаменитом приказе по военно-учебному ведомству от 24 марта: "...закрытое заведение обязано, по мере нравственного роста своих воспитанников, постепенно поднимать в них сознание их человеческого достоинства и бережно устранивать все то, что может унижить или оскорбить это достоинство. Только при этом условии воспитанники могут стать тем, чем они должны быть, — цветом и гордостью своих заведений, друзьями своих воспитателей и разумными направлениями общественного мнения всей массы воспитанников в добрую сторону".

Повелено было старейшим корпусам вновь выносить к строю пожалованные в прежнее время знамена, ввиду их громадного нравственного и воспитательного значения как наивысшей воинской святыни и лучшего украшения строя... ■

Их дом — под водой

Без еды, как известно, человек может прожить неопределенно долго, хотя в конечном итоге все равно окончит свое земное существование. Без воды — определенно недолго, наверное потому, что сам чуть ли не на девяносто процентов состоит из этой самой влаги. Технический прогресс, помимо положительных сторон, име-

ет и отрицательные: поставив себе на службу энергию воды, люди должны пристально следить за тем, чтобы она не "взбунтовалась".

Периодически Москву наводняют "страшилки" о том, что если не весь город, то уж добрая его часть вот-вот рухнет в тартарары. И крайне мало кто догадывается,

да, покажется просто дуновением Зефира.

Теоретически у каждого объекта в столице — свой хозяин. Но если на поверхности Москвы все больше и больше порядка, то в подземных канализациях в прямом и переносном смысле черт ногу сломит. Не боятся ходить туда только диггеры, но они не следят за состоянием коммуникаций, которыми недра Москвы буквально нашпигованы. Это и газ, горячая и холодная вода, телефон, радио, телевидение... Там, где коммуникации проходят под водой, без специалистов-водолазов обойтись невозможно. Но...

Но самих водолазов, похоже, скоро придется заносить в "Красную книгу", потому что желающих получать три тысячи рублей за не то что ежедневный — ежеминутный риск — становится все мень-

что та самая вода, которой мы ежедневно, мягко говоря, бездумно пользуемся, может служить источником не меньшей опасности. Например, прорвет какой-нибудь из шлюзов на Канале имени Москвы, которые не ремонтировались уже Бог знает сколько лет. И что? А то, что ураган, пронесшийся над столицей летом 1998 го-

ше и меньше. Да и где их готовить, водолазов-то?

— В Новороссийской мореходной школе количество желающих учиться на водолаза резко сократилось, — сокрушается Валентин Петрович Волков, заместитель начальника Государственного учреждения подводно-технических, аварийно-спасательных и судоподъемных работ. — В водолазном деле раньше прежде всего искали романтику, а теперь что? Ассенизатор и водовоз? Да водолаз-профессионал лучше уедет куда-нибудь в цивилизованные страны и будет получать там за свой труд действительно настоящие деньги. И вообще, как прикажете их обучать? Часть российского флота отошла самостийной Украине, часть каким-то невероятным образом оказалась анционированной, хотя это незаконно и никто

разрешения на это не давал, часть еще более невероятным способом была вывезена за границу и там распилена на металлолом. Бред какой-то! А ведь наша служба существует с 1923 года!

Валентин Петрович — фанатик водолазного дела, о котором знает буквально все. В тесной комнате своеобразного музея (помещений было в несколько раз больше, пришлось поделиться с какими-то арендаторами) собрано по крупицам то, что так или иначе имеет отношение к водолазному делу. И об этих экспонатах Валентин Петрович может рассказывать часами. Впрочем, не только об этих.

— Ведь первые водолазы появились за много-много лет до нашей эры. В Аравии, на побережье, жили люди-ихтиофаги, описанные Плинием Старшим. Они плавали и ныряли не хуже рыб, поскольку ими и питались. Были воины-водолазы и в Древнем Египте, за 4000 лет до нашей эры. А еще они добывали морепродукты (на Дальнем Востоке, конечно), жемчуг...

— Искали клады, — вставляю я робкую реплику, желая показать свою эрудированность.

Но Валентин Петрович лишь пренебрежительно отмахивается:

— Какие там клады! Суда со дна нужно поднимать, самолеты, космические аппараты, мосты восстанавливать. Да мало ли найдется работы для квалифицированного специалиста! По дороге на работу сколько мостов и туннелей проезжаете? Вот-вот, даже считать не можете. Набережная Москвы-рени нравится? Отдыхать на воде любите? А ко всему этому причастны десятки и сотни водолазов. Знаете, какого диаметра

трубы прокладывают под водой? Три метра! Отработанную воду из города надо уводить? Опять трубы прокладываем. Намеры водозаборов без конца чистим, а там иногда такое попадается! Говорить не хочется, да и люди, случается, гибнут из-за какой-нибудь дряни.

Чуть ли не единственной приятной работой, о которой не без удовольствия вспомнил Валентин Петрович, была прокладка пяти ниток силового кабеля через Москву-реку с углублением и закреплением. Потом эта технология часто использовалась. Было это в 1938 году, чтобы обеспечить Кремль первыми телевизионными передачами. Да-да, телевидение появилось в России именно в том году, хотя до широкого зрителя оно дошло чуть ли не двадцать лет спустя.

— Еще десять лет тому назад водолазов было в несколько раз больше — до развала Союза их насчитывалось до десяти тысяч человек. Сейчас — если считать по всем предприятиям различных форм собственности, — к сожалению, наберется от силы две тысячи. Из них в Москве — человек сто пятьдесят, не считая спасателей и спортсменов. Работа как была нелегкой, так и осталась, а организация у нас государственная, бюджетная, следовательно, больших денег ждать неоткуда. Да, мы вынуждены были ввести платное обучение, потому что иначе вообще бы не выжили. На учебу людей, как правило, отправляют учреждения и организации, заинтересованные в таких специалистах.

— И сколько стоит обучение водолаза?

— Восемь тысяч рублей за первичную подготовку, которая продолжается три с половиной

месяца, при этом плата не меняется уже три года, несмотря на все инфляции и потрясения. Конечно, это только-только покрывает все необходимые расходы, а о приобретении современного оборудования можно только мечтать. Используем то, что имеем, хотя в мировой практике это уже даже не вчерашний день, а что-то вроде антиквариата.

Видела я в музее это имеющееся водолазное оборудование... Как можно в этих доспехах передвигаться — остается только догадываться. Их домкратом с места не сдвинешь. Правда, под водой все намного легче, но все равно без специальной подготовки справиться невозможно.

— В Москве самые различные организации постоянно пользуются водолазными услугами, — похоже, прочитал мои мысли Валентин Петрович. — Работать в открытой акватории много легче. А вот в городе, в сточных коллекторах все гораздо сложнее: надо спуститься в довольно-таки узкий люк и работать в очень специфической атмосфере. Водолазное снаряжение использовать нельзя, потому что в нем вообще в коллекторе не повернешься, люки находятся далеко друг от друга, как минимум, в полукилометре, а более ста метров без снафандра пройти невозможно. Видели, наверное, как рабочие затапливают в канализационный люк длинную проволоку, а выволанивают ее с другого конца? Это — замена водолазам, своего рода "ерши" для чистки. Толку от них почти никакого, зато галочку о проделанном мероприятии можно поставить со спокойной душой.

Несут водолазы и ответственность за все водозаборные уст-

трубы прокладывают под водой? Три метра! Отработанную воду из города надо уводить? Опять трубы прокладываем. Камеры водозаборов без конца чистим, а там иногда такое попадается! Говорить не хочется, да и люди, случается, гибнут из-за каной-нибудь дряни.

Чуть ли не единственной приятной работой, о которой не без удовольствия вспомнил Валентин Петрович, была прокладка пяти ниток силового кабеля через Москворечну с углублением и закреплением. Потом эта технология часто использовалась. Было это в 1938 году, чтобы обеспечить Кремль первыми телевизионными передачами. Да-да, телевидение появилось в России именно в том году, хотя до широкого зрителя оно дошло чуть ли не двадцать лет спустя.

— Еще десять лет тому назад водолазов было в несколько раз больше — до развала Союза их насчитывалось до десяти тысяч человек. Сейчас — если считать по всем предприятиям различных форм собственности, — к сожалению, наберется от силы две тысячи. Из них в Москве — человек сто пятьдесят, не считая спасателей и спортсменов. Работа как была нелегкой, так и осталась, а организация у нас государственная, бюджетная, следовательно, больших денег ждать неоткуда. Да, мы вынуждены были ввести платное обучение, потому что иначе вообще бы не выжили. На учебу людей, как правило, отправляют учреждения и организации, заинтересованные в таких специалистах.

— И сколько стоит обучение водолаза?

— Восемь тысяч рублей за первичную подготовку, которая продолжается три с половиной

месяца, при этом плата не меняется уже три года, несмотря на все инфляции и потрясения. Конечно, это только-только покрывает все необходимые расходы, а о приобретении современного оборудования можно только мечтать. Используем то, что имеем, хотя в мировой практике это уже даже не вчерашний день, а что-то вроде антиквариата.

Видела я в музее это имеющееся водолазное оборудование... Как можно в этих доспехах передвигаться — остается только догадываться. Их домкратом с места не сдвинешь. Правда, под водой все намного легче, но все равно без специальной подготовки справиться невозможно.

— В Москве самые различные организации постоянно пользуются водолазными услугами, — похоже, прочитал мои мысли Валентин Петрович. — Работать в открытой акватории много легче. А вот в городе, в сточных коллекторах все гораздо сложнее: надо спуститься в довольно-таки узкий люк и работать в очень специфической атмосфере. Водолазное снаряжение использовать нельзя, потому что в нем вообще в коллекторе не повернешься, люки находятся далеко друг от друга, как минимум, в полукилометре, а более ста метров без снафандра пройти невозможно. Видели, наверное, как рабочие заталкивают в канализационный люк длинную проволоку, а выволанивают ее с другого конца? Это — замена водолазам, своего рода "ерши" для чистки. Толку от них почти никакого, зато галочку о проделанном мероприятии можно поставить со спокойной душой.

Несут водолазы и ответственность за все водозаборные уст-

то есть чтобы бесперебойно работали не только водозаборные, но и водосбросные сооружения. Нужно восстанавливать разрушенные участки берегов — с бетонной и гранитной облицовкой, заниматься — увы! — поиском утонувших людей, которых с каждым годом становится все больше и больше. А еще — бесконечно чистить речное дно, потому что в Москву-реку, например, попадает все больше и больше мусора: от разбитых бутылок до проволоочной арматуры и огромных кусков чугунных декоративных решеток.

ройства (а они есть почти на каждой ТЭЦ), питающие город волжской водой и водой из Москвы-реки. Небольшая неполадка и, как уже говорилось, мало никому не покажется. В том числе, и самим водолазам, которым потом придется исправлять последствия. За те же деньги, разумеется, и теми же допотопными средствами. А еще нужно заботиться о том, чтобы так называемые акватории содержались в чистоте и порядке,

— Откуда решетки? Машины сплошь и рядом проламывают, падают вместе с ними в реку. Машину почти всегда достают, решетки всегда остаются в воде. Молодежь развлекается — выламывает кусок ограды и швыряет в воду. Снегоуборочные машины тоже добавляют всякого мусора — они же не только снег с улиц собирают, а все, что в этом снегу оказывается. Единственный мусор, который убирается в "цивилизованном" порядке, — это так называемый "топляк", то есть полностью или частично затонувшие бревна. Этим занимается управление На-

нала имени Москвы, у них специальное оборудование имеется. А вообще-то надеяться в таком деле, как чистота водоемов, на кого-то "ответственного" не стоит: просто каждому из нас нужно меньше мусорить. Хотя... Когда чистили русло Москвы-реки к юбилею, подняли свыше пятидесяти затонувших и полузатонувших судов... Их выбросили или забыли, как пустые бутылки.

А мы все жалуемся, что страна — нищая. Катерами и яхтами разбрасываемся только так, не говоря уж о всяких баржах и сухогрузных прицепах. И ведь не все из во-

ды извлекли, кое-что еще осталось для потомков. Чтобы помнили?

А вот интересно, кто занимается очисткой так называемых "мелких водоемов"? Всевозможных прудов и фонтанов, которых в Москве с каждым месяцем становится все больше? Тоже — водолазы?

— Нет, этот участок уже несколько лет как "застолбили" частные организации, которые поделили между собой сферу влияния и стараются этот порядок не нарушать. Может быть, это и к лучшему: для водолазов-профессионалов там настоящей работы нет, а на других участках — более важных и трудоемких — рабочих рук не всегда хватает. Москва ведь по-прежнему остается "портом пяти морей". Да и в других городах водолазы нужны.

Например, решили было убрать старый железнодорожный Смоленский мост. Подогнали два специальных крана, грузоподъемностью по 180 тонн каждый, сняли пролет с русловых устоев целиком и анкурратно уложили вдоль набережной. Потом уже, не спеша, разобрали на части и отвезли в металлолом. Было это года два тому назад, но, по-моему, мост и ныне там. То есть — в металлоломе. Или вот случай, который был несколько лет назад: в городе Воскресенске Московской области, как раз накануне майских праздников, рухнул в рену мост, полностью перекрыл русло. А это значит: срыв навигации, во-первых, отмена всех речных экскурсий, во-вторых, невозможность подвозить в Москву необходимые стройматериалы — песок, гравий и так далее. Справились с этой задачей за десять суток, причем

это — рекорд со всех точек зрения. Так же, как и работа по реконструкции автомоста через Волгу в Твери: и там мы с помощью двух мощных кранов вытаскивали пролет из воды целиком. Примеров много — работа такая.

А как же с романтикой водолазного дела, о которой столько слышишь, читаешь, которую охотно демонстрируют с экранов? Чистить русла рек, следить за коллекторами, ремонтировать мосты и набережные — что в этом романтичного?

— А наша профессия основана не на романтике, а на жизненной необходимости, — продолжает Валентин Петрович. — Какая тут романтика, если предельный возраст работы водолазов — пятьдесят лет, двадцать лет должно быть общего трудового стажа, а десять лет — работы непосредственно под водой с ежегодной выработкой не менее 275 часов — в скафандре или в барокамере. То есть в сложнейших условиях! Вот сейчас все говорят о том, что в Москве, например, есть много участков с повышенной радиоактивностью. А кто знает о том, что происходит под водой? Кто вообще этим интересуется? А я уверен, что там радиоактивность зашкаливает далеко за допустимую норму. Вот, кстати, еще один участок, где работы для нас — непочатый край: исследовать, убирать, чистить. Техники, правда, не хватает, а та, что есть — далеко не новая, но в любом деле человек гораздо важнее техники. Только при чем тут романтика?

Наверное, ни при чем. Только начиналось-то все совсем иначе, если попытаться заглянуть хотя

бы в прошлый век. Ровно 170 лет тому назад кронштадтский механик Гаузен изобрел первый снафандр, послуживший прообразом всех современных моделей. В 1871 году российский инженер Ладыгин — опять же впервые в мире! — предложил автономный дыхательный аппарат с применением в нем для дыхания водолаза искусственной кислородно-водородной смеси, которую получали из воды способом электролиза. А в 1882 году в Кронштадте открылась водолазная школа Морского ведомства. Наверное, можно сказать, что уже в те времена Россия была впереди всей планеты не только в области балета.

Сохранилось интересное высказывание лейтенанта Арцибашева, служившего водолазным специалистом на броненосце "Император Александр Третий": "...я имел возможность ознакомиться с состоянием водолазного дела на иностранных судах... Из всех этих наблюдений у меня составилось одно общее мнение, что водолазное дело на наших русских военных судах стоит гораздо правильнее и практичнее, чем у иностранцев... Я на каждом шагу убеждался, что мы, русские, во многом опережаем их. Предельная глубина, на которую они спускаются — 27 сажен (около 60 метров). Нам же давно побит рекорд в 30 сажен, и это еще не предел".

А потом случилась революция. Был издан Декрет о национализации водолазного имущества, в январе 1921 года начал работу единый водолазный орган — Экспедиция Подводных Работ Особого Назначения (ЭПРОН). За первые десять лет своей деятельности ЭПРОН поднял со дна моря 110

судов, 76 из которых были восстановлены. В дальнейшем фронт работ расширился, постоянно разрабатывалась новая водолазная техника, а уж заслуги водолазов в Отечественную войну переоценить вообще невозможно.

То, что творится уже сейчас в подземных коммуникациях больших городов — явление сродни Апокалипсису. Специалисты давно бьют тревогу, так называемые "диггеры" периодически устраивают показательные акции — хоть бы что. И ведь уже уходят под землю целые дома именно из-за того, что в этом месте грунт "изношен" отравленными подземными водами до предела. Но это становится лишь очередной сенсацией однодневной, не более того...

Допустим, целиком Москва, например, под землю не провалится. Но если, не дай Бог, случится более или менее серьезная авария на одном из шлюзов Канала имени Москвы, то под водой практически немедленно окажутся вся северная часть города. До Кремля, правда, скорее всего не дойдет, а вот обитателям Белого дома стоило бы задуматься хотя бы над тем, что российская водолазная школа с каждым годом становится все слабее, и все меньше находится желающих подвергать свою жизнь ежедневному смертельному риску за совершенно условную зарплату: месяц работы российских водолазов стоит примерно столько же, сколько один день водолазов западных. Это без учета страховки и прочих социальных льгот, о которых у нас пока можно только мечтать.

И в заключение — для тех, кто все-таки бредит романтикой водолазного дела, — выдержки из

дневника человека, который принимал непосредственное участие в спасении людей с затонувшего вблизи Новороссийска лайнера "Адмирал Нахимов". Произошла эта катастрофа в начале сентября 1986 года.

Помощь тогда пришла быстро, спасти удалось многих. Но какой ценой!

"Справка. Водоизмещение "Адмирала Нахимова" — 23 300 тонн, длина — 174 метра, ширина корпуса — 21 метр, пассажироемкость — 1096 человек.

На корабле имелись библиотека, музыкальный и дамский салоны, танцевальные площадки, два плавательных бассейна, каюты всех классов, кинозал на 111 мест, рестораны, детская столовая"... Перечень можно продолжать до бесконечности.

Все это было. Теперь этого нет. Есть погибшее судно, лежащее на сорокасемиметровой глубине моря. Могила для нескольких сотен человек. На глубину, на поиск погибших уходят водолазы с восьми специально оборудован-

ных судов. А еще с двух теплоходов — носителей глубоководных обитаемых аппаратов — ушли под воду на свободный поиск в район трагедии небольшие подводные лодки с гидронавтами. Они осматривали грунт вокруг белого парохода, громадой лежавшего на растерзанном правом борту.

Все тяжело переживают трагедию. В разгар солнечного дня в шестидесяти метрах от погибшего судна обнаружили тело ребенка лет семи. Гибель детей переживается особенно тяжело: водо-

лаз, поднявший ребенка, не смог в этот день продолжать работать.

Вот что рассказывает об одном из спусков профессиональный водолаз Владимир Карпичев:

"...По коридорам к дальним каютам продвигается водолаз. Вокруг — мрак и холод, на пути водолаза — завалы из дерева, пластика, мебели. Он их разбирает и упорно продвигается к очередной каюте.

Что-то мягкое упало сверху и обвило туловище. Спокойно! Это всего лишь ковровая дорожка. Водолаз осторожно освобождается из петли-ловушки и продвигается дальше. Вот каюта, которую еще не осматривали. В ход пущена монтировка, дверь неохотно поддается. Водолаз на мгновение остановился, а потом стал осматривать каюту, точнее — ощупывать. Неожиданно перед стеклом шлема зашевелилась тонкая бледная нить руки, а руна самого водолаза в тот же момент наткнулась на полуобнаженное тело девушки. Он настраивал себя на неожиданность, но когда столкнулся с нею, ему стало жутко, у него похолодело в груди, дыхание участилось, пот туманом застил стекло шлема. В этой мертвой тишине он слышал удары собственного сердца. Он постарался успокоиться, восстановить ритм дыхания, потому что прекрасно понимал: свой дыхания приведет к непоправимому. К тому же надо было спешить: истекло время нахождения на глубине.

Обхватив тело погибшей, он устремился в обратный путь. Передвигаться стало труднее: глубоководное снаряжение все-таки тяжеловато и громоздко для замкнутых пространств отсека, да и

тело погибшей осложняло передвижение. Он старался защитить ее лицо от выступающих предметов, по-человечески выполняя свой долг, а тут еще страшущий водолаз почему-то не выбирал шланг-кабель. Наверное, где-то произошел зацеп. Так и есть: только не зацеп, а завал впереди, который уже разбирает напарник. Стало легче на сердце — он не один. И в этот момент на спину обрушилась неимоверная тяжесть, расплаывая тело, прижимая его ко дну...

Напарнику удалось вовремя освободить своего товарища из-под рухнувшей балки и предотвратить самое страшное: гидрокомбинезон был поврежден. Тело погибшей тоже было извлечено из-под завала и поднято на поверхность. Она действительно была очень молода и красива, и оба водолаза, уже много повидавшие на своей работе, не смогли сдержать слез...

Чтобы стать профессиональным водолазом, нужны годы, может быть, даже десятилетия упорной систематической работы и тренировок. Общение с морем формирует человека — его характер, привычки, поведение в экстремальных условиях. Жизненный путь водолаза-профессионала тернист и сложен. Водолазами, как и солдатами, не рождаются. Путь к мастерству лежит через тысячи метров поноренных глубин, через тяжелейший труд, тра-

гические ошибки, гибель товарищей. Море преподает суровые уроки, оно всегда испытывает человека на прочность, на нравственную чистоту, на глубину профессиональных знаний..."

Неужели все это осталось в прошлом, а нынешней России — ни к чему?

P.S. Кстати, настоящего музея водолазного дела нет не только в России, что еще было бы приятно. Его нет нигде в мире. Давным-давно, еще при древних греках отец и дочь проплыли ночью под персидскими кораблями царя Ксеркса, солдаты которого на следующий день намеревались напасть на город, и подрезали державшие корабли канаты. Ночная буря разметала персидский флот и унесла остатки кораблей далеко в море. Благодарные соотечественники поставили своим спасителям статуи из чистого золота, которые потом конфисковал император Нерон. С тех пор следы этих произведений искусства затерялись, а попыток воссоздать музей водолазного дела так больше никто и не сделал. А жаль.

К моменту создания Военно-водолазного техникума в Балаклаве в 1931 году в России оставалось всего два водолаза. Интересно, сколько их будет в России лет через сорок? ■

фото **Юрия Стефанова**
и **Владимира Чейшвили**

Любовь СОЛОМОНОВА

* * *

Как бы мне тебя забыть,
светлый ангел, но не мой?
И безжалостно убить
голос чувства — дикий вой.

Выстрел! Крик! Твои глаза —
голубого неба даль.
Не забыть теперь нельзя,
а забыть — и боль, и жаль.

Р-раз! Удар! Твоя душа
бесконечно весела.
Я была нехороша —
хорошо, что поняла.

Что мне делать? Как мне быть?
Зверь любви еще живой,
и безумной жаждой жить
он ползет, ползет за мной.

* * *

Какую ночь мне снится трон
болотного дворца,
зрачки лягушечьи окон
и сумрак без конца.

На троне — темный царь болот,
веселый в буйном зле,
с улыбкой манит и зовет
ступать не по земле,

стонать, и плакать, и пугать
доверчивых людей,
из мутной тины извергать
фонтан цветных огней.

Внимаю. Слушаю его
и вдруг я, сам не свой,
пугаюсь крика своего
“Болотный царь, я твой!”

* * *

Мой повелитель вне эмоций,
мой повелитель вне судьбы,
вне указаний телелоций,
вне политической борьбы.

Он создает свои законы,
и сам же нарушает их.
Закрасив блеск своей короны,
рисует счастье для других.

Он педантичен и вальяжен,
он — парадоксов господин.
Он может все, он может даже
ткать гобелены из лавин.

Меня он по кудряшкам гладит
и не ругает никогда.
Тогда с какой, скажите, стати,
я горько плачу... иногда?

* * *

Я — выкорыши отчаянного бога,
играющего Яблоком Небес.
Что надо мне? Не мало и не много:
хочу познать я суть земных чудес,
причины вех явлений неслучайных
и мудрые законы бытия;
хочу познать я удовольствий тайных —
горячего и терпкого питья;
быть импозантной, гордой, интересной,
весь мир ошеломить, заморозить
и, уж, конечно, в Сад войти Небесный
и яблочко кому-то предложить.

* * *

Мне стал давно неинтересен
процесс познания основ.
Хочу послушать грустных песен
и вникнуть в тихий шелест слов.

Хочу плясать и бесноваться,
и пить весеннее вино.
Не признавать и не признаться,
что все равно не суждено.

От книг ученых оторваться,
сон милый блудницы принять.

*И допьяна натамцеваться.
И смысл обычных слов понять.*

* * *

*Кони быстрые, черные птицы.
И куда нас теперь занесло?
Между светом и тенью границы —
словно плавящееся стекло.
В никуда! Без креста, без дороги
бич распарывает небеса.
Кони — вороны, быстрые ноги
и зашоренные глаза,
рвут из рук ослабевших поводья.
Не осадит их хлыст и приказ.
Где мы? В чьи мы попали угожья?
И куда занесет еще нас?*

* * *

*Девочка пела, что падшие души
снегом искристым ложатся на землю,
шелестом тихим покой не нарушив,
звук движения Вечности внемлют.
Девочка пела... и злобные вихри
рвали ее — ее тело и небо.
Только душа, пока стоны не стихли,
падала, падала, падала снегом...*

* * *

*Мы снова встретимся с тобой
в гудящих проводах,
и я услышу дальний вой,
а ты — горячий страх.*

*Мы снова встретимся с тобой
в сиреновом цветке,
и шип я выберу любой
для капли на руке.*

*Мы снова встретимся с тобой —
условившись: когда —
до новой схватки роковой,
до ссоры навсегда.*

вознесение Спасской

**Анатолий
ЦИРУЛЬНИКОВ**

Губы

В эти края я попал в поисках НПО — неопознанного педагогического объекта. Так для себя я сформулировал новое явление на стыке школы и жизни. На первый взгляд, оно вроде бы никакого отношения к педагогике не имеет, а на самом деле тут все и происходит. Там, где люди сами строят необычную новую жизнь, появляется и живая педагогика.

Ориентировка на местности

Поначалу я ничего не увидел. То есть что место необычное, почувствовал, но фигур, летящих над озером, не разглядел и только подумал: "Чудесно". На повороте когда-то стояла церковь, отсюда и название села — Спасское. А Мунозеро по-саамски "муноярвинлахте" — утиные яйца. Местные, впрочем, придерживаются другой версии. Говорят, будто царь Петр искал в этих местах железо, но не нашел и в сердцах назвал озеро на три буквы. По-нагельски — "мун". В деревнях и сейчас можно услышать: "Пошел на мун!"

В петровские времена здесь явно было не захолустье. Процветали металлургические заводы, разрабатывалась мраморная ломна в Белой горе, а малиновый гранит поставлялся ко Двору. В Мар-

циальных Водах, где сам царь поставил часовню, — уникальный целебный источник, первый в России курорт. Крепостной неволи местный народ не знал. Славился мастеровитостью, умением работать с железом. В начале вена село входило в Спасопреображенскую волость, а после семнадцатого года стало райцентром Петровского района (в честь не Петра I, а комиссара Петрова). Спасское могло похвастаться типографией, санаторием, больницей, от которых теперь остались одни развалины. Славилось село знаменитым петровским хором, в котором пели сто человек. И теперь в Спасском временами собираются и поют, как рассказала мне Алесандра Федоровна Дорофеева, учительствовавшая тут полвена. И даже спела для меня вместе с учениками и школьным директо-

Фото автора

ром Раисой Эймоновной Дьячковой частушки о Спасской Губе.

В учительской, где мы сидели, было тепло, да и вообще чувствовалось, что в этой глазевшей на озеро, деревянной, с огромными свисающими с крыши сосульками школе теплится жизнь. Стены в коридоре оклеены обоями или любовно расписаны узорами, в школе есть карельская горенка с собранной в селе утварью, на уроках изучаются карельский и финский.

Понятно, решил я, "бывший очаг культуры". Так я когда-то сформулировал для себя то, что видел в разных местах России, в некогда процветавших, а затем пришедших в упадок городках и селах. Культурные традиции еще живы, история местности уникальна, а вокруг все разваливается, умирает. Школа пытается сохранить угасающие традиции, как-то противостоять действительности. Проблемы смягчаются, но не решаются. Происходит просто отсрочка культурной, духовной деградации... А что еще можно тут сделать?

Я так бы и уехал в неведение, если бы школьный директор Раиса Эймоновна на пороге уже не обмолвилась про каких-то "кузнецов крылатых". Сначала я решил, что это фольклор, который изучают в начальных классах, спросил про источник. "Накой источник?" — удивилась она. — "Ну этих сказок". — "Да это не сказки, эти люди у нас живут".

Тут я внимательней поглядел на место. Оно завораживало изгибом озера, у которого располагалось село с бревенчатыми карельскими избами, дымными трубами, прорубями, лесами, горнами. Одна звалась Мишиной...

Мишина горка

Кто-то называет его Маугли, другие — Левшой, третьи — Карсоном. Внешне Миша Караваяев точно из лесу вышел — худющий, с длинными патлами, весь в гари и копоти. Потому — "Маугли". У горки на краю села его кузня, там Миша-умелец чудодействует. Оттого — "Левша". А третье прозвище — за вращающийся пропеллер за плечами, обычное Мишино средство передвижения. Выглядит это так: Караваяев встает на лыжи, надевает рюкзак с мотором от бензопилы "Урал", к которому прикручен винт, — и понесся со скоростью шестьдесят километров в час. Зрелище, особенно издалека, не для слабонервных: винта за спиной не видно, руни скрещены на плечах, как у индийского философа, — и летит что-то по озеру. Бабки только крестятся: "Свят-свят".

Появился он тут четыре года назад вроде как случайно — заехал на горке покататься. И остался. Миша — странник. Из своих тридцати шести лет двадцать странничал. В юности не сошелся в каких-то материях с родителями и очень им благодарен, что не стали хватать за фалды, отпустили (родители у него потомственные педагоги, дед учительствовал всю жизнь, пока за ним из ГПУ не пришли).

Восемь лет Миша был, как говорит, в ссылке на острове Нижи, плавал по Енисею... Образование приобрел разностороннее. Художник-реставратор по металлу "с допуском к самостоятельной работе с историческим материалом" (это значит — может вести раскопки и, если какую-то железку откопает, — реставрировать). Врач-педиатр, хирург, хоть и недоучившийся, но и сейчас, если понадобится, может

удалить аппендинс или зуб вырвать. Подрабатывал анварелями ("это я бросил, для меня плоский мир стал неинтересен"). Самое последнее занятие — кузнец. Поставил кузню с горном и кует, что заказывают: ограды, каминные приборы, самолетный винт может сделать, холодное колленционное оружие. Еще — тренер по горным лыжам и мотоспорту, сансофонист... "Ну это так, — говорит, — я дипломы получал автоматически, просто был увлечен тем, чем занимался".

— А теперь, — спрашиваю его, — определился?

— С чем, с профессией, — уточняет он, — или с концепцией жизни и деятельности?

Еще и философ... Концепция такая: с детства мечтал о деле, которое по душе, а значит — не рабский труд. Теперь он здесь, и все получилось. Сейчас самолет строит и скоро полетит. А как же кузница? А это, объясняет он, просто мастерская, где можно гвоздь сделать, чтобы подняться на своем

самолете. Одиннадцать Мишиных учеников в ней днюют и ночуют, куют что-то. Катаются с горки на горных лыжах, которых раньше не видывали. Смотрят горящими глазами на Мишины виндсерфинги, летающие пилы, мотопарапланы...

Педагогические взгляды Караваева тановы: главное — не навреди. Прежде чем детей с горки снать, испытай все сам, пару раз голову сломай. Личный пример выше всяких догм. Упаси Бог вдаблывать детям что-то. Но поставить железные условия: если так, будем дружить, а нет... "Шнольный педагог, — говорит Караваев, — из меня бы не получился, я сам придурок порядочный..."

Большой дистанции между ним и подрастающим поколением, в общем, не наблюдается. Он был и рокером, и бритоголовым, и тусовался, и нюхал, и бегал по острову Нижи с топором ("иснал собеседника"), и ходил по городу Питеру с мечом под мышкой — хотел наводить порядок ("Потом я

пришел к тому, что не могу никого тронуть, пришел к добру"), так что шум молодости у него еще не настолько из головы выветрился, чтобы не понимать пацанов и чтобы они его не поняли. Смотрят

они на него, куют что-то в кузне, летать учатся, потом приходят домой и родителям говорят: "Можно по-другому жить, что же вы водку пьете?"

Деревня его приняла благодаря детям. Ему говорят: "Мой тебя больше всех уважает. Если надумаешь церковь строить, только снажи". В день своего тридцатитрехлетия Миша поставил на горе поклонный крест — до сих пор стоит, никто не тронул. Теперь по правилам надо часовню ставить. Губа-то Спасская.

Хотя святость деревенской жизни преувеличивать не стоит. И дети растут, как придорожная трава. И народу все меньше, в прошлом году двадцать человек умерло, ни один не родился. Летать тут надо бы поменьше, замечает Миша, не мозолить глаза. Люди, небось, думают: вон они живут, летают, а мы умираем...

Но находятся у Караваева и последователи. Местный почтальон Яков долго ходил к Мише, присматривался к виндсерфингу, потом выдернул жердь из ограды, приспособил ее вместо мачты, натянул верблюжье одеяло и помчался в деревню Мунозеро. Там Мишин знакомый у окна сидел, видит, несется что-то к избе со страшной скоростью, подлетает к кустам — тррах! Потом стук в дверь: почтальон Печкин.

В другой раз Яков взял, как Миша, бензопилу, но сделал на свой манер: вырезал из доски винт, тормоз от велосипеда поставил, но что-то там у него не сработало. Упал лицом в снег, пропеллер крутится, рев, дым — вся деревня сбежалась. "Почему я почтальона Якова не знакомя с Чупиновым, — объясняет Миша, —

боюсь, он самолет из дерева сварганит — деревня сгорит”.

Командир эскадрильи Чупинов — еще одна здешняя достопримечательность. Вместе служили с Мишей в армии, а через десять лет встретились здесь. Чупинов подлетает к деревне с аэродрома, который находится в нескольких десятках километров отсюда, на истребителе-перехватчике Су-27, делает над озером “свечку” и рисует на небе “ромашку” — доброе утро, мол, люди. В общем, компания подбирается.

Сашина горка

В Мунозере, куда можно добраться за четверть часа на Мишином пропеллере, на всю деревню пара дымков, один — местного деда, а другой — Саши и Лены Петлеванных. Приехали сюда из Санкт-Петербурга, когда родилась дочка. Саша устроился в заповедник охранником, а потом занялся берестой — делать сувениры. И так здорово стало получаться, что

в магазинах, на ярмарке Сашины берестяные товары шли нарасхват. Тут подросла дочка, пошла в школу на лыжах (шесть километров туда и шесть обратно с мамой ходит), и директор Раиса Эймонова пригласила Сашу позаниматься с учениками. В селе никто даже корзины не умеет плести. И вот Саша с Леной, мастером спорта по плаванию, начали учить деревенских детей работать с берестой, делать игрушки, всему, что умели. (Стоит заметить, что эта история при всей ее незатейливости фантастическая: горожане-петербуржцы селятся в деревне и создают “народный промысел”.)

В отличие от Миши, склонного к философии, Саша Петлеванный немногословен, молчалив, говорит только по делу. Меня принял сначала настороженно, не понял, зачем я приехал. Телевизионщики порывались фильм снять — отказался. Жизнь у них тут, а не кино. Разговор о детях — другое дело. Саша даже поехал со мной в

Спасскую Губу на ночь глядя — отпереть мастерскую в школе и показать, что дети умеют делать.

Ходит к нему постоянно тридцать учеников — это половина спасогубских, а то и больше. Ярмарку организовали, поделок детей даже не хватило — покупали и учителя, и родители. Но смысл не в этом. Саша против конвейера. Важно, что делают своими руками и понимают — стоит столько-то, а это не продадим (много изделий оседает дома).

Ничего сложного в работе с детьми, по мнению Петлеваного, нет. "Ребенок приходит и полностью тебе доверяется," — замечает Саша, сплетая из бересты мне в подарок северную розу. Прекрасная, она дрожит на тонкой ножке, но долговечна. И бесценна, как эти вещи, сделанные детьми, — бунет хризантем и роз, лукошки, бусы, куклы, картины в берестяных рамках с необычными пейзажами из засушенных цветов и ягод...

Село угасает? Все развалено? Да не в этом дело. Болезнь, говорит Саша, у людей в голове. Можно что хочешь сделать — все от человека зависит. "Вот другие до Раисы плакались, а она пришла — людей зангла," — говорит он про школьного директора. Откуда-то швейцарцы появились. Посмотрели и создали фонд друзей Спасской Губы. Дали немного денег, в школе их сразу превратили в материалы, краски, расписали голые стены. Иностранцы удивились: так быстро?

"Вы спрашиваете, что делать? — переспрашивает мастер Петлеваный. — Мы три года с детьми занимаемся, все им показали. Те, что к нам ходят, — они уже мастера. Могут вещь сде-

лать, продать изделие. Они к жизни уже готовы".

Бересту мастер берет с сухих, валеных деревьев, живые не обдирает. Живет он в чудесном месте, прямо у озера. Провонная мена, не утерпел, показал, какой тут вид открывается.

Ветер-помощник

И еще есть возвышенность... Тоже вроде не больно заметная, а пока доберешься с вещами до вершины, сердце, кажется, из груди высочит. Метель заметала тропу, и, проваливаясь по колену в снег, я брел на огонек. Созвездия висели над селом, и горна стояла под ними. Была она обитаема. На ней топили баню. Пели под гитару прекрасные песни. Летали с детьми на горных лыжах, на сноубордах, на парапланах...

Лет десять назад несколько семей — когда-то студенты, заводилы, стройотрядовцы, а теперь педагоги, врачи, инженеры — вычислили эту горку по карте. Надоело ютиться на чужих, выпрашивая место под солнцем, решили найти свою. Зарегистрировали общество — горнолыжный семейный клуб "Луми" (по-фински — "снег") и начали обустраиваться. Таскали на горбу бревна для дома, тянули провода для бугельного подъемника, расчищали склоны — горка вышла замечательная. Делали они это для себя и детей, а вышло большее. Нужно тут познать, тогда почувствуешь атмосферу, то, что они называют "общенческой средой". Здесь много педагогов, которые утверждают, что именно эта "среда" развивает и воспитывает детей и взрослых.

Я прожил на горне только два дня с несколькими семьями (а

всего в этом их сообществе, считая друзей клуба, двести человек в возрасте от четырех до пятидесяти) и догадывался, прислушиваясь к разговорам, как тут бывает, когда собираются все вместе. Праздник общения... Улыбки, шутки, человеческое тепло. И никому ничего не надо напоминать, каждый старается сделать что-то для других — на огороде, на кухне, на склоне. Каждый может попробовать себя в чем-то, и обязательно найдется кто-то, кто поможет научиться прыгать с трамплина, летать на серфинге или лыжах под парусом... И дети тоже поют песни и также стараются сделать что-то для другого.

"А бывает, отлынивают?" — спросил я у педагога из Кондопоги Элины Романовой. "Если труд — образ жизни, — ответила она, — куда они денутся?"

Утро, все уже встали. Общий любимец спаниель Буран кладет голову мне на грудь, но лицо не лижет — тактичный. "Он обычно есть хочет, — сообщает мой новый знакомый Виктор Вийри, — а вчера ласки хотел". Виктор, военный летчик, парашютист, а еще и строитель, напоминает Саню из наваринских "Двух капитанов". Спускаюсь по скрипящей лестнице, огромное багровое солнце поднимается над горной, как аэростат. Пролетает, нежно посвистывая, стайка свиристелей — птичка эта живет только на горке. Здесь можно встретить трехсотлетнюю липу, кедр, королевский клен, елки и сосны, с чем-то скрещенные. Ландшафтный заказник... Перед походом на Северный полюс тут тренируются полярники — те же метели, торосы. Когда-то здесь были детский санаторий, туристи-

ческие маршруты с просеками, тропинками, избушками, забивавшимися с первым снегом студентами. Теперь все это заброшено, но один приют у подножия горы семейный клуб начал восстанавливать, и уже есть лагерь для ребят из Петрозаводска и Кондопоги.

"Луми" — сообщество открытое, деревенские тоже приходят на горку. Детский сад приводили в гости к Деду Морозу. Педагог от Бога, как его называют на горе, учитель физкультуры Анатолий Мещанский привозит из города трудных ребят. В семейном клубе всегда несколько ребятшек из специальных школ с проблемами в развитии (иногда это просто запущенные дети, считает Мещанский, попади они сюда раньше, может, и проблем не было бы). Двух ребят с церебральным параличом поставили на лыжи, потом они в Канаде на олимпиаде получили медаль. Дети из полных семей и неполных, любимые и брошенные, тепличные и растущие, как сорная трава, — здесь, на горке, может быть, единственное место, где они не чувствуют себя ущемленными.

Ветер надувает оранжевый парашют. Виктор Вийри готовится к прыжку. Леха, Катя и другие стажеры от девяти до двенадцати лет присматриваются, как управлять стропами. "Всего тридцать секунд лететь, — говорит мне председатель клуба Володя Дербенев, — но для ребенка это, конечно, необыкновенно, такого не купишь".

Мне объясняют: как на лыжне привыкаешь к снегу и он кажется теплым, так тут — к ветру. На серфинге или параплане относишься к нему как к помощнику. Дети на горке все время прислушиваются к ветру — откуда он, какой силы. Что-

бы взлететь, нужно уловить миг, почувствовать восходящий поток.

А так жизнь у них — не на горе — как у всех. Не могут, как раньше, попутешествовать, свозить детей на море. Даже сюда из Петрозаводска стало накладно приезжать каждую неделю. Но что бы жизнь ни подбрасывала, люди здесь не ожесточаются. Может, потому, что есть возвышенность, на которой строят другую жизнь.

Просится самолет

"Я — посредник", — говорит Миша Караваев, имея в виду тех, на горе, и деревенских. Его избашка стоит у подножия, на краю села, "те" заходят и "эти". Миша — вроде как посредник. Он любит размышлять о том, что лучше всего учить тому, чему тебе самому надо поучиться. "Уча других, учимся сами", — комментирует, хозяйничая у плиты, Мишина жена Оля. Миша привез ее сюда из шикарного дома в городе. Здешний домик у озера, купленный у канадского финна, некогда опрометчиво прибывшего в Союз по путевке Коминтерна, не столь шикарен, но есть здесь столетняя печка, висит медное блюдо с крестом, что-то домотканое, по стенам картины — жилище со вкусом. Оля занимается карельской росписью, и в рекламных туристических проспектах дом указан как точка, которую непременно надо посетить.

Место здесь, конечно, волшебное. Тишина, покой. Может быть, это людей и притягивает. Чувствовать сердечком, как говорит Миша.

— Я думаю, — философствует он, сидя на корточках у горячей печки и подкладывая поленья, —

начинает меняться российский менталитет.

— Но жизнь-то от этого не меняется.

— Меняется. Человек просыпается, осознает, что свободен от снотских догм, и так радостно становится.

— Но избы, — ниваю за окно, — остаются, как в прошлом веке.

— Нет, избы меняются. Например, мне нужен самолет — я строю в деревне ангар. Другому еще что-то надо — он берет топор и начинает избы перекраивать. Жизнь, как и избу, можно перекрыть только под себя.

— Тебе кажется, то, что происходит в стране, ведет к другой жизни?

— К другому человеку ведет. К чему-то придется вернуться. А кое-что наверстать. Здесь никогда не будет Интернета, хороших дорог, но зато мы научимся летать... без помощи технических средств. А может, и летать не понадобится, просто лечь, закрыть глаза...

— Вот это скорее, — замечаю я.

Миша смеется, подбрасывая в огонь поленья, и размышляет об энологически чистом транспорте: "Над этим лесом, может быть, будут летать в ступе с помелом". И добавляет: "Я думаю, все у нас получится в Спасской Губе потихоньку. Годы пройдут, у детей внуки появятся. Гора у нас так и будет, если с места своего не сойдет".

И о другом: "Знаешь, есть средство от хандры: берешь ручку, записываешь, что тебе нужно взять, потом собираешь эти вещи в мешок, а остальное оставляешь. А что нужно? Топор, нованый гвоздь, дрова... Да на плечах голова — помнишь сказку? И заметь, среди

этого нужного нет ничего для войны. Что бы ты сделал в кузнице? Топор. Ни в коем случае не меч. Потому что в лесу он не нужен, дикому зверю можно посмотреть в глаза, и он не тронет".

— Может быть, возьмете это в школу в качестве концепции развития? — спрашиваю я Раису Эймоновну, зашедшую на огонек.

Она смеется (но что-то, видимо, берет, все они, на разных горках, пишут, в сущности, одну концепцию).

— Ни в коем случае, — серьезно возражает Миша, — к этому надо прийти самостоятельно: как сделать следующий шаг, не наступив другому на горло.

— А вообще буддизм гласит, — подытоживает он, — человек до двадцати лет — ученик, от двадцати до сорока — воин, от сорока до шестидесяти — хозяин дома. И только после этого свободен.

— Ты не свободен? — удивляюсь я.

— Нет, я сейчас воин. Все эти железки, пропеллеры — это борьба с самим собой. Я сейчас размахиваю кувалдой. Когда обрыднет, поставлю в угол, пойду в огород. Я воин, хотя ловлю себя на мысли, что приятно в земле копать. Будь я ортодоксом, сказал бы себе: "Мишуля, отстранись от педагогики лет на сорок. Вот когда научишься в земле копать, тогда иди к детям".

Дети вертятся вокруг Миши, а он вокруг своего будущего самолета с двигателем от бензопилы "Урал". А что такое Урал? Миша говорит, что это слово у Виктора Пелевина в "Чапаеве и Пустоте" расшифровывается как условная рена абсолютной любви. Условная... А тут пила "Урал", мотоцикл

"Урал" — создатели этой техники забили в нее одноразовые программы. Десантная одноразовая машина, чтобы автоматчикам доехать в зону артобстрела и выбросить. Пила — чтобы зекам свалить триста стволов и бросить. Все было одноразовое. А он, Миша Караваев, дает моторам вторую жизнь. Находит на свалке изувеченную бензопилу, дарует жизнь, и она, эта пила, начинает по-другому работать, в ней душа оживает. Ее создатель, инженер, замечает Миша, не мог и представить, чтобы на этой бензопиле летать по озеру.

К пиле Миша Караваев прилагивает новый винт, он его уже сделал — лежит на подоконнике. Крылья — от дельтаплана. "Ричард Бах утверждает, — говорит, — если хочешь самолет — он обязательно будет. Или детали станешь находить, или наследство свалится. Он, как ребенок, просится, самолет..."

Теперь, когда я думаю, что же тут происходит, в Спасной Губе, то представляю себе такую картину. Человек забирается на гору, привязывает крылья, прыгает и, если не расшибется, может взлететь — над деревней, озером, лесами, горнами, вознестись из обыденной жизни к небесам, подняться над самим собой.

И ведь не один, не два взбираются на горку, прибывают в эти края, спасая детей, себя, Спасную Губу или, может, она спасает их, давая и нам надежду...

Село угасает? А это как посмотреть. Тут рождается новая жизнь. Приходят новые люди. На ту горку, на эту.

Что-то сюда тянет. Может, и мне остаться? ■

КУЛЬМТ

Борис Зотов

В недалеком прошлом о художнике Густаве Климте вспоминали разве что соискатели ученых степеней — исследователи австрийского искусства конца XIX-начала XX века. В мировой таблице о рангах Климт занимал скромное место. Да, его творчество было представлено на нескольких крупных международных выставках, на одной из них он завоевал приз, на другой — медаль. Однако Климт не добился широкого общественного признания. Художник камерного типа, он вращался в узком кругу поклонников. Жил на средства, полученные от выполнения частных заказов. Чаще всего писал портреты своих

подруг. Пробовал работать и на государство, но дело кончилось если не полным провалом, то крупным скандалом, о котором речь впереди.

Климт создал не более 200 произведений. Эта цифра не впечатляет: многие его собратья по кисти оставили потомству в пять, а нередко, и в десять раз больше. Работ Климта, за исключением двух или трех, нет в крупнейших мировых музейных собраниях, его имя трудно найти даже в солидных каталогах и энциклопедиях. Все творческое наследие художника осталось на родине в Австрии или в соседних странах, которые входили в то время в состав Австро-Венгерской монархии. К этому следует добавить: настенные картины для общественных зданий Климт выполнял вместе с коллегами «бригадным способом», а часть его лучших творений уничтожили эсэсовцы, отступавшие во время Второй мировой войны под напором частей Советской Армии.

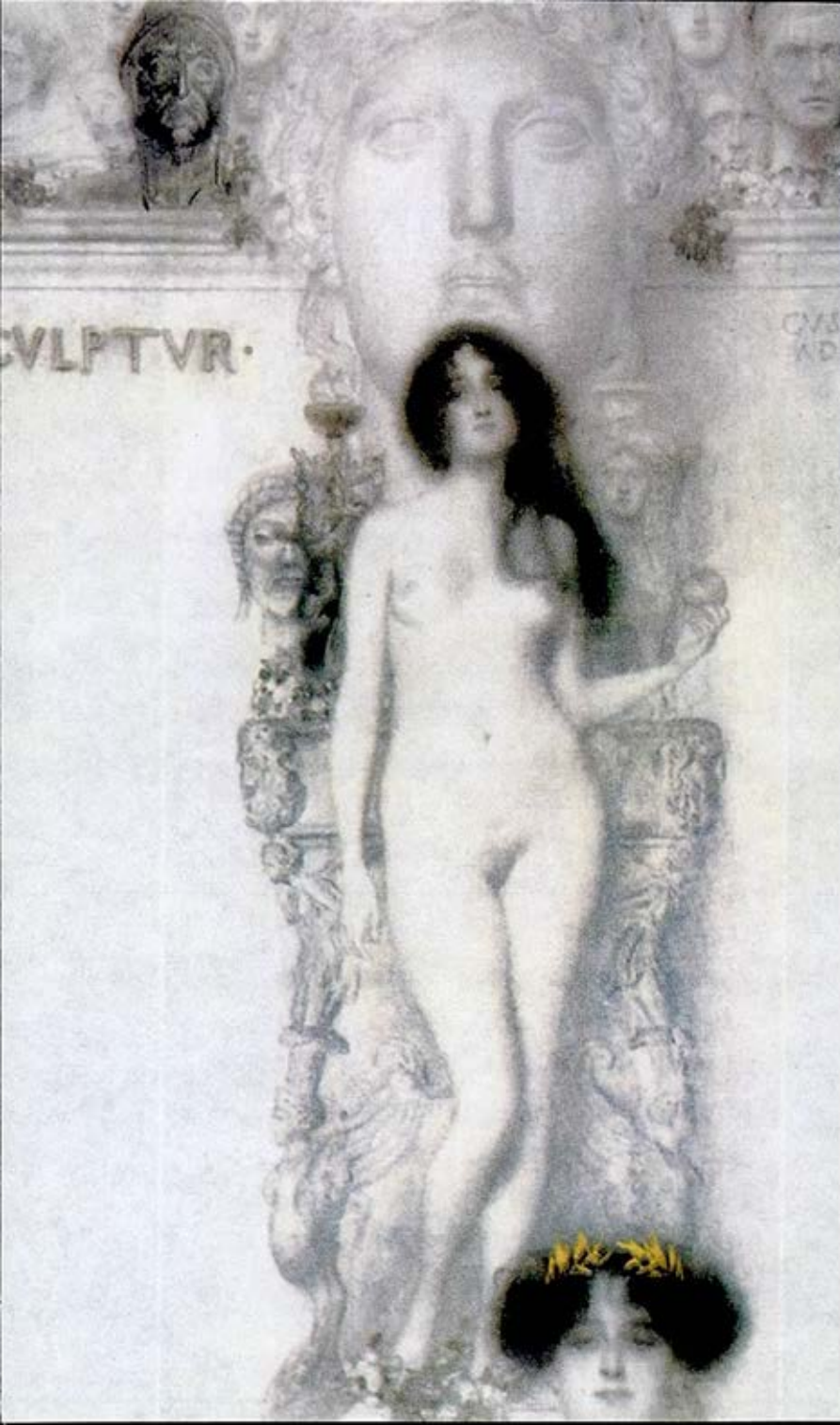
Словом, Климт не масштабный художник. Он не отличался титанизмом — той особой продуктивностью, которая свойственна почти всем великим мира живописи.

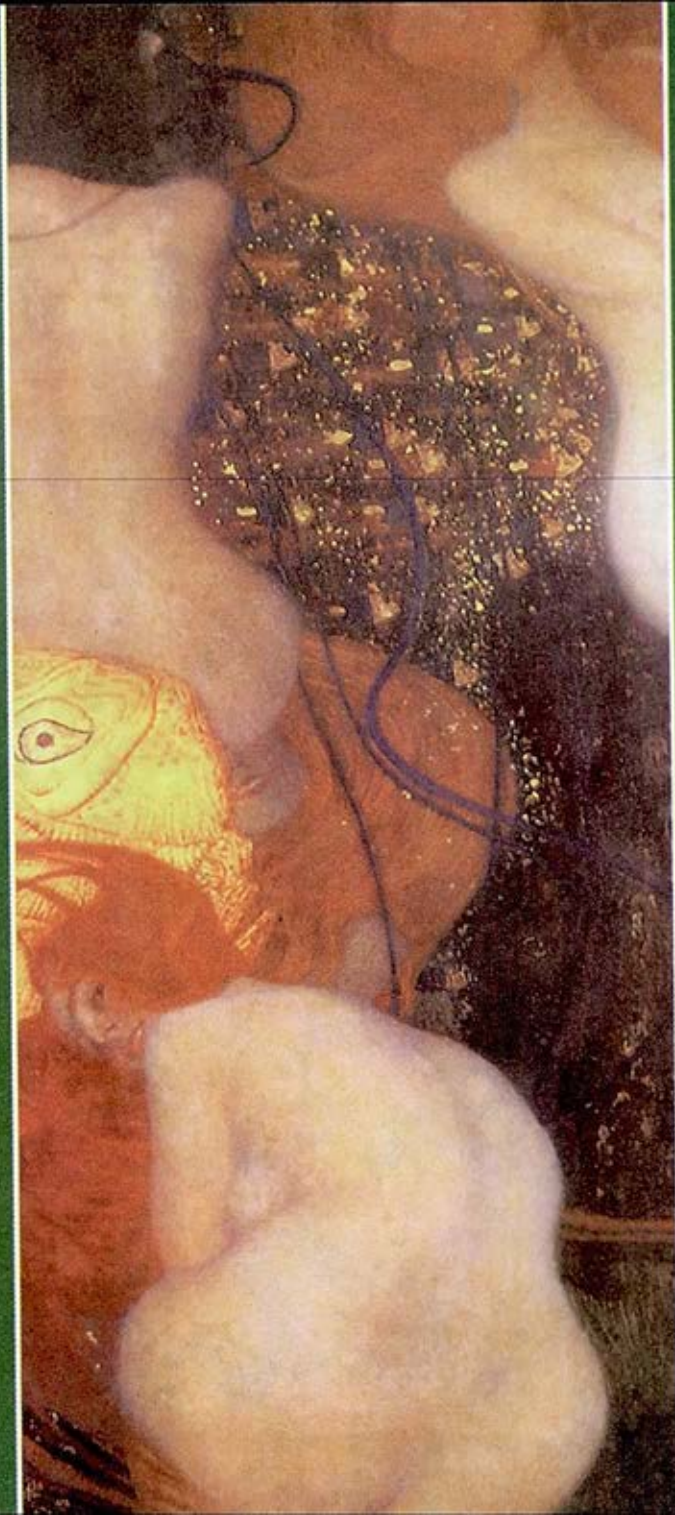
На австрийском искусствоведческом поле Климт, естественно, был заметен. Однако первые более или менее серьезные публикации о его творчестве появились лишь в наше время. А в последние годы начался поистине сенсационный всплеск интереса к художнику. Аукционные цены на его работы взлетели до небес, на прилавках книжных магазинов повсеместно появились монографии и красочные альбомы на любой вкус. Представители музеев и художественных галерей осаждают владельцев частных собраний в надежде заполучить хотя бы набросок с подписью ГК «Густав Климт». Короче, налицо триумфальное возвращение мастера. И неизбежен вопрос: в чем же дело, в чем секрет его запоздалого успеха? В поисках ответа обратимся в прошлое.

В конце XIX века на смену импрессионизму стала приходиться живопись новых направлений. Она была не лишена эклектич-

CVLPTVR.

CVS
AD

Золотые рыбки, 1901 — 1902.

ности, поскольку формировалась из нескольких разнородных элементов. Творцы этого новомодного стиля дополняли идеи французских постимпрессионистов символизмом и приемами традиционного немецкого народного искусства, сохранившегося с языческих времен. В Германии и Австрии новое искусство с наибольшей отчетливостью выразило себя в рамках так называемого “югендстиля”. Слой западноевропейской культуры, связанный с “югендстилем”, не очень популярен в России, традиционно ориентированной на французские духовные ценности. Помните, еще у Грибоедова читано: “А все Кузнецкий мост и вечные французы от них и моды все, и авторы, и музы”. Между тем в “югендстиле” была своя изюминка.

Штукк, Клингер, Беклин и другие представители этого “молодежного” течения отвергали “бесформенность” импрессионистов и требовали перехода от экспериментов со световоздушной средой к осязаемости, вещности изображаемых предметов, к твердому, правильному рисунку “чистой формы”.

“По картинам импрессионистов можно познать погоду, но не живопись. Долой моду, вперед к стилю”, — провозглашали они. Стиль в их понимании являлся не столько искусствоведческой категорией, сколько символом тесного единства культуры и реальной жизни.

Австрийская живопись традиционно считалась одним из ответвлений, “младшим братом” некоего общего немецкого искусства. В таком качестве она восприняла и “югендстиль”, восприняла при активном и мощном сопротивлении консервативных академических кругов, особенно влиятельных в Венском университете. Густав Климт стал, как говорят немцы, “румяным энтузиастом”, основоположником и первопроходцем “молодежного” стиля. За ним потянулись не только молодые художники, но и поэты,

*Театр Теормины.
1886 — 1888.*

Надежда. 1903.

Юдифь. 1909.

музыканты, писатели. Образовалась новая культурная прослойка, из которой выросло немало знаменитостей. Достаточно назвать Артура Шнитцлера, Густава Малера, Рихарда Штрауса, Зигмунда Фрейда, Франца Кафку.

Густав Климт родился в 1862 году в пригороде Вены Баумгартене. Его отец, выходец из Богемии (так раньше называлась австрийская провинция Чехия), пробовал свои силы в ювелирном деле, занимался гравированием, но больших успехов не достиг. Азы искусства Густав постигал в Венской государственной художественной школе под руководством неплохих мастеров М. Ризера, Л. Миннигероде и Ф. Ляуфбергера. Но в наибольшей степени художественное развитие Климта протекало под прямым воздействием Ганса Макарта.

Макарт считался тогда главой школы, лидером венских живописцев. Его жанровые картины и портреты отличались броскостью, сочностью красок. Ателье мэтра поражало воображение посетителей, и состоятельные горожане спешили оформить свое жилище в таком же духе. А это означало развесить старинное немецкое оружие на фоне пышных персидских ковров, расставить дубовые нюрнбергские книжные шкафы с еловыми шишками и скрещенными стрелами на дверцах, вложить в высокие напольные вазы огромные пучки засушенных диких трав. В ранних работах Климта влияние Макарта просле-

Даная. 1907 — 1908.

живается отчетливо. Это тяга к поискам неизбитых колористических решений, к игре красок, к броскости, стремление подчеркнуть контрасты света и тени. Особенно чувствуется макартовская манера и хватка в двенадцати настенных картинах, выполненных при оформлении Венского музея истории искусства в 1891 году.

Шлосс Хаммер на Аттерзее. 1908.

Над этим заказом Климт работал в сотрудничестве со своим братом Эрнстом и еще одним молодым одаренным венским художником Францем Матчем. Задание было сложным, но интересным: показать развитие искусства всех времен и народов. Молодежной троице пришлось заняться изучением истории художественного творчества. В частности, Климт использовал в своих картинах стилевые элементы древнеегипетского, древнегреческого, византийского и средневекового искусства. Прodelанная работа не осталась лежать мертвым грузом: в дальнейшем художник ак-

тивно использовал приемы старых мастеров. Он вводил в живопись фрагменты чеканки по металлу, мозаику, применял вместо обычного клеевого грунта золочение или серебрение.

После внезапной смерти Эрнста трио распалось. Климт в поисках своего пути окончательно порвал с традиционным искусством. Ломающееся время рубежа эпох не давало на его вопросы однозначных ответов. Густав метался между суровыми мюнхенскими символистами и веселыми французскими неоимпрессионистами, группировавшимися тогда на Монмартре в кабачке "Проворный кролик". И в то же время присматривался к англичанам — его восхищала изысканная манера Уистлера. Незаметно для себя увлекающийся художник подобрался к опасной черте, за которой начинается подражательность, потеря своего лица. Картины Климта, созданные в конце XIX века, удивляют зрителя стилевым разнообразием, а если без реверансов, беспринципной всеядностью. Классика сменяется откровенно подражательным "импрессионом", стилизованная декоративность — фотонатурализмом; язык символов и аллегорий уступает место строгой по рисунку и в то же время сочной реалистической живописи. Климта с полным основанием можно назвать эклектиком, но с одной важнейшей оговоркой: все, за что он берется, носит отпечаток высокого мастерства и утонченного вкуса.

В апреле 1897 года Климт организовал венский Сецессион (в переводе с немецкого — отделение). В этот творческий союз, созданный по образцу Сецессиона мюнхенского, вошло восемнадцать приверженцев "югендстиля". Задачей союза, по замыслу Климта, являлось "живое взаимодействие художественной жизни Вены с современным передовым зарубежным искусством". Развивая свою идею, живописец в кругу друзей говорил: "Мы хотим своего искусства без прислуживания чужому, но в то же время без боязни чужого и без ненависти к нему. Зарубежное искусство должно помочь нам постигнуть самих себя".

Первой сецессионистской работой Климта следует считать "Трагедию". Все, что он создал до этого, с первого взгляда рифмовалось с картинами известных мастеров. Например, "Басня" давала повод вспомнить о средневековых девушках Кранаха, фигуры мужчин в "Идиллии" казались попросту заимствованными у Микеланджело, а "Зал старого городского театра" сильно напоминал подкрашенную фотографию (фотоаппаратом Климт не пренебрегал и потом, особенно при портретировании).

В "Трагедии" художник начал открывать себя. Добиваясь особой выразительности, он попробовал не живопись, а то, что называют смешанной техникой: черная пастель, перо, золото, белила. Лицо женщины-актера, снявшей после спектакля мужскую маску, убедительно передает мрачное настроение, навеванное, как видно, только что сыгранной ролью. "Трагедия" дала Климту первый небезуспешный опыт создания философско-символических произведений.

В “Течении” Климт столь же уверенно зарекомендовал себя мастером в другой области — речь идет о передаче эротических фантазий. Разбросанные по плоскости картины обнаженные девушки с распущенными длинными волосами причудливо сплетаются друг с другом, как струи бесконечного потока. В дальнейшем Климт почти всегда вводил в свои картины элементы эротизма.

В излюбленном художником многих столетий сюжете “Юдифь” Климт достигает подлинного блеска. Картина стала эталоном, визитной карточкой мастера. Художнику удалось органично соединить, казалось бы, несоединимое: реалистическое начало с декоративностью. Соблазнительная, блестящая золотом роскошная “роковая женщина” с обнаженной грудью подана зрителю, как на блюде. Климт откровенно использует популярный библейский сюжет для демонстрации женской чувственности и женского коварства. Но разве не так же поступил Леонардо да Винчи в “Тайной вечере”? Он отошел от Писания и изобразил не возлежащих, а сидящих за столом людей — своих современников.

Портреты кисти Густава Климта стали желанной принадлежностью гостинных крупных буржуа. Заказчицы, состоятельные дамы венского света, старались опередить друг друга, но Климт назначал высокие цены и не торопился. Его поклонницей и пожизненной меценаткой стала фрау Серена Ледерер. Лишь за свой первый

Враждебные силы (деталь фриза Бетховена). 1902.

портрет она заплатила художнику неслыханную сумму — 36 тысяч крон.

На рубеже веков Климт получил крупный заказ от министерства культуры и образования Австрии. Ему предстояло написать три больших панно для потолка актового зала Венского университета. По замыслу чиновников, картины должны были служить как бы живописными эпиграфами факультетов основных сфер деятельности учебного заведения (философия, медицина, юриспруденция).

Климт заказ выполнил. И почти сразу, еще до завершения работы, попал под жестокий огонь критики. Хуже всего то, что среди недоброжелателей оказались не только консерваторы-академисты, но и многие коллеги, собраты по Сецессиону. Климт творческую задачу решал в своем духе. Он населил панно вереницами женщин, страдающих или наслаждающихся в извечной жизненной круговерти; эротичные позы миловидных дам и вызвали, собственно, бурю протестов. “Это порнография, а не живопись”, — утверждали критики. Короче, разразился скандал.

Министерство культуры и образования под давлением общественности приняло решение аннулировать заказы. Климт, как уже говорилось, зарабатывал достаточно. Он забрал панно в свою мастерскую и вернул аванс государству. А через год “Философия” снискала золотую медаль на Всемирной парижской выставке. К сожалению, “живьем” увидеть спорные университетские картины художника нельзя: они погибли во время войны. Представление о них могут дать лишь немногочисленные этюды и цветная репродукция фрагмента панно “Медицина” — изображение чудотворной дочери Эскулапа Гигиены.

Подобно своему современнику Францу Штукку, Климт, независимо от решаемой задачи, почти никогда не обходился без демонстрации обнаженного женского тела. Но у Штукка женщина — носитель демонизма, мистики и какого-то вселенского разврата. У Густава Климта подход иной, утонченный. В его картинах привлекательные и изящные дамы чаще всего имеют томный вид, рассеянные взгляды. Они символизируют мечту, томление духа, грезы о недостижимом небесном идеале. Грубые сильные страсти были чужды Густаву Климту. Может быть, только в “Саломее” он показал, какой свирепой может быть молодая женщина, с каким вожделением она способна впиться цепкими пальцами в отрубленную по ее желанию голову несчастного Иоанна Крестителя.

...Венские сецессионисты задалась целью увековечить память Бетховена в какой-либо общеевропейской акции, а заодно показать публике достижения художников “югендстиля”. Немецкий скульптор Макс Клинггер выставил статую великого музыканта; венцы во главе с Климтом в течение немногих недель оформили стены выставочного центра Сецессиона. Вкладом Климта был фриз, задуманный как свободная изобразительная интерпрета-

ция знаменитой Девятой симфонии Бетховена. Первую часть художник назвал “Тоской по счастью”, вторую — “Темными силами”. Третью часть, следуя характеру музыки, окрестил еще более отвлеченно: “Царство мое не от мира сего”.

Бетховенский фриз вызвал если не шок, то новую волну пересудов и толков. Мнение публики и критики раздвоилось. “Выверты кокаиновых фантазий”, “декадентство” и “апология лесбиянства” — это еще не самые жесткие критические высказывания. Что же, женская привлекательность, как источник жизни и наслаждения, рождение и смерть — опорные точки творчества Климта. Но разве все это вне извечного круга бытия? Эротика всегда интересовала живописцев; они справедливо видели в сексуальных мотивах существенную сторону человеческого бытия. Пикантными сюжетами увлекались многие корифеи, в особенности, Тициан и Гойя, Климт в этих делах не первый и не последний, говорили более пронизательные.

Скандалы — действенная форма рекламы. Участие в спорных, эпатажных выставках Сецессиона обеспечило Климту известность и в Австро-Венгрии, и за ее пределами. В начале двадцатого века он получил частный заказ на оформление небольшого здания. На этот раз творческие возможности предстояло показать в брюссельском Паласе Стокле. За четыре года художник создал образцовое декоративно-орнаментальное произведение.

Работая в Паласе Стокле, Климт не забывал и о станковой живописи. Именно в эти годы он создал две картины, одной из которых суждено было стать самой известной, а другой — наиболее занятой и привлекательной. “Три возраста” — большой квадратный холст с фигурами ребенка, молодой женщины и старухи. Наверное, никто и никогда не подчеркивал так безжалостно все уродство дряхлого старческого тела, всю неприглядность человеческого заката, как это сделал Густав Климт. Неизбежность смерти и конечного распада он показал в виде двух абсолютно черных квадратов (“Черный квадрат” Казимира Малевича появился несколько позже). Климт выступил здесь, как атеист, не давая даже намека на бессмертие души, утлой надежды на загробную жизнь. За старостью только небытие, полный мрак...

Картина “Три возраста” имела успех. После венецианской выставки ее приобрела Галерея современного искусства Рима.

Климт неоднократно пробовал свои силы и в пейзаже. Написанные в разное время, они в полной мере отражают эволюцию художественной манеры мастера: ранние отдают “импрессионизмом”, поздние — стилизацией и декоративизмом. Пейзаж несколько расширяет шкалу творческих возможностей Климта, разнообразит его палитру, но погоды все же не делает. Иное дело портреты.

“Портретный” Густав Климт начинается с 1902 года. Первой вдохновительницей явилась Эмилия Флеге, сестра вдовы Эрнста,

родного брата Климта. Подруг и увлеченный современники насчитывали у Густава немало — в сердечных делах он прослыл типичным представителем венской богемы. Но любил он только Эмилию. Положение родственника давало возможность встречаться открыто, вместе проводить время, совершать поездки. Некоторые исследователи, правда, полагают, что отношения Густава и Эмилии были платоническими и служили удобным прикрытием других связей.

Портрет Эмилии Флеге содержит все то, за что ценят Климта: оригинальность замысла и исполнения, богатство красок, сочетание декоративности с реалистическими элементами. Художнику был известен секрет “поющего” геометрического орнамента. Нельзя не высказать предположения, что наш Алексей Толстой в “Аэлите”, строя контуры фантастической цивилизации, использовал идею “поющих” рисунков с оглядкой на Климта.

Если портрет Эмилии Флеге художник писал по любви, писал так, как поет птица — свободно и радостно, то со вкусами и требованиями богатых заказчиц приходилось считаться. Поэтому многие женские портреты Климта эклектичны. На треть они реалистичны, на треть декоративны. Оставшаяся треть — добротный импрессионизм в стиле Ренуара.

Началась мировая война. Климта все это будто не касалось. Он замкнулся в мастерской, продолжая работать над заказными портретами, комбинируя хорошо отшлифованные приемы. Смерть постигла пятидесятипятилетнего художника в начале 1918 года, но творчески он умер раньше.

Прошли десятилетия сумрачного полужабения. И вот Климт вернулся. На белом коне триумфатора. Климт восхитителен. И уже пущено пробным шаром слово — “великий”. Но не будем спешить присоединяться к этому мнению. Хотя, бесспорно, Климт тонкий, своеобразный, красивый.

Дева. 1912 — 1913.

Геннадий ПАДЕРИН

ЗВЕРИНЫЙ НЯНЬ

Звонок настиг в коридоре, считай, на выходе во двор, и он, понаянно вздохнув, кинул через плечо:

— Все, дорогие мои, все, уже в пути, разогревайте ужин.

Будто домашние могли услышать эту его ежевечернюю заслонку от их заботы. Тем временем телефон не оставлял попыток дозваться хозяина — похоже, звонили не из дома. Принудил себя вернуться в кабинет.

— Или ночевать мне тут? — пробурчал в трубку.

В ответ прорезалось снвозь всхлипы:

— Ростислав Саныч, Батыр...

У него перехватило дыхание:

— Что, заломал ного?

— Слюна... Хрипит и слюна ручьем...

— С вами не соскучишься! — вырвалось помимо воли, но тотчас опамятовался. — Без паники, Роза! Снажи, чтоб открыли боко-

вые ворота, я — пулей... Только не вздумай входить к нему!

...Сентябрьские сумерки успели утрамбоваться в сизый морок, пришлось включить ближний свет. Выруливая за ворота, проговорил в пустоту, адресуясь к блюстителям дорожного правопорядка на улицах города:

— Ну, не взыщите, мужики, Батыру худо!

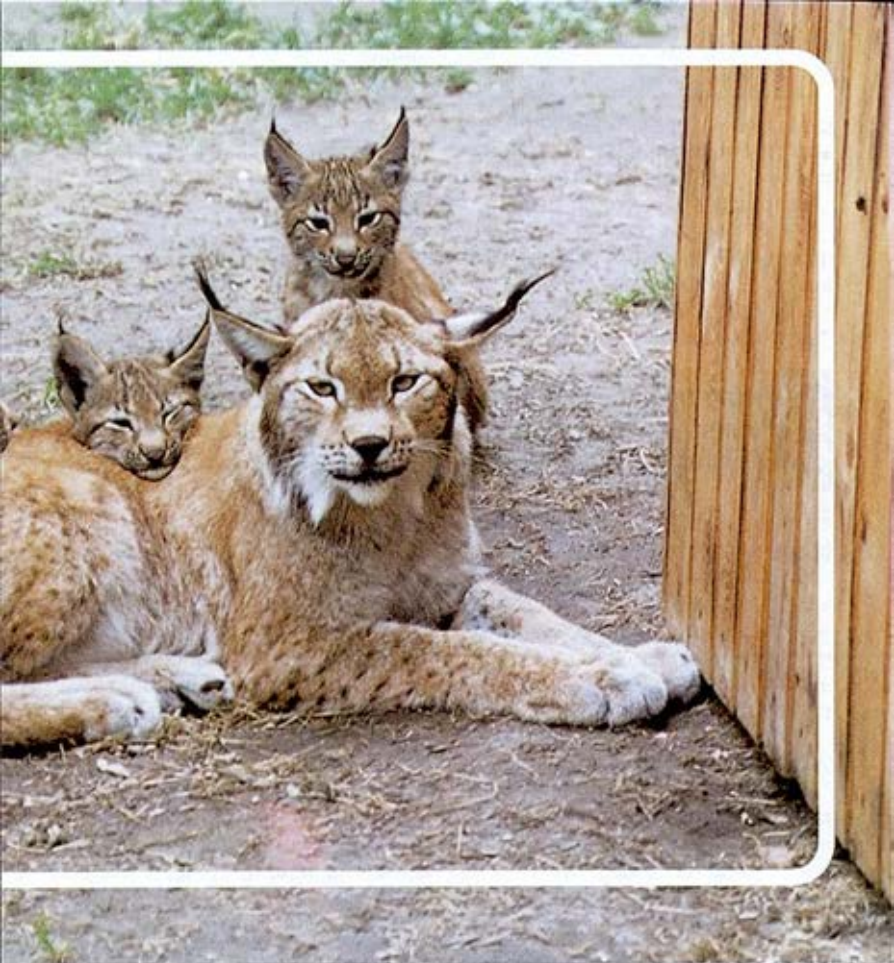
Пуля знает один путь к цели — по прямой, ему же, увы,

маршрута не спрямить: исходная позиция — старая площадка Новосибирского зоопарка в районе Центрального рынка, конечный пункт — новый плацдарм того же зоопарка на территории Ботанического сада. Отсюда и молитвенное — "Не взыщите, мужики!.."

Подловился на пересечении Нарымской и Дуси Ковальчук, когда Нарымская вынесла его испытанный "уазик" на стокилометровом разгоне на взгорок этого непродыхаемого перекрестка. Вынесла, увы, на красный свет. Затормозить — значит потерять минуты три, не меньше, а это может стоить Батыру жизни, и он ринулся в гущу урчащего мотора "муравейника", ринулся, непрерывно сигналив и жонглируя светом фар.

И проскочил ведь, проскочил. Оставил смертоносную зону за спиной, чудом избежав не то что

вмятин, но даже царапин, просночил, и уже там, за гранью заслонившей путь магистрали, метнулся к нему с обочины с жезлом в руке и свистом в зубах разгневанный автоинспектор.

Не остановился — не простил бы себе эту задержку. Лишь чуть сбавил скорость, чтобы вскинуть над головой руку с часами, циферблатом к окну: знак инспектору, дескать, выну-

жден беречь секунды. Сомнительное, надо сказать, объяснение для инспектора, и дальше события развивались по залихватскому киносценарию: трель свистка сменилась воем сирены, а в зеркальце заднего вида замельтешила мигалка рванувшегося по пятам милицейского "жигуленна".

Только ехать-то оставалось всего ничего, через каких-то па-

ру сотен метров он заложил под визг тормозов левосторонний вираж, а еще через сотню рванулся вправо — к высокой металлической ограде с высвеченным фонарями проемом распахнутых ворот. Милиция не отставала.

Так, под конвоем, он и подлетел к обиталищу Батыра — про-

выпрыгивая из машины и на ходу сбрасывая кожанку. — Каким мясом сегодня кормили?

— Как всегда, свежим. Сама проверяла.

— Зоотехник обязан думать не только об этом! Как кости были порублены?

— Думаете, мог подавиться?

Территория Новосибирского зоопарка 53 гектара (в Москве — 16); зоопарк ежегодно посещают до 800 тысяч человек.

сторной вольере, сплетенной из стальных прутьев в палец толщиной. У бетонного парапета вольеры, прижавшись лицом к стальной решетке, топталась зоотехник Роза Каипбердиева, уговаривала сквозь слезы виновника переполоха:

— Сейчас, миленький, сейчас, потерпи еще немножко...

Тигр лежал, расслабив трехметровое пружинистое тело, на пожелтой траве в глубине вольеры — задние лапы откинута в сторону, передние вытянуты перед собой. На них опиралась отвисшая челюсть с безвольно свесившимся набок длинным языком. В свете фонаря поблескивала стекавшая с языка слюна. Точеная голова могучего зверя лишилась своего изящества, болезненно дергаясь при каждом вздохе, и каждый вдох сопровождался судорожным храпом.

Роза повернулась на шум моторов, промокнула зажатым в кулачке платочком глаза.

— Скорей, Ростислав Саныч, он... у него...

— Ну, ну, без истерики, сейчас разберемся, — выдохнул он,

Пожал молча плечами, сунул ей кожанку, принялся закатывать рукава сорочки. Тут-то и наступил увязавшийся следом блюститель дорожного движения — высокий, ладный, напористый:

— Патрульная служба города, майор Горох. — Взял под козырек. — Ваши документы, пожалуйста!

— Винюсь, майор, влип — не отвертеться! — Кивнул на кожанку в руках девушки. — Если время не терпит, права и техпаспорт во внутреннем кармане... Роза, помоги майору.

Сам той порой опустил на колени у бетонного основания вольеры, протиснул голые руки между стальными прутьями.

— Батыр, — произнес с металлом в голосе, — валяй сюда! Ну, ну, пошевеливайся!

Зверь медленно, через силу сгруппировался, подтянул под себя лапы, постоял, пошатываясь.

— Давай, давай, двигай!

Все так же всхрапывая и подергивая опущенной чуть не до земли головой, зверь переступил с ноги на ногу и, наконец, ползая к металлической изгороди. Пенящиеся хлопья слюны

оседали на траву, помечая путь, а из глаз — или это показало? — сочились слезы.

— Ну, ну, не раскисай!.. Ближе, еще ближе... А теперь открой рот!.. Шире, еще шире!..

Подрагивающие челюсти раздвинулись, в свете фонаря угрожающе сверкнули оголившиеся клыки. И человек застопорился. Нет, не утратился — именно застопорился, собирая силы, чтобы проглотить подступивший к горлу сгусток дремавшего доселе первобытного сигнала опасности. Зверь терпеливо ждал, обдавая лицо человека брызгами слюны.

Надо было решаться, дальше канителиться стало нельзя. Человек ухватил зверя одной рукой за короткое хрящеватое ухо, а второй скользнул по локоть в жаркое жерло обслюнявленной пасти, в глубину глотки, к основанию языка — на удивление шершавого, точно наждачка. И там, в сияющей глубине, пальцы тотчас нацупали обрубон крупной кости, кончавшейся гладким, словно бильярдный шар, закруглением. Оно и застряло на входе в пищевод.

Оказалось, кость удерживал на привязи жгут сухожилия, заклиненный между коренными зубами. Не давал хода ни назад, ни вперед. Видать, угодил в дупло.

Первым побуждением было — порвать заклинну, он и приготовился это сделать, но стоило потянуть на себя упругую сухожильную связку, зверь зарычал от боли и едва не сомкнул челюсти. Собственно, они уже пришли в движение, только человек успел буквально в последний мо-

мент остановить произвольный порыв:

— Батыр!

Окрик подействовал, челюсти затормозились. Человек выпустил ухо зверя, отер освобожденной рукой испарину со лба и брызги слюны.

— Роза, ножнички бы мне, тут сухожилия в зубах завязла.

— Ой, Ростислав Саныч, это в каптерку же надо бежать.

— У меня складень с собой, — дохнул в затылок майор.

— Годится, только открой самое маленькое лезвие.

Зажав между большим и указательным пальцами полоску ножа, человек просунул между клыками вторую руку, принялся перепиливать сухожильную бечеву. Наверное, это заняло секунду или две — ему же показалось прошла вечность. Наконец, удалось вынуть из глотки необычный кляп. Отбросив его, человек подтолкнул кверху тыльной стороной ладони отвисшую челюсть "пациента" и проговорил ворчливо:

— Жевать надо, милый, прежде чем глотать.

Из-за спины донесся облегченный всхлип Розы:

— Все, Батырчик, испей теперь водички, сразу полегчает.

Зверь набрал полную грудь воздуха, покрутил головой, точно проверяя, все ли в норме, и вдруг лизнул руку, которая все еще оставалась внутри вольтеры.

Человек поднялся с колен, вернул нож хозяину.

— Спасибо, майор! — И только теперь увидел у того в руках пистолет. — А это зачем?

— На случай, если бы...

— Неужто стрельнул бы?

— Не в него, само собой, в небо.

— Да ты знаешь, какая у них нервная система ранимая? Чего доброго, аппетит потерял бы от испуга.

— А рука? Еще бы немного, и...

— Ну, мог память, не исключаяю. Залечили бы. Что называется, производственная травма... Да, ты же документы просил.

— Уже не надо, — козырнул тот, прощаясь. — Что называется, производственный переклест: не сразу уразумел, что к чему.

— Постой, майор, ты из каких Горохов-то будешь? К Виктору Пантелеичу покойному не имеешь отношения?

— Отец мой.

— Вот и гляжу, хватка знакомая. С мужским характером был человек.

— В пасть к тигру, — усмехнулся майор, — с девичьим характером тоже не сунешься.

II

Метровый лист картона, припиленный к дощатому забору, покрашенному под цвет августовского неба, притягивал к себе взгляд за добрую сотню метров.

“Зоопарку требуются рабочие для ухода за животными”.

Все. Коротко и ясно. Зоопарк — вот он, за картонкой, и коли просится душа понянькаться со зверьем — айда, испытай себя, а так — шагай себе мимо по своим неотложностям.

Ростислав пошагал к телефону-автомату, сообщил о картоне отцу. Александр Александрович Шило к тому времени занимал должность начальника охото-

устроительной экспедиции, и хотя она именовалась Западно-Сибирской, регион ответственности простирался на все Зауралье, вплоть до Дальнего Востока. Помимо этого Шило был известен среди зоологов мира как автор двадцати семи научных статей, посвященных представителям животного мира, а также первого в Советском Союзе капитального труда по биотехнике, в свое время представленного на Сталинскую премию, которая застыла в связи со смертью вождя.

Короче, Шило-старший имел в науке вес, и он, очевидно, подумал, что сын вознамерился опереться на отцовский авторитет.

— Ты хочешь, чтобы я позвонил директору зоопарка?

Ростислав удержал себя, не повесил трубку:

— После подобного звонка я обходил бы зоопарк за километр!

— Так чего тогда тратишь время — и мое, и свое?

— Хотел услышать, что посоветуешь. Может ведь получиться, картон позвал на годы. А то и на всю жизнь.

— Это другой разговор, сын. — Отец вздохнул с облегчением. — Двадцать один — возраст мужских решений, я на твоём месте доверился бы такому выбору.

...Директора зоопарка звали Геннадием Ивановичем. Геннадий Иванович Михайлов. Это Ростиславу удалось установить с помощью девушки, сидевшей за пишущей машинкой в приемной, и теперь он, переступив порог кабинета, деликатно уместился

на краешке стула у окна, за которым теснились клетки с волками и лисицами.

— Значит, говоришь, сельхозтехникум? — выспрашивал Геннадий Иванович, навалившись грудью на борт "дредноута", как

Ростислав, недоумевая, пожал плечами, стал вспоминать:

— Мы до Новосибирска в Нуйбышеве жили, там была собака. Овчарка. За нее у нас в семье младший братишка отвечал. За овчарку и за голубей. С на-

Впервые в мировой зоологической практике новосибирцы сумели обеспечить появление на свет и выживание потомства речной выдры, перевязки (семейство куньих), азиатской дикуши (семейство тетеревиных), камчатского снежного барана. Новосибирский зоопарк, помимо этого, оказался единственным, где смогли прижиться пугоранский баран (уже давший потомство) и гордый архар (аргали).

Ростислав почему-то обозвал директорский письменный стол. — Ветеринарный факультет?

— Я понимаю, лучше бы зоотехнический, но так уж получилось, — басил Ростислав, стараясь смягчить регистр — казалось, бас придает озвученным словам оттенок самонадеянности.

— А еще что за плечами? — продолжал наседать директор, будто зоопарку нужен был не рядовой работяга, а по меньшей мере кандидат на пост хозяина кабинета. — Какой еще багаж в запасе?

— Еще Высшее военно-морское училище во Владивостоке. Правда, не в полном объеме: вовремя спохватился, что это не мое.

— Ну, этот багаж не по нашей части, у нас контингент сухопутный, — кивнул Геннадий Иванович на клетки с волками и лисицами. — А вот снажи, собака имеется в доме? Или какая иная живность?

шей крыши по девяносто шесть голубей в небо поднималось.

— А ты сам, ты лично за него отвечал?

— На мне кролики были, чептыреста два ушастика.

— Смотри ты! И где же они в зимнее время у тебя квартировали?

— А в стайке. Я глину с коровяками замешу, соломы добавлю, и айда этим тестом стенки обмазывать. Ушастики не мерзли. Даже новую породу удалось вывести — пепельных, по семи кило каждый. Не один, конечно, мороновал над этой новой породой, отец подключался...

Директор поднялся, обогнул "дредноут", присел возле Ростислава.

— Кролы — это, друг мой, домашняя живность, — положил с подкупающей доверительностью тяжелую руку на плечо. — А вот на медведей не забоялся бы пойти?

— С рогатиной?

В необъятной России сегодня насчитывается 22 зоопарка, в микроскопической Японии — 77.

— Бог тебя простит этот шутковать! Не с рогами — с любовью. Но должен сразу поставить в известность: зарплата 37 рэ.

И замолчал, все не убирая руку с плеча. И Ростислав тоже не вдруг собрался с ответом, неожиданно вспомнив о той поре, когда в семье вчетвером обходились по очереди одними валенками. Ниспошли тогда им судьба этакий куш — по 37 рэ на душу, они увидели бы себя богатеями: отцовские 120 мать с трудом растягивала на месяц при наличии семерых едоков.

— 37 рэ? — переспросил Ростислав и, тут же покивав согласно, посчитал нужным определиться: — А что конкретно делать с медведями за эти рэ?

— Обыкновенно: кормить, убирать, мыть клетки... Короче, все то же самое, чем ты занимался когда-то в Куйбышеве, только подопечные будут называться не ушастиками, а носолапыми.

Шел август 1961 года. А через три месяца, в ноябре, они вновь сошлись "по кадровому вопросу" в том же кабинете, директор зоопарка и опекун носолапых, и первый, навалившись грудью на борт "дредноута", говорил второму:

— Есть мнение, Славик, что ты уже перерос свою теперешнюю должность, давай-на, брат, приступай к обязанностям ветврача зоопарка...

Спустя четыре года, в 65-м, они вновь сошлись "по кадрово-

му вопросу" в том же кабинете, директор и ветврач, и первый говорил второму:

— Есть мнение, Славик, что ты уже перерос свою теперешнюю должность, давай-на, брат, приступай к обязанностям заведующего секцией млекопитающих...

А спустя еще два года, в 67-м, они в очередной раз сошлись "по кадровому вопросу" в том же кабинете, Геннадий Иванович Михайлов и Ростислав Александрович Шило, и первый, прощально оглаживая палубу "дредноута", говорил второму:

— Есть мнение, Славик, что ты уже перерос свою теперешнюю должность, давай-на, брат, становись на капитанский мостик нашего корабля, а меня отпусти на отдых.

— Доктор, к нам тут пациента доставили — у него стопа перенушена, я укол от бешенства хотела сделать, так он...

— Рана большая?

— Зашивать надо.

— Давайте на стол.

— Не ляжет, доктор. Времени, говорит, нету. На стуле, говорит, посижу, пока рану обработаете.

— Посмотрите на него: нету времени! Не совал бы тогда ноги в пасть собакам.

— Не под собаку угодил, шимпанзе, говорит, тянул.

— О! Где это нелегкая его носила, в Африке, что ли?

— В зоопарке у нас. Он директор нашего зоопарка. Шило его фамилия.

— Вот шилом бы ему в известное место, чтобы не... Послушайте, так мы же с ним, однако, знакомы: этаний здоровяк с необузданной шапкой волос?

— И при усах, — вставила сестра. — Копна волос и усы.

— Точно он. Как-то дежурил на центральной "Скорой", и его к нам привезли с повреждением пяточной кости, гипс ему на ногу накладывали. Только тогда не с обезьяной — со снежным барсом у них что-то произошло...

В кабинет заглянула санитарка, поманила сестру:

— Неслух этот собрался уходить, требует носок и ботинок.

— Как же без перевязки! — всколыхнулась сестра. — Я сейчас...

Врач услышал, шагнул в перевязочную.

— Ну-с, что у нас на этот раз, царь зверей? Помните меня?

Они обменялись дружеским рукопожатием. Врач осмотрел рану, скомандовал сестре:

— Примите у бунтаря пиджак и брюки, только трусы, так и быть, оставьте, и — на стол! — Повернулся к пострадавшему. — А вы — со всеми подробностями — про инцидент: чем продиктована агрессия обезьяны, не проявление ли бешенства?

Нет, Ростислав Александрович ни минуты не сомневался, что нервная система у мальчугана Иржи в абсолютном порядке, просто этому прародителю рода человеческого надоело глазеть на мир из клетки, и он, поднатужившись, раздвинул стальную оплетку. Что называется, сила есть — ума не надо: одной левой (нак, впрочем, и правой) этот 14-летний подросток способен

жонглировать грузом под треть тонны.

Вырвавшись на волю, Иржи несколько раз кувыркнулся через голову по асфальтовому покрытию двора, пока не уткнулся головой в необычную преграду: на пути оказался деревянный помост для сварочных работ на верхних ярусах вольер. Обходить преграду расшалившийся юнец посчитал излишним, ухватил массивное сооружение за брусчатую поперечину, вскинул над головой и с размаха хряпнул об асфальт.

Перемахнул через обломки, наткнулся на трехметровую складную стремянку — ломать не стал, просто метнул ее на вершину ближайшей вековой сосны. Там она и осталась, зависнув в хитросплетении ветвей.

На этой стадии загула директор и преградил дорогу удалцу, повелительно выкрикнув:

"Иржи, в зимник!"

Зимниками именуются капитальные помещения, предназначенные для содержания животных в холодное время года, и это слово у них на слуху. Однако шимпанзе и не подумал повернуть вспять: поднялся на задние лапы, став сразу полутораметровой верзилой, и, угрожающе хукая, пошел на человека.

Но и человек сделал встречный шаг. Иначе нельзя было поступить: непредсказуемый гулван мог натворить беды. Сделал шаг, не имея при себе ничего, кроме мужества.

"Иржи, в зимник!"

Тот, продолжая хукать, втянул голову в плечи и присел, явно изготавившись к прыжку. Зловеще осклабил клыкастую

пасть. И тогда Ростислав Александрович решился — опередил противника, рванувшись вперед и в прыжке сунув в пасть обезьяне ногу. Правую. Носок ботинка.

Зверь опешил, но не отступил. Челюсти сомкнулись. Хрусткая боль пронзила ступню, человек потерял равновесие — повалился навзничь. И уже в падении, не потерявшись, изловчился и нанес свободной левой ногой еще один резкий удар по голове шимпанзе.

Угодил в подглазье. И, видать, хорошо припечатал: зверь взвизгнул и разжал зубы. Поставившаяся, опустил на три лапы, четвертой принялся... утирать слезы. Совсем как ребяенок: тыльной стороной ладони.

— Ладно тебе, дурачок, чего ты! — повинился Ростислав Александрович, поднимаясь. — Мне-то больше твоего досталось*.

Взял бедолагу за мокрую от слез лапу, повел, прихрамывая, в зимник.

— Такой вот обмен любезностями у нас получился, — подытожил, лежа на операционном столе, свое повествование директор зоопарка, и помолчав, добавил, — но вы, доктор, можете не сомневаться, никаких признаков бешенства у Иржи нет. Если надо, готов дать подписку, что ответственность за все последствия беру на себя.

Врач дал знак сестре, чтобы та вернула пациенту одежду, освободился от перепачканных кровью резиновых перчаток.

— Все же хочется понять: есть ли в зоопарке каная-никакая техника безопасности?

— Разве все предусмотреть, доктор? — вздохнул Ростислав Александрович, натягивая брюки. — Я лично попадал в переплет несчетно. Поначалу учет вел, после второй сотни бросил.

— О какой охране труда после этого можно говорить?

— А вы учитываете, сколько у нас подопечных?.. Впрочем, нет, не с этого надо начать — с Библии: там упоминается о животных ста тридцати видов. Так вот, зоопарк в Иерусалиме, символично поименованный библейским, чрезвычайно гордится, что удалось перешагнуть за эту черту и что количество особей превысило тысячу...

— Готов лично удостоверить, коли ваш зоопарк оплатит турпутевку в Израиль.

— Проще без всякой путевки прийти к нам: у нас не сто тридцать, а четыреста двенадцать видов, при этом количество особей перевалило за четыре тысячи...

— Ого!

— Это я не из хвастовства, это я к тому, что у каждой особи свой характер, свое восприятие условий обитания. Как ни стараемся расширить жизненное пространство, приблизить по возможности к естественной среде, неволя есть неволя, от этого не уйти...

— Убедили: в ближайшие выходные — я ваш гость.

IV

Домашнее задание на период весенних каникул было несложным: описать один рядовой день кого-нибудь из членов семьи. Десятилетняя Диана долго не раздумывала — она расскажет про деда. Надо только подгадать,

чтобы он не над бумагами в кабинете корпел, а возился со своим зверьем.

...Диана увидела деда издали. По копне волос узнала. Он сидел без шапки, уютившись на подбеленной снегом суноватой коряжине в дальнем конце вольеры,

зверя стеньке — она тянулась вдоль всего парапета, по кругу.

— Непонятно, почему они все в своих вольерах кругами ходят?

— Объяснение простое: самый протяженный маршрут получается, меньше разворотов. У Боксаны, например, проводили

Зоопарк участвует в 32 международных программах по сохранению редких и исчезающих животных мира. Из 412 имеющихся здесь видов 120 занесены в Международную Красную Книгу.

выделенной для росомахи Боксаны — такую ей здесь подарили кличку, сидел возле ее логова.

Сложенное из угловатых сколов гранита — этаний уютный наменный шалашик, логово было обшито изнутри досками. На взгорбке шалашика, тоже подбеленного подтаявшим мартовским снегом, и покоилась мохнатая дедова ушанка. Кверху чревом, из которого выглядывали кожаные перчатки.

— Смотри ты, как разжарился, — озаботилась Диана, — так, между прочим, люди и простужаются, весеннее тепло неважправдашнее.

— Бог не выдаст — свинья не съест, — отшутился дед и, кивнув на распахнутую металлическую калитку, позвал, — валяй сюда, коли к празднику поспела: у нас Боксана разродилась.

— А она меня не покусает?

— Мы ее в другую клетку отсадили, чтобы нервы ей побережь: сейчас с ее дитятами станем заниматься.

Оназавшись внутри вольеры, Диана с интересом огляделась, невольно остановив глаза на протоптанной в снегу лапами

замеры: в иной день она проходит по этому кругу до двадцати с лишним километров.

— Сколько же тогда у себя в лесу?

— Сравнила: на воле она и до сотни запросто пробегает. Ночевой зверь, непоседливый. И страшно хитрый, чертяка. Хитрюга и умница.

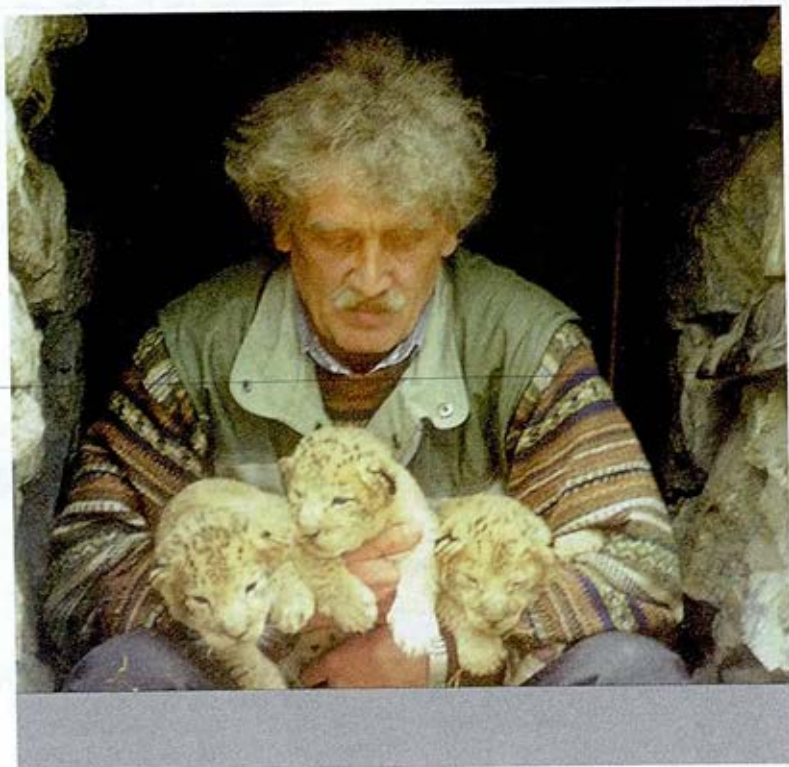
— Нравится тебе?

— Не то слово — люблю чертяку... Но почему ты не в школе, милая моя?

— Ну, дедушка, ты даешь: у нас уже два дня каникулы. Я вот напишу в сочинении, что ты только про своих зверей все помнишь... А чего это ты с руками делаешь?

Дед сидел в белом халате, накинута поверх камуфляжной военной куртки, с оголенными по локти руками; в ногах у него стояла алюминиевая миска с нажим-то коричневым месивом, он с тщанием обмазывал им одну и вторую руки. От миски несло помойкой.

Но вот он отставил миску, опустился перед лазом в росомашье логово на колени, просунул туда обе руки. При этом склонил

голову на бок, словно вслушивался в происходящее в норе. Лицо его разгладилось и обмякло.

— Внимание! — предупредил с торжественностью фокусника. — Прошу закрыть глаза.

Диана повиновалась, а когда вновь прозрела, на ладони у деда пушисто белел беспомощный комочек жизни. Всего ничего, сантиметров, может, около десяти в длину и чуть потолще дедова большого пальца.

— Там еще двое, — звенящим голосом объявил дед.

В это время в калитку протиснулась женщина, одетая, подобно деду, в белый халат — зоо-

техник зоопарка Роза Наипбердиева. Она принесла аптечные весы и штангенциркуль, сноровисто вываляла их, как и собственные руки, все в той же миске-помойке, после чего принялась взвешивать и обмерять детеныша росوماхи. Оказывается, кроме замера тельца требовалось установить длину стоп, ладошек, ушек, хвостика.

Пока все это происходило, дед стал объяснять Диане, какое на ее долю выпало счастье — увидеть только что родившихся росомашат. Счастьем он считал это по той причине, что в неволе росوماхи плодятся крайне редко, и после первого

такого события — оно было описано в 1906 году, — в историю вошло еще лишь 14 подобных случаев в девяти зоопарках мира, в девяти из двух тысяч.

— Так вот из этих девяти счастливиц один из самых удачливых — наш, новосибирский, — сообщил горделиво дед, — под нашим небом росомаха появляются в "домашних" условиях уже в четвертый раз!

— Понятно, — сказала Диана, не обнаружив, однако, при этом особого интереса, но не удержалась от вопроса, — а эта гадость в миске, для чего это?

— Это не гадость, — неожиданно вскипел дед, — это росомаха испражнения. Естественные выбросы, как у всего живого на Земле. А руки мы мажем для того, чтобы не травмировать психику мамы-росомахи запахом человека. Особенно на детенышах. Также понятно?..

...Из сочинения Дианы об этом дне деда:

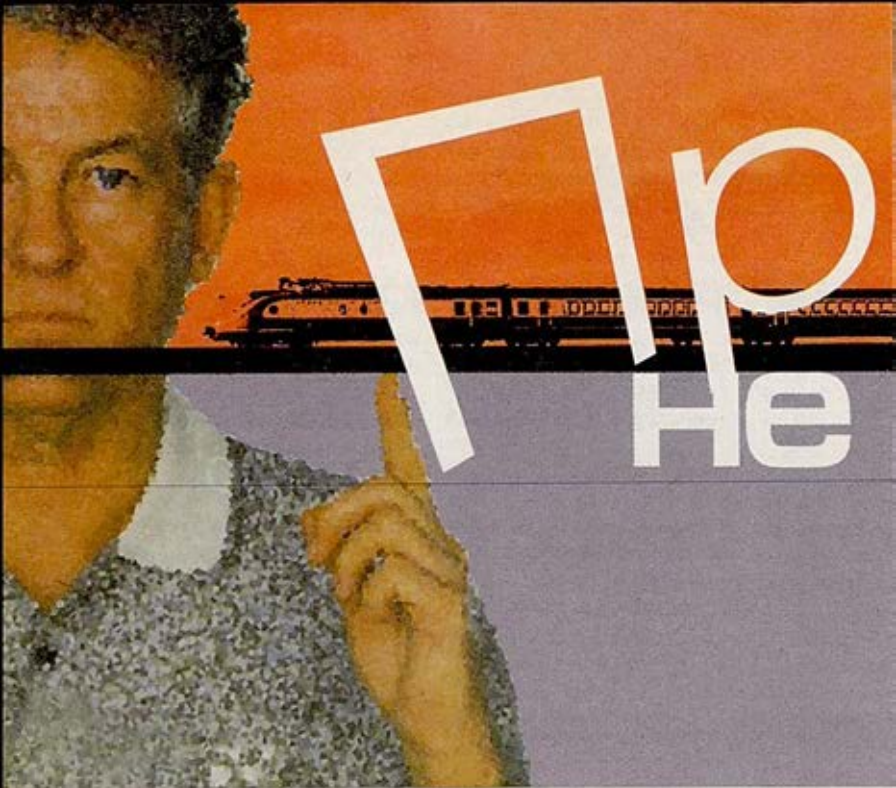
"Моего дедушку зовут Шило — это у него такая фамилия. Он работает в зоопарке.

В этот день у дедушки был большой праздник, потому что росомаха Боксана родила троих сыночков. Все сыночки очень маленькие. Даже меньше, чем сто граммов. Они все беленькие и совсем-совсем непохожие на свою маму. И еще они пока что слепые. И даже глухие.

Мне очень хотелось их погладить, только дедушка не разрешил. Чтобы погладить, надо было намазать руки упражнениями, а я отказалась..."

Дед прочитал, сделал правну в слове "упражнениями", сказал:

— И чего тебе втямшилось про меня писать? Напиши-ка лучше о своей маме. Или вон Андрей — тоже поинтереснее может получиться. А это твоё творение пусть останется мне на память... ■

Светлана БЕСТУЖЕВА-ЛАДА

—Решай, наконец! — кричал он в телефонную трубку, — выйдешь ты за меня замуж или нет? Сколько можно откладывать, нам же не по восемнадцать лет! Я больше не могу без тебя, ты мне нужна каждый день, а не во время моих командировок и твоих отпусков. Что тебя держит в Челябинске? Квартира? Сдай ее на год, на два, если пока боишься продавать. Работа? Вас не сегодня-завтра отправят в бессрочный отпуск без всяких денег, ты сама жаловалась. Ну, прощу тебя...

После этого телефонного разговора Елена Валентиновна, милостивая и обаятельная женщина

лет сорока, не спала всю ночь. А под утро решила: прав Евгений Михайлович, Женя, Женечка, последняя ее любовь, самый близкий друг. То, что началось пять лет назад как банальный курортный роман, неожиданно для них обоих переросло в крепкое, искреннее чувство. Отпуска они проводили вместе, частые командировки Евгения Михайловича в Челябинск позволяли еще несколько раз в год проводить вместе неделю-десять дней. Он останавливался в уютной, ухоженной квартире Елены, и жизнь для обоих становилась праздником.

Евгений Михайлович любил свою подругу со всем пылом

ОПавшая

веста

Уж сколько раз твердили миру: не откровенничайте с незнакомыми людьми, какими бы обаятельными и привлекательными они ни казались.

Не рассказывайте случайным попутчикам (и попутчицам) о ваших личных, служебных и особенно денежных делах.

Не пейте ничего — даже чай! — в незнакомой компании.

Не ходите в гости к незнакомым людям по первому приглашению.

Не отрывайте двери квартиры неизвестно кому.

Не... не... не... И все напрасно. Каждый считает, что неприятность (не говоря уже про драмы и трагедии) может случиться с кем угодно, только не с ним.

Со всеми проистекающими из этого заблуждения последствиями.

поздней, последней страсти. Через три года после начала романа он овдовел, а еще через год сделал Елене официальное предложение: выйти за него замуж и перебраться в Москву. Его взрослые дети давно жили отдельно, у них была своя, независимая от отца жизнь, свои дети. А Елена Валентиновна вообще была одинока. Казалось бы, чего тянуть-то...

Но что-то мешало ей принять окончательное решение. Во время последнего отпуска, проведенного, как всегда, в Kisловодске, Евгений Михайлович даже хотел забрать у Елены паспорт, чтобы подать заявление в загс —

такие возможности у него были. Но она воспротивилась:

— Ты с ума сошел! Как я буду без паспорта переезжать из города в город? Ни контейнер заказать, ни с квартирой вопрос решить. Приеду, тогда и подадим заявление: пять лет ждали, вполне можем еще месяц потерпеть.

Так и разъехались по своим городам. И вот теперь этот звонок. Утром Елена Валентиновна с полчаса придирчиво рассматривала себя в зеркале. Зеленоватосерые глаза все еще хороши, но морщинки возле них уже ничем не скроешь — только большими затемненными очками. Фигура неплохая, но, конечно, уже не та,

что была в двадцать пять лет. Всегдашняя гордость — тяжелые русые локоны — кое-где начали уже седеть.

"И все это ерунда! — подвела для себя итог Елена. — Не по хорошу мил, а по милу хорош. Красивая-некрасивая, умная-неумная... Мы любим друг друга, вот и все. И как бы ты, милочка, ни цеплялась за свою драгоценную свободу, пора делать выбор. А лучше Жени, как не ищи, больше не найду. В общем, решено".

Вечером она позвонила в Москву и сказала, что приедет, как только решит материально-бытовые проблемы. Скоро, жди. А про себя решила, что очень скоро. И сюрпризом.

На следующий день Евгений Михайлович должен был улететь в срочную командировку, за границу. Две недели отсутствовал, а когда вернулся, первым делом стал звонить в Челябинск. Но к телефону почему-то никто не подходил. Ни утром, ни вечером, ни даже ночью...

Так прошел месяц. Наконец ему удалось дозвониться, но незнакомый мужской голос ответил, что квартира сдана на год, они только что сюда въехали после ремонта, а хозяйка, насколько им известно, в Москве. Во всяком случае, именно туда она собиралась уехать две недели тому назад и уже отправила контейнер с книгами и прочими громоздкими вещами.

На Казанском вокзале еще пару недель спустя прибытие контейнера на имя Николаевой Елены Валентиновны подтвердили. Но о ней самой не было ни слуху, ни духу. В милиции над заявлением Евгения Михайловича только

что не посмеялись, во всяком случае, отнеслись скептически: передумала невеста, нашла другого. Тогда Евгений Михайлович и обратился за помощью к школьному еще другу, работавшему на Петровке, 38. Воистину, не имей сто рублей, а имей хотя бы одного верного друга в милиции.

Ясности, правда, не прибавилось, хотя кое-какую информацию и получили. Было установлено, что ни в одной больнице Челябинска, Москвы и всех городов, находящихся по пути, не было зарегистрировано поступления женщины с данными Елены Валентиновны. Контейнер с ее вещами был все-таки востребован, но сделал это какой-то мужчина по нотариально заверенной доверенности гражданки Николаевой. Другой мужчина какое-то время спустя — снова по доверенности! — продал квартиру Елены Валентиновны тем же людям, которые ее снимали. Продав со всей оставшейся там обстановкой всего за десять тысяч долларов. И исчез. Дешево продал, наверное, торопился. И никто из чиновников не заинтересовался ни этой спешкой, ни доверенностью на полное ведение квартирных дел без самой хозяйки, молодой и вполне дееспособной. Или не захотел поинтересоваться? Увы, и такое частенько случается.

Никаких особых примет предъявителей доверенностей никто не запомнил, фамилии в обоих случаях были самые обыкновенные, типа Смирнов или Иванов. Разыскать по таким данным человека довольно сложно. Да и на каком основании, собст-

венно, разыскивать? Друг Евгения Михайловича деликатно намекнул, что пропавшая невеста, по-видимому, оказалась довольно легкомысленной особой. Что лишний раз подтверждает истину: курортные романы до добра не доводят. "И вообще плюнь ты на это дело. Если к другому уходит невеста, то неизвестно, кому повезло. Особенно **такая**".

Кончилось все это довольно грустно: Евгений Михайлович с обширным инфарктом попал в больницу. Крушение поздней любви в полном смысле слова разбило его сердце. Чудом выкарабкался и строго-настрого запретил себе вспоминать о прошлом. В конце концов, когда мужчине стукнуло пятьдесят шесть, у него двое детей, трое внуков, интересная работа и несколько хороших друзей, всегда есть, чем заняться. Запретить-то запретил, но...

Но что-то в этой истории не давало ему покоя. Если бы все это произошло через месяц, ну через год после их знакомства с Леночкой, он бы поверил в возможность такого ее поступка. Женщины — народ непредсказуемый. Но пять лет близкого знакомства — срок серьезный. И никак не укладывалось все прежнее поведение Леночки в определение "легкомысленная". Во-первых, он был уверен — она действительно его любила, любила искренне, вполне бескорыстно, вовсе не надеясь на гипотетический брак, о котором, кстати, первоначально и речи не было. Во-вторых, никогда бы не согласилась приехать, если бы ее чувства изменились. А влюбиться в кого-то "вдруг", "с первого

взгляда" и перечеркнуть все предыдущее... Даже если бы это и произошло, сообщила бы ему. Позвонила бы, написала... Нет, не вписывалась его нежная, серьезная, пунктуальная до смешного Леночка в образ бессердечной авантюристки.

Проходили месяцы. Елена Валентиновна по-прежнему не давала признаков жизни. Евгений Михайлович понемногу выздоравливал, начал интересоваться повседневными делами, собирался вернуться на работу. А чтобы окончательно прийти в себя, поехал в Кисловодск, в санаторий. Новая обстановка, природа, лечебные процедуры сделали свое дело, и в обратный путь он отправился, чувствуя себя практически здоровым.

Его соседкой по купе СВ оказалась довольно молодая и миловидная женщина. В меру общительная, но скромная. Несколько раз во время отдыха она попадалась ему на глаза в городе. Но познакомилась она только в поезде. Через несколько часов пути женщина достала из сумки анкуратно упакованную аппетитную снесь и предложила Евгению Михайловичу разделить с ней трапезу.

— Все-таки мужчина, даже самый хозяйственный, не умеет создавать уют в любой обстановке. Это чисто женское качество. Вы согласны, Евгений Михайлович?

— Ляля, вы меня не старьте раньше времени. Или давайте я вас тоже буду звать по имени и отчеству. Как вас, кстати, полностью величать?

— Елена Валентиновна. Только бросьте, ради бога, эти церере-

мони. Довольно того, что меня в школе так ученики зовут. Для вас я просто Ляля.

— Красивое сочетание: Елена Валентиновна. Так мягко звучит, никаких рычащих и шипящих. А фамилию скажете?

— Какой вы любопытный! Ну пожалуйста — Николаева.

Евгений Михайлович остолбенел, но вовремя взял себя в руки. В конце концов не такое уж редкое сочетание, хотя вероятность совпадения... А Ляля уже протягивала ему картонную тарелочку с едой.

— Не стесняйтесь, берите. Иначе до самой Москвы будете голодным. Дома-то вас встретят, накормят...

Решение пришло мгновенно, как озарение.

— Нет, Лялечка, никто меня не встретит и не накормит. Я, видите ли, одинок. Один, как перст, на всем белом свете. Жаль, что я раньше вас не встретил. Кто знает...

— Ох, Евгений Михайлович, не нужно! Я хоть и молодо выгляжу, а всякого уже навидалась и, простите, мужчинам не верю. Слишком больно было, когда я один раз поверила, а он...

Ляля отвернулась к окну и попыталась удержать слезы. Евгений Михайлович терпеливо ждал, хотя сердце колотилось, как бешеное.

— Ладно, завтра мы с вами разойдемся, как в море корабли, а я должна кому-то рассказать. Может быть, легче станет. Несколькими годами назад здесь же, в Нисловодске, я познакомилась с мужчиной... Женатым. Влюбилась, как дура, с первого взгляда, а он ничего против не имел. Ну

портный роман, он из Москвы, я из Челябинска. Потом приезжал в командировки, останавливался всегда у меня, я одинокая — ни детей, ни мужа. Такие слова говорил, так в любви клялся. Опять вместе отдыхать поехали. Он все время мне говорил, что если бы был свободен, тут же бы на мне женился, но больная жена, которую не бросишь, взрослые дети, которые не поймут, то-се. И вдруг его жена умерла. Он по-прежнему мне звонил, приглашал к себе, клялся в любви. И я, дурочка, решила сделать ему сюрприз. Квартиру сдала, вещи отправила контейнером в Москву, села в поезд. Даже телеграмму не дала. А дверь мне открыла какая-то размалеванная девица и объявила, чтобы я убиралась, отсюда приехала, потому что у нее с моим любимым через три дня свадьба и вообще... Я на лестнице до вечера дождалась. Дождалась... Он мне только и сказал: "Прости, я полюбил другую, так уж вышло". Вот и все...

Ляля опять отвернулась к окну и украдкой вытерла глаза. Пока она справлялась с эмоциями, Евгений Михайлович положил под язык крупинку нитроглицерина. "Только бы не сорваться! Только бы не дать ей ничего заподозрить..."

— Лялечка, — спросил он тихо, — а сейчас-то вы как? Отдыхали опять на Минеральных Водах? Стоило ли душу травить?

— Думала: а вдруг его встречу... Не встретила. И в Челябинск возвращаться не хочу. Да и ненуда: квартиру я продала, не могу вспоминать, как он приезжал туда... Попробую в Петербурге что-нибудь найти. Денег-то,

слава Богу, еще осталось, хватит на какую-нибудь конурку. Да и много ли мне надо? Ничего уже не хочется...

— А в Москве где остановиться решили?

— Не знаю. Наверное, на вокзале переночую. Ненавижу этот город и боюсь, что не выдержу — опять пойду к нему. Или позволю. Не знаю, ничего не знаю!

— Вы не волнуйтесь так, милая. Хотите, можете у меня пожить. Я, как видите, человек молодой, плохого вам не сделаю. Да и мне не так одиноко будет первое время домой возвращаться. Квартира большая, места хватит, никого вы не стесните. Может быть, это судьба, что я вас встретил?

Ночью, пока Ляля сладко спала, Евгений Михайлович вышел на какой-то большой станции и дал телеграмму своему другу с Петровки. "Встречай с Еленой Валентиновной, полностью изменившей внешность". Номер поезда, вагона, купе, время прибытия. Вернулся в вагон и стал ждать, отсчитывая часы и километры.

В Москве на перроне в толпе встречающих Евгений Михайлович почти сразу увидел знакомую фигуру друга. И снова достал нитроглицерин — на сей раз в открытую.

— Что с вами? — всполошилась Ляля. — Вам плохо? Позвать врача?

— Пройдет, Лялечка, не беспокойтесь. Плохо спал, ваш рассказ меня растревожил. Ничего, дома все наладится. А вот, кстати, меня все-таки друг встречает, так что и багаж нести не придется. Привет, Андрей, спасибо, что

нашел время. Ну, на выход, господа...

Ляля заподозрила неладное, когда "жигуль" Андрея Владимировича подрулил прямехонько к известному всей стране зданию на Петровке. Но предпринять что-либо не сумела, поскольку встреча была организована на высшем уровне: два молодых человека с атлетическими фигурами и не слишком добрыми глазами не дали ей возможности сбежать.

Первые два часа беседы в кабинете прошли без пользы. Ляля все отрицала, клялась, что это чудовищное совпадение, угрожала всевозможными карами и служебными неприятностями. Без сомнения, в ней погибла великая антриса: временами даже выдавшие виды сотрудники Петровки начинали сомневаться. Но паспорт... А тут еще принесли результаты сверки отпечатков пальцев Ляли с данными компьютерной картотки. И ситуация коренным образом переменялась.

Елена Валентиновна Николаева, она же Мария Никифоровна Семенова, она же Ревенка Яковлевна Кравец, она же Эмма Егоровна Гнатюк, она же... Ее "пальчики" находились как минимум в четырех нераскрытых делах: кражи, финтивные продажи квартир и автомобилей, ограбления в поездах дальнего следования... В подкладку ее сумочки было запрятано еще несколько паспортов, пара ампул с сильным снотворным, газовый пистолетик. В чемодане обнаружили несколько париков, огромное количество всевозможных косметических средств, позволяющих менять внешность до неузнаваемости.

Сотрудники только головами качали: не попадись "Ляля" на практически невозможном совпадении, искали бы ее до окончания века. Один шанс из миллиона.

А история с подлинной Еленой Валентиновной оказалась столь же простой, сколь и печальной.

— Я вообще не собиралась ее трогать, — "раскололась" наконец аферистка. — На первый взгляд — обычная курица, у которой и взять-то нечего. Просто сначала не повезло мне, потом ей. Предпочитаю ездить в купе с мужчинами: с ними легче поладить, они доверчивее. А тут, как назло, полупустой вагон и почти все — тетки. Мой напарник даже решил, что рейс окажется порожним. А я просто для профилактики проверила свою соседку на "кредитоспособность": рассказала ей дежурную историю о том, что везу с собой много денег, боюсь воров и так далее и тому подобное. Она тут же начала делиться опытом: вот она, дескать, деньги, которые получила за свою квартиру за год вперед, положила на анкредитивы на свое имя. Паспорт у нее отдельно, анкредитивы — отдельно. Мне уже было ясно, что с поезда она сойдет и без того, и без другого, а пона будет чухаться — ищи ветра в поле. Стала соображать, как лучше это сделать.

А ее на откровенность потянуло: начала рассказывать мне весь свой роман от и до. Я, между прочим, за язык ее не тянула. Выяснила: в Челябинске ее никто не провожал, а в Москве никто встречать не собирается. Она же сюрприз своему Ромео хотела сделать! А это уже был со-

всем другой поворот: можно было все ее вещи увести, пока она очнется.

Вино пить она отназалась: то ли побоялась, то ли действительно непьющая была. Значит, чай. Перед ужином она вышла руки помыть. Возвращается и говорит: "Ой, Милочка (я ей Людмилой представилась), с нами в вагоне едет один мужчина, по-моему, его милиция разыскивает, я в газете фоторобот видела. По квартирам ходил, представлялся сотрудником Красного Креста. В основном, к одиноким старушкам. Усыплял и грабил. Одна, кажется, так и не очнулась. Вряд ли, конечно, это он, но лучше все-таки поосторожнее. И проводникам нужно сказать".

Я забеспокоилась: она сдуру моего напарника вычислила. Теперь с ней просто опасно было связываться. Кое-как уговорила проводникам после ужина все рассказать, а то-де чай остынет. После этого чая она уже ничего не соображала. Я предупредила напарника, он велел ее в тамбур вывести, а там уж — его дело. Мое — на шухере постоять. Не знаю, что он с ней сделал, чужого на себя брать не буду. Мы с ним вышли на ближайшей станции, добрались до Москвы, получили деньги, оформили доверенности. Остальное вы знаете.

И ведь надо же, как не повезло! Если бы я поехала с другим паспортом и с другой, естественно, легендой, то этот ваш фраер, который меня сдал, сейчас бы уже ни о чем не беспокоился. При его-то больном сердце! И я хороша — пожадничала, решила, что и его квартиру можно будет обчистить. Все потому, что он

сказал: "Один, как перст". У меня память хорошая, я помню, что жених той моей попутчицы был с детьми и внуками. А главное, она ни разу его по имени и отчеству не назвала. Все "Женечка", да "Женечка". Мало ли Женечек в России-то? Сколько лет езжу в Кисловодск, ни единого прокола не было. А тут не повезло.

Найдете напарника — пусть он и отвечает, что с дамочкой сделал. Я не знаю, никого не убивала. Не найдете — я тут ни при чем. Вам деньги платят за то, чтобы вы жуликов ловили, вот и отработывайте свое.

Напарника так и не нашли. А раз нет ни трупа, ни предполагаемого убийцы, значит, и убийства нет. Дело "Ляли" передали в суд и дали ей сколько положено по закону, не больше и не меньше.

Настоящая же Елена Валентиновна до сих пор числится пропавшей без вести. Провели эксгумацию нескольких женских трупов, найденных в ту пору на

маршруте поезда "Челябинск — Москва", но безрезультатно. Всем ведь известно, сколько людей у нас ежегодно пропадает без вести: около сорока тысяч человек.

Скорее всего, Елена Валентиновна была убита и выброшена из поезда на каком-нибудь глухом перегоне. Все говорит о том, что ее нет в живых: преступники не осмелились бы оформлять по ее паспорту доверенность, если бы не были уверены в своей безнаказанности. Но доказательств нет. И вряд ли появятся, даже если найдут напарника "Ляли". Само по себе признание еще ни о чем не говорит, а профессионалы стараются работать так, чтобы не оставлять следов.

Евгений Михайлович, правда, все еще верит, что Елена жива и найдется. Так ему спокойнее, чем было тогда, когда он думал о ее внезапной измене и предательстве. Наверное, для него это — единственно правильное поведение. ■

Татуировка

Зима тысяча девятьсот сорок шестого года тянулась бесконечно долго. Хотя был апрель, ледяной ветер хозяйничал на улицах города, а над головой по небу плыли снежные облака.

Старик по имени Троклостень с трудом волочил ноги по тротуару улицы Ривольер. Жалкий, заоченевший от холода, он все время ежился, запахивая грязное старое пальто черного цвета, над поднятым воротником виднелись только глаза и макушка.

Дверь кафе распахнулась, и слабый запах жареного цыпленка вызвал у него нестерпимое чувство голода. Старик продолжал волочить ноги, поглядывая без всякого интереса на предметы, выставленные в витринах магазинов, — духи, шелковые галстуки и рубашки, бриллианты, фарфор, старинную мебель, книги в роскошных переплетах. Затем он поравнялся с картинной галереей. Ему всегда нравилось бывать в картинных галереях. В витрине была выставлена одна-единственная картина. Он остановился, чтобы рассмотреть ее, потом повернулся, продолжил свой путь. Затем снова приостановился, оглянувшись на витрину, и тут вдруг почувствовал легкое беспокойство, смутное воспоминание о чем-то, что видел где-то давным-давно. Он стал рассматривать картину. Это был пейзаж. На переднем плане изображена группа деревьев, стволы которых очень сильно накренились в одну сторону, будто под натиском ураганного ветра, по небу неслись рваные грозные облака. Надпись на дощечке, которая была прикреплена к раме, гласила: «Хаим Вамрутин (1894-1943)».

Троклостень задумчиво разглядывал картину, стараясь понять, что же она напоминает ему.

«Чудная картина, — подумал он. — Странная и чудная, но мне нравится... Хаим Вамрутин... Вамрутин».

— Эй-Богу! — воскликнул он вдруг. — Да это же мой маленький калмык, вот кто это! Только подумать! Картина моего маленького калмыка выставлена в лучшем магазине Парижа!

Старик прижался лицом к стеклу витрины. Он вспомнил парнишку — да, он его хорошо помнит. Но когда это было? Когда? Память ему отказывает. Ведь это было так давно. Сколько лет тому назад? Лет двадцать? Нет, пожалуй, лет тридцать то-

му назад. Неужто тридцать лет? Пстой-ка! Да это же было перед войной, перед первой войной, в тысяча девятьсот тринадцатом году. Теперь он вспомнил, это было именно тогда. И этот Бамрутин, некрасивый маленький калмык, вечно угрюмый, ушедший в себя паренек, который так нравился ему, которого он почти любил — просто так, не отдавая себе отчета в этом, разве только за то, что тот умел писать картины.

А как он писал их! Теперь он вспомнил даже подробности — улицу, вдоль которой стояли мусорные баки, запах гнили, коричневых котов, которые осторожно рылись в отбросах, и женщин, потных, толстых, сидевших на порогах своих жилищ, опустив ноги на каменный настил улицы. Что это была за улица? Как же называлась улица, на которой жил паренек?

Мон Табор! Да, именно так она называлась! Старик, довольный тем, что вспомнил название улицы, несколько раз кивнул сам себе.

Там находилась мастерская, и в ней были всего один стул и старая грязная кушетка красного цвета, на которой спал Бамрутин; он вспомнил пьяные пирушки, дешевое белое вино, дикие ссоры и вечно желчное, угрюмое лицо художника, задумчиво склонившегося над своей работой.

“Странно”, — подумал Троклостень. Теперь он с легкостью все вспоминал, и воспоминание об одном событии вызывало в памяти другое.

Взять хотя бы ту шутку с татуировкой. Это же было явное сумасбродство. С чего все началось? Ах, да, однажды он заработал кучу денег — да, да, все началось именно с этого — и купил много вина. Помнится, как он, довольный, вошел тогда в мастерскую с пакетом под мышкой, в котором были бутылки, как он увидел Бамрутина, сидящего перед мольбертом, и свою жену Женеьев — она стояла посередине комнаты и позировала для портрета.

— Сегодня вечером мы празднуем, — объявил он, — мы устроим небольшой выпивон для нас троих.

— В честь чего это? — спросил паренек, не поднимая головы. — Уж не потому ли, что решил наконец развестись со своей женой, чтобы она могла выйти замуж за меня?

— Нет, — ответил Троклостень. — Мы празднуем потому, что я заработал сегодня кучу денег.

— А я ничего не заработал. Это мы тоже можем отметить.

— Ну, если тебе хочется, можно и это отметить.

Троклостень стоял у стола и разворачивал пакет. Он чувствовал себя усталым и хотел скорее дорваться до вина. Девять клиентов, разумеется, совсем неплохо, но от этого дьявольски устают глаза. Девять пьяных солдат! И самое замечательное было в том, что не менее семи из них заплатили ему в звонкой монете. Вот почему сегодня он так разбогател. Но смертельно

устали глаза от такой работы. Они были полузакрыты от усталости, белки покрылись тонкой сетью красных прожилок, а за каждым глазным яблоком, на глубине одного дюйма за ним, он чувствовал острую боль. Но теперь уже вечер, он богат, как шейх, а в пакете лежат три бутылки — одна для его жены, другая для его друга, а третья для него самого. Найдя штопор, он стал откупоривать бутылки.

Художник положил кисть.

— Боже мой, — сказал он. — Разве можно работать, когда такое творится?

Молодая женщина, пройдя через всю комнату, подошла посмотреть на картину. Троклостень тоже подошел, с бутылкой в одной руке, со стаканом в другой.

— Нет! — крикнул художник, внезапно вспыхнув. — Пожалуйста, не надо! — Он схватил полотно с мольберта и поставил его лицом к стене. Но Троклостень успел увидеть картину.

— Мне она нравится.

— Она ужасна.

— Она изумительна. Изумительна так же, как все остальные картины, написанные тобой. Я в восторге от них всех.

— Беда в том, — ответил Бамрутин, хмурясь, — что они несъедобные. Я не могу их есть.

— И все же они изумительны. — Троклостень протянул ему стакан, полный бледно-желтого вина. — Выпей, — сказал он, — ты ощутишь себя счастливым.

Никогда он еще не знал человека более несчастного или, скорее, человека с таким мрачным лицом. Троклостень встретил его в каком-то кафе семь месяцев назад, где он пил в одиночестве, и только потому, что он походил на азиата, Троклостень подсел к его столу и заговорил.

— Вы русский?

— Да.

— Откуда родом?

— Из Минска.

Троклостень вскочил со своего места и обнял его, воскликнув при этом, что он тоже родом из этого города.

— Я не совсем из Минска, — пояснил паренек, — но местечко это недалеко от него.

— Где же?

— Смиловичи, около двенадцати миль от Минска.

— Смиловичи! — вскричал Троклостень, снова бросаясь к нему с объятиями. — Да я же ходил туда пешком несколько раз, когда был мальчишкой. — Потом он снова уселся на свое место, не отрывая дружелюбного взгляда от лица своего собеседника.

— Вы знаете, — сказал он, — вы совсем не похожи на западного русского. Скорее на татарина или калмыка. Вы действительно вылитый калмык.

И теперь, в мастерской, Троклостень снова внимательно посмотрел на художника, на то, как тот взял стакан с вином и залпом выпил его. Нет сомнений, черты его лица были калмыцкие — широкое лицо с высокими скулами, с широким, грубоватой формы, носом. Но руки — руки всегда вызывали удивление: маленькие, как женские, с изящными тонкими пальцами.

— Дай мне еще, — попросил художник. — Если праздновать, то как следует.

Троклостень разлил вино и сел на стул. Бамрутин устроился на старой кушетке рядом с женой Троклостеня. На полу между ними стояли три бутылки.

— Сегодня вечером мы будем пить столько, сколько влезет, — сказал Троклостень. — Я исключительно богат. Сейчас сбегая и куплю еще несколько бутылок. Сколько купить?

— Еще шесть, — ответил паренек. — Каждому по две бутылки.

— Хорошо. Я сейчас пойду и принесу.

— А я помогу тебе.

В ближайшем кафе Троклостень купил шесть бутылок белого вина. После того как они вернулись в мастерскую, поставили на пол в два ряда и Троклостень, вооружившись штопором, откупорил все шесть бутылок, они снова уселись и стали пить.

— А ведь только очень богатые, — заметил Троклостень, — могут так кутить.

— Это правда, — сказал паренек. — Разве не так, Женевьев?

— Разумеется.

— Как настроение, Женевьев?

— Прекрасное.

— Может быть, бросишь Троклостеня и выйдешь за меня?

— Нет.

— Вино изумительное, — произнес Троклостень. — Чистое удовольствие пить его.

Не спеша, смакуя, они постепенно стали пьянеть. Хотя пили так же, как делали это обычно, тем не менее полагалось соблюдать известный ритуал — пить со всей серьезностью, о многом поговорить, повторяясь снова и снова.

Полагалось расхваливать вино, обязательно пить его медленно, смакуя все три восхитительные стадии опьянения, особенно момент, когда кажется, что плаваешь в воздухе и уже не чувствуешь своих ног (как бывает у Троклостеня). Да, это самый приятный момент, когда смотришь на свои ноги, и они кажутся такими далекими, что удивляешься тому, какому же чудаку они могут принадлежать и почему лежат вот так, где-то на полу и на таком расстоянии.

Спустя некоторое время Троклостень встал, чтобы включить свет. Он очень удивился, заметив, что ноги его встали вместе с ним, когда он отправился включать свет; особенно его поразило

то, что он не чувствовал, как ноги касались пола. У него было приятное ощущение того, что он плывет по воздуху. Потом он стал ходить по комнате, лукаво поглядывая на полотна, сложенные у стен.

— Послушайте, — сказал он наконец. — Я придумал одну вещь. — Он направился к кушетке и встал перед ней, слегка покачиваясь. — Слушай, мой маленький калмык.

— Что такое?

— У меня есть потрясающая идея. Ты слушаешь меня?

— Я слушаю Женевьев.

— Слушай меня, пожалуйста. Ты мой друг — мой маленький калмык из Минска, и я считаю тебя хорошим художником, и мне хотелось бы иметь картину, прекрасную картину.

— Возьми себе все. Возьми все, что ты найдешь, но не прерывай меня, когда я беседую с твоей женой.

— Нет, нет. Послушай-ка. Я имею в виду картину, которая всегда была бы со мной... вечно... куда бы я ни пошел, что бы ни случилось... но всегда со мной... картину, написанную тобой.

Протянув руку, он положил ее на колено паренька.

— Пожалуйста, послушай меня.

— Слушай его, — повторила молодая женщина.

— Вот что. Я хочу, чтобы ты написал картину на моей коже, на спине. Затем я хочу, чтобы ты сделал татуировку поверх написанного, чтобы картина навсегда сохранилась на спине.

— Ты, наверное, рехнулся?

— Я научу тебя пользоваться татуировальной машинкой. Это легко. Даже ребенок сумел бы.

— Я не ребенок.

— Пожалуйста...

— Ты в самом деле сумасшедший. Что ты затеял?

Художник посмотрел в неподвижные, черные, блестящие от выпитого вина глаза Троклостеня.

— Ради всего святого, что тебе все-таки надо?

— Ты с легкостью сумеешь сделать это! Ты сумеешь! Сумеешь!

— Ты имеешь в виду татуировку?

— Да, татуировку! В две минуты я тебя научу!

— Это невозможно!

— Хочешь сказать, что я не знаю, о чем говорю.

Ну, нет, художник не мог этого утверждать, так как было общеизвестно, что если кто что-нибудь и знает о татуировальном искусстве, так это он — Троклостень. Разве не он — это было в прошлом месяце — покрыл живот какого-то мужика удивительно изящным рисунком, изображающим цветы? А тот клиент, у которого вся грудь была покрыта густой шерстью? Троклостень так искусно изобразил на его груди серого медведя, что волосатая грудь превратилась в шкуру мохнатого зве-

ря. Разве не он вытатуировал женщину на руке другого человека таким образом, что когда мускулы руки мужчины двигались, то женщина оживала и принимала самые неожиданные позы?

— Я просто хочу сказать тебе, — ответил Бамрутин, — что ты пьян, и, соответственно, у тебя пьяные мысли.

— А Женеьев будет позировать. Это будет этюд с Женеьев на моей спине. Разве я не вправе иметь портрет жены на своей спине?

— Портрет Женеьев?

— Да. — Троклостень знал, что стоит ему только упомянуть имя жены, как толстые губы паренька невольно растянутся в улыбку.

— Я не согласна, — сказала молодая женщина.

— Женеьев, дорогая, ну пожалуйста. Вот возьми эту бутылку и выпей ее, тогда ты станешь добрей. Это же потрясающая идея. В жизни еще не придумывал что-нибудь подобное.

— Какая еще там идея?

— Ну, то, что он должен сделать твой портрет на моей спине. Разве я не могу желать этого?

— Мой портрет?

— В обнаженном виде, — заметил художник.

— Соблазнительная идея.

— Только не в обнаженном виде, — сказала молодая женщина.

— Просто гениальная идея, — сказал Троклостень.

— Нет, это безумная идея, — запротестовала молодая женщина.

— Так или иначе, все же это стоящая идея, — заметил Бамрутин. — И она заслуживает того, чтобы выпить за нее.

Они выпили еще бутылку. Затем художник сказал:

— Ничего из этого не выйдет. Я не умею обращаться с татуировальной машинкой. Хочешь, я напишу картину на твоей спине, и ты будешь ходить с ней до тех пор, пока не выкупаешься и не смоешь ее? А если ты вообще не будешь мыться, тогда картина сохранится на твоей спине до конца твоей жизни.

— Нет, — ответил Троклостень.

— Да. И в день, когда ты решишь выкупаться, я буду знать, что ты больше не ценишь мою картину. Это будет серьезным испытанием для тебя, как поклонника моего таланта.

— Не нравится мне все это, — сказала молодая женщина. — Он так восхищается твоим талантом, что будет ходить грязным всю жизнь. Давайте лучше татуировку. Только не в обнаженном виде.

— Тогда только голову, — предложил Троклостень.

— Боюсь, не справлюсь.

— Это чрезвычайно просто. Я научу тебя в две минуты. Вот увидишь. Я пошел за иглами и чернилами. У меня есть черни-

ла всех цветов — столько оттенков, сколько у тебя для живописи, и даже больше.

— Нет, это невозможно.

— У меня есть всякие чернила. Разве у меня нет чернил разных цветов, Женевьев?

— Есть.

— Сейчас увидишь, — сказал Троклостень. — Я пойду за ними.

Он встал со стула и нетвердым шагом, но решительно, вышел из комнаты. А через полчаса вернулся.

— Я принес все, — крикнул он, размахивая коричневым чемоданчиком. — Все, что нужно татуировщику, находится здесь, в этом чемоданчике.

Он положил сумку на стол, открыл ее, вынул электрические иглы и небольшие пузырьки с цветными чернилами. Затем воткнул штепсель от электрической иглы в сеть, взяв инструмент в руки и нажав на кнопку, включил ток. Послышалось жужжание, и конец иглы, примерно с четверть дюйма, начал стремительно вибрировать вверх и вниз. Он скинул пиджак, отвернул рукав на левой руке и сказал:

— Теперь смотри. Следи за мной, и я покажу тебе, как это легко. Я сейчас сделаю татуировку на моей руке вот здесь.

Предплечье его было сплошь покрыто синими знаками, но он все же нашел небольшой участок кожи, свободный от татуировки, чтобы преподавать на ней урок татуировального искусства.

— Сначала я выбираю цвет чернил, возьмем, скажем, обычные синие чернила, затем погружаю конец иглы в чернила... вот так... потом держу иглу концом вверх, после этого провожу ею по коже, слегка касаясь... вот так... и вот игла, приводимая в движение крохотным электрическим моторчиком, двигается скачками вверх и вниз и прокалывает кожу, при этом чернила проникают в прокол на коже, вот и все... Посмотри, как это легко... Смотри, сейчас я наколю серую гончую собаку на своей руке.

Художник явно заинтересовался.

— Теперь дай мне попрактиковаться немного на твоей руке, — сказал он и начал проводить жужжащей иглой голубые линии на руке Троклостеня. — Совсем нетрудно. — Будто рисуешь пером и чернилами. Разницы никакой, разве что иглой медленнее.

— Конечно, это просто. Ты готов? Начнем?

— Немедленно.

— А натура! — воскликнул Троклостень. — Давай, Женевьев!

Его охватило возбуждение. Пошатываясь, он начал суетливо подготавливать место для работы, как ребенок, который с энтузиазмом готовится к интересной игре.

— Где ты хочешь, чтобы она позировала? Где она будет стоять?

— Пусть станет там, рядом с туалетным столиком, и расчесывает волосы. Я так и напишу ее: расчесывающую распущенные по плечам волосы.

— Великолепно! Ты — гений.

Молодая женщина с неохотой подошла к туалетному столику и встала около него со стаканом вина в руке. Троклостень стянул рубаху и сбросил брюки. Он оставил только трусы, носки и обувь и стоял, слегка покачиваясь из стороны в сторону. Тело его было крепким, а кожа белая и почти без волос.

— Теперь я полотно. Куда ты собираешься положить свое полотно?

— Как всегда, на мольберт.

— Не валяй дурака. Я же полотно.

— Тогда располагайся на мольберте. Это нетрудно.

— Но как это сделать?

— Ты полотно, не так ли?

— Да, я полотно. Уже начинаю чувствовать себя полотном.

— Давай-давай, на мольберт.

— Но правда, это невозможно.

— В таком случае садись на стул. Садись задом наперед, тогда сможешь положить свою пьяную башку на спинку стула. Поторапливайся, я собираюсь начинать.

— Я уже готов и жду тебя.

— Сначала, — сказал художник, — я напишу обычную картину. Затем, если мне понравится, сделаю татуировку поверх нее.

Вооружившись широкой кистью, он начал писать на голой спине Троклостеня.

— Ай! Ай! — вскрикнул Троклостень. — Чудовищная сороконожка шагает по моей спине.

— Ну-ка, спокойней! Спокойней! — Художник работал быстро, накладывая краску тонким голубым слоем так, чтобы она не мешала татуировке. Сосредоточенность, с которой он стал работать, была так велика, что она, казалось, преодолевала его опьянение. Он накладывал мазки быстрыми движениями, чувствуя предельное напряжение в кисти рук, и меньше чем через полчаса работа была закончена.

— Все. Закончил, — обратился он к молодой женщине, которая, услышав эти слова, сразу же направилась к кушетке, легла и заснула.

Троклостень бодрствовал. Он видел, как художник взял иглу, погрузил в чернила, потом он почувствовал пронзительный, щекочущий укол в спину. Боль была неприятна, но терпима и не давала Троклостеню впасть в сон. Троклостень развлекался тем, что старался угадать след иглы, наблюдая, какими красками пользовался художник, и пытался представить себе, что делается у него за спиной. Вамрутин работал с поразительным напряжением.

Казалось, крохотная машинка и необычная работа целиком захватили его.

До самого рассвета художник работал под мерное жужжание машинки. Троклостень хорошо помнил, что, когда художник отступил назад и сказал: "Картина закончена", на улице был день, и за окном слышались шаги прохожих.

— Я хочу посмотреть, — сказал Троклостень.

Бамрутин взял зеркало и стал держать его под углом, а Троклостень повернул голову, стараясь увидеть свою спину.

— Боже мой! — воскликнул он.

То, что он увидел, поразило его. Вся спина, начиная от плеч, была покрыта яркими красками — и золотистыми, и зелеными, и голубыми, и черными, и красными. Татуировка была сделана так густо, что спина казалась сплошь покрытой мазками красок. Художник старался татуировать точь-в-точь по нарисованному, густо заполняя линии, и самое удивительное состояло в том, что он с большим мастерством использовал в своей картине выступы лопаток, сделав их частью композиции. Более того, хотя работа двигалась медленно, он ухитрился передать в картине какую-то непосредственность, спонтанность. Портрет был выполнен в драматической, резкой манере, столь характерной для других работ Бамрутина. Поражало не сходство портрета с натурой. Нет. Скорее портрет выражал настроение. Черты лица неясные, блуждающий взгляд, а вокруг головы вихревая масса темно-зеленых волнистых линий, которая придавала картине предельный динамизм.

— Потрясающе!

— Мне, пожалуй, и самому нравится.

Художник отступил назад и стал рассматривать свою работу критически.

— Ты знаешь, — добавил он, — я думаю, она стоит того, чтобы я поставил свою подпись.

И, взяв в руки электрическую иглу, он вывел свое имя красными чернилами в правой стороне, на месте, под которым находится почка...

Старик Троклостень был в состоянии, похожем на транс, и не спускал глаз с картины, выставленной в витрине галереи.

Все это было так давно, что, кажется, будто все эти события имели место в какой-то другой жизни. А Бамрутин? Что стало с ним? Он теперь вспомнил, что после того, как он вернулся с войны — с первой войны, ему стало не хватать художника, и он спросил у Женеваев:

— Ты не знаешь, где мой маленький калмык?

— Он ушел, — ответила она. — Не знаю куда, но я слышала, что он связался с каким-то торговцем, который послал его в Серет писать картины.

— Может, он еще вернется.

— Кто знает? Может, и вернется.

Это было в последний раз, когда они говорили о нем.

Через некоторое время они переехали в Гавр, где было много моряков и потому много работы. При воспоминании о Гавре старик улыбнулся. Да, это были хорошие времена, период между двумя войнами; тогда у него были уютные комнаты, небольшая мастерская около дома и достаточно работы. Ежедневно трое или четверо, а то и пять моряков приходили к нему и просили, чтобы он татуировал их. Ничего не скажешь, действительно хорошие времена...

Затем вторая мировая война, приход немцев, смерть Женевьев — и все пошло прахом! В те годы никто не нуждался в татуировках, а он был слишком стар, чтобы браться за какую-нибудь иную работу. В отчаянии он решил вернуться в Париж, смутно надеясь, что в большом городе дела пойдут лучше. Но надежды не оправдались.

Теперь, когда война кончилась, у него не оказалось ни сил, ни средств, чтобы возобновить свое дело. Да, трудно одинокому старику без крова и работы. К тому же, если еще и не хочется просить милостыню. А с другой стороны, как же жить иначе?

“Итак, — подумал он, все еще разглядывая картину, — это картина моего маленького калмыка”. Удивительно, что вид одного небольшого предмета, как, скажем, эта картина, может вызвать к жизни прошлое. А ведь несколькими минутами раньше он и не помнил о существовании татуировки на своей спине.

Годами он не вспоминал о ней.

Он прижался лицом к стеклу витрины и заглянул в галерею. На стенах он увидел большое количество картин, и все они, казалось, принадлежали кисти одного и того же художника. Троклостень увидел множество людей, которые медленно прохаживались по галерее.

Подчиняясь внезапному импульсу, Троклостень повернулся, толкнул дверь галереи и вошел.

Это было длинное помещение, пол которого устилал ковер винного цвета. Господи, как кругом тепло и красиво!

Нарядные, с холеной наружностью люди расхаживали с чувством собственного достоинства по галерее, причем у каждого в руках был каталог, в который они заглядывали время от времени. Старик не решался двинуться с места и смешаться со всей этой толпой. Но в то время, как он набирался смелости, до него вдруг донесся голос, сказавший: “Что тебе здесь нужно?”

Человек, произнесший эти слова, был в черном утреннем пиджаке. Полный мужчина, небольшого роста, с очень бледным лицом. Дряблое лицо его было таким мясистым, что щеки

отвисли по обеим сторонам рта, как у спаниеля. Подойдя близко к Троклостеню, он снова спросил:

— Что тебе здесь нужно?

Троклостень стоял неподвижно.

— Вот что, любезный, — обратился к нему снова мужчина, — убирайся-ка ты из моей галереи.

— Разве нельзя смотреть на картины?

— Ты слышал, что я тебе сказал?

Троклостень заупрямился. Внезапно он почувствовал, как гнев закипает в нем.

— Давай-ка лучше без скандала, — сказал снова мужчина. — Ну, пошевеливайся, сюда, в эту дверь. — И, положив свою белую жирную лапу на плечо Троклостеню, он стал с силой толкать его к двери.

Тут Троклостеня прорвало.

— Убери свои грязные руки от меня! — крикнул он.

Голос его громко раздался по всей галерее; все присутствующие одновременно повернулись и испуганно посмотрели на человека, стоящего в конце помещения, который оказался виновником беспорядка. Лакей подбежал к хозяину галереи, и вдвоем они стали выталкивать Троклостеня на улицу. Публика молча наблюдала за сценой. Лица людей выражали легкий интерес к происходящему и, казалось, одну и ту же мысль: "Все в порядке. Ничего опасного для нас нет. Об этом позаботятся".

— У меня тоже! — кричал Троклостень. — У меня тоже есть картина этого художника! Он был моим другом, и у меня есть картина, подаренная им.

— Он сошел с ума.

— Да это сумасшедший. Буйный сумасшедший.

— Нужно вызвать полицию.

Резким, быстрым движением Троклостень вырвался из рук мужчин, и не успели они опомниться и снова схватить его, как он побежал по галерее, выкрикивая: "Я покажу ее вам! Я покажу ее вам! Я сейчас покажу!" Он сбросил с себя пальто, затем пиджак и рубашку, а затем повернулся так, чтобы присутствующие увидели его обнаженную спину.

— Вот! — крикнул он, прерывисто дыша. — Вы видите? Вот она!

Внезапно наступила абсолютная тишина; все застыли в неловких позах, в замешательстве, так и не завершив начатое движение. Пораженные, они смотрели на картину-татуировку, яркие краски которой не поблекли от времени. Но оттого, что теперь старик похудел и лопатки резко выступали, картина выглядела как бы несколько сморщенной и сдавленной, что придавало ей странный вид.

Кто-то из присутствующих, наконец, проговорил:

— Боже мой, старик сказал правду!

Затем всех охватило возбуждение, все задвигались, зашумели и, опережая друг друга, бросились к старику.

— Сомнений быть не может!

— Его ранняя манера, не так ли?

— Ничего подобного не видел!

— Посмотрите, есть подпись!

— Согните плечи вперед, друг мой, так, чтобы картина натянулась на спине.

— Когда она была сделана, старина?

— В тринадцатом году, — ответил Троклостень, не оборачиваясь. — Осенью тысяча девятьсот тринадцатого года.

— Кто научил Бамрутина татуировать?

— Я научил его.

— А эта женщина? Кто она?

— Она была моей женой.

Владелец галереи проталкивался сквозь толпу к Троклостеню. Теперь он был спокоен, чрезвычайно серьезен и улыбался одним только ртом.

— Монсеньер, — сказал он, — я куплю ее.

Троклостень заметил, как у него дрожали жирные отвислые щеки, когда он двигал челюстями.

— Я сказал, что куплю ее, монсеньер.

— Как вы можете купить ее? — вежливо просил Троклостень.

— Я заплачу вам за нее двести тысяч франков.

Глаза у говорящего были маленькие, черные. Ноздри широкого носа начали дрожать.

— Не продавай! — проговорил кто-то в толпе.

— Она стоит в двадцать раз дороже.

Троклостень открыл рот, хотел что-то сказать, но не мог произнести ни слова. Затем он медленно произнес:

— Но как я могу продать ее? Монсеньер, разве я могу продать ее? — повторил он с глубокой тоской в голосе.

— В самом деле! — послышалось из толпы.

— Как он может продать? Она же часть его самого!

— Послушай, — сказал хозяин галереи, подходя ближе. — Я помогу тебе. Сделаю тебя богатым. Мы с тобой вместе договоримся насчет этой картины, хорошо?

Троклостень неторопливо, с опаской в глазах, разглядывал его.

— Но как вы можете ее купить, мсье? Что вы с ней собираетесь сделать, после того как купите? Где вы будете хранить ее? Например, куда вы ее положите сегодня ночью? Куда завтра?

— Где я буду хранить ее? Правда, где я буду хранить ее? Походите-ка, где я буду хранить ее? Минутку... Дайте сообразить.

Владелец галереи стал поглаживать переносицу своего носа толстым белым пальцем.

— Кажется, если я куплю картину, я должен купить и вас также. Это уже сложнее. — Он сделал паузу и снова потрогал свой нос. — Сама картина не имеет никакой цены, пока вы живы. Сколько вам лет, друг?

— Шестьдесят один.

— Но вы, кажется, не отличаетесь крепким здоровьем? — Владелец галереи оставил в покое свой нос и окинул Троклостеня критическим взглядом с головы до ног, словно фермер, оценивающий старую лошадь.

— Не по душе мне все это, — сказал Троклостень, боком пробираясь в толпе. — Честное слово, монсеньер, мне все это не нравится.

Но тут он, направляясь к выходу, попал в объятия какого-то высокого человека, который, вытянув руки, мягко обхватил его за плечи. Троклостень посмотрел на окружающих и извинился. Но человек улыбнулся ему, успокаивающе похлопав по обнаженному плечу рукой, затянутой в перчатку канареечного цвета.

— Послушай, старина, — сказал незнакомец, все еще улыбаясь. — Ты любишь плавать в море и загорать на солнце?

Троклостень удивленно взглянул на него.

— Ты хотел бы вкусно есть и наслаждаться красным вином из замка Бордо?

Незнакомец продолжал улыбаться, обнажая крепкие белые зубы, среди которых поблескивал один золотой. Он говорил задобривающим тоном, рука в канареечного цвета перчатке все еще лежала на плече Троклостеня.

— Так ты любишь все это?

— Ну да, — ответил Троклостень все еще в большом недоумении. — Конечно.

— И красивых женщин?

— Почему бы и нет.

— И гардероб, полный костюмов и рубашек, сшитых по твоей мерке? По-моему, тебе многого не хватает из одежды.

Троклостень смотрел на этого человека с вкрадчивыми манерами, ожидая, что он еще предложит.

— Надевал ли ты когда-нибудь обувь, сделанную по твоей ноге?

— Нет.

— А ты хотел бы носить такую обувь?

— Но...

— И иметь человека, который брил и стриг бы тебя по утрам? Троклостень только стоял, широко разинув рот.

— И пухленькую хорошенькую девушку, которая делала бы тебе маникюр?

Послышалось чье-то хихиканье в толпе.

— И звонок возле твоей кровати для того, чтобы звать по утрам горничную с завтраком? Тебе бы хотелось иметь все это, дружок? Нравится ли тебе все это?

Троклостень стоял тихо и смотрел на него.

— Видишь ли, я владелец отеля “Бристоль” в Каннах. Я приглашаю тебя приехать ко мне туда гостем и жить до конца жизни в роскоши и с комфортом.

Человек сделал паузу, чтобы дать возможность своему собеседнику переварить радужную картину жизни, нарисованную им.

— Твоя единственная обязанность — скорее это можно назвать удовольствием — будет заключаться в том, что ты все свое время будешь проводить на моем пляже в плавках, прогуливаясь вместе с моими гостями, будешь загорать, плавать и попить коктейли. Разве это не здорово?

Но ответа не последовало.

— Ты догадываешься, почему? Ведь тогда все мои гости будут иметь возможность любоваться твоей изумительной картиной. Ты станешь знаменитым, и люди будут говорить друг другу: “Послушай, здесь есть один малый, который ходит с десятью миллионами франков на спине”. Что ты на это скажешь? Неплохо, а?

Троклостень взглянул на высокого человека в перчатках канареечного цвета, все еще думая, что тот его разыгрывает.

— Все это звучит забавно, — проговорил он в нерешительности. — Неужели вы все это предлагаете мне всерьез?

— Разумеется, всерьез.

— Погодите-ка, — прервал их владелец галереи. — Вот что, старина. Я придумал, что делать. Я куплю картину, а затем договорюсь с хирургом, чтобы он снял кожу с вашей спины, а после этого идите на все четыре стороны и живите в свое удовольствие на те большие деньги, которые я заплачу вам.

— Как! Без кожи на спине?

— Ну, пожалуйста, зачем вы так! Вы не поняли меня. Хирург наложит другую кожу на спину вместо вашей. Это делается очень просто.

— Сумеет ли он?

— Ничего трудного в этом нет.

— Это невозможно! — вмешался человек с перчатками канареечного цвета. — Он же очень стар для того, чтобы ему делать операцию с пересадкой кожи. Он не выдержит. Это убьет тебя, друг мой.

— Это убьет меня?

— Естественно. Ты никогда не выдержишь такой операции. А вот с картиной все будет в порядке.

— Упаси Бог! — вскричал Троклостень.

Пораженный ужасом, он посмотрел на лица людей, наблюдавших за ним. Потом последовало молчание, которое нарушилось чьим-то голосом, тихо проговорившим в толпе стоящих людей: “А что, если нашелся бы человек, который предложил бы этому старикану кругленькую сумму денег, может, он сог-

ласится убить себя тут же на месте. Кто знает?" Несколько человек хихикнули. Владелец галереи стал неловко переступать с ноги на ногу.

Тут рука в перчатке канареечного цвета снова стала похлопывать Троклостеня по плечу.

— Давай-ка, — сказал человек, обнажая при этом белые зубы в широкой улыбке, — отправимся мы с тобой сейчас и вкусно пообедаем, а за обедом можно будет поговорить. Ну что, пошли? Разве ты не хочешь есть?

Троклостень хмуро смотрел на него. Ему не нравились ни длинная, гибкая шея незнакомца, ни то, как он, подобно змее, вытягивал ее вперед к собеседнику во время разговора.

— Возьмем жареную утку и "чабертин" к ней, — продолжал незнакомец, сочно выговаривая каждое слово, как бы выплевывая его языком. — А может, суфле из каштанов.

Троклостень отвел глаза к потолку, рот приоткрылся, и губы стали влажными. Было видно, что бедный старик стал в буквальном смысле пускать слюни.

— Ну как, хочешь жареную утку? — продолжал незнакомец. — Ты как любишь, когда она хорошо зажарена, с хрустящей корочкой, или тебе нравится, когда...

— Я иду, — быстро проговорил Троклостень. И тут же стал поспешно натягивать рубаху через голову. — Подождите меня, мсье. Я иду.

И через мгновение он исчез из галереи со своим новым кровителем.

Не прошло и нескольких недель, как неизвестная картина Бамрутина — портрет женщины, написанный в необычайной манере, покрытый лаком, в красивой раме — была выставлена на продажу в Буэнос-Айресе. Эта новость и тот факт, что не существует никакой гостиницы "Бристоль" в Каннах, не только дают повод для печальных размышлений, но вызывают желание помолиться за здоровье старика и питать горячую надежду, что где бы он ни находился в эту минуту, у него в услужении имеются пухленькая хорошенькая маникюрша и горничная, которая приносит ему кофе в постель. ■

Перевод с английского
Максима ДРОНОВА.

Что вы делаете, когда вас обижают, задевают ваши интересы? Съедаете обиды, превращая их в язвы желудка? Или, наоборот, устраиваете "ковровые бомбардировки", методично превращая друзей во врагов? И что, часто получается уладить конфликт? То то и оно...

Порой кажется, что нам уготовано только два этих варианта — быть либо жертвами, либо — агрессорами... Неужели третьего не дано? Как защититься от "наездов" на работе или дома, настоять на своем без ссор и битв до первой крови или до последнего патрона?

С этими вопросами я пришла к директору Института психодрамы и ролевого тренинга, известному психотерапевту Елене ЛОПУХИНОЙ. Моя коллега воспользовалась ее "инструкцией" и неожиданно обнаружила, что хронический конфликт с соседями... рассосался сам собой, ей вернули одолженные Бог знает когда деньги и даже извинились. Оказывается, разрешая конфликт, совсем не обязательно становиться жертвой или агрессором. Можно обойтись без взаимных оскорблений ("а ты...", "посмотри на себя!...", "от такого слышу..."), без битья посуды или заявлений об увольнении с работы, ни в коем случае не обижая обидевшего тебя человека, но при этом не давая помешать достижению собственных целей.

"ПОЭ"

"Каждый, право, имеет право..."

Как ни странно, Елена Владимировна предложила мне начать разговор с обсуждения... прав человека. Тех, что не упоминаются в Конституции. Например, права на ошибку или на тайм-аут. Защита своих прав и границ личного пространства — очень серьезная проблема, особенно для нас, россиян. Елена Владимировна обратила мое внимание на отсутствие в русском языке аналога английского *privacy*. Самый точный перевод этого слова, наверное, — "личное пространство". Человеком, умеющим защищать его,

Галина КАЛИНИНА

ВОЛЬТЕ
ВАМ

НЕ
ПОЗВОЛИТЬ...

трудно манипулировать. Может, поэтому неуважение к личностным границам, их нарушение десятилетиями пронизывало всю нашу жизнь. И теперь право говорить "нет" или право быть непохожим на других надо отстаивать — так же как свободу слова или возможность свободно путешествовать по планете. Мы не только забыли о наших истинных правах, но

и, оказывается, придерживаемся прямо противоположных установок, неосознанно следуем им. При этом даже не подозреваем, что ущемляем не только чужие, но и свои права.

— Ложные установки по поводу "прав человека" глубоко укоренились в нас с детства, — утверждает Елена Лопухина. — Каждая из них — неосознаваемая психо-

логическая ловушка, своеобразный крючок. Поймав нас на него, нами легко манипулируют: на нас "давят" — и мы начинаем вести себя в ущерб собственным интересам — зависимо или сверхагрессивно.

— *Получается, многие кричат и хамят в ответ на обвинения или, напротив, рыдают потому, что уже "сидят на крючке".*

— И не подозревают о том, как легко соскользнуть с него, выплюнуть наживку. Многие бывают агрессивны просто потому, что не знают, как себя вести. Есть несколько психологических техник, которые помогают освоить принципиально новое поведение. Однако вы сможете воспользоваться ими только в том случае, если осознаете свои истинные права и поверите в них, если они войдут в вашу плоть и кровь. В самом деле, как можно защищать то, во что не веришь? Поэтому все наши тренинги неагрессивного отстаивания своих прав, уверенного поведения начинаются с обсуждения "Списка прав человека". Каждое из них — противоядие от манипулятора. Каждому ложному убеждению, установке можно противопоставить то или иное право человека. Например, такой крючок. Вас в детстве учили, что на все заданные вам вопросы надо отвечать?

— *И не только этому. Еще учили, например, никогда не перебивать, когда взрослые разговаривают.*

— А на самом деле у нас есть право промолчать, право не отвечать на вопросы, право перебить, просить, выйти из ситуации, право на ошибку, право говорить "нет", право быть не похожим на других и не соответствовать их

ожиданиям, право на свои собственные чувства... Еще раз подчеркну: всем этим правам противостоят соответствующие ложные убеждения. Например, меня просят сделать что-то, глубоко противоречащее моим интересам, а при этом говорят: "Войди в мое положение, ты же добрый человек". Что на это отвечать — что я недобрая? Но я же хочу быть доброй!

— *Это и есть ложное убеждение — то, что добрый человек обязательно и всегда входит в любое положение любого человека, не обращая внимания на собственные интересы? Это и есть "крючок", на который нас ловят?*

— Вот именно. "Никогда нельзя отказываться помочь другим". Замечательное убеждение. Но когда оно становится абсолютным, без исключений, когда вы следуете ему, не учитывая контекст ситуации, на вас могут как на кнопку нажимать, чтобы сесть вам на голову. Да, я могу помочь, я могу войти в положение другого человека, но я имею право защищать и свои интересы.

Кстати, ложные убеждения только частично осознаются нами. Люди, как правило, не могут понять, почему они что-то делают во вред себе. Мы полагаем, что "человек должен прощать", — и... не требуем возвращения долга (порой крайне нуждаясь при этом в деньгах).

— *Так вот почему многие часто отступают, сдаются (перед настырной подругой или назойливым торговцем — неважно), не умеют неагрессивно постоять за себя...*

— ...Потому что попадают на крючки ложных убеждений о

том, что "интеллигент не высовывается", "надо быть скромным", нельзя "много из себя строить" и так далее.

— Елена Владимировна, как же настоять на своем? Как без скандала сказать "нет", когда хотят что-то навязать — от залежалого товара или ненужной работы до мнений и суждений?

— Я прантик. Давайте попробуем применить одну из простейших техник защиты своих прав. Она называется

Испорченная грампластинка

— Представьте, что вы — "плохой начальник", уваливаете от решения какой-то моей проблемы. Дане разговаривать со мной не хотите. Сыграем? Иван Иванович, мне нужно с вами поговорить, не могли бы вы уделить мне десять минут?

— Я очень занят, мое время расписано по минутам, — вхожу я в роль.

— Понимаю, вы очень занятой человек, но мне очень необходимо с вами поговорить. Не могли бы вы уделить мне десять минут.

— Поговорите с моим заместителем, — не сдаюсь я.

— Понимая вашу занятость, я бы ни в коем случае не стала тратить ваше время, если бы кто-то другой мог решить этот вопрос. Не могли бы вы уделить мне десять минут? Заметьте, я настойчива, но не агрессивна. Я говорю доброжелательно-спокойно, я никого ни в чем не упрекаю, мне не до обид — я просто хочу получить свое (в данном случае — согласие на встречу), это просто такая работа — защита моего права быть выслушанной.

— Ну, у меня найдется только пять минут, — пытаюсь сопротивляться я.

— Чувствуете, уже сдаетесь? Иван Иванович, я понимаю, что вы крайне заняты, но мне необходимо десять минут, потому что за пять я не успею. Я буду продолжать в том же духе до тех пор, пока вы мне не скажете "хорошо" и не назначите встречу или, по крайней мере, не дадите аргументированный отказ.

— А если я, "плохой начальник", уваливаю, перевожу разговор на другие темы, вспоминаю ваши грехи пятилетней давности, короче, всячески ухажу от решения проблемы. Что тогда? Вы будете продолжать долбить свое, как дятел?

— Нет, речь не об этом. Обратите внимание, сначала я коротко резюмирую услышанное от "плохого начальника" (я понимаю, что вы очень заняты...) — сообщая ему тем самым, что он услышан и понят. И только после этого я напоминаю о своем интересе — повторяю просьбу о встрече. Что бы человек ни нес, как бы ни наезжал, сначала надо (неагрессивно!) "возвратить" ему услышанное, а потом — повторить свое. "Возвратить" — повторить, "возвратить" — повторить... Этот метод называется техникой испорченной грампластинки. Суть приема: я вас услышала, я вас поняла, но мой интерес в том-то... Я готова обсудить то, о чем вы говорите (первое... второе...), в другое время, но сейчас мне хотелось бы решить ту проблему, с которой я пришла к вам. Я снова и снова повторяю свой вопрос — до тех пор, пока человек не займет какую-то позицию. Это помогает, ко-

гда к вам пристают с необоснованными претензиями, просьбами или требованиями, когда вам нужно добиться совершенно определенного ответа на ваш вопрос. В такие ситуации многие попадают ежедневно: жена настаивает на том, чтобы муж плюнул на запланированный мальчишник и остался дома, мать уговаривает дочь составить ей компанию в праздник, когда та уже договорилась провести его с друзьями, где будет некто, волнующий сердце девушки... Ситуации вроде бы банальные, но они могут надолго вышибать из колеи. Попробуйте в этих случаях использовать технику грампластинки.

— А если в ответ подружка (муж, мама, начальник...) начинает необоснованно упрекать? Ты всегда такая злая, такая нечуткая. И вообще вы плохо работаете, коллега. Тебе друзья дороже, чем родная мать! Чаще всего "достают" упреки, которые начинаются с "и вообще".

— В таких случаях помогает другая техника — "негативное расспрашивание".

Почувствуйте себя Шерлоком Холмсом

— Этот прием заставляет собеседника конкретизировать огульную критику и претензии. А что именно я делаю плохо? Люди, склонные к манипуляции, могут так голову заморочить, такие туры на колесах разведут! Но как только вы с помощью вопросов вынудите человека говорить более конкретно, ему придется прекратить оскорбительные обобщения и намерения, разговор направится в иное русло. Почувствуйте се-

бя следователем — расспрашивайте, уточняйте — спокойно, доброжелательно, без эмоций. Вам не до обид, не до ответных выпадов — вы ведете следствие. А что именно вас не устраивает?.. Обсуждая конкретные вещи, довольно трудно продолжать наезжать. Вы не обвиняете собеседника ни в чем, не говорите, что он не прав, не пытаетесь доказать что-либо свое — просто задаете конкретные вопросы. Если он уходит от ответов, вы можете дать свою версию — *Правильно ли я поняла...* — и ваша формулировка его утверждений может показать их абсурдность. Тогда собеседник будет вынужден вас поправить, сказать что-то конкретное, чтобы не казаться самому себе идиотом.

— Сыграем, Елена Владимировна? Я — свекровь, вы — невестка. Вечно у тебя все получается не так, как надо, не как у людей.

— Мне важно ваше мнение, Галина Александровна. Что именно я делаю не так, с вашей точки зрения?

— Ну... И готовишь ты как-то не так, и убираешься не как все люди, и посмотри, как у тебя одет муж.

— Я правильно понимаю: то, что я делаю "не так", относится к готовке, уборке и одеванию мужа? Когда свекровь будет вынуждена сформулировать хоть какие-нибудь, но конкретные претензии, у меня появится возможность ответить: по поводу супа, предположим, я согласна, а по поводу одежды мужа — нет, такие-то требования я могу выполнить, а вот эти — постараюсь... Но это уже, согласитесь, не оскорбления, а переговоры. Негативное расспра-

шивание помогает, когда вы сталкиваетесь с чрезмерными обобщениями.

— А если вам делают обидные намеки? Это бывает характерно для семейных отношений, разговоров на работе между сотрудниками. *Я ведь не как некоторые, в шесть часов вечера с работы не уйду, я до полуночи дела разгребая.* Вроде бы в этом нет прямого оскорбления, нет ни хамства, ни трехэтажного компромата, но вы чувствуете, что вас обижают.

Мухи — отдельно, варенье — отдельно

— Защищаться от скрытых намеков помогает "техника тумана". Ее суть: вы не обязаны реагировать на все, что содержится в обидном для вас высказывании. Можно выбрать из него то, с чем вы искренне готовы согласиться, а остальное — вроде как и не слышать. У нас есть право выбирать, на что мы хотим ответить. *Да, вы действительно очень много работаете. Я обратила внимание на то, что вы даже в выходные приходили на фирму.* Что, не удалось меня укусить? Я неуязвима, потому что просто уйду от укола, меня нельзя "достать". Эта техника позволяет не чувствовать себя обиженным и не доставить другому удовольствия почувствовать, что вам больно, что он вас задел. Она дает ощущение психологической защищенности. Ведь человек чувствует себя ущемленным, потому что не знает, что сказать в ответ на скрытые или несправедливые упреки, а когда у него в кармане есть ответ, когда он знает, как реагировать на подобные ситуации, он уже не вой-

дет в роль жертвы. Это может даже превратиться в увлекательную игру "Ты меня не достанешь". Причем, как правило, агрессоры уважают людей, которые умеют отстаивать свои права.

— А чем манипуляция отличается от агрессии?

— Открытые атака (нажим, наезд), насилие — это агрессия. А скрытое насилие — это манипуляция. Она используется агрессором тогда, когда он не может просто взять и отнять что-то. Ее классический пример приведен в басне про ворону и лисицу.

— Лисица что, манипулятор?

— Безусловно! Здесь же не прямая агрессия ("ну-ка отдай сыр, а то съем тебя!"), а скрытая. Лисица знала, что ворона любит хвастаться, и нажала на эту кнопку. А лохотронщики часто "включают" мотив чудесного обогащения. Если агрессор напрямую на вас давит, то манипулятор морочит голову, чтобы запутать, чтобы вы перестали контролировать ситуацию. Я как-то наблюдала лохотронщиков на вокзале. Подходит человек и радостно сообщает: "Вам повезло! Вы попали на рекламную акцию... Вы выиграли тысячу!" Через мгновение выясняется, что какая-то женщина, стоящая рядом, тоже выиграла "вашу" тысячу, но у вас "есть преимущество", если сыграете с ней... Ну, и так далее. Если бы вы были в рациональном состоянии, вы бы заметили, что правила игры мгновенно подменены. Но вы мысленно уже положили деньги в карман, вам жалко их отдавать, вам уже затуманили мозги, поэтому вы и не поймали момент изменения правил. Как ворону, обрадовавшуюся своим певческим спо-

собностям, вас начинает распырять радость от "выигранной" тысячи. В результате, как и ворона, вы теряете контроль над ситуацией. Манипулятор всегда сначала создает у человека ложную картинку ситуации, в которую тот поверит...

— "Ему с три короба наврешь — и делай с ним, что хошь..."

— ...Потому что у человека в этот момент сужается сознание, он может испытывать и положительные (как ворона в басне) и отрицательные (как несправедливо обиженный подчиненный) эмоции — манипулятор нажимает на разные кнопки. Обиженный человек, как и ворона, теряет над собой контроль, обо всем забывает, ему хочется только одного...

— ...Наркнуть во все воронье горло! Только не радостно, а возмущенно.

— Да. Немедленно оправдаться. "Это несправедливо!" — кричит он. А начальник, который сам ему голову и заморочил, говорит: "А ты чего такой нервный? Что я такого сказал? Вот потому у тебя ничего и не получается, что ты такой нервный. Посмотрите накой неуживчивый товарищ!"

— Что же делать?

— Во-первых, если у вас есть своя собственная четко сформулированная цель — не отдайте свой сыр! — вам что угодно говори, вам сыр важнее, не отдадите его. Когда человек твердо знает, чего он хочет, он не поддается манипуляции. Во-вторых, нужно уловить тот момент, когда почувствуете дискомфорт — "что-то не так" (а это всегда предшествует попаданию в ловушку), и немедленно выйти из ситуации. Можно

"вспомнить" о необходимости сделать срочный телефонный звонок. Можно просто молча выйти. Следующий шаг — проанализировать ситуацию, четко отделить ложь от правды. Манипулятор никогда не говорит сплошную ложь, он всегда смешивает ее с правдой. Вот типичные мамины упреки, о которых мне часто рассказывают женщины на консультациях: "Ты мне не позвонила, ты меня не любишь, ты меня в гроб загонишь..." "Ты даже не зашла ко мне в гости и на могилку не придешь..." Правда, что дочь не позвонила маме? Правда. Но неправда, что она ее не любит, что не придет на могилку и так далее. Видите, берется правда — то, что дочь не позвонила — склеивается с ложью, и делаются фальшивые обобщения. Для чего? Чтобы вызвать чувство вины. А когда дочь начнет оправдываться ("извини, мамочка, я не хотела тебя обидеть"), можно от нее чего-то "отжать". В тот момент, когда вы **для себя** поймете, что из сказанного мамой правда, а что ложь, когда **для себя** отделите зерна от плевел, уже уйдет дискомфорт, вы уже соскользнете с крючка манипулятора, вы обнаружите, что уже не сидите в ловушке. (Я почти бессознательно в голове сканирую такие ситуации: мухи отдельно, варенье — отдельно.) А что вы скажете вслух — это другой вопрос. В ответ на мамины упреки дочь, например, могла промолчать, использовать "технику тумана" или ответить, например, так: "Мама, я действительно тебе не позвонила, но я тебя люблю и не желаю зла". Или так: "Мама, я не смогла зайти к тебе в гости, но я, конечно, буду ухаживать за тобой в старости".

Вам такси или "шашечки"?

— Елена Владимировна, признайтесь, если вам кто-то бросит, что вы несете "чушь собачью" или "бред", неужели вам не придет в голову мысль: "А может, я и правда несу чушь?"

— Прекрасный вопрос! А это работает ваш внутренний манипулятор. Наши клиенты часто "сознаются": "Все, что я ни слышу на эту тему — глупость, бред". — "А откуда вы это взяли, кто вам это сказал?" Оказывается, никто ничего еще не говорил, кроме цензора, который сидит... внутри нас. Мы часто сами загоняем себя в ловушки, сами себя заставляем открывать рот и терять свой сыр, потому что внутренний манипулятор часто говорит нам глупости и лишает нас наших прав. С ним надо бороться так же, как с внешним. Себя тоже можно расспрашивать. Кстати, любое чрезмерное обобщение — всякие "всегда", "никогда", "полная чушь", "нигде" — уже ложь и орудие манипуляторов (в том числе внутренних). "Ну вот, у тебя, как всегда, ничего не получилось", — небрежно бросают вам. "Ой, я как всегда... я такая дура", — поспешно внутренне соглашаетесь вы вместо того, чтобы спросить себя: "Неужели всегда у меня ничего не получается?... Неужели все я сделала плохо?.." Мишенями манипуляторов (как внешних, так и внутренних) могут быть неуверенность в себе, чувство вины, низкая самооценка, желание чуда (как в случае с лохотронщиками), любые потребности, сильные эмоции.

— Вы упомянули, что очень часто люди "начают права", ведут себя агрессивно, потому что не

умеют ...просить. Но считается, что просить — унижительно, это удел слабых. Разве есть... "технология" правильного прошения?

— Да. Просьба не должна быть похожа на требование. Когда я прошу, мне важно показать вам, что вы имеете право отказать. Я прошу, то есть обязательно даю вам возможность выбора, я не загоняю вас в угол угрозами умереть, например, или слечь в больницу, если моя просьба не будет удовлетворена. Я показываю, как для меня важно то, о чем прошу (*Я так давно мечтала об этой работе*), я не давяю на вас, а даю индульгенцию на отказ (*Конечно, у вас есть свои соображения о том, кому поручить эту работу, но мне хочется сказать, что она так важна для меня, и если у вас есть хоть какая-то возможность...*). При этом я не чувствую себя униженной, потому что я имею право попросить, понимая, что мне не обязательно должны сказать "да". Учтите, тот, кого просят, чувствует себя в ловушке и только тогда воспринимает ваши слова именно как просьбу, когда ему оставляют свободу выбора.

— А что самое главное нужно понимать, чтобы успешно разрешать конфликтные ситуации? Стоит ли прислушиваться к призывам просто всячески избегать конфликтов?..

— Избегать надо скандалов, склок, а не конфликтов. Люди часто путают эти понятия. Конфликт — это объективное противоречие интересов, которое, в принципе, двигает прогресс. К сожалению, мы так устроены, что реальный конфликт часто представляется нам гораздо большим, чем объективное противоречие интересов, которое к нему привело. Есть инте-

ресы, но есть и позиции. Люди часто полагают, что они борются за объективные интересы, а на самом деле они просто защищают уже занятые позиции. Для разрешения конфликта надо искать интересы, которые стоят за позициями.

Классический пример: две сестры ссорятся из-за апельсина ("хочу апельсин" — это позиция). Его можно отнять, разделить пополам, отложить в сторону и отказаться от деленки, предоставив это родителям, в конце концов, одна из сестер может просто уступить его. Но можно задаться вопросом: "А зачем тебе апельсин?" И попытаться выяснить действительные интересы сестер. Может оказаться, что одной из них нужен сок, а другой — цедра, чтобы испечь пирог. Приведу еще пример. Когда-то директор одного крупного военного завода рассказал мне о своем многолетнем конфликте с директором бетонного завода, который вечно его подводил, не поставляя вовремя бетон. Руководители предприятий воевали друг с другом, регулярно отправляя жалобы в соответствующие ведомства. И вот однажды директора случайно встретились и разговорились на каком-то совещании. Директор бетонного завода посетовал, что у него проблем "выше крыши", деталей не хватает, линия остановилась, узел там какой-то уникальный сломался и негде его сделать. "А какой узел тебе нужен? — поинтересовался директор-оборонщик. — Так мы его на нашем заводе можем сделать, нет проблем". Надо ли говорить, что с тех пор военный завод был у директора бетонного не на сотом месте, как раньше? Мой знакомый сделал важный вывод: "Это был мне урок.

С тех пор всегда, когда испытываю напряжение в отношениях с партнерами, посылаю к ним людей выяснить, какие у них есть проблемы и могу ли я чем-то помочь".

— Мне вспомнилась байка. В избе открыта дверь. Старик со старухой поспорили: кто первый скажет слово, тот и встанет с печи дверь закрывать. Молчали, пока у них воры все добро из дома не вытащили.

— Это прекрасная иллюстрация того, как люди предают свои истинные интересы ради сиюминутных мелких амбиций.

Часто ли мы задумываемся над тем, что же нам нужно — такси или "шашечки"? Попробуйте понять, зачем вам нужен апельсин (работа, жена, депутатство, машина, дача... — список можете продолжить сами). И тогда, возможно, выяснится, что вы ломаете копья совсем не из-за того, в чем на самом деле нуждаетесь. Не исключено, что ваши интересы отнюдь не противоречат интересам "плохого начальника". Вам не приходило в голову, что вы хотите одного и того же — чтобы фирма процветала? Быть может, со свекровью у вас тоже есть "общий интерес" — ведь вы желаете счастья одному и тому же мужчине. Или на самом деле вы хотите другого? Например, разменять квартиру свекрови. Или самоутвердиться за счет пожилой больной женщины. Или еще что-нибудь. Думается, полезно почаще спрашивать себя: "А что же я на самом деле хочу?" и учиться честно отвечать на него. Чтобы жить в мире и дружбе хотя бы с самим собой. Это уже очень много...

ПОДПИСКА - ПОДПИСКА - ПОДПИСКА

Уважаемые читатели!

Обращаем ваше внимание на то, что и во втором полугодии 2000-го года купить "Смену" в розницу будет почти невозможно — основной тираж журнала традиционно распространяется по подписке. Если вы не хотите расстаться со своим любимым изданием, советуем продлить подписку.

Цена за один номер журнала — 30 руб., за три — 90 руб., полугодичная подписка — 180 рублей (по каталогу «Роспечати» без стоимости доставки).

Подписка принимается без ограничений всеми отделениями связи России и стран СНГ с любого месяца.

Подписной индекс — 70820.

Оформить подписку на "Смену" можно и непосредственно в редакции. Цена одного номера тоже 30 рублей, но такая подписка все-таки дешевле, чем в почтовом отделении, поскольку вы будете приезжать за журналом в редакцию.

Ветеранам войны и труда при подписке в редакции (по предъявлении удостоверения) мы делаем скидку. Для них цена одного номера — 25 рублей.

Если вы не можете забирать журнал ежемесячно — ничего страшного, — ваша "Смена" будет ждать, сколько понадобится, и вам не придется волноваться, что журнал пропадет из почтового ящика. Кстати, наши постоянные читатели из других областей, стран СНГ и даже дальнего зарубежья, оказываясь в Москве, заходят к нам, чтобы купить журналы. Позвоните, и мы соберем для вас комплект "Смены". А если вы не бываете в столице, мы можем выслать любой номер или комплект журналов после того, как вы оплатите стоимость и доставку. Напишите в редакцию, мы сообщим вам банковские реквизиты.

Телефоны для справок: 212-15-07, 212-15-17.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва,

Бумажный проезд, 14.

**Звоните, пишите, приезжайте —
мы всегда рады вам.**

ПОДПИСКА - ПОДПИСКА - ПОДПИСКА

вниманию рекламодателей!

**Информация
о размещении рекламы
в журнале
"Смена"
по телефонам
257-30-55,
257-39-45.**

**Приглашаем к сотрудничеству
региональные рекламные
агентства и менеджеров по
рекламе.**

рисунок Виктория Федорова

Сергей ВЫСОЦКИЙ

**В интересах
следствия**

Сражение в Шестом Ростовском

Ночь у дежурных отдела вневедомственной охраны выдалась спокойной. Только два вызова по тревоге — и оба ложных. Еще одна группа выехала две минуты назад, и пока от милиционеров не поступило никаких сообщений.

Брюнетка лет двадцати восьми с усталым лицом, но веселыми глазами — до конца дежурства оставалось не так много времени, — сказала своей напарнице, совсем молоденькой, коротко стриженной девице:

— Лидуша, присмотри за моим пультом. Я сейчас кофейку заварю.

Она поднялась со стула, со сладким зевком потянулась. И в этот момент замигала одна из сигнальных лампочек на пульте.

— Сто сорок третий номер. — Лида сверилась по списку. — Шестой Ростовский, дом три, квартира двадцать семь.

— Там поблизости Буйков с нарядом. На Плющихе, — отозвалась брюнетка. — Свяжись с ними.

— Буйков, Буйков! Отвечайте базе! — Звонкий девчочий голос дежурной не могли заглушить ни многоголосье милицейской волны, ни радиопомехи.

— Чего стряслось, Лидуша? — голос у старшего сержанта был тоже молодой и звонкий.

— Вы где?

— Возвращаемся с объекта. Ложная тревога. Опять эта путана...

— На Шестом Ростовском, дом три... — сказала дежурная по пульту, но Буйков перебил ее:

— Степаныч! Тормози!

Было слышно, как резко взвизгнули тормоза.

— Что там у вас? — сердито спросила Лида.

— Стоим у дома три по Шестому Ростовскому.

— Умница. Сработала сигнализация в двадцать седьмой квартире. Подъезд один. Этаж... — Дежурная заглянула в список, но Буйков уже положил микрофон переговорного устройства. Он увидел, как из подъезда дома деловой походкой вышли двое молодых мужчин. Судя по облику и одежде, преуспевающие бизнесмены. У каждого через плечо висело по большой кожаной сумке. Один из них катил за собой огромный черный чемодан на колесах. У другого, бритоголового, в руке был еще дипломат из белого металла, большой и плоский.

Если бы не бритоголовый, старший сержант, может быть, и не окликнул эту парочку. Уж больно респектабельно выглядели молодые люди. И спешили они к стоящему поблизости черному лимузину, марка которого Буйкову была не знакома.

— Граждане! — Старший сержант распахнул дверцу "Жигулей" и неспеша выбрался из машины, повесив автомат на плечо. Увидев, что на его просьбу не откликнулись, милиционер рассердился.

— Господа хорошие, задержитесь на минутку!

— Мы торопимся. — Бритоголовый чуть замедлил шаг и обернулся. Его неискренняя, снисходительная улыбка и вовсе не понравилась Буйкову. Он переместил “Калашникова” с плеча на грудь и заторопился, чтобы отрезать мужчин от черного лимузина. За спиной старшего сержанта хлопнула дверца. Даже не оглядываясь, Буйков знал, что это второй член экипажа, верный товарищ Роман Андреев, приготовился подстраховать его.

В безлюдном, еще не проснувшемся переулке стояла тишина. И в этой тишине невероятно гулко и жестко гремели колесики громоздкого чемодана, который волочил за собой бритоголовый.

“Шикарный “уголок”, — подумал старший сержант и крикнул:

— Стоять!

Боковым зрением он заметил справа в полуподвальном окне дома два опухших, встревоженных лица, всклокоченные головы... Бомжи. “Надо их не упустить. Может, сообщники?!”

— Стоять! — повторил Буйков, уже не сомневаясь, что парни с вещами имеют самое прямое отношение к сработавшей в двадцать седьмой квартире сигнализации. — Русского языка не понимаете?!

— Отвали! — не оглядываясь, бросил мужчина с чемоданом.

Старший сержант передернул затвор автомата и собрался дать предупредительный выстрел. Но в это время в автомобиле, к которому спешили беглецы, опустилось боковое затемненное стекло, и из салона раздалась автоматная очередь. Первая пуля досталась Роману Андрееву — Буйков услышал, как тот охнул. “Калашников” с резким металлическим стуком упал на асфальт. Буйков нажал на спусковой крючок и одновременно почувствовал сильный толчок в грудь. От резкой боли тело напряглось, пальцы свело в конвульсии. Если бы милиционер и захотел, он уже не смог отпустить спусковой крючок. Поэтому, падая, он стрелял, стрелял... Даже ударившись об асфальт, Буйков не выпустил “Калашникова” из рук. Каждому из беглецов, которых Буйков пытался остановить, досталось не меньше десятка пуль. Чемодан походил на решето, а большой металлический кейс раскрылся, и утренний ветерок разносил по переулку зеленые денежные купюры и разноцветные страницы документов.

Черный “линкольн”

На место происшествия одновременно приехали две милицейские группы. Еще одну машину из отдела вневедомственной охраны послала пультовая дежурная Лида, получив предупреждение о начавшейся перестрелке от милиционера-водителя Степаньча. На второй машине — старенькой разболтанной “Волге” — приехали оперативники из уголовного розыска Управления внутренних дел. Чуть позже, солидно подвывая сиреной, примчался микроавтобус прокуратуры.

Майор Рамодин из уголовного розыска, здороваясь с пожилым толстым следователем Мишустиным, возглавляющим следственную бригаду, с завистью подумал: "На "тойоте" прибыли".

— Еще одно побоище, Женя.

Следователь Мишустин хмуро оглядел тела убитых милиционеров. Рамодин распорядился не трогать их до приезда сотрудников прокуратуры. Тяжелораненого водителя Виктора Степанова "скорая" увезла в больницу Склифосовского. За последние несколько месяцев это была уже не первая схватка с бандитами, в которой милиция несла потери.

— Свидетелей еще не отыскали?

— Есть двое. — Майор кивнул на милицейскую "Волгу", в которой один из оперативников брал предварительные показания у молодой женщины, видевшей из окна своей квартиры на втором этаже, как разворачивались события в переулке. Она выглянула в окно, как только прозвучали выстрелы.

Вторым свидетелем был пожилой мужчина, вышедший из дома прогуливать собаку — злющего фокстерьера со странным именем Панасоник. Лицо мужчины показалось Рамодину знакомым, но вспомнил он его только после того, как свидетель назвал свою фамилию — Баранов. Этот Баранов в конце прошлого десятилетия был членом Политбюро ЦК КПСС и даже вступил в соперничество с Горбачевым за пост Генсенка.

"Ничего себе квартиросъемщик, — подумал Рамодин и еще раз, повнимательней, оглядел дом, рядом с которым произошла трагедия. Розовый обливной кирпич, огромные окна без переплетов, десяток параболических антенн на фасаде. — Наверное, и остальные жильцы из той же когорты, — решил майор, — или новые русские".

Баранов вывел Панасоника из подъезда, когда несколько бомжей с удивительной проворностью подбирали с асфальта разлетевшиеся зеленые купюры и целые пачки в банковской упаковке. Пес так яростно кинулся в атаку на бомжей, что, потянув за поводок, свалил бывшего члена Политбюро на асфальт. И когда Баранов, проклиная собаку и крихтя, поднялся, стервятников — именно так старик обозвал бомжей — и след простыл. Исчез и развороченный пулями "дипломат" из белого металла, и остальные вещи.

Рамодин отпустил бывшего вершителя судеб домой — отвести досаждавшего оперативникам Панасоника и переодеться: старик вышел на прогулку в легком спортивном костюме и тапочках.

Свидетельница, красивая и очень ухоженная, несмотря на раннее утро, молодая женщина, Роза Шарова, собиралась ехать на дачу. Но, увидев из окна побоище, благоразумно решила повременить, набрала номер милиции и сообщила о перестрелке. Шарова видела, как из большого черного лимузина выскочил пожилой мужчина и затащил в машину тело одного из лежащих на асфальте сообщников. Второго он оставил лежать на месте. Наверное, по-

нял, что человек мертв. Он лишь вытащил что-то у мертвеца из кармана и кинулся подбирать пачки денег. Но это занятие показалось ему бессмысленным — разброс денег был велик. Мужчина засунул несколько пачек в карман, потом погрузил в машину огромный, изрешеченный пулями чемодан, две черные туго набитые сумки и уехал.

“Он просто бросил парня, — вытирая глаза платочком, возмущалась Шарова. — Понимаете? Бросил! Голова стукнулась об асфальт”.

Номер черного лимузина Шарова не запомнила, зато марку его назвала сразу — “линкольн”.

— Чью квартиру грабанили? — спросил Мишустин у майора.

— Известного коллекционера Цветухина.

— Судя по тому, что тебе рассказал свидетель Баранов, Цветухин коллекционирует доллары?

— Картины. Сейчас в его квартире мои оперативники.

— А сам коллекционер?

— В Лондоне. На аукционе “Сотбис”.

— Шустрый дедушка.

— Дедушке Игорю Борисовичу сорок один год. У него самая большая в России коллекция “малых голландцев”.

— Да? — Мишустин не знал, кто такие “малые голландцы”, но уточнять не стал. Решил, что это выяснится само собой. — И всех “малых” похитили?

— Откуда мне знать? Цветухин улетел в Лондон вместе с женой.

— У грабителя в карманах, конечно, пусто?

— Кто же идет на дело с ксивами?

— Ну, не скажи! — философски заметил Мишустин. — Если документы чужие...

— Ничего не нашли. Одна пачка “Мальборо”.

— А ключи? Отмычки?

— Ни-че-го! Сигареты и оружие. Но свидетельница видела, как сообщник вытащил что-то из кармана убитого, может быть, ключи.

Из подъезда вышел высокий пожилой мужчина в хорошем сером костюме и белой рубашке.

— Баранов. — Майор показал глазами на “франта”. — Хозяин Панасоника. Начнешь с него?

— Пожалуй. Ты, Женя, ничего не сказал про дежурного в подъезде. В таком доме, наверное, сидит бабуся?

— Правильно рассуждаешь. Должна сидеть. Но вчера на дежурство бабушка не пришла. А так как в подъезде есть домофон, то комендант не очень переживал.

— Забавное совпадение, — пробормотал следователь и направился к бывшему члену Политбюро. Мишустин и не подозревал, что все “забавное” еще впереди.

Постепенно просыпались обитатели близлежащих домов. То в одном, то в другом окне раздвигались занавески и возникали встревоженные лица. Заметив, что кто-то из милиционеров поднял голову, люди не спеша удалялись в сумрак своих квартир, а спустя несколько минут, не в силах сдержатъ любопытство, появлялись снова. Рамодин спиной ощущал настороженные взгляды. Оперативники дотошно обследовали, метр за метром, мостовую и тротуар. Стреляных гильз сыщики насобирали уже гору, как после большого сражения. А вот валюты не обнаружили. Нашли всего одну, но зато тысячедолларовую купюру. Диковинная зеленая бумажка прилипла к лобовому стеклу припаркованного у подъезда "ауди". Похоже, что бомжи, о которых рассказывал бывший партийный босс, прошлись по переулку частым гребешком.

Завораживающее действие момента

Внезапно сработала сигнализация на белом "ауди". Владелец машины вышел из подъезда секундой позже. Крупный бледнолицый молодой человек, одетый так, будто собрался спозаранку на великосветскую тусовку — черный костюм, рубашка от Версаче и галстук-бабочка. Такую рубашку Рамодин видел на своем приятеле, частном сыщике Владимире Фризе.

На оперативников молодой человек даже не взглянул. Не посмотрел и на прошитые пулями милицейские "Жигули". В этом невнимании чувствовалась нарочитость. И она не понравилась майору. Насторожило поведение владельца "ауди" и одного из оперативников, лейтенанта Снеткова. Он многозначительно покосился на Рамодина и, получив в ответ легкий кивок, окликнул пижона:

— Гражданин, задержитесь на секунду.

Тот даже не оглянулся. Открыл дверцу машины, положил на заднее сиденье кейс и собрался садиться.

— Эй, господин хороший! — уже сердито позвал лейтенант. Худенький, загорелый и потому выглядевший мальчишкой, он заводился с полоборота, если чувствовал пренебрежительное к себе отношение.

— Это вы мне? — спросил "прикинутый".

— Тебе, тебе. У шефа есть пара вопросов. Ответишь — и катись на все четыре стороны.

— Очень спешу. — Владелец "ауди" улыбнулся майору и слегка развел руками. Дескать, рад бы поболтать, да дела, дела...

"А может, он тут был в гостях? — подумал Рамодин. — У какой-нибудь цыпочки?"

— Разрешите взглянуть на ваш паспорт, — наградив парня ответной улыбкой, попросил он. — Минутное дело.

— Я же сказал — спешу! — Голос у молодого человека казался спокойным, но майор заметил, как мелко-мелко задрожала пухлая нижняя губа.

— Рискуете опоздать надолго, — пообещал Евгений.

Парень раздул ноздри, демонстративно вздохнул, достал из внутреннего кармана пиджака шикарный лайковый бумажник и торопливо раскрыл его. Евгений заметил в одном из отделений толстую пачку денег, в другом — два паспорта. Синий — служебный заграничный, и красный — общегражданский. Молодой человек достал синий.

В заграничном паспорте не могло быть данных, которые сейчас интересовали Рамодин. В первую очередь, адрес, по которому проживал молодой человек.

— Доставайте нормальный паспорт.

— А это что? Не нормальный?

— Быстро! Вы же торопитесь.

Парень перешел в атаку.

— Вы даже не представились! Откуда я...

— Майор Рамодин, уголовный розыск. — Евгений раскрыл удостоверение, но владельца "ауди" уже понесло.

— Вы ответите, майор, за хамство! За то, что задержали меня без всяких оснований.

— Пошло, поехало. Теперь не остановишь, — тихо произнес Рамодин и поморщился. — Придется вас задержать, милый.

— Что?!

— Со слухом плохо? — рявкнул майор. — А ну, давай сюда свой лопатник!

Может быть, молодой мужчина и не знал, что означает полублатное слово "лопатник", но сориентировался моментально. Торопливо протянул свой роскошный бумажник Рамодину. Майор достал красный паспорт и вернул бумажник задержанному.

Владельца "ауди" звали Вячеслав Николаевич Горобец. Двадцать шесть лет, прописан по адресу: улица академика Зелинского, дом № 3.

— Из гостей?

— Послушайте! — сердито начал Вячеслав Николаевич и осекся. Наверное, выражение лица майора подсказало ему, что любому терпению есть предел.

— Из гостей, — покорно ответил он.

— В какой квартире гостевали?

Секундное замешательство отразилось на лице молодого человека. Даже не замешательство, просто слегка дрогнули красивые черные брови.

— В двадцать седьмой.

— Снетков! — позвал Рамодин.

Лейтенант поднял голову. Они уже два года работали вместе и понимали друг друга с полуслова — по интонации, по быстрому взгляду. Через секунду Снетков стоял за спиной владельца "ауди".

— Браслеты, — отрывисто бросил Рамодин.

— Вы что? Вы что? — закричал Горобец, в мгновение ока оказавшийся в наручниках. — Не имеете права!

На молодого человека было жалко смотреть. Вся его бравада, игра в крутизну, подчеркнутая отстраненность от того, что происходило в переулке, улетучились. Перед майором стоял большой, слегка разъевшийся, обиженный ребенок.

“Маменькин сынок, — внутренне усмехнувшись, подумал майор. — Наверное, какой-нибудь брокер или риэлтор. Как их там еще называют?” Он решил, что к ограблению квартиры коллекционера Цветухина этот “пупсик” вряд ли имеет отношение, иначе не назвал бы ее номер. Просто соврал, не желая по каким-то одному ему известным причинам, чтобы всплыло имя его гостеприимца. И вляпался.

Рамодин не сомневался — этим гостеприимцем была женщина. Гостеприимица. И, наверное, замужняем.

— Ну, что ж, господин брокер, заглянем в двадцать седьмую квартиру, в которой вы провели ночь. — Рамодин увидел, какую удивленную физиономию соорстил Снетков, и подмигнул ему. — Ты, Ляня, пригляди за белой тачкой.

— Ключи в замке, — жалобно протянул Вячеслав Николаевич. — И кейс на заднем сиденье.

— Ляня, запри машину от греха подальше, а кейс давай сюда.

Лейтенант вытащил ключи из замка, опустил их в карман модного пиджака Горобца.

— Вперед! — скомандовал майор и подтолкнул задержанного к подъезду.

Допрос

— Здесь?

Рамодин остановился у массивной двери двадцать седьмой квартиры.

— Я вам уже сказал! — огрызнулся молодой человек, но, заметив сердитый взгляд майора, поспешно уточнил: — Да! Здесь. Игорь Борисович ушел из дома раньше меня. Я просто захлопнул дверь. Напрасно будете звонить.

“Красиво плетет узоры, олух!” — подивился Рамодин и резко надавил на кнопку звонка. Дверь тут же распахнулась. На пороге стоял один из оперативников с пистолетом в руке. Через распахнутые двери анфилады комнат было видно, как работают криминалисты.

— Первая ласточка? — с удовлетворением отметил открывший дверь оперативник и засунул пистолет за ремень.

Но гость его не услышал. Он с ужасом смотрел сквозь распахнутые двери туда, где работали криминалисты.

— Кухню уже проверили? — спросил Рамодин у оперативника.

— Да. Я там кофеварку зарядил. От барских щедрот. Выпьете?

— Потом, потом. — Майор подтолкнул Горобца в сторону кухни. — Двигайтесь, господин риэлтор, или как вас там? Посидим, погутарим.

В огромной, сверкающей намытым кафелем и цептеровскими кастрюлями кухне витал аромат кофе.

— Садитесь, Вячеслав Николаевич. Не созрели для душевного разговора?

— Я провел ночь в соседней квартире, — обреченно сказал молодой человек. Сказал так тихо, что Рамодин еле расслышал. — В двадцать восьмой. Понимаете... Утренний пистон. Только умоляю — не ходите туда, — добавил он жалобно и попытался взглянуть на часы. Но из-за наручников у него ничего не получилось.

— Без десяти восемь, — проинформировал Горобца майор и показал на большие круглые часы, висевшие на стене прямо напротив задержанного.

— Вот видите! С минуты на минуту вернется ее муж. Из-за границы. Можете себе представить, что произойдет?

Этого майор представить себе не мог. В данном конкретном случае. И попросил Вячеслава Николаевича рассказать обо всем по порядку. Неспеша, с подробностями.

— Хорошо, хорошо! Я все расскажу. Но у меня одна просьба... — Горобец умоляюще взглянул на майора. — Вас как зовут?

— Евгений Иванович.

— Евгений Иванович, я понимаю, что Ирочку вы все равно будете допрашивать. Не могли бы вы позвонить ей по телефону и пригласить сюда? Даже если муж уже дома, это будет выглядеть естественно. Когда что-то случается у соседей, опрашивают ведь всех?

— Назовите телефон.

Вячеслав продиктовал номер. Его подругу звали Ирина Георгиевна.

— А фамилия?

— Евгений Иванович, нельзя ли...

— Вячеслав Николаевич! Нельзя.

— Карташева.

К телефону долго никто не подходил, и Вячеслав Николаевич, испереживавшись, все твердил:

— Не кладите трубку! Не кладите! Она дома.

Наконец заспанный полудетский голосок прошептал:

— Алле?

— Ирина Георгиевна?

— Да-а-а...

— Вас беспокоит старший оперуполномоченный Рамодин.

— Ой!

— Не пугайтесь. Мне нужна ваша помощь. Не могли бы вы взглянуть в двадцать седьмую квартиру?

С минуту она молчала, потом переспросила:

— В двадцать седьмую? Вы меня обманываете. Хозяева квартиры в отъезде.

— Правильно. В Лондоне. Воры об этом тоже знали.

— Обокрали! — Ирина Георгиевна как бы констатировала давно ожидаемое и наконец-то свершившееся событие. — Ну... — она на секунду задумалась. — А вы в форме?

— Нет. Сегодня я не в форме. Но если вы боитесь подвоха, позвоните в отделение милиции.

— Ничего я не боюсь, — с вызовом сказала Ирина Георгиевна. — Сейчас оденусь и приду.

Рамодин положил трубку, взглянул на задержанного и удивился. Вячеслав Николаевич, бледный и растерянный, смотрел на майора безумными глазами и шептал:

— Бред! Бред! Что она несет? Бред!

— Это вы о чем?

— Бред! — Руками, скованными наручниками, задержанный ритмично бил по колену.

— Вячеслав Николаевич! Что вас так удивило?

— Ничего меня не удивило! — заорал Горобец так громко, что оперативник, дежуривший у входной двери, заглянул на кухню и спросил:

— Помощь не нужна?

— Все в порядке, — успокоил его Рамодин.

Оперативник удалился.

— Не поделитесь информацией?

— Нет! И снимите, наконец, наручники! Я никуда не убегу!

— Мне тоже так кажется.

Рамодин связался по радиации с лейтенантом Снетковым.

— Леня, задержанный тоскует в браслетах, а ключ у тебя.

— Понял. Сейчас загляну.

— Я не тоскую, — окрысился Горобец. — Я возмущен! Возмущен!

“Что же его так рассердило? — подумал Евгений. — Не хочет предстать перед любовницей в наручниках? Может быть. В этом мало приятного, но ведь не смертельно. А Славик сам не свой. Что же? Что? — Он мысленно прокрутил в голове весь короткий разговор с Ириной Георгиевной. — А вот что! Мне Горобец сказал, что идет из двадцать седьмой квартиры. Так? А любовница только что подтвердила, что ее хозяйева в отъезде. Нестыковочка, голу-би!”

Минут через пять в дверь позвонила Ирина. Рамодин сам открыл ей, чтобы дежуривший у входа оперативник не напугал гостью “Макаровым”. Сотрудника майор попросил постеречь задержанного, а Ирочку провел в одну из комнат.

Сказать, что Ирина Георгиевна приложила много усилий для своей экипировки, было нельзя. Как успел заметить майор, женщина накинула черный махровый халат прямо на голое тело. Она села на старинный, красного дерева, диванчик, обитый шелком, положила ногу на ногу, запахнула полу халата и закурила.

Майор устроился за круглым, тоже красного дерева, столом с многочисленными бронзовыми прибабасами. Сел так, чтобы

край стола закрывал от него красивые Ирочкины ноги, постоянно выскальзывающие из-под халата. Так Рамодин чувствовал себя увереннее.

— Ограбили Цветухина?

— Ограбили.

— Картины?

— Ирина Георгиевна, давайте договоримся: вопросы буду задавать я. Хорошо?

— Конечно. Это я поторопилась, чтобы сразу врубиться.

— Врубились?

— Вполне. Бедный Игорек!

— Вы хорошо знакомы с Игорем Борисовичем?

— Мы же соседи!

— Логично. Теперь немного формальностей для протокола. Кстати, меня зовут Евгений Иванович Рамодин. Старший оперуполномоченный уголовного розыска. Теперь хотелось бы услышать и о вас.

— Пожалуйста, — она улыбнулась. — Без интимных подробностей не обойтись?

— Об этом можно схематично, — осторожно сказал майор и покраснел.

— Значит, так. Я, Карташева Ирина Георгиевна. Родилась пятнадцатого августа семьдесят четвертого года. Люблю, когда на день рождения ко мне приходят интересные люди. Сыщики, например. — Она посмотрела на майора одобрительно. — Двигаемся дальше. Замужем. Супруг с минуты на минуту прибудет домой из Швейцарии.

— Он не беспокоится, что вас дома нет?

— Я ему оставила записку, сообщила, где нахожусь. Зовут его Валентин Эмильевич. Может быть, слышали? Валентин Эмильевич Карташев. Ответственный сотрудник администрации.

Ирочка произнесла слово “администрация” как бы между прочим, без нажима. Но Рамодин понял, о какой администрации идет речь.

— С Вячеславом Николаевичем Горобцом вы, естественно, знакомы?

— Это мой любовник, — не задумываясь, ответила Карташева. — Надеюсь, Цветухина не Славик ограбил?

— Горобец провел с вами всю ночь?

— И вечер тоже. — Она посмотрела на Рамодина, как невинная овечка.

— Вы с ним хорошо знакомы?

— Очень мило. Любовник — это хороший знакомый? По милицеским понятиям?

— Ирина Георгиевна! — одернул ее майор.

— Ну, ладно. О чем спор? Мы со Славиком старые друзья. Знаю его как облупленного. Воровство — не его ампула. Можете вычеркнуть Славика из своего списка.

— Никакого списка у меня нет. С хозяином этой квартиры вы часто встречаетесь?

— Конечно. У нас отношения очень теплые, но только платонические. Хотя он такой комильфощка и не прочь приударить за красивой девушкой.

— Давно знакомы?

— Года три. Как только переехали в этот дом, сразу познакомились. Мой муж еще служил в банке. Скажем так, владел им. Валентин Эмильевич интересовался живописью. Игорек пригласил нас взглянуть на свою коллекцию “малых голландцев”. Вы знаете, кто такие эти господа?

— В школе проходили. В третьем классе. Ван-Рюисдал, Дюзарт и прочая мелочь. — Он готов был сгрести свою собеседницу в охапку, задрать ее шикарный халат и отшлепать по голой гладкой попке. В том, что попка у Ирочки под халатом голая и гладкая, майор не сомневался.

— Вот как? Вас, оказывается, не даром прислали к бедному Игоречку. Специалист по “малым голландцам”! Но должна вас разочаровать — ни Рюисдаля, ни Дюзарта у Цветухина не было.

— Сколько картин?

— Я не считала. Могу только сказать — все стены завешаны картинами так плотно, что не видно обоев.

— Теперь обои видно хорошо, — мрачно доложил майор и обвел глазами пустые стены. — Сколько понадобилось бы чемоданов, чтобы унести картины на подрамниках?

— Спросите что-нибудь полегче.

— Цветухин — человек состоятельный?

— Ха-ха! Вы же специалист! Представляете, сколько миллионов стоят эти картины?

— Я не о картинах. О валюте. Доллары под матрасом ваш знакомый комильфощка не хранил?

— Кто ж об этом рассказывает? — Карташева опять весело рассмеялась. — Слышала только, как муж предостерегал Игоря от наших банков.

— Ирина Георгиевна, пока Цветухин в отъезде, вы наша главная надежда.

— Вот как?

— Правда. Я на вас очень рассчитываю. Подумайте и постарайтесь вспомнить друзей Цветухина. Его частых гостей. Просто случайных посетителей. Всех, кого вы запомнили. Не требую моментального ответа.

— Ну и вопросыки! Моя фамилия Карташева, а не Цветухина.

— Я не настаиваю. Просто подумал, вдруг в памяти что-то всплывет? А теперь продолжим разговор о вас.

— По-моему, все анкетные данные я выложила. — Ирочка свела красивые черные брови к переносице. — Что вам еще рассказать? Я не служу. Член Союза писателей. Пишу стихи. И знаете,

иногда печатают. Замужем семь лет. Немало, да? Вот и пришло время завести любовника. Осуждаете?

— Дело житейское, — буркнул майор, вспомнив Карлсона. — И меня не касается. Вы, Ирина Георгиевна, стрельбу рано утром слышали?

— Нет. Сильно стреляли?

— Куда выходят окна вашей квартиры?

— Окна? — она на секунду задумалась. — И туда, и сюда.

— А конкретнее?

— У нас шесть комнат. Кабинет мужа и столовая — окнами в переулок. Спальня, гостиная и гостевые комнаты — во двор. Мы со Славиком были в гостевой. Нельзя же укладывать любовника в супружескую постель! Я считаю, неэтично. Правда? — Она наслаждалась замешательством майора.

— В гостевой комнате выстрелов слышно не было?

— Нет. А в какое время стреляли?

— В седьмом часу.

— Так рано? Мы еще спали.

— И не боялись? Супруг же мог нагрянуть раньше.

— Он с самолета. А самолеты раньше времени не прилетают, могут только запаздывать. Кстати, Валентин Эмильевич звонил из аэропорта пять минут назад.

— Вот как?

— А что вас удивило?

Рамодин лишь усмехнулся.

— Когда ушел Горобец?

— Ну... Я не знаю. На часы не смотрела.

— Хорошо, Ирина Георгиевна, на часы вы не взглянули. Счастливые часов не наблюдают. Но хоть приблизительно — сколько времени прошло с момента его ухода? Пять минут, час?

— Только не пять минут. Я успела задремать.

— Полчаса?

Карташева изобразила на лице глубокое раздумье. А Рамодин готов был поклясться, что ответ у нее уже давно готов.

— Наверное.

— Может быть, вы дремали несколько минут, а показалось — целую вечность? — Спокойно, стараясь не обнаружить, какую важную информацию преподнесла ему Ирочка, спросил майор. — Вас разбудил звонок мужа?

— Да нет же! Я проснулась сама. Отдохнувшая и свеженькая.

— Замучил я вас своими вопросами, — огорченно констатировал Рамодин, а сам внутренне ликовал, предвкушая, как прижмет сейчас к стенке проклятого темнилу Горобца. Где это он болтался столько времени, покинув возлюбленную? Не мог он не видеть грабителей! Не мог! Если только и сам не заодно с ними, не наводчик, например.

— Мы, Ирина Георгиевна, сейчас прервем нашу беседу. Вам, наверное, супруга надо встречать? Из заграничной поездки все же возвращается...

— Пс-с. Два дня. Да у него такие поездки по несколько раз в месяц.

— А про наши секреты Валентину Эмильевичу знать не обязательно. Пока. Так что не волнуйтесь. Следователь прокуратуры, наверное, захочет с вами поговорить — тоже не смертельно. Я ему все объясню.

— Чудак! — Ирочка встала с дивана, запахнула поплотнее халат, завязала пояс. — Я ни капельки не волнуюсь. Чего ради? Надеюсь, мы еще с вами встретимся? — Она протянула Рамодину руку и неожиданно поцеловала его в щеку. Уже выйдя в прихожую, спросила: — Вы так и не сказали мне про стрельбу. Кто стрелял?

— Проспали целое сражение, — усмехнулся Рамодин, вынуждая Карташеву из квартиры.

Непрошенное подкрепление

— Кроме бомжей, никого в переулке не заметили? — спросил Мишустин, с любопытством разглядывая respectable свидетеля, сидевшего перед ним за маленьким откидным столиком. И без предупреждения Рамодина следователь узнал бы этого человека. Годы мало изменили бывшего партийного “олимпийца”.

Баранов не торопился с ответом. Он взглянул в окно микроавтобуса. Внимательно обвел глазами переулок и только потом сказал:

— Никого, Аркадий Васильевич.

На все вопросы следователя, даже на самые простые, Баранов отвечал после короткого раздумья, словно взвешивал каждое свое слово. Мишустину такая беседа нравилась.

— Павел Федорович, а этих стервятников, как вы назвали бомжей, подробнее описать не смогли бы?

— Подробнее... подробнее. Мой пес так рванул за поводок, что свалил меня на асфальт. Но кое-что я заметил. Необычное. Один стервятник был похож на опереточного генерала.

— На опереточного?

— Да. Не может ведь настоящий генерал хватать пачки денег с мостовой и запихивать себе за пазуху?

“Ну это как сказать, — подумал Мишустин. — Вопрос спорный”.

— На нем была форма, похожая на генеральскую?

— Генеральская форма, — ответил Баранов после секундной паузы. — С орденскими планками на груди.

— Вот те на! — следователь рассмеялся. — Такого в моей практике еще не бывало!

— У этого опереточного генерала на голове была надета красная кепочка с каким-то иностранным словом на тулье. “Генерал”, по-моему, чуть прихрамывал.

— Возраст?

— Возраст? — Баранов опять взглянул в окно микроавтобуса. На этот раз пауза затянулась. Лицо свидетеля вдруг сделалось напряженным, настороженным. “Чего он там увидел?” — подумал следователь и тоже взглянул в окно.

В конце переулка, метрах в двухстах от микроавтобуса, в котором они беседовали, автобус побольше, с затемненными окнами, перегородил проезд. У тротуара стоял черный лимузин с рожками спецсигналов на крыше. Рядом с автомобилем стояли двое крупных мужчин в светлых легких плащах. Они наблюдали, как из автобуса торопливо выскакивают вооруженные люди в камуфляже, с черными масками на лицах.

— Наверное, не вы их сюда пригласили? — спросил Баранов.

— Нет, Павел Федорович. И не майор Рамодин.

— Антитеррористическая группа?

— Не похоже. Вам лучше пойти домой.

Он открыл дверцу, выпустил из машины Баранова, вышел сам. Старик крепко пожал Мишустину руку и чуть ли не вприпрыжку кинулся к подъезду. Наверное, опыт, приобретенный в высших сферах, подсказал ему, что следует поскорее уйти в тень.

— Аркадий Васильевич! Солидное подкрепление, — заметил шофер микроавтобуса Глебов, тоже вышедший из кабины. — Спецназ?

— Я их не вызывал.

— Взгляните! — Глебов тронул следователя за рукав. — И с другой стороны подгребли.

Мишустин оглянулся. Та часть переулка, которая вела к Садовому кольцу, тоже была перегороджена. Люди с автоматами занимали места в цепи.

Почему юлил Горобец?

Разглядывая привлекательное, но по-детски пухлое лицо Горобца, Евгений терялся в догадках: почему Ирочка не спросила ничего о судьбе своего любовника? Наверное, видела из окна, как его прихватили. Пошла в комнату, где окна выходят в переулок, сделать милому “ручкой” и все видела. Хитруша.

— Ну как, Вячеслав Николаевич, готовы исповедоваться? Созрели? — спросил он Горобца миролюбиво.

— Созрел. Только дайте слово...

— Что муж не узнает про утранный пистон?

— Ну, ну! — в голосе Горобца появились угрожающие нотки.

— Вячеслав Николаевич! Славик! Так это же ваши слова.

— Тогда речь не шла о конкретной женщине.

— Ладно. Не сердитесь. Пока в мои планы не входит беседа с мужем-рогоносцем. А дальше уж — как следствие пойдет. Извините. Вы когда покинули Ирину Георгиевну?

— В семь.

— Ты не взглянул на часы, когда его задержали? — обратился Рамодин к лейтенанту.

— Минут пять восьмого. А может, и три минуты.

— Вячеслав Николаевич, вы вышли из квартиры Карташевых, спустились на лифте... На лифте?

— Нет. По лестнице. Зачем привлекать внимание соседей?

— По лестнице, — эхом отозвался майор. — И сразу вышли из подъезда? Не задержались у квартиры Цветухина?

— Нет.

— В первоначальных показаниях, значит, приврали малость? Горобец промолчал.

— Вышли из дома и кинулись к машине?

— Не кинулся! Спокойно пошел к ней.

— Это точно. Очень спокойно, — прокомментировал Снетков. — Даже не поинтересовался, почему мостовая трупам усеяна. — Он хотел еще что-то сказать, но в это время резко и требовательно позвонили в дверь.

— Кто здесь майор Рамодин? — раздался из прихожей негромкий, но очень уверенный голос человека, привыкшего повелевать.

Когда после резких звонков в квартиру майор услышал в прихожей приглушенные вскрики и возню и, готовый ко всему, с пистолетом в руке, ринулся в прихожую, лишь профессиональный опыт уберег его от удара дверью по лицу. Один из гостей, наверное, личный охранник, увидев человека с оружием, попытался зашибить Рамодина этой дверью. А ведь знал, подлец, что в квартире работают лишь сотрудники уголовного розыска и прокуратуры. Но удар пришелся мимо. Евгений, открывая дверь, всегда держался за линией порога.

В доли секунды, пока дверь с оглушительным треском не возвратилась на место, майор увидел в прихожей высокого плотного мужчину в длинном белом плаще. Черная, хорошо подстриженная, с идеальным пробором голова резко контрастировала с плащом, казалось, была сама по себе. Рядом с черноголовым стоял оперативник в наручниках, а из-за его плеча выглядывал Аркаша Мишустин. На побелевшем лице следователя отражалась такая мука, что у Рамодина захолонуло сердце.

— Да опустите вы пистолет, — спокойно, даже вальяжно, сказал мужчина в белом плаще. Он чувствовал себя здесь самым главным. Это было видно и по тому, как чутко держали дистанцию его спутники, и по тому, как держался он сам. Не властно, не грозно, не решительно... Единственный эпитет, который показался Рамодину уместным, — свободно. "Большая шишка", — решил он. И вдруг вспомнил давний сюжет по телевидению: президентская охрана положила лицом в снег охранников Гусинского и милиционеров у здания мэрии на Новом Арбате. А высокий плотный мужчина в черном пальто до пят непринужденно прогуливался среди лежащих в снегу людей. Но как же давно это было. Тот, в длинном черном пальто, уже сошел со сцены. Или не сошел?

— Майор Рамодин, будем играть в казаков-разбойников? — В вальяжном голосе черноголового не чувствовалось угрозы. — Прячьте оружие и выметайтесь вместе со всей своей командой. Прокурор, объяснитесь с коллегой.

Аркаша Мишустин вышел из-за спины закованного в наручники оперативника, и Евгений с облегчением увидел, что на Аркадии наручников нет.

— Майор, дело переходит в Главное управление охраны. Генерал Сусликов, — Мишустин бросил быстрый взгляд на черноголового, — связал меня с Генеральной прокуратурой. Там все подтвердили.

— У меня свое начальство, — буркнул Рамодин и спрятал, наконец, пистолет. — И почему это мой сотрудник в наручниках?

— Очень шустрый, — усмехнулся генерал. — Поздравляю. — Он обернулся к здоровенному бугаю в кожаной куртке, стоявшему в стороне. Рамодин решил, что именно этот бугай чуть не расплющил его дверь. — Капитан, снимите браслеты.

По тому, с какой ненавистью взглянул на капитана оперативник, Евгений догадался, что с ним не очень церемонились.

— Теперь ваше начальство, Рамодин... — задумчиво протянул генерал Сусликов. — Ваше начальство... кто вас устроит? Замы? Или только министр?

— Полковник Шутили из Центрального Управления.

— Нет, нет. Исключено. — Генерал вынул из кармана плаща крошечный сотовый телефон, нажал одну из кнопок. — Сергей Вадимович? Сусликов. Звоню с Шестого Ростовского. Скажи своему служаке, чтобы сдавал дело и не артачился. Зовут — майор Рамодин. — Он протянул трубку Евгению.

На секунду у майора мелькнула мысль: уж не мистификация ли это? Взглянул ли Аркаша на документы черноголового? Но голос в трубке развеял сомнения. Он слышал этот голос сотни раз. Почти каждый день министр давал интервью, выступал с речами.

— Правильно, майор, что проявили характер! — весело сказал министр. — Одобряю. А теперь выполняйте. — И отключился.

— В переулке ваши сотрудники нашли доллары. Много? — спросил черноголовый, пряча телефон в плащ.

— Одну бумажку. Тысячедолларовую.

— Где она?

— У меня в кейсе. Вместе с другими вещдоками.

— Передайте кейс капитану. Допросы писали на пленку? Тоже передайте. Надеюсь, обыскивать вас не придется?

Рамодин подумал о том, что сам еще не досмотрел кейс Горобца. Что теперь с ним будет? Он не питал никаких надежд обнаружить в кейсе что-нибудь полезное для расследования. Но вдруг?..

Когда передача вещдоков состоялась, здоровяк-капитан вывел Рамодина, Мишустина и оперативников из подъезда.

— Бывайте, служивые! — равнодушно попрощался он и вернулся в дом.

Переулок все еще был оцеплен. Сотрудники прокуратуры сидели в своем микроавтобусе злые и нахохленные. Их стерегли два бойца в камуфляже с автоматами наготове. Милицейскую "Волгу" тоже стерегли.

— Сволочи! — сквозь зубы выдавил из себя Евгений. Он хотел спросить Мишустина, имеют ли право люди из Главного управления проводить расследование? И в конце концов, какого черта они лезут не в свое дело? Но увидев, что Аркаша отводит глаза в сторону, только махнул ему на прощание рукой:

— Созвонимся!

Следователь наконец-то взглянул на него, но так странно, что Рамодин понял — звонки исключаются.

Ни в одной из вечерних криминальных передач, которые Евгений посмотрел в надежде получить хоть крупицу информации, о происшествии в Шестом Ростовском не было сказано ни слова. Только на следующий день вездесущая молодежная газета поместила короткую информацию о том, что в Шестом Ростовском переулке произошла перестрелка. Погибли три милиционера и бандит. Корреспондент газеты посетовал, что в силовых ведомствах отрицают даже сам факт перестрелки. А один из очевидцев высказал предположение, что бандиты напали на обменный пункт валюты: во время перестрелки, ветер, якобы, разметал по переулку зеленые купюры, словно опавшие осенние листья. Журналист в рассказ свидетеля не очень-то поверил. Тем более ни одного обменного пункта в Шестом Ростовском не имелось.

Когда Рамодин попытался доложить о ЧП своему начальству, полковник Шутилин лишь предостерегающе поднял ладонь.

— Может, прогуляемся по улице? — предложил майор.

— Чего тебе, заняться нечем? — рассердился Шутилин. — Сколько всяков в отделе!

Огорчения майора Рамодина

Майор Рамодин злился. Он, конечно, понимал, что дом, в котором живет собиратель "малых голландцев", особый. Правительственный. Несколько чиновников из администрации живут в этом доме. Даже один заместитель ее главы. Но ведь существует Закон! Или не существует?

Майор пытался успокоить себя мыслью о том, что он просто не знает всех обстоятельств дела. Что следствием, на самом деле, занимается ФСБ, а начальники из Главного управления охраны по глупости повели себя вызывающе некорректно. Посчитали ниже своего достоинства объясниться с каким-то занюханым майоршкой из УГРО.

Чем больше думал Рамодин о происшествии в Шестом Ростовском переулке, тем больше сердился. А сердитый сыщик — человек опасный.

"Черт возьми! Неужели я буду изображать из себя "шестерку" и делать вид, что ничего не случилось? — рассуждал старший

оперуполномоченный. — В конце концов, чем я рискую, если часок-другой поболтаю с фигурантами по делу? Погонями? Невелика потеря”.

Больше всего Рамодину хотелось перекинуться парой слов с господином Горобцом, которого он незаслуженно называл брокером. Судя по визитной карточке, Вячеслав Николаевич состоял в должности заведующего отделом валютных операций банка Западно-Сибирской нефтяной компании.

— Подождите секундочку, — раздалось в трубке, когда Рамодин набрал номер служебного телефона Горобца. Евгений узнал голос. Трубку снял сам Вячеслав Николаевич. Минуты две майор слушал, как абонент отчитывал кого-то по другому аппарату за ошибки гастрономического свойства.

— Это же арабы, — сердился Горобец. — Я предупреждал! У них особый менталитет, а вы подаете Бог знает какой кофе!

Майор не расслышал, какие аргументы привел распекаемый сотрудник, но в голосе Славика зазвучали возмущенные нотки:

— Кофе “Якобс”! Насмотрелись рекламы! Сколько можно повторять — “Мокко”! “Мокко”! “Мокко”! Ну и что ж, что четыре тысячи? Шеф все подпишет. А миньоны с мясом? Они потому и не притронулись, что не были уверены, говядина это или свинина!

Рамодину вдруг стало весело. И у финансистов свои заморочки! Небось, эти арабы — нефтяные шейхи. Денежные мешки. А их напоили каким-то третьесортным кофе под названием “Якобс”!

— Последний раз предупреждаю, — буркнул Горобец и, наконец, переключился на майора: — Слушаю вас.

— Вячеслав Николаевич, наверное, я не могу рассчитывать, что вы угостите меня чашечкой кофе “Мокко”...

— Кто это?

— Майор Рамодин. Евгений Иванович.

— А-а... Тот Евгений, что на меня наручники надел?

— Так точно, — покорно согласился майор. — Приказал это сделать.

— Каетесь?

— Не то чтобы очень. Но чашечку кофе с вами выпил бы. Даже не обязательно “Мокко”. Мы прошлый раз с вами не договорили.

— Я посчитал, что вас от этого дела отстранили.

— Правильно посчитали. Но меня любопытство заело. Две ночи не спал, раздумывал над одной вашей репликой.

— Почему я на девушку рассердился?

— Схватываете на лету.

— А вы меня в наручники!

— Кто старое помянет...

— Хорошо, Евгений Иванович. Я зла на вас не держу. Такая работа. Мы с девушкой почти все вопросы сняли. У нее спросонья

представления о времени начисто сдвинулись. Но я готов с вами перекинуться парой слов. В частном порядке. Девушка вас очень хвалила. За деликатность. А она человек чуткий. Когда вам удобно встретиться?

— Хоть сейчас. Назначайте время.

— Через полчаса в центральном офисе. Успеете?

— Вполне.

— Буду ждать у подъезда.

Чтобы не попасть в пробку, майор поехал на метро. Благо, от станции “Красные ворота” до банка было пять минут хода.

Горобец уже стоял на мраморных ступеньках. Разговаривал с какой-то пожилой дамой, а сам поглядывал по сторонам, вылавливая в толпе Рамодина. Евгений приветственно помахал рукой и удостоился ответного взмаха.

И в этот момент его взяли в клещи двое крупных мужчин.

— Майор Рамодин?

— Да. В чем дело? — Евгений увидел, каким тревожным сделалось лицо Горобца, наблюдавшего за развитием событий. Славик что-то сказал женщине и торопливо ринулся в подъезд банка. Собеседница с недоумением поглядела ему вслед.

— В чем дело? — повторил Евгений. Он уже понял, что мужики не из криминального мира, а от “соседей”.

— Прокатимся до твоей конторы, а по дороге погутаим.

Прокатиться предстояло в черном “БМВ” с затемненными стеклами и без передних номерных знаков. Рядом с водителем сидел пожилой мужчина с унылым лицом и отвислыми щеками. Белая, с широкими синими полосками, рубашка была ему велика — шея из нее торчала, как индюшачья. А темный пиджак мужчина держал на коленях. Этот пиджак сильно раздражал Евгения все пятнадцать минут, пока они ехали до Управления внутренних дел. Тем более, что руки унылый мужчина прятал на коленях под пиджаком. Как будто держал там пистолет. То, что экипаж “БМВ” из Конторы, ведущей дело об ограблении в Шестом Ростовском, Рамодину было ясно. И суть предстоящего разговора предугадать не сложно. Ему до тошноты стало противно, когда он осознал, что его телефоны прослушиваются.

— Вас предупредили не совать нос в наши дела? — спросил Унылый, даже не ответив на майорское “здрсте”.

— У меня остался один личный вопрос к Горобцу. — Майор не собирался юлить и рассказывать, что он заглянул на эту улицу полюбоваться архитектурой.

— Хотели посоветоваться, куда вложить валюту? — в голосе Унылого Евгений почувствовал сарказм. — Так вот, майор, — не дождавшись ответа, продолжил Унылый, — ни личных, ни служебных, ни случайных, ни запланированных встреч с фигурантами по делу! Никаких! Поняли?

— Усек. — Это “усек” выскочило само собой, пока Рамодин раздумывал, как лучше ответить: “так точно!” или “понял”.

Унылый помолчал. Наверное, решал, как ему отреагировать на хамский ответ. Решил — никак.

— В интересах следствия — сосредоточить дело в одних руках. А за любое самовольство поплатитесь крепко.

Он хотел еще что-то добавить, но машина резко затормозила у недавно отремонтированного здания Управления. Читать нотации на виду у сотрудников не входило в планы Унылого.

— Все! — сказал он с облегчением. Чувствовалось, что общение с упрямым и хамоватым ментом не доставило ему удовольствия.

Один из сидевших рядом с Евгением бугаев вышел из машины и выпустил майора. Хлопнула дверца, шикарный лимузин сорвался с места.

— Ни фиги себе! — Рядом с майором остановился заместитель начальника УГРО, щеголеватый кореец Ган. — На каких тачках теперь ты едешь, Женья! И с личной охраной!

— Могу и тебя сосватать, — буркнул Рамодин.

Ищейка просыпается

— Женья! Зачем это мне? — благодушно улыбаясь, спросил Владимир Фризе.

Его благодушие и умиротворенность возрастали с каждой новой банкой холодного пива “Туборг”, которое они с приятелем, старшим опером УГРО Рамодиным, с удовольствием попивали в просторном кабинете принадлежащей Фризе квартиры. Рамодин удобно развалился на большом кожаном диване. Сам хозяин, закинув одну ногу на подлокотник, другой слегка покручивал кресло, на котором сидел.

— Ты же сейчас на простое. Ни одного клиента! Цветухин для тебя — подарок судьбы. Готов заплатить любые деньги. И за что? За поиск пропавших “малых голландцев”. — Майор скептически оглядел картины, которыми были увешаны стены кабинета. В основном, пейзажи. Широкие золоченые рамы придавали картинам торжественный, почти музейный облик.

— Володька, ты же мне все уши прожужжал, — Рамодин не оставлял надежды уговорить приятеля, — когда твоих “голландцев” собирались стырить! Одним махом все и выяснишь.

— У тебя не получилось одним махом?

— Да, черт возьми! Мне Служба перекрыла кислород! А ты-то свободен. Возьмись. Заработаешь гору “капусты”.

— Я больше не хочу зарабатывать.

— Не понял?

— Зачем? Очередной банк пустит мои башли по ветру. В третий раз за последние семь лет! А банкир будет жировать на Лазурном берегу. На собственной вилле.

— Положи в Сбербанк.

— Сам клади.

— Нечего!

— Ты уже час долдонишь про Цветухина А почему он сам не позвонит мне? Стесняется?

— Просил предварительно тебя подготовить.

— И не боишься с ним встречаться, несмотря на запрет?

— Боюсь. Но первый раз он сам запросился. А потом я подумал о тебе. И любопытство заело — согласишься или нет? — Рамодин потянулся было за следующей банкой пива, но запасы иссякли, и он сказал разочарованно: — А ты обещал — до полного удовлетворения.

— Не горюй. Сейчас доставлю новую порцию.

Когда холодные, слегка запотевшие банки заняли свое место на журнальном столике, Евгений продолжил:

— В этой истории много странностей. И самая большая странность... Попробуй догадайся, какая?

— И не подумаю напрягаться. У нас сегодня день расслабления.

— Эх ты! Странность в том, что они у нас дело отобрали, а сами и не думают им заниматься. Можешь себе представить?

— Могу.

— С тобой неинтересно. — Рамодин одним духом выпил почти целую кружку янтарной влаги. Блаженно улыбнулся. — С Цветухиным мужики из Службы один раз поговорили. Ничего конкретного не пообещали. Оставили номер телефона, который никогда не отвечает. Вот он и названивает мне. А что я могу? Посоветовал обратиться к частному сыщику Фризе.

— Удружили!

— Он, оказывается, о тебе наслышан, как о владельце этих самых... "голландцев". — Евгений, не оборачиваясь, махнул рукой на стену, где висели картины. — Между нами: мужчина сначала отнесся к вашему сиятельству с подозрением. Как к возможному заказчику ограбления. — Он рассмеялся. — Подозрительный вы народ, коллекционеры.

— Я не коллекционер, ты же знаешь.

— Я — знаю, а Цветухин — нет. Честно говоря, у меня большие сомнения в том, что украденные картины удастся разыскать.

— Подначивать неблагородно.

— Боже сохрани! Я о другом. Когда мы примчались в Шестой Ростовский, один из свидетелей, между прочим, бывший член политбюро, товарищ Баранов...

— Ого! Ему, наверное, лет сто.

— Этот дед крепче нас с тобой. Так вот. Он рассказал: ребята из Вневедомственной охраны не только застрелили двух грабителей, но попортили им вещички. Член Политбюро готов поклясться...

— На Библии?

— ...Дед готов поклясться, — не обращая внимания на реплику Фризе, продолжал майор, — что огромный чемодан на колесах после перестрелки стал похож на решето. Этот чемодан —

единственное подходящее место для картин. Вопрос: что осталось от "голландцев"?

— Картины были вынуты из рам?

— Ну, вот! Похоже, ищайка просыпается! — удовлетворенно пробормотал майор. — Большую часть картин унесли вместе с рамами, несколько штук просто вырезали.

— Те, что вырезали, могли унести в сумках.

— Может быть. Но сумкам в перестрелке тоже досталось.

— Денег у потерпевшего много грабанули?

— Говорит — ни цента! От целого кейса долларов, глазом не моргнув, отсекся. И, между прочим, готов поклясться здоровьем своей мамы. Но я ради любопытства навел справки — и мама, и папа у него давно на кладбище. — Евгений развел руками. — Уверяет, что беден как церковная крыса. Ты же понимаешь! Бедный миллионер. А в Лондон, на аукцион Сотбис, ради любопытства поехал! Я кое у кого поспрашивал — господин Цветухин привез оттуда еще парочку "голландцев". Но тебе велел передать, что на розыск коллекции денег не пожалеет. Что из этого следует? Сечешь?

— Знаешь, братец, из этого следует только то, что твой Цветухин — человек с крепкими нервами. Кстати, у него имя есть?

— Игорь Борисович. Обаятельная личность. Но про валюту врет.

— Ты, наверное, объявил розыск долларов с дырками?

— Сколько можно втолковывать тебе — изъяли у нас дело!

— Изъяли так изъяли. А какие еще странности в этом деле?

— Берешься?

— Женья! Кончай на меня давить! Между прочим, давно хотел спросить — у вас в ментовке как друг к другу обращаются: "господин старший сержант", или, по старинке, "товарищем сержантом" именуют?

— Меня можешь называть попросту: сэр. Остальные у нас товарищи. Теперь о странностях. Я тебе уже рассказывал про парня, который хотел слинять с места преступления на шикарной тачке?

— Вячеслав Горобец, если не ошибаюсь?

— Ты никогда не ошибаешься. Так вот, этот придурок Горобец...

— Почему придурок?

— Умный бы не пытался слинять на виду у десятка ментов.

— Ты не поторопился с выводами? Сам же говорил — к его даме с минуты на минуту должен приехать муж. Надо было срочно уходить. А что бы ты подумал, найдя парня под лестницей или на чердаке?

Рамодин задумался. Машинально отправил в рот несколько соленых орешков, открыл новую банку пива.

— Логично рассуждаю? — спросил Фризе. — А ведь еще есть вероятность, что он и не знал о происшествии.

— Ты, Володька, большой поклонник интуиции. Прожужжал мне про нее все уши. Кое-какое чутье, обрати внимание на мою скромность — не интуиция, как у тебя, а чутье, и у меня имеется.

— За скромность медалей не дают.

— Когда-нибудь пожалеют об этом, — пообещал Рамодин. — Теперь слушай внимательно. Если бы этот парень остолбенел у подъезда, наткнувшись на расстрелянный “жигуль” и дружину сыщиков, ползающих по мостовой, я бы не удивился. Скушал бы его вранье. Но он же попер к своей тачке, даже глазом не моргнув!

— погоди! Квартира его пассии...

— Чья квартира?

— Ладно. Не напрягайся. Квартира этой дамочки — Ирочки — выходит окнами в переулок?

— Некоторые окна во двор, некоторые в переулок.

— И по ее словам, наставляли они рога мужу в комнате с окнами во двор?

— Вот именно! Поди проверь!

— Упустил ты такую возможность.

— Да я ж тебе толкую...

— Знаю, знаю! Не успел. Дело отобрали.

— Ладно! — Майор улыбнулся. — Эта проклятая красotka знала, что Цветухин в отъезде. Ты можешь поверить, что она ни словом не обмолвилась ему об этом?

— Чего травмишь себе душу? — спокойно спросил Владимир. — Тебя от дела отстранили? Я за него братья не собираюсь.

— Горобец из-за Ирочки попал впросак! — Рамодин достал из нагрудного кармана рубашки кассету и положил на стол перед приятелем. — Это все, что я сумел утаить от барбосов из Службы. Прокрутишь — поймешь, что дело непростое. Берешься?

Владимир улыбнулся. Слово “нет” уже готово было сорваться у него с языка. Но Рамодин сумел зацепить и почувствовал это.

— А теперь, уж коли у вашей милости появился интерес к делу, выложу главный аргумент. “Летучий голландец” наказал воспользоваться им лишь в крайнем случае. По-моему, такой случай наступил. — Лицо у Рамодина сделалось хитрое, как у чукчи, который задает вопрос “на засыпку” высокому гостю из столицы. — Отгадай, что за аргумент?

— У меня в голове только легкий пивной бриз.

— Если возьмешься за дело, Цветухин отдаст тебе любую картину из своего собрания. Любого “голландца”. Даже самого “малого”.

Фризе расхохотался.

— Чего ржешь?

— Ты, Женя, юморист. Любого “голландца”! Да ведь их украли!

— Ты найдешь. С моей помощью.

— Послушай, Женя! Это же здорово — с твоей помощью!

— Посильной. И конфиденциальной.

— Я не об этом. Уходи-ка со службы, старина! Будем работать вместе. Я даже согласен, чтобы в названии фирмы твоя фамилия шла первой. “Сыскное агентство Рамодин и Фризе”.

— А пенсия? Мне до нее еще служить и служить.

— Пенсия — это серьезно. Сколько набежит? Долларов шестьдесят в месяц? На манную кашу хватит. У тебя к пенсии все равно зубов не останется.

— Все шутишь?

— Да нет, уже не шучу! Сегодня ты, как никогда, красноречив. Убедил.

Неожиданно по окнам забарабанил дождь. В кабинете стало темно.

— Наконец-то! — радостно сказал майор, и Фризе не понял, что так обрадовало приятеля: дождь, которого ждали в Москве уже месяц, или его согласие взяться за поиски украденных картин.

Морской хронометр на стене у письменного стола показывал семнадцать часов. А начали они свой пивной марафон в двенадцать. Время летело незаметно. Никуда не надо было спешить, ни перед кем отчитываться, на что ты его потратил.

“Завтра все изменится”, — с грустью подумал Фризе.

Он перевел рассеянный взгляд с хронометра на портрет отца. Фризе-старший смотрел на него строго. Пшеничные усы чуть топорщились и выглядели воинственно. Отец как будто хотел сказать: “Ну, мы вам покажем!” Взглянув на своего разомлевшего от пива гостя, Фризе произнес:

— Передай своему протезе: он оплачивает расходы и дарит картину. По моему выбору. Все фиксируем в договоре.

— Молодец, Длинный. Ты этим главнюкам и за меня нос утрешь!

— Только, чур, Женья! Ты должен выполнить несколько моих условий. Я сейчас их изложу.

— Только доходчиво, лады?

— Первое. О моем участии в деле никто, кроме тебя и клиента, не должен знать. Цветухин не проговорится Службе?

— Это я беру на себя.

— Второе. Ты должен помочь мне стать бомжем.

— Ну, это семечки, — засмеялся Рамодин. — Отпиши мне квартиру, имущество...

Отчего потеет муравей?

Фризе понимал, что похищение одной из самых известных в Москве частных коллекций голландской живописи, коллекции художников, получивших известность в мировой культуре как “малые голландцы”, готовилось очень тщательно. И совершили его высокие профессионалы. Безусловно, по заказу. А заказчик — либо зарубежный коллекционер, либо свой, доморощенный, навостривший лыжи на выезд. Отыскать такую коллекцию в оди-

ночку можно, только если сильно повезет. Владимир на одно везение никогда не рассчитывал. Но сейчас других благоприятных предпосылок к раскрытию кражи он не видел. И взялся за дело, во-первых, потому, что у него самого имелась небольшая коллекция “малых голландцев”, доставшаяся в наследство от деда и отца. Он знал круг коллекционеров, догадывался, к кому могут обратиться воры. А во-вторых, потому, что ему было обидно за своего приятеля майора Рамодина, которого так нагло — и, главное, незаконно — отстранили от следствия. И кто? Люди, по глубокому убеждению Фризе, не имеющие никакого права это следствие проводить.

От встречи с ограбленным коллекционером особых результатов Фризе не ждал, но готовился к ней основательно. Накануне он переговорил по телефону с несколькими знакомыми коллекционерами, заглянул в антикварные магазины на Старом Арбате и на Тверской — только в те, где хорошо знал владельцев и продавцов. Ни в один из этих магазинов не поступали ориентировки из правоохранительных органов на украденные картины!

Первое, о чем он подумал: картины уже нашли по горячим следам, а оставшиеся в живых грабители задержаны. Но почему об этом не знают ни Рамодин, ни владелец коллекции Цветухин? Фризе даже пришла в голову фантастическая мысль, что картины нашли и прикарманили. Подарили какой-нибудь влиятельной даме на новоселье. Например, на новоселье в замке.

Еще один вариант заключался в следующем: следствие установило, что картины, несмотря на осложнения, переправлены за границу. И теперь думают, как их вернуть оттуда, а не рассылают ориентировки по антикварным магазинам.

Ни у себя дома, ни, тем более, дома у Игоря Борисовича Цветухина, сыщик назначать встречу не захотел. Из осторожности. Даже телефонные переговоры они вели на улице с мобильных аппаратов.

Коллекционер предложил встретиться в квартире своего знакомого, в огромном новом доме на Садовом кольце.

— Друг все лето живет на даче. А ключи у меня. Время от времени наведываюсь проверить, не залили ли водой верхние соседи. Не залезли ли воры? А воры-то нагрянули ко мне! Ну, не смешно ли?

“Не унывает мой будущий клиент, — одобрительно подумал Фризе. — Молодец. С такими работать легче, чем с нытиками”.

Как только он вошел в явочную квартиру — очень светлую, очень уютную, отделанную с большим вкусом и прекрасно обставленную, — сразу понял, что в ней обитает женщина. А если женщина и появляется здесь, то ненадолго. Для этого мужчины в квартире хранятся красивые мягкие шлепанцы большого размера — сейчас они были надеты на ноги Цветухина, открывшего сыщику дверь. Фризе заметил, как уютно сидят шлепанцы на больших ступнях Игоря Борисовича, и сделал вывод: имен-

но для него они и предназначены. Судя по тому, что гостю тапочки не предложили, они существовали в единственном экземпляре.

Коллекционер внимательно оглядел Фризе, улыбнулся удовлетворенно и только тогда протянул руку.

— Ну, наконец-то! Я уж подумал, что мы никогда не встретимся. Сколько предосторожностей!

В комнате, куда провел он сыщика, стояло несколько мягких удобных кресел из белой кожи и такой же диван. Низкий ореховый столик со стеклянной столешницей выглядел изящно, но ненадежно. На нем возвышалась китайская ваза с большим букетом белых роз.

— Уж не для меня ли эти розы? — усаживаясь в кресло, подумал Фризе и непроизвольно улыбнулся. — Или хозяйка все-таки иногда покидает свою дачу, чтобы встретиться здесь с Игорем Борисовичем?

Его улыбка не осталась незамеченной.

— У каждого есть свои маленькие тайны, — сказал Цветухин, он сделал неопределенный жест рукой и тоже улыбнулся.

— С чего начнем, Владимир Петрович? По правде говоря, я бы предпочел — с выпивки. А? Коньяк? Виски? Вино?

— Коньяк, — рискнул Фризе. Понадеялся, что в такой квартире и напитки приличные. И не ошибся. Это оказался коньяк “Эн-несси”.

Они осторожно пригубили из бокалов и почти синхронно поставили их на хрупкий столик.

— Наверное, у вас ко мне много вопросов? — Цветухин лучился доброжелательностью. — И не последний — финансовый?

— Да. Финансы — прежде всего. Сколько долларов похитили из вашей квартиры?

— Какие доллары, Владимир Петрович? Какие доллары?

Перейдя к делу, они, наконец, перестали друг другу улыбаться. Игорь Борисович смотрел на Фризе большими грустными глазами. И, вместе с тем, умильными. Как будто сыщик уже знает, где спрятаны его “малые голландцы”. И чем ласковее с ним, с сыщиком, разговаривать, тем скорее он раскроет свой секрет.

Фризе не любил, когда с ним обращались чересчур ласково.

— Но это доказанный факт. Во время перестрелки раскрылся ваш чемодан. Большой кейс из белого металла. По переулку разлетелись “зелененькие”. Несметное количество. — Владимиру было интересно увидеть выражение лица ограбленного коллекционера при упоминании “несметного” количества долларов. Его долларов, пущенных по ветру. И он увидел. Лицо Цветухина искажала гримаса боли.

— Ой! От слова “перестрелка” у меня мурашки бегают по спине. — Цветухин передернул широкими плечами. — Пули могли попасть в картины! — Все-таки картины были дороже его сердцу, чем деньги. Фризе это оценил.

— Ужас! Ужас! И это Москва, за каких-то сто с лишним дней до начала нового тысячелетия. И еще, — коллекционер осторожно тронул мягкой, ухоженной ладонью руку Владимира. — У меня не было кейса, который бы соответствовал вашему описанию. Большого, из белого металла... Единственный кейс — вот он. — Игорь Борисович поднял с пола щегольской кожаный дипломат с кодовыми замками. — Я брал его с собой в Лондон. Сейчас в нем лежат списки и фотографии картин моей коллекции. И деньги на ваше расследование. Задаток плюс расходы. Мне пришлось залезть в долги. А вы рассказываете про тучи летящих по переулку долларов!

— Свидетели рассказывают.

— Владимир Петрович, — хитро улыбнулся Цветухин, а глаза его, серо-голубые, сделались еще более умильными, как у спаниеля, увидевшего в руках хозяина сахарную косточку. — Помните Булгакова? Весь театр, битком набитый зрителями, наблюдал, как Фагот разбрасывал червонцы. А что оказалось?

— Ладно, не в деньгах дело. Были — и след простыл, — согласился сыщик. Постепенно настороженность в отношении клиента уступала место симпатии. — Вы не ставите передо мной задачу их отыскать?

— Фу! Говорю вам — это иллюзия. Найдете — они ваши.

— На том и остановимся. — Владимир мог бы напомнить о найденной купюре, но, как известно, одна ласточка весны не делает. Фризе просто принял во внимание, что клиент с ним неискренен. — А что говорят официальные представители? Виделись вы со следователем, ведущим дело?

— Виделся. Странный тип. Он даже не знал, кто такие “малые голландцы”. Поэтому я и обратился к вам. Следователь — коллекционер! Это удача для меня. Вы знаете наш мир. Знаете людей, кто может заказать такую кражу...

— Игорь Борисович, не обольщайтесь! По-моему, никто из наших коллекционеров не станет держать украденные ценности в России. Даже олигархи. Если и “заказывали” вашу коллекцию, то на вывоз.

— Да, понимаю. Понимаю, но надежда еще теплится. Я трудился в поте лица, как муравей, собирал коллекцию. И вот... — Он с таким огорчением взглянул на сыщика, что Фризе показалось — Цветухин сейчас заплачет. — Значит, увезли? Значит, все бесполезно?

— Я не взялся бы за поиски, если бы так считал. Два похитителя убиты. Машина изрешечена пулями и явно где-то брошена. От этого нелегко оправиться. Есть надежда, что грабители на какое-то время затаятся. По сути, задуманная операция провалилась. Предположим, что похитители должны были ехать в аэропорт...

— Зачем?

— Зачем ездят в аэропорт? Игорь Борисович!

— Ну, да, ну, да! Вы хотите сказать, что у них уже были взяты билеты на самолет? За бугор? — Цветухин был явно озадачен.

— Это одна из версий. И если отнестись к ней серьезно, то следует признать, что план не сработал.

— Брунда. Чтобы вывезти картины, надо иметь разрешение. Ни один таможенник не пропустил бы такое собрание картин без документов. А если бы и пропустил, то, узнав о краже, тут же доложил бы начальству.

— И тут все проснулись.

— Ну, да, ну, да! Взятки, коррупция, беспредел. Но через таможню в аэропорту провезти такую коллекцию, как моя, невозможно.

— Автомобиль они могли сменить. Передать кому-то картины по дороге в аэропорт. Наконец, самолет мог быть частным.

— Это исключено! — быстро и сердито ответил Игорь Борисович. — По-моему, вы склоняетесь к жанру американского триллера. Впрочем, искать вам.

— Хорошо. Больше не буду вдаваться в подробности. Что вам рассказал следователь?

— Ничего! Ни-че-го! В том и странность. Он выворачивал меня наизнанку, а когда спрашивал я — один ответ: “В интересах следствия детали разглашать рано”.

— Какие вопросы он задавал?

— Строго между нами. Он пугал меня статьями. Поверьте, звучало внушительно, даже грозно. Но вам... — Игорь Борисович задумался. Наконец-то из глаз напрочь исчезла умильность. Взгляд стал сосредоточенным, даже жестким. — Извольте. Когда я решил ехать в Лондон, когда брал билеты? Попросил показать коreshки. Переписал из них какие-то данные. Спросил, кто знал о точной дате и времени отлета.

— Как вы ответили на этот вопрос?

— Так и ответил: знали все. Друзья, знакомые, соседи. Ирочке Карташевой, что живет в квартире напротив, я оставил ключи от квартиры. Это очень порядочная семья.

— Какие еще вопросы задавал следователь?

— Не ручаюсь, что вспомню все... Спрашивал о соседях. О Карташевых упомянул. Выше этажом живет старпер из Политбюро. Из того, из прошлого. Живет с женой. Забавный тип. О нем следователь никаких подробностей не выспрашивал. На том же этаже — бывший помощник нашего правителя. Такой бородатый, ну, вы знаете. Похож на неандертальца. Сейчас по научной части. О, Господи! Да у нас не дом, а паноптикум. Почти все — бывшие. Но ведь не воры!

Готовясь к встрече с ограбленным коллекционером, Фризе подробно расспросил Рамодина о жильцах всех квартир, расположенных в подъезде. Квартир было не так много. По две на каждом этаже. Зато какие! Самая маленькая — сто сорок метров. Обитатели пяти квартир с начала весны жили на дачах. Появля-

лись в городе один-два раза в месяц. Одна квартира числилась как служебная, принадлежала Управлению делами администрации президента. Кто в ней проживал в настоящее время, Рамодину выяснить не удалось. Фризе с трудом уговорил его заглянуть в ДЭЗ, но его сотрудники на вопросы отвечать отказались. Молчали, как проклятые, и усиленно подмигивали майору, воздевая очи горе.

Игорь Борисович о служебной квартире тоже почти ничего не знал.

— Тридцать шестая? Кто живет? Черт его знает, кто-то живет. Свято место пусто не бывает, — он усмехнулся самодовольно. — На этот дом охотников много.

— Странно, — сказал сыщик. — Про всех остальных жильцов я разузнал, а про тридцать шестую сведений ноль.

Никто — ни бывшие, ни ныне действующие высокие чиновники, проживающие по соседству от Цветухина, изобразительным искусством не интересовались.

— По-моему, они не понимают в нем ни бельмеса. — Игорь Борисович выразился о соседях грубовато, но, наверное, близко к истине. — Вот только Ирочка Карташева и ее милейший супруг просто млеют, когда любят мои жемчужинами. — Он насупилсь и добавил: — Млели, когда любовались.

— А Вячеслав Николаевич?

— Что еще за Вячеслав Николаевич? — сердито спросил коллекционер, с трудом переходя от воспоминаний о своих “жемчужинах” к действительности. — Славик, что ли?

— Славик.

— Вы и о нем знаете?

— Конечно, знаю. В то утро его схватили у подъезда. Славик заявил, что идет из двадцать седьмой квартиры. Из вашей.

Несколько секунд Цветухин осмысливал услышанное. Потом покачал головой:

— Чудак. Все в доме знают, что он Ирочкин любовник. — Игорь Борисович расплылся в хитрой улыбке. — Решил сыграть в доблестного рыцаря? И попал впросак! — Он не мог удержаться и расхохотался. — Представляю себе картину — выходит юноша из подъезда. “Молодой человек, — окликают его стражи порядка, — вы из какой квартиры?” “Из двадцать седьмой”. “Какая удача! Вы-то нам и нужны!” — Цветухин резко оборвал смех. — Странно, что следовательно мне об этом ничего не сказал.

— В интересах следствия, может быть? — сыронизировал Фризе.

— В интересах господина Карташева! У жены такого крупного чиновника — молодой любовник! Ах, чудак! Знаете, Владимир Петрович, по-моему, это треугольник... — коллекционер опять хитро улыбнулся, — как любят нынче говорить, вполне легитимный. Ну, Ирочка! Такая женщина! Кстати, у меня иногда появляются озорные мысли — хорошо бы присоединиться к этому тре-

угольнику дополнительной стороной. Составить, так сказать, четырехугольник. Шучу, конечно.

— Ну, и как же со Славиком?

— А что с ним?

— Он живописью не интересуется? Видел ваши сокровища?

— Видел. Представьте, однажды они пришли втроем. Треугольник в полном составе. Но Вячеслав Николаевич все внимание уделял Ирочке. Даже обидно.

— Вы его не подозреваете?

— Славик мужчина богатый. Но “заказать” мою коллекцию в России вряд ли у кого хватило бы пороку, да и денег. — Он подумал, подвигал полными губами. — Ну... скажем, некий сибирский нефтяной король. Вы о нем слышали?

— О нем все слышали.

— Вот, вот. Еще один прохвост из Инкомбанка собирал живопись. Дособирался.

— А другие наши олигархи?

— Владимир Петрович, где они нынче, олигархи? Нет, я неправильно выразился. Где они — известно, а где их денюжки?

— Это тоже известно. На секретных счетах.

— Вот именно. И вести сейчас по этим счетам операции — самоубийство. Да знаю я их всех! По сути — мелкая шпана. Да-с! Как говорили в старину — моветон. — Подумав, он добавил: — А главное, вы правильно отметили: никто не рискнет держать мою коллекцию в России. — Игорь Борисович взял со стола бокал с недопитым коньяком. — За ваши успехи, Владимир Петрович. — Выпив коньяк, Цветухин достал из кейса длинный конверт и положил перед сыщиком. — Деньги на расходы. Вас предупреждали, что придется подписать соглашение?

— Да. — Фризе не спешил выполнить формальности. Внутренним взором он просматривал пункт за пунктом перечень вопросов, которые собирался задать своему клиенту. Листок с этими записями, отправляясь на встречу, Владимир сжег. Зрительная память его никогда не подводила. Листок с десятком пунктов, словно воочию, стоял перед глазами. Нет, он ничего не забыл. Но чувство незавершенности разговора не исчезало.

— Текст соглашения с вами? — спросил Игорь Борисович, для которого даже секундная задумчивость сыщика не прошла незамеченной. — Или у вас есть еще вопросы?

Фризе заметил, с каким удовлетворением и гордостью клиент посмотрел на шикарный букет роз, и подумал без всякой внутренней связи: “Странно. Почему клиент даже не поинтересовался дальнейшей судьбой Славика? Я же не сообщил ему, что Горобца отпустили на все четыре стороны. Знает об этом от Ирочки? Уверен, что ее любовник не может быть замешан в краже?”

Обо всем этом Фризе пока предпочитал молчать. Достал из кармана экземпляры соглашения, отдал Игорю Борисовичу. Тот углубился в чтение.

Владимир еще раз оглядел комнату. Она ему нравилась все больше и больше. Женщина, которая занималась устройством своего жилища — временного или постоянного, это не имело значения, — обладала прекрасным вкусом. Фризе даже не осудил ее за то, что на стенах не было ни одной картины, ни одной гравюры. Лишь две прекрасно оформленные коробки с коллекцией ярких тропических бабочек. В древние времена бабочки были символом бессмертия души. Высвобождение бабочки из куколки означало освобождение души от тела в момент смерти. Олицетворявшая душу Психея и Бог сна Гипнос изображались древними художниками с крыльями бабочек. А еще сыщик обратил внимание на тяжелую хрустальную пепельницу, в которой лежал изумительной красоты гарнитур — кулон и кольцо. Оба с камнем “тигровый глаз”. В золотой оправе и на золотой цепочке. Фризе знал, что камень считается полудрагоценным. Но камни были такого великолепного качества, что, несомненно, гарнитур стоит больших денег. Да и золотая оправа говорила о многом.

Внимательно изучив все пункты соглашения, Игорь Борисович расписался. Подпись у него была размашистая, буквы округлые.

— Есть один небольшой нюанс. У коллекции два владельца — я и моя супруга. Но для того, чтобы поручить детективу поиск украденных картин, наверное, достаточно одной подписи?

— В законе такие тонкости не прописаны. И если ваша супруга не возражает против гонорара... Против того, что одна из ваших жемчужин перейдет ко мне.

— Нет, нет! Ни о каких возражениях не может быть и речи! — Цветухин в который уже раз прикоснулся ладонью к руке сыщика. — Анна Алексеевна одобрила все мои действия. А картину получите, принадлежащую лично мне.

Спускаясь на лифте вниз, Фризе вспомнил: однажды в телевизионной передаче он видел супругу Цветухина — крупную мужеподобную даму, лицом похожую на доberman-пинчера. Телекорреспондентка долго расписывала, в каком мире и согласии живет Анна Алексеевна со своим супругом, коллекционером Цветухиным. Только в одной мелочи они разошлись во мнениях — свою половину коллекции “малых голландцев” супруга завещала государству, а супруг это сделать отказался.

Рамодин подает весточку

Даже если и не все картины пострадали, они находятся в России, заявил Фризе своему клиенту при встрече, и здесь их надо искать. Он только ни словом не обмолвился Цветухину о том, что сначала займется деньгами. Валютой. А зачем говорить? Ведь Игорь Борисович от нее отрекся. А сыщику казалось, что именно доллары выведут его и на след коллекции. Их путь отследить легче. Через бомжей.

Для того, чтобы хоть немного походить на бомжа, требовалось время. Времени у Фризе не было. Поэтому он придумал для себя облегченный вариант вхождения в роль. По легенде, он еще недавно работал на Ленфильме. Сначала администратором, потом осветителем. Два года перебивается без работы. После развода остался без жилья. Теперь приехал попытать счастья в столицу.

Владимир был блондином и поэтому даже после трех дней без бритья выглядел вполне сносно. Пришлось поработать над лицом и руками с помощью угольной пыли и обыкновенной грязи.

У своего приятеля, художника Николая Нелюбина, он попросил ключи от дачи. На денек. Даже не стал объяснять, зачем. Нелюбин, вручая связку ключей, напутствовал Фризе:

— Вовка, не забудь про безопасный секс! — И погрозил пальцем. Был уверен, что Фризе хочет отдохнуть на природе с женщиной.

На даче — в деревенском бревенчатом доме под Дмитровом, сыщик провел только ночь. И увез оттуда в большой спортивной сумке комплект одежды. Выбрал самую старую и потрепанную. Нелюбин надевал ее, когда красил дом, жег костры, работал в саду. На рукавах, в недавнем прошлом очень модного, темно-синего бархатного пиджака, висела бахрома. Несколько пятен от моторного масла — а может быть, от мазута — только подчеркивали былую роскошь богемного одеяния. Серые шерстяные брюки тоже обрамляла бахрома — длинная, как на джинсах придурковатого ковбоя. К тому же штаны были заляпаны краской. Похоже, что художник вытирал о них испачканные во время работы руки.

Одежда была размера на два меньше, чем носил Фризе, и выглядел он в ней, как огородное пугало. Но это обстоятельство только подчеркивало безнадежное состояние его финансов.

“Прекрасно! — радовался сыщик, вглядываясь в большое зеркало и придирчиво изучая странного незнакомого оборванца, отразившегося в нем. — То, что надо. Но как же сильно меняет человека одежда!”

Только одна из реквизированных вещей имела вполне товарный вид — небольшой плюшевый терьер, очень похожий на самого Нелюбина. Фризе предполагал, что терьера подарила приятелю одна из многочисленных почитательниц его таланта. Нелюбин был холост и детей не имел.

Фризе вышел из дома в пять утра. У него было такое чувство, словно он собрался на маскарад. Больше всего он опасался встретить знакомых. И в то же время хотел такой встречи, самонадеянно желая проверить: узнают или нет? Но в подъезде и во дворе не было ни души. Добропорядочные граждане спали, а завсегдатаи казино и ночных ресторанов — такие в доме тоже появились — еще не сделали последние ставки и не выпили “на посошок”.

Как и условились с Рамодиным, новоиспеченный бомж отправился на Белорусский вокзал.

Вокзалы и привокзалья — особый, текучий мир. Любимое обиталище бомжей. А у Белорусского, к тому же, имелись преимущества: близость к Управлению, в котором служил Рамодин, и не так далеко от Шестого Ростовского переуллка. Если повезет, можно встретить свидетелей, а то и участников недавних событий.

Зал ожидания вызвал у Фризе невесть когда отложившиеся в укромном уголке памяти строчки блатной частушки :

“На вокзале, в первом зале, труп убитого нашли. Пока голову искали, ноги встали и пошли”.

Повсюду лежали и стояли люди. Одни, разложив на газетах хлеб, колбасу, помидоры, закусывали. Другие спали на расстеленных на мраморном полу одеялах, подложив под давно не мытые головы чемоданы и сумки. Но взгляды идущих через зал пассажиров останавливались не на этой, привычной для каждого путешественного человека картине, а на спящих бомжах, которым и под голову-то нечего было подложить, кроме своих распухших, покрытых коростой ладоней да рекламных буклетов.

Он с трудом нашел себе место у входа в зал ожидания и сел на бетонный пол, прислонившись к стене. Пожилая пара, с загорелыми настороженными лицами, переглянулась, молча сдвинула в сторону огромные, туго набитые сумки. “Наверное, челноки, — подумал Фризе. — Закупили барахла в Лужниках и ждут своего поезда. В Смоленск или куда подальше. В Могилев или Минск”. Прикрыв глаза, он сделал вид, что собирается подремать. И заснул по-настоящему.

Проснулся Фризе от легкого толчка в бок.

— Закурить не найдется? — Перед ним стоял мужчина неопределенного возраста с всклокоченными волосами. Темное лицо отливало синевой, а заплывшие глазки смотрели требовательно.

— Найдется. — Владимир вытащил из нагрудного кармашка бархатного пиджака “беломорину”, протянул чернорожему. Негнущимися, распухшими пальцами тот взял папиросу, задумчиво поглядел на нее, потом протиснулся между Фризе и сумками челноков поближе. Со стоном сел.

“Крепко же тебя отмузузили, — подумал сыщик, разглядывая прищельца. — Живого места не оставили”. Он снова прикрыл глаза, но прищелец тронул его за плечо:

— Спичку. — Прикурил и с наслаждением затянулся. — Изда-лека?

Владимир не ответил. Не собирался изображать словоохотливого простака. Болтунам не доверяют.

— Гордый.

Некоторое время чернорожий курил молча. Фризе уже стал дремывать, когда снова услышал его голос.

— Господи, спаси! Опять Чубайс! Полная хана!

Фризе еще раздумывал, что за Чубайс примерещился бомжу, когда получил сильный удар по ноге.

Он открыл глаза. Перед ним стоял высокий молодой милиционер. Младший лейтенант. Офицер и вправду походил на известного "писателя" и политика. А еще — на Адольфа Гитлера.

— Долго еще будешь рассиживаться? — спросил "Чубайс-Шикельгрубер" и пнул Владимира еще раз. Фризе не спеша поднялся. Взял с пола сумку.

В это время чернорожий тоже вскочил. Владимир удивился, что на этот раз он не издал ни единого стона. Бочком, бочком, на полусогнутых ногах, он попытался незаметно улизнуть за спинами челноков, но был остановлен громким окриком:

— Алексей, сволочь! Я тебя предупреджал?!

— Случайно, лейтенант, случайно, — подобострастно зачастил тот, кого назвали Алексеем. — В аптечном киоске...

— Брысь отсюда, Памперс! — прошипел мент, не дослушав объяснений. — Еще раз увижу — сядешь надолго.

Бомж испарился.

Младший лейтенант снова обратил свой взор на Фризе, который стоял ссутулившись, стараясь занимать как можно меньше места. Оглядев его с ног до головы злым взглядом, мент протянул руку:

— Документы.

— Сожгли с одеждой в санпропускнике. В Питере.

— В Питере? Сожгли? Какие неосторожные. Ай-ай! А еще называют себя второй столицей! — Он снова протянул руку.

— Я же говорю, сожгли документы.

Краем глаза Фризе видел, с каким вниманием следит за всем происходящим супружеская пара челноков. Владельцы необъятных пестроклечатых сумок даже не пытались скрыть свою тревогу.

— Вещички давай, — сказал милиционер. — Может, у тебя там взрывчатка?

Владимир протянул ему сумку. Младший лейтенант с брезгливой миной взял ее за ручки, подержал на весу, словно взвешивал, и вернул Фризе.

— Сейчас пройдем, проверим. А потом выясним, что ты за гусь.

Милиционер говорил с мягким южным акцентом, с характерным нажимом на "х". Фризе мог поклясться, что в Москве он живет год, от силы два. И приехал из Украины или из Курска.

Он думал, что младший лейтенант поведет его в дежурную комнату, но ошибся. Они прошли по перрону и через боковой вход спустились на площадку, где раскинулся небольшой рынок.

"Чубайс" уверенно прошагал мимо ларьков к тупичку, где между бетонным забором и автомобилями торговцев громоздились пустые коробки из-под бананов и деревянные ящики. Остановившись среди этого хлама, младший лейтенант приказал:

— Выкладывай пожитки.

Фризе с трудом раскрыл тронутую ржавчиной застёжку-молнию. Сверху лежал старенький, но довольно приличный плащ, тоже позаимствованный у художника.

— Так! — усмехнулся “Чубайс”. — Т-ак! Пыльник приличный. Выворачивай карманы.

Владимир выполнил приказание. Из одного кармана выпали несколько позеленевших монет и купюра в сто рублей.

Младший лейтенант ловко схватил с асфальта бумажку, внимательно изучил и, скомкав, швырнул за ящики:

— Советская. Еще Павлов изъял. А пыльник ворованный. Факт.

— На помойке нашел.

— Во второй столице? — Похоже, “Чубайс” имел к Питеру какие-то серьезные претензии. — Давай, выкладывай дальше.

Ношенные носки, старая рубашка, застиранное махровое полотенце не заслужили никаких комментариев. А вот плюшевый симпатяга-терьер вызвал у мента целый всплеск эмоций.

— Ах, ты, падла! У киндеров игрушки крадешь!

— Этого терьера мне сынок подарил, — как можно жалостливее выдал из себя Владимир.

— Сыночек? Подарил тебе игрушку? Вот насмешил. — “Чубайс” взял собаку, взвесил на ладони. Почему-то терьер показался ему подозрительным. Он достал из кармана миниатюрный ножичек. — Не зашил ли ты в собачку денежку? — “Чубайс” удобнее перехватил терьера. Ладонь у него была широкая, сильная. — Что-то в последние дни бомжи разбогатели. “Капуста” у них появилась. Не знаешь, откуда?

— Степаныч, ты опять за свое? — послышался за спиной у Фризе звонкий женский голос. Он резко обернулся и увидел молодую худенькую блондинку в светло-сером костюме. Ее загорелое миловидное лицо выглядело строгим, а глаза были веселые. — Опять ты за свое? Почему в отдел не ведешь? Шмонаешь на виду у граждан.

— Да я... Понимаешь, товарищ майор, сумка у него подозрительная. — “Чубайс” выглядел растерянным и жалким. Щеки пошли красными пятнами. Из-под фуражки текли струйки пота. Он машинально поднял фуражку, провел по мокрому лбу тыльной стороной ладони. Фризе увидел еще одно подтверждение обидной клички: младший лейтенант был рыжим. — Я подумал, не припер ли он на вокзал взрывчатку. Не тащить же его сразу в отдел? Решил проверить. Потом привел бы!

— Да, да! Привел бы, — усмехнулась женщина. — А мне по пути в контору шепнули: “Младший лейтенант бомжа повел потрошить”. Господи! Да что с них взять-то?

Она с сочувствием взглянула на Владимира, и вдруг ее красивые брови взметнулись вверх. Фризе заметил это и еще больше ссутулился: “А вдруг мы с этой майоршей когда-то пересекались?”

В университете? В прокуратуре? Вот будет номер!" Но женщина, пристально взглянув ему в глаза, сказала:

— Да что ты съезжился, милый? Не съедим! Степаныч, что за собачка?

— Хочу проверить, не зашито ли в ней чего. Вдруг валюта?

— Отставить разговоры. И песика не потроши. Ты же не корец какой! Прощупай и верни. — Она обернулась к Фризе: — Откуда у вас такой хороший песик?

— Понимаете... Моя жена уехала. За границу. И сына отсудила. А он мне на прощание подарил.

— Вот как! Что ж вы себе сынка не оставили?

— Суд решил.

— Пили?

— Пил. Остался без работы. Без квартиры.

— А как же квартиру-то прохлопали?

— Жена продала, когда я был в командировке.

— Эх! Зла на таких мужиков не хватает! Как вы стерву от порядочной женщины отличить не можете? Куда она уехала? В Тель-Авив?

— В Америку.

— Без разницы. — Милиционерша строго посмотрела на "Чубайса". — Ты иди, Степаныч. Сейчас сразу два международных прибывают.

— Этот деятель без документов, — наябедничал младший лейтенант. — Прибыл к нам из второй столицы. Мало нам своих...

— Иди, иди! Разберись.

Когда рыжий мент ушел, женщина сама сложила вещи в сумку. Терьера несколько секунд подержала в руках, погладила и улыбнулась:

— Не кусаешься?

Фризе чуть было не предложил ей собачку в подарок, но вовремя спохватился — с подарками сына, увезенного в Америку, так легко не расстаются. Глядя на то, как свободно и просто, без тени брезгливости, обращалась милиционерша с его старым тряпьем, он подумал — женщина всегда остается женщиной. Даже если она и майор милиции. Без капризов делает любую работу. А еще ему показалось, что майорша не очень-то удачлива в личной жизни. Уж слишком гневно высказывалась по адресу стерв, заполочающих в мужья порядочных мужчин.

— Проводите меня до отдела? — спросила она. — Тут недалеко.

"Вот так-то, братец. До отдела! А ты уже губы развесил. Решил, что отпустит".

— Вас как зовут?

— Володя. Владимир Петрович.

— А меня Анастасия Викторовна. Настя. Вы что, Володя, так сутулитесь? У вас же хорошая фигура.

Фризе промолчал.

— Я слышала, в Питере трудно найти работу. Чем вы там занимались?

— Да так... Перебивался с хлеба на квас.

— А все же?

— Осветителем на Ленфильме работал.

— Как интересно! Многих актеров знали?

— Знал. — Фризе подумал, что она начнет сейчас расспрашивать о ленинградских знаменитостях, но милиционерша не стала развивать эту тему.

— Будете искать в Москве работу?

— Уже ищу.

— Держитесь подальше от вокзалов. У нас бомжи сейчас не в почете. Особенно на нашем вокзале. И на Киевском. Да и вообще, в Центральном районе.

— Бомжам нигде почета нет.

— И на Степаныча, на "Чубайса", зла не держите. В Москве на днях ЧП произошло. Никто вслух ничего не говорит, но бомжей на каждом шагу хватают. Доллары ищут. — Последнюю фразу Анастасия Викторовна прошептала ему почти на ухо. Потом достала из сумочки визитную карточку. — Здесь есть домашний телефон. Позвоните, если туго придется. Я помогу. У меня соседка по даче ищет надежного человека, чтобы пожил осень и зиму. Постерег. Вы же надежный? Правда?

Фризе не смог удержаться от улыбки.

— Скажешь тоже, Анастасия. Надежные люди по вокзалам не шастают.

— Ну, вот и договорились. Только не тяни со звонком. Я соседку предупрежу. И еще. Один знакомый велел передать — сегодня в полночь на бомжей облава. Остальное ты знаешь. — Она, не отнимая руку от груди, помахала ладонью. В глазах женщины Владимир уловил сочувствие. Особое сочувствие. Не к себе лично, а как бы ко всем, кто в таком сочувствии нуждается. И, потому, не обидном.

"Мужиков я провел, — думал Владимир, медленно идя по Брестской улице. — И "Чубайс" меня за настоящего бомжа принял. И этот битый, как его? "Памперс". А вот женщина сразу раскусила. Подальше, подальше от них надо держаться, от добрых баб".

Памперс

Фризе все дальше и дальше уходил от Белорусского вокзала. Постепенно его шаги становились все медленнее и медленнее. А рядом с неуклюжим серым утесом Дома кино Фризе и вовсе остановился: "Чего ради я дал деру? Ну, поймает меня рыжий жулик в погонах, посадит в камеру вместе с другими бомжами. Это же и входит в мои планы. Неудобно будет предстать перед майоршей? Кому неудобно? Владимиру Фризе? Так его нет. А бомжу Володьке плевать на сантименты. У него вместо совести — голодный желудок. Обманывать не краснея — его профессиональное достоин-

ство. Он ей такую историю “скормил” про ребеночка! Совет и еще”.

Настроив себя на воинственный лад, Владимир почувствовал облегчение. Уверенность вновь вернулась к нему. Он круто развернулся и чуть не сшиб с ног чернорожего бомжа “Памперса”. Тот стоял у края тротуара и, держа в распухшей ладони бутылку пива “Балтика”, принюхивался к открытому горлышку.

— Чтoб тебя, гаденыш! — выругался бомж и, пытаясь удержать равновесие, ухватился за лацканы бархатного пиджака Фризе. — А, это ты! Откупился, значит, от “Чубайса”? Сколько отслунил поганой скотине?

— Ментиха выручила. Анастасия.

— Следовательша? — с почтением произнес бомж и опять принюхался к бутылке. — Она по справедливости. Повезло. Рыжий вынул бы из тебя все до рублика. Ты куда колеса катишь?

— Туда, откуда пришел.

— Брось. Загудишь в садильник.*

— А где не загудишь? У вас, в Москве, похоже, менты сбесились. Хватают мужиков подряд.

— Слышал?

— Глухой не услышит. Я вторые сутки не сплю. Приткнусь в зале ожидания и давану до вечера. А ты пивком разжился?

— Никак не пойму — пиво в бутылке или моча? — Решившись наконец, он глотнул из бутылки. Иссиня черное лицо расплылось в улыбке. — Тип-топ! Даже не горчит. — Он с наслаждением вылил в глотку остатки пива и швырнул бутылку к подъезду.

Они медленно — Памперс еле-еле переваливался с ноги на ногу — поплелись в сторону вокзала.

— Меня величают Алексеем, — сказал бомж. — Стал, знаешь, отвыкать от своего имени. А “Памперс” — это так... Кликуха. Тут один мужик, из наших, всем кликухи раздает. Однозвездочного олуха “Чубайсом” окрестил. Прямо в точку. Правда?

— Правда.

На углу Грузинского вала и Брестской Памперс остановился.

— Дальше я ни ногой.

— Тебя не “Чубайс” так разукрасил?

— Нет. Он по другой части. Шманает, стервь. Это, — бомж слегка коснулся распухшими пальцами лица, — другая история. Спасибо, жив остался. — Тело его непроизвольно передернулось. — Закурить не найдется?

Фризе опять, как и в первый раз, достал из нагрудного кармашка папиросу, протянул Памперсу.

Закурив, бомж сказал с уважением:

— Хорош карман у твоего клифта. Курево в нем не кончается. Я твой должник. Тут недалеко есть чебуречная, старый армянин такую вкуснятину ляпает. Бывает, под хорошее настроение, и на-

* Садильник (жарг.) — милиция. (Здесь и далее прим. автора.)

шему брату перепадает. Пойдем? А поспим в лесу. Клёвое местечко я знаю! Тепло, светло и не дует. Я там "линкольн" нашел. Новехонький. Только как решето от пуль. На нем крутые мужики миллиард на Шестом Ростовском грабанули. И на засаду напоролсь. Менты с ног сбились — ищут тачку. А я завернул в чащу... По нужде. Штаны спустил. Присел. Гляжу, под лапником что-то блеснуло. Я даже забыл, для чего штаны снимал. Кинулся лапник скидывать. "Линкольн"!

— Менты ищут, найти не могут, — с иронией произнес Фризе. — А ты присел — и нате! "Линкольн" тут как тут.

— Побожиться?

— Да ладно. Радуйся. — Они свернули на Грузинский вал.

— Радуйся? — неожиданно громко, с обидой выкрикнул Памперс. — Знал бы ты... — Он осекся и тронул Владимира за рукав: — Глянь, Левона спалили.

На небольшой площадке между жилыми домами стояли несколько белоснежных павильончиков. Над каждым — какое-нибудь громкое название: "Колорадо", "Золотой апельсин", "Белый орел"... ТОО, ООО, АОЗТ — с недавних пор ставшие понятными каждому аббревиатуры. Два ларька были еще наглухо закрыты щитами, в витринах третьего пылились бутылки со спиртным. А остатки еще одного заведения походили на огромное кострище. Кострище дымилось. Пахло мокрой золой, горелой краской. Возле остатков павильона, скрестив руки на груди, стоял пожилой коренастый мужчина.

— Левон! Может, помощь нужна? — окликнул его Памперс.

Погорелец на мгновение повернулся к бомжу, но ничего не сказал. Фризе успел заметить, что глаза у него заплаканные. И еще отметил, что черты лица у Левона крупные, мужественные. Большой мясистый нос, брылястые щеки, толстогубый рот.

— Ты не подумай, Левон, это не наша работа, — сказал Памперс.

— А-то я не знаю, чья? Чтоб у них руки отсохли! Чтоб им ноги повыдергали! Мало я им платил, абрекам? — Он опять повернулся к Памперсу, скользнул равнодушным взглядом по Фризе и спросил: — Кто тебя так отделал?

— Не бери в голову. Заживет.

— Заживет, — задумчиво повторил Левон и постучал себя по левой стороне груди. — А здесь вот никогда не заживет.

— Может, все-таки поможем? Мы с другом разберем хлам. — Памперс кивнул на Фризе. — Вдруг техника уцелела? Касса?

Упоминание о кассе вызвало у Левона определенные ассоциации.

— Разукрасили-то не за "зеленые"?

— Не! Мне та бумажка случайно в карман залетела.

— Больше нету таких?

— Откуда?

— Может, у твоего друга? — Левон, наконец-то, взглянул на Фризе повнимательнее.

— Он питерский. Только на днях появился.

Владимир насторожился. Он еще и слова не сказал Памперсу о том, откуда приехал. Только “Чубайсу” и следовательно Анастасии. Откуда у бомжа информация? Но больше всего сыщика заинтересовали разговоры о “зеленых”.

— Подамся в бомжи. — Левон обречённо покачал головой и произнес витиеватую фразу на незнакомом языке, наверное, на армянском. Фризе понял только одно слово — Армагеддон.

— Пошли, Алеша, — тихо позвал он бомжа. — Проехали чебу-реки мимо носа.

Они опять не спеша двинулись по улице.

— У меня есть заначка. Тридцатник. Может, купить пару пива?

— Богач. Тут рядом базарчик, у бабки можно бутылек водяры за пятнашку взять.

— Пиво “Балтика”. Номер шесть, — отрезал Фризе.

— Хоп! Пиво так пиво.

Они купили холодного пива, нашли маленький скверик на подступах к зоопарку и растянулись на жухлой траве. Большой куст барбариса прикрывал их от толпы, шагающей по направлению к станциям метро Краснопресненской и Баррикадной. По этой толпе Фризе определил, что время приближается к девяти. На работу спешили те, у кого рабочий день начинается в девять тридцать, в десять.

Когда Памперс, разомлев от пива и тепла, перестал кряхтеть и постанывать, ощупывая больные места, Фризе решил, что настала пора вернуться к черному “линкольну”. Но сделать это оказалось нелегко. Бомж “поплыл”. Еще полчаса назад излагавший свои мысли на понятном языке и казавшийся Владимиру вполне разумным и даже хитрым человеком, Памперс выдавливал из себя одни междометия или пересказывал чьи-то смутные религиозные фантазии. Он даже не мог вспомнить своего настоящего имени.

— Слышишь, раб Божий? Слышишь? — шептал бомж, приложив ухо к земле.

— Слышу. — Фризе на всякий случай согласился и тоже склонил голову к пожухлой чахлой траве.

— Считаю! — Памперс с трудом разогнул распухший указательный палец. — На счетной машине.

— Чего считают?

— Лох! Жмурикам бабки подбивают. Как сойдемся — бах! Все! Тип-топ! В разные стороны грамматики.

— А этот “линкольн” далеко в лесу?

— Тс-с! В Раздорах. Ты слушай. Слушай! — Он снова приложился ухом к земле. Попытался загибать пальцы, как делают при счете, но они не повиновались. — Стекляхи задней в лайте нет, я и протырился. Думаю — скручу шумовку.

— Что за шумовка?

— Да радио! Блеер этот чертов! Не понимаешь?

— Теперь понял.

— Ну, вот. Рассказываю. Тут крутые насыпались. Давили меня.

— А как найти то место?

— Ты, сука! Гаденьш! — с бешенством заорал Памперс и сел. Зло посмотрел на Фризе глазами-щелочками и, похоже, не узнал. — Моя тачка! — Его гнева хватило лишь на несколько секунд. Он снова лег. Сказал вполне благожелательно: — Хана! Хана, хана... Сойдется счет — бабах! В разные стороны грам... гралл...

— Грамматики?

— Нет! Всей Всемирной! Всей!

— Понятно. Всей вселенной. Галактики.

— Ну, да!

— Значит, считают? А со счета не сойдутся?

— В том и гвоздь, — обрадовался Памперс и заговорил вполне осмысленно: — Знать, когда сойдется, все бы приготовились. Запели блажные песни. Глядишь — отмолились. А так...

— А что считают-то? — опять спросил Владимир. Он понимал, что пока собеседник не выгребет из закоулков своего сознания остатки засевшей там "теории", серьезного разговора о том, где спрятан автомобиль, не получится.

— Считаю жмуриков. Понимаешь? Господь же все видит. Вот, например, ты. Зыришь на меня и думаешь: что б он сдох, Памперс проклятый. Щелк! Счетная машина прибавила единичку. По телеку или в кино ухайдакали мужиков двадцать — опять щелк, щелк. Сечешь? А в мире-то всего пять миллионов душ.

Фризе не стал его поправлять. Миллионов, так миллионов.

— Сечешь? Как дебет с кредитом сойдутся — чертов баланс называется, — бах! Гроб с музыкой. Сами себя со свету сживаем. А попели бы... — Памперс вздохнул. — Попели бы блажные песни...

— Еще попоем.

— Значится, так! Повезет тебе — бабки поровну. Один блеер чего стоит! И доллары там, наверное, остались. Не повезет — похороны за государственный счет. Понял? — Теперь он говорил очень спокойно, осмысленно. Пригладив темной ладонью жиденькие травинки на газоне, ткнул пальцем в бурый окурочок. — Гляди. Это Раздоры. Сойдешь с электрички — направо. Ехай позднее. Контролеров нет. Пойдешь шагов пятьсот назад. Потом по песчаной дороге...

Фризе много раз бывал в Раздорах у друзей, хорошо знал окрестности поселка. Справа от станции вся территория была застроена современными коттеджами. Они буквально налезали друг на друга, и спрятать машину там было негде. Значит, Памперс не хотел, чтобы Владимир нашел "линкольн", или слышал лишь "звон", пересказывал божовские байки. Но он так лаконично и четко обрисовал дорогу, что Фризе усомнился: а не ломал ли божж комедию, талдыча про "Всемирную Грамматику" и счетную

машину, подсчитывающую жмуриков, как Чичиков мертвые души? Выдав информацию, Памперс сунулся лицом в траву и захрапел. Интеллектуальный порыв его доконал.

Фризе тоже задремал. Разбудил его полный флегматичный сержант. Постучал носком ботинка по ноге, как и “Чубайс”, только деликатно.

— Гражданин, не положено, — сказал страж порядка миролюбиво, когда Владимир открыл глаза. “Слава Богу, — подумал Владимир. — Я еще не лишился гражданства”.

— Один секунд. — Он поднялся с травы и стал будить Памперса. Тот отплевывался и не хотел просыпаться.

— Лучше бы вам убраться отсюда поскорее. И самостоятельно.

Владимир поставил своего нового приятеля на ноги, обнял за талию и поволол за собой. Куда, он еще не решил, лишь бы подальше от милицейских глаз.

Уже через несколько минут Памперс очухался:

— Стой! Сча вспомню, счас... — Памперс бубнил, выдыхая запахи пива и гнили. От одежды несло потом. — Между Плющихой и Ростовской набережной. Такой большой дом. С верблюдом на крыше. Знаешь?

— Нет.

— Сучонок! На Москву-реку домишко зырит.

Фризе вспомнил огромный дом полукругом. Его фасад возвышался на пригорке у реки. На крыше дома победно реяла реклама сигарет “Camel”.

— Не знаю! Откуда?

— Там на чердаке единственное место, где зимой тепло. А счас не дует. Запомнил?

— Запомнил. Алексей, я тебе имя свое не называл. Откуда ты его знаешь?

— Пс-с, — ухмыльнулся бомж. — Москва — одно большое ухо. Тебя “Чубайс” потрошит, а люди слушают. Шумок по вокзалу идет. Какая-то добрая душа менторше Анастасии шепнула.

— Вот как?

— Вот так! — передразнил Памперс. Потом деловито и бодро, как будто еще полчаса назад не висел беспомощным кулем на Владимире, сказал: — Покалякали, и ладошки. Не забудь — если дело выгорит, башли пополам. — Он чуть помедлил и добавил: — “Под верблюдом” в каждом подъезде домофоны. Число надо знать. И один на чердак не суйся. Мужики строгие. Со мной — другое дело. Свидимся.

Памперс поковылял по проспекту вниз. Фризе смотрел ему вслед, пока бомж не свернул налево, под высокую арку мрачного жилого дома.

“Свидимся, — усмехнулся Владимир. — Тоже мне, самоменьице! Как будто спроси первого встречного: “Не знаете ли, где сейчас обитает бомж по прозвищу Памперс?”, и тебе тут же расскажут, как его найти”.

Неподалеку от метро, в тихом пустынном переулке, Фризе нашел телефон-автомат и позвонил своей давней приятельнице Светлане. Молодая женщина вела в городской газете криминальную рубрику, и сыщик иногда снабжал ее информацией, а, случалось, просил о помощи. Но в последнее время делал это очень редко. Берег. У Светланы и без него хватало проблем. И врагов. Сейчас просьба казалась ему пустяковой, да и обращаться больше не к кому.

— Светка, это не я, — с ходу предупредил Владимир.

— Конечно, нет. Ваш голос мне совсем не знаком.

— Возьми ручку.

— Всегда со мной.

— Предупреди моего кореша Онегина. Через жену. И обязательно с автомата.

— Поняла.

— Станция Раздоры... — Он повторил все, что услышал от Памперса. Только сторону назвал левую. Бомж или оговорился, или сознательно ввел в заблуждение. Справа нельзя было бы спрятать и спичечный коробок. — Запиши телефон.

— Угу.

— Передай, что весточку от него получил.

— Угу.

— Что ты угукаешь? Тебя не повесили?

— Уважаемый! Говорите по существу.

— За последнюю неделю напечатано много сообщений о том, что город завален фальшивыми дублонами.

— Это и я заметила.

— Узнай, откуда ветер дует. Не дэза?

— Трудно проверить.

— Очень просто. Найди хоть одного мента, который участвовал в операции. Если таких нет, информацию “сливают” из центров общественных связей.

По цепочке

— Мужик!

Фризе приоткрыл глаза. Взгляд уперся в грязные, стоптанные кроссовки и синие брюки с широкими алыми лампасами. Владимир поднял голову. Перед ним стоял генерал в парадной форме, десятка три орденских ленточек на груди. Золотое, слегка потемневшее от времени, шитье. Вот только вместо фуражки с золотой кокардой на генеральской голове красовался красный кепарик с надписью “Труссарди”. Одутловатые, небритые щеки выдавали бомжа со стажем.

— Мужик! — Чудной гость присел перед Фризе на корточки. — Брюхо свело? Не горюй!

Чего-чего, а сочувствия в этой набитой отбросами общества клетке Владимир не ожидал.

— На волю хочу.

— Всего-то? — Губы у сокамерника дернулись, наверное, в попытке изобразить улыбку. Но лицо так опухло, что улыбки не получилось. Мелькнуло что-то между гримасой боли и выражением сочувствия. — Утречком выпрут на волю.

— Дай Бог.

— Тебя где загребли?

— В “погребе”¹. На Красной Пресне. — Фризе исподволь, стараясь не показывать заинтересованности, приглядывался к необычной экипировке бомжа. Похоже, что мужик был тот самый, о котором предупредил Рамодин.

— Ну, метро-то, понятно... А кости где бросил?

— Нигде. Пару дней как приехал.

— Вот как? — Фризе показалось, что в “генеральских” глазах щелочках на мгновение проявился неподдельный интерес, но тут же погас. — Люблю питерских. И каким же путем ты в столицу прикатил? На “Красной стреле”? С Лужковым еще не встретился?

— Ваше превосходительство, а вам не тяжело? — ласково поинтересовался Фризе.

— Ну, ну! — почему-то шепотом, угрожающе выдавил бомж. — Хочешь сказать, что положил на меня ...с прибором? Мы и не таких обламывали.

— По три вопроса сразу задавать не тяжело?

— Узнаю питерца. Вам палец в рот не клади!

Фризе невольно покосился на распухшую, с ципками, с навески въевшейся грязью, руку и внутренне содрогнулся.

— Я под облаву попал. Слыхал, как в Питере бомжа давят?

— Как?

— Заловят ночью сотни две, набьют в автобус и в лес. Километров за сто, или куда подальше. Вытряхнут — гуляй, Вася! И всякий раз, ряженые² подлюки, норовят за границу области вышвырнуть.

— За финскую границу?

— Скоро и за финскую отвезут, как подберут подходящую компанию. Ты бы сгодился в своем мундире.

— Вот и я думаю... — Бомж внимательно оглядел Фризе. Не оглядел, оцупал глазами. — Меня тоже в лесу вытряхнули. За Мгой. Еле добрался до станции. Первая электричка — в Бологое. Сел и поехал. А уж там до Твери... И ты электричкой, значит. — Бомж задумчиво посмотрел куда-то поверх головы Владимира. — Хороший способ! Может, мне в Питер податься?

— В таком мундире тебя и на “Красной стреле” подвезут задаром.

— Подвезут. — Бомж на секунду отвернулся и негромко позвал кого-то из тех, кому досталось место на нарах: — Коли-

¹ В “погребе” — в метро.

² Ряженые — милиционеры.

зей! Кати сюда колеса. Мужик из Питера угостить нас с тобой хочет.

Но тот, кого назвали Колизеем, сердито отмахнулся.

— Ты чего орешь, генерал! — рассердился Фризе. — Чем я угощу?

— Это я так... Хотел кирюху с питерцем познакомиться, — примирительно поведаль божж. — Давно в Питере не был. А коли соберусь, где посоветуешь кости бросить?

— В "Приюте убогого чухонца".

— Это где?

— В гостинице "Пулковской". Пять звезд. Это тебе не ваш "зверинец".

— Ладно, мужик, не сердись. Сейчас я обмелел. А, глядишь, к осени разбогатею. И на твой "Приют" башли найдутся. Погорельцем поработаю. Тут мне мундир во как сгодится! — Он провел черной ладонью по горлу. — Генерал-погорелец из Таджикистана. Хорошо кидают.

— А мундир откуда?

— Генералы тоже не вечны. Помирают А внукам такие шмотки на кой хрен? Вот и вывешивают рядом с помойками. Главное — узнать, в каком доме генерал помер.

"Странный тип, — думал Фризе, чувствуя, как легкая дрема туманит ему голову. — Все в нем не настоящее — и мундир, и блатные словечки, и прилипчивая настырность. Все с чужого плеча. Чего он ко мне привязался? Прощупывает? Интересно, других божжей он донимает?" Но открывать глаза, наблюдать за генералом ему было лень. Владимир вспомнил опухшее, небритое, с синим оттенком лицо своего собеседника. А рожа у мужика настоящая, божжовая. Таковую ни за месяц, ни за два не нагуляешь. Как у Памперса.

Страна Божжовия

— Эй, приятель!

Фризе оглянулся. Слегка припадая на левую ногу, к нему спешил один из новых знакомых — божж в генеральской форме. Даже небольшое усилие давалось ему с трудом. Недавний сокамерник запыхался.

Владимир вспомнил — когда божжей вышвыривали из милиции, Генерала среди них не было. Наверное, его отпустили на несколько минут позже.

— Ну? — сурово бросил Фризе, когда Генерал поравнялся с ним. — Чего надо?

— А ничего... — мужчина шумно выдохнул, улыбнулся. — Хотелось покалякать про Питер. Не возражаешь?

— Чего о нем калякать? Стоит себе... — у Фризе чуть не сорвалось с языка: "есть не просит". Еще как просит. Он не удержался и тоже улыбнулся. — Мы с тобой уже поговорили о Питере. У тебя какой интерес?

— Да никакого. — Генерал пристроился рядом, подлаживаясь под широкий шаг Владимира. — Разве нельзя просто поговорить? Ради разговора.

Завязывать знакомства с бомжами, “поболтать ради разговора” было сейчас главной целью сыщика. Но неприкаянный бедолага Памперс исчез так же внезапно, как и появился. Да и весь его рассказ о черном “линкольне” пришлось поставить под сомнение. Байки Алексея были явно сдобрены фантазией и передавались с чужого голоса. Но намек погорельца Левона на доллары, купленные у бомжа, дорогого стоил. Фризе чувствовал — он на верном пути. Оставалось только порадоваться, что нашелся человек, сам проявивший интерес к общению.

— Заметил я, — продолжал болтать бомж и ткнул Фризе локтем в бок, — вы, питерцы, все молчуны. Из вас слово клещами тащить надо.

— Когда у тебя желудок к позвоночнику прилипнет, и ты молчуном станешь.

— И сколько ж ты без жратвы?

— Вторые сутки.

— Вторые сутки! — Бомж хихикнул, растянув и без того тонкие губы. — Вторые сутки — не срок. Я и по три дня маковой росинки в рот не брал. А ты, небось, блокадник? — Он опять хихикнул. — В третьем поколении. Должен привычным к голоду быть.

— Дошутишься!

— Это я так, к слову. Жрать, говоришь, охота? А деньги есть?

— Банки откроются — валюту поменяю.

— Понял, — опять растянул губы в улыбке бомж. — У меня тоже ни гроша. Обмелел. Но кое-чем побаловаться мы с тобой можем. — Генерал неожиданно остановился и протянул Фризе руку: — Василий.

— Владимир.

— Счас, Володя, я тебя побалую. — Он расстегнул генеральский китель, сунул руку за пазуху и долго шарил там. Фризе даже подумал, что просто решил почесаться. Блохи заели. Но Василий, наконец, вынул коробок спичек и, осторожно раскрыв его, показал Фризе. На дне коробка лежало несколько — штук пять, не больше — обыкновенных спичек. Только очень внимательный человек сумел бы заметить, что коричневые головки были более пухлые, чем обычно.

Продемонстрировав содержимое коробка, бомж так же аккуратно закрыл его и с таинственным видом спрятал в карман.

— За углом садик. Посидим. Словим кайф... — Последнюю фразу Василий произнес почти шепотом — из подъезда вышел молодой улыбающийся мужчина с модным кейсом. Одет он был в легкую бежевую куртку из лайки, в шелковые светлые брюки. Густой аромат хорошего французского одеколona, казалось, заполнил весь переулочек. Аромат этот был знаком Фризе — бывшая лю-

бовница Берта дарила ему такой одеколон по большим и малым праздникам.

Мужчина на секунду остановился, вынул из кармана своей рокошной куртки ключи на брелоке и, по-видимому, собирался нажать на пульт дистанционного управления, когда встретился глазами со злым, ненавидящим взглядом бомжа. Улыбка на его лице погасла, сменилась холодным отчужденным выражением. Он круто развернулся, сел в машину и, не дожидаясь, пока прогреется мотор, рванул с места так, что завизжали шины.

— Не любишь? — тихо спросил Фризе.

— Ненавижу! — Бомж бросил быстрый взгляд на Владимира, и тот внутренне поежился — даже сквозь узкие щелочки опухших век чувствовалось, сколько ненависти таится в глазах этого странного человека.

— Так чего это я хотел? — задумчиво спросил Василий, отведя взгляд от Фризе. — Оттянуться в садике? Ладно, потерпишь. Я тебе покажу, где можно погорбатиться за десятку. На батон хватит.

Они пошли по переулку. Прохожих по-прежнему не было.

— Притормози! — Василий дотронулся до локтя Фризе. — Ле-тишь как угорелый. А куда нам спешить? Нигде не ждут.

— Да я что? Иду, куда глаза глядят.

Вообще-то, у Владимира была цель. Шестой Ростовский переулок. Занимая бомжа рассказами о Питере, о злых местах и забегаловках города, он, как бы невзначай, увлекал Генерала к месту недавней трагедии. Ведь в ней поучаствовали и бомжи. Вдруг появление в Шестом Ростовском разбудит отяжелевший мозг Генерала и развяжет ему язык?

Кайф

— Ты не обижайся, мужик, — очухавшись от жары, от голодного полуобморочного состояния, бомж вновь обрел уверенность. В голосе появились покровительственные нотки. — Мне эти “спички” дороговато обошлись!

Они сидели на подоконнике, и сквозь давно не мытые лестничные окна Фризе был виден пустынный переулок и огромный домина из розово-белого кирпича, откуда похитили знаменитую коллекцию картин. Василий, как и первый раз, долго шарил дрожащей рукой во внутреннем кармане генеральского кителя. Наконец достал коробок, не меньше минуты разглядывал его — словно увидел впервые. На вспухшем лице Генерала отразилась такая мука-мученическая, что Фризе живо представил себе, что происходит в душе бомжа. Как борются в нем противоречивые чувства: поделиться с едва знакомым человеком своим сокровищем или поберечь для себя?

Генерал решился, с трудом открыл коробок, достал из него две спички. Одну протянул Владимиру, другую поспешно сунул в рот, на манер папироски, и блаженно зажмурился.

Единственно, что беспокоило Фризе, так это “дегустация” наркотика на голодный желудок. Может просто стошнить. Привыкнуть к “травке” и “порошкам” он не опасался — организм их не принимал. Как не принимал опохмелки по утрам. А вот уколоться Владимир не позволил бы себе ни под каким предлогом. Даже в надежде сокрушить всю российскую мафию. Преодолев брезгливость, он осторожно облизнул головку спички и незаметно сплюнул. Потом, снова зажав ее в зубах, почувствовал легкий кисловатый привкус.

Генерал сидел, привалившись спиной к стене. Глаза у него закрылись, лицо расслабилось и от этого приобрело жалкий вид, стало похоже на лицо ребенка, состарившегося уже к пяти годам.

Фризе сунул руку в карман своего бархатного пиджака. Нащупал коробок спичек. Осторожно открыл. Вытянул одну спичку и зажал между средним и указательным пальцами. Так же осторожно, не сводя взгляда с лица Генерала, закрыл коробок и вынул из кармана руку. Через секунду “генеральская” спичка уже лежала у сыщика в кармане, а изо рта торчала, словно карликовая папироска, самая обыкновенная, череповецкая.

“Будет время, отдам экспертам, — подумал он, чувствуя, что даже минутное соприкосновение с наркотой не прошло для него даром. — Что еще за новый финт придумали наркодельцы?”

Минут через десять, а может быть, через пять, или через час — он не мог сказать более определенно, потому что время перестало для него существовать, — Фризе почувствовал, как его охватывает сладкое чувство легкости и освобождения от окружающего мира. “Мир — это я. А другой, пытающийся контролировать первого Фризе — или, наоборот, второго? — подсказал ему: — Старик, а какой кайф ты словил, если бы использовал всю дурь, а не спрятал ее в карман?”

Сквозь сладкую дрему до Фризе доносились звуки движущегося лифта, стук дверей, шорох автомобильных шин в переулке, завывание внезапно сработавшей автосигнализации. Все эти звуки были по ту сторону его заторможенного сознания — в другом мире. Но ради этого мира он находился здесь и не давал себе полностью забыть.

— Боже! Опять бомжи! — произнес молодой, но сварливый женский голос. — Неужели ты не можешь их выбросить раз и навсегда?

— Уже выбрасывал. Эти — другие.

— Начни отстреливать.

— Патронов не хватит, — равнодушно сказал мужчина и тут же спохватился: — Ты, что? Дура? Хоть бы на лестнице придержала язык. Если застану их вечером, ошпарю кипятком.

Хлопнула дверь в подъезде, и опять наступило дряхлеющее вечно состояние блаженного покоя. До появления на лестнице новых людей. Они вызывали лифт, шаркали подошвами по ступеням. Увидев бомжей, отпускали злые реплики, иногда испуганные.

Эти реплики были единственным, что сейчас поддерживало связь Владимира с внешним миром. А в его персональном мире все было ярким и солнечным, веселым и приветливым. Когда потом, окончательно придя в себя, Фризе пытался вспомнить, воспроизвести в мозгу этот мир, у него ничего не получилось. Осталось только ощущение — мир был копией того, в котором он жил, но только с точностью до наоборот. Очень ярким, очень добрым, сочувствующим.

Полубредовое состояние не мешало сыщику время от времени разлеплять веки и проверять, как обстоят дела возле интересующего его дома. Там ничего не происходило. Дом словно вымер.

Сигналом к окончательному пробуждению стали слова, сказанные неприятным, как шорох наждачной бумаги, голосом:

— Чертова мразь! Наркоманы гребаные. Сейчас вызову милицию.

Когда он окончательно пришел в себя, то увидел, что сидит скорчившись на подоконнике. Его новый приятель спал прямо на каменном полу, на кипе рекламных газет "Экстра-М".

За окном уже сгустились сумерки. Фонари еще не зажглись, и переулок показался Фризе неуютным, даже враждебным. Ему вспомнились реплики жильцов, гудение лифта, стук дверей. Все слова, которые он слышал и запомнил, звучали враждебно. Еще Фризе вспомнил, что какие-то передвижения по лестнице насторожили его, и он приказывал себе не забыть о них.

"Что же это было? Что же? Кто-то стоял рядом. Совсем рядом. Этот кто-то возник, словно ниоткуда. Не гудел лифт. Ни разу не хлопнула дверь. Не слышались шаги по ступеням. Только... Запах! Запах кухни: котлет, жареного лука, вареных овощей, хозяйственного мыла".

Фризе взглянул повнимательнее на подоконник. Рядом с ним, прикрытая газетой, стояла железная тарелка. Он сбросил газету. В тарелке лежало несколько картофелин и котлета на куске черного хлеба. Чья-то добрая, не ожесточенная жизнью душа решила подкормить неприкаянных бедолаг.

Он приказал себе запомнить другие легкие шаги. Крадущиеся. В обуви на мягкой подошве. Владелец мягкой обуви приехал на лифте на этаж выше. Потом легко сбежал на лестничный марш. Постоял рядом с бомжами. Владимир вспомнил слабый запах ментола, исходящий от мужчины. Наверное, он жевал ментоловый чунгам. В том, что это был мужчина, Фризе не сомневался. В едва освещенном уголке памяти, куда он приказал себе вернуться, шаги пришельца запечатлелись хоть и мягкими, но по-мужски размашистыми, уверенными. Мужчина не стал возвращаться наверх, а спустился еще на этаж ниже. И, наверное, позвонил. Мягко открылась дверь квартиры и тут же закрылась.

Потом был второй визит. Фризе слышал уже знакомый мягкий щелчок двери. И через секунду почувствовал присутствие но-

вого гостя. Тоже мужчины. Владимир мог поклясться, что это был уже другой мужчина. От него пахло не ментолом, а хорошими сигаретами и дешевым приторным бонд-спреем. Вместо того чтобы спуститься, мужчина поднялся на следующий этаж и вызвал лифт. Так же, как и первый, он не захотел, чтобы соседи знали, на каком этаже он гостил.

— Василий! — Фризе наклонился над бомжем и дернул за китель генеральского мундира. — Атас!

Бомж с трудом приоткрыл веки и тут же опустил их снова.

— Атас! — повторил Владимир. — Тут один хмырь милицию пошел вызывать.

— Он уже два года грозится, — не поднимая век, сообщил Генерал. — А ты кто?

— Владимир.

— Какой еще Владимир? — Бомж приоткрыл глаза и долго всматривался в лицо Фризе. — Первый раз вижу.

— Владимир из Питера.

— Дашь ты мне, наконец, поспать, падла!

— Дам.

Наверное, бомж не привык к тому, что на его хамство отвечали так спокойно и не бросались в драку. Он опять открыл глаза и посмотрел на Фризе внимательным осмысленным взглядом:

— Ах, это ты? Питерский интеллигент! Забыл, как тебя зовут, мужик. Прости. — Внезапно лицо у бомжа исказилось гримасой страха. Он непроизвольно схватился за синюю щеку: — Боженька мой! Как мы сюда попали? Ты привел?

— Ты.

— Линяем! — Бомж вскочил со своего газетного ложа и на цыпочках стал спускаться по ступенькам. Выражение лица, движения — все говорило о том, что Генерал паникует.

“Что его так напугало? — подумал Владимир. — Уж не здесь ли так подсинили ему лицо?”

Стараясь не нарушать тишину, он устремился следом за бомжем. А тот все набирал скорость. Ни разу не споткнулся, не задел за перила, несмотря на свою хромоту, и не сделал попытки сесть в лифт. Бесшумно распахнулась дверь в подъезде. Генерал дождался Владимира и только тогда осторожно прикрыл ее.

В переулке бомж снова удивил Фризе. Уставившись на сверкающий лаком и хромом большой черный “джип”, стоящий рядом с подъездом, Генерал застыл, как вкопанный. Оценение продолжалось несколько секунд. Не издав ни звука, Василий отступил назад, к подъезду, и стремительно скрылся за дверью.

“Чего он остолбенел при виде “джипа”? Или про котлету с картофелем вспомнил? — подумал Фризе, и перед его мысленным взором возникла металлическая тарелка с подношением какой-то сердобольной души. — Надо было сразу захватить с собой”.

Обогнув разогретую солнцем машину, он медленно двинулся по переулку.

Первый проблеск

Сзади раздался резкий сигнал автомобильного клаксона. Сигнал был таким неожиданным, что Владимир дернулся, словно собрался сплясать твист, и чуть не упал, оступившись одной ногой с тротуара на проезжую часть дороги. Сзади на него медленно двигался широкий хромированный бампер черного "джипа". Это был тот самый "джип", который только что стоял у подъезда и от которого так испуганно шархнул Генерал. Водитель, узколицый, красиво подстриженный брюнет, улыбался во весь рот, наблюдая за нелепыми прыжками перепуганного пешехода, и не собирался тормозить. Вне себя от ярости, Владимир грохнул кулаком по черной лаковой поверхности радиатора. Вот теперь "джип" резко затормозил. Улыбка также резко сползла с лица водителя.

— Ну, дед! Я тебя сейчас по стене размажу! — заорал он, выпрыгивая из машины.

Пока водила, предвкушая, как он врежет наглому бомжу, подогревал себя затейливыми ругательствами, Владимир сделал молниеносный выпад влево, сплел пальцы обеих рук в замок и обрушил на шею противника. Удар получился на славу. Парень рухнул на асфальт и, жадно хватая раскрытым ртом воздух, зарезал по пыли. Светлый шелковый пиджак тут же превратился в грязную тряпку, и Фризе понял, что простой дракой не обойдется.

— А-а-а-а... — наконец продохнул водила. — Пристрелю, урод старый. — Откуда-то из-под себя он вытащил большой тупорылый револьвер, но выстрелить не смог. От полученного удара координация движений у него нарушилась. Рука, пытавшаяся поднять оружие, осталась лежать на асфальте. Фризе легко выбил из нее оружие.

— Молодец, дед! — услышал Владимир восхищенный голос. Он на мгновение обернулся. Рядом стоял пожилой, бедно одетый мужчина с кочаном капусты в руке и улыбался. Внезапно лицо у него сделалось испуганным.

— Смотри! — предупреждающе крикнул он. Фризе перевел взгляд на водилу "джипа". Тот пытался еще раз поднять револьвер. Владимир наступил водителю на руку и, быстро наклонившись, поднял револьвер за дуло.

В это время в кармане шелкового пиджака водителя заверещал сотовый телефон. Фризе поднял ногу и с силой стукнул по тому месту, откуда раздавались гудки. Но старая стоптанная кроссовка спружинала. Телефон остался цел и продолжал журчать. Владимир наклонился, выдернул аппарат из кармана и отбросил в сторону.

— Ты труп, — прохрипел водила. — Шлак! — И закрыл глаза.

"Отключился? — подумал Фризе. — Или прикидывается?"

— Убивать таких надо, — с ненавистью сказал мужчина с кочаном. — Совсем обнаглели. Гоняют по тротуару, как по больша-

ку. — Он с ненавистью бил каблуком ботинка по сотовому телефону, удар за ударом превращая его в кучку обломков.

— Да уж... — подтвердил Фризе и с сомнением посмотрел на кольт, который по-прежнему держал за дуло.

— Эту дуру ему не оставляй. Кинь в реку.

— Кину.

— Правильно, дед. Выпустил пар, теперь спать спокойно будешь. Такого орла уложить — суметь надо. — Он внимательно осмотрел все, что осталось от телефона. — Ты не бойся. Я тебя не выдам. Ни ментам, ни этой мафии. Даже если пятки прижигать будут. — Мужчина засмеялся довольным смехом и ушел, ни разу не обернувшись.

Владимир внимательно оглядел окна домов. Похоже, никто не обратил внимания на драку в переулке.

Только сейчас Владимир расслышал тихий ровный гул — мотор “джипа” продолжал работать, и это подсказало сыщику, как действовать дальше.

...Машина шла прекрасно. Моментами Фризе даже казалось, что мотор заглох, а “мерседес-бенц” двигается лишь по инерции и вот-вот остановится. “Пожалуй, движок лучше, чем у моей “ласточки”, — ревниво отметил сыщик. И вдруг вспомнил, как заорал на него водитель: “Ну, дед! Я тебя сейчас по стене размажу!” Он назвал его дедом. И прохожий с кочаном капусты под мышкой тоже окрестил его дедом. А самому уже, небось, больше шестидесяти.

“Неплохой из меня получился актер”, — самодовольно подумал Владимир и мельком взглянул в зеркало дальнего вида. Но своего отражения не увидел — какой-то безобразник-водитель включил сзади дальний свет. Фризе привычным движением поправил зеркало и услышал легкий щелчок.

Время от времени за спиной у Фризе раздавалось остервенелое мычание — Тимур Анатольевич Иваненко давал выход своей злобе. Клейкую ленту, наручники и водительские права Фризе обнаружил в бардачке “мерседеса” и удачно воспользовался ими еще до того, как владелец окончательно пришел в себя. Но самой неожиданной находкой оказалось щегольское, мягкой сафьяновой кожи, удостоверение. Оно лежало вместе с несколькими долларовыми купюрами в нагрудном кармашке рубашки пленника. На сафьяне был вытеснен двуглавый российский орел, а на гознаковской специальной бумаге удостоверения каллиграфическим почерком было написано, что его владелец, майор Иваненко Тимур Анатольевич, состоит на службе в Главном управлении Охраны.

Находка повергла сыщика в шок. Одно дело — вступить в схватку с бандитом, разделить его под орех и угнать машину. Тут можно быть уверенным, что братки не побегут в милицию с просьбой объявить всероссийский розыск пропавшего сотоварища. Но

майор из элитарного подразделения?! Его коллеги поставят на уши каждого участкового инспектора, задействуют всю дорожно-постовую службу, объявят в городе какую-нибудь операцию перехвата!

А может, ксивы — фальшивка? Туфта? Сейчас в переходах метро можно купить даже удостоверение “гауляйтера Украины”. Однако чутье подсказывало сыщику: майор самый что ни на есть настоящий. И нужно позаботиться о собственном спасении. Срочно изобрести способ, как ловчее избавиться и от майора, и от его замечательного “джипа”. Пленник, от которого сыщик надеялся получить информацию, превратился в бомбу замедленного действия.

Яростное мычание за спиной неожиданно сменилось жалкими, похожими на бляение овцы, звуками. Некоторое время Владимир прислушивался к этим звукам и догадался, что пленный майор хочет мира. Протянув правую руку назад, Владимир нащупал голову майора и бесцеремонно похлопал его по щеке.

— Будешь паинькой?

Майор согласно промывчал.

Фризе так и подмывало резко дернуть за край клейкой ленты, но он сдержался. Осторожно расклеил рот.

— Есть предложения?

— Чего хочешь? Машину?

— И машину тоже.

— А я?

— Тебя окуну в озеро. — Блатное выражение, означающее смерть, сыщик употребил с умыслом. Пускай этот гребаный охранник по-прежнему считает, что перед ним бомж из уголовников. Но Тимур Иваненко в жаргоне разбирался плохо.

— Не понял!

— Кокну! Что мне еще с тобой делать? Вы, сволочня, чего ради наших мужиков давите?

Иваненко застонал, словно у него заболели сразу все зубы.

— Мужик, — наконец выдавил из себя майор. — Я тебе все объясню.

— Нечего объяснять, — прервал его Фризе, с огорчением отмечая, что титула “дед” он уже лишился. Но иначе и быть не могло. Иваненко не заурядный лопух, как-никак, майор спецслужбы.

— Я человек подневольный.

— Расскажи, за что бомжей давили?

— А ты не знаешь? Сколько валюты разворовали!

— Кто?

— Бомжи.

— Все сразу?

Майор не ответил.

— Зря тебя расклеил. Все равно языком не ворочаешь!

— Не знаю, что тебе ответить.

— Скажи, за кем охота? Меня, к примеру, чего ради караулил?
— Проверить. Нет ли валюты? Твоего кореша в мундире уже трясли. Пустой.

— Оно и видно. Рожа, как у утопленника, вспухла. Ты его сам шманал?

— Еще чего! Руки пачкать!

Фризе не удержался. Слегка двинул Тимура Анатольевича в скулу, чтобы не выходить из образа.

— Козел! — крикнул майор. — Тебя же все одно отловят.

— Может, и отловят, — спокойно согласился Фризе. — Да только уже не ты.

— Плевал я на тебя! Думаешь, смерти боюсь? Да я, может, каждый день свою шкуру под пули подставляю. Устал бояться.

— Борьку сторожишь?

Иваненко не ответил. Решил, наверное, что и без того сболтнул лишнего.

— Деньжата чья?

Майор молчал.

— Смерть была бы для тебя легкой прогулкой. А я мужик серьезный. Много умею.

— От меня чего надо?

— Так и будете бомжей подряд хватать?

— Пока не отловим тех, кто смародерничал. Их приметы нам известны.

— Остальных за что?

— Дурак! — Было похоже, что майор совсем перестал бояться.

Фризе подумал, а не врезать ли ему еще разок? Но машины мчались по трассе сплошным потоком. Легкий качок руля, и можно врезаться в соседний борт. Да и вопрос он задал глупый. Хватали всех подряд в надежде получить информацию, обнаружить хоть какую-то ниточку, ведущую к бомжам-мародерам, делали то же самое, чем уже несколько дней занимался и он.

— Денежки-то чьи? — спросил Фризе. Спросил, чтобы не терять инициативы.

— Чьи, чьи. Тебе какая радость, если узнаешь?

— Любопытство заело.

— Послушай, мужик, отпусти! — горячо заговорил майор. — Я скажу тебе, чья валюта. Скажу, но это не точно, понимаешь? Разговоры. Ну, понимаешь, между своими. Понимаешь?

— Что ты заладил: понимаешь, понимаешь. Ты говори.

— Я и говорю. Семейные деньги. А может, дочкины.

— Твоей дочки?

— Совсем тупой?

“Молодец, майор, — подумал Фризе. — Не трус. Нет, не трус!” Но все-таки врезал ему еще раз. Обстановка на трассе теперь позволяла.

— Пустобрех! Чего притворяешься? — завопил Тимур Анатольевич.

— Да если бабки дочкины, чего их возить туда-сюда? На то банки придуманы. Приложился ручкой к документу — и потекли в нужном направлении. Скорей всего, налево. Правильно говорю?

Майор прошептал что-то невнятное, но Владимиру почудилось: “Ну, тупой, ну, тупой”. А громко сказал:

— Кому охота следы на документах оставлять?

— Умница. И много наши мужики бабок замели?

— Откуда я знаю?

— А что свои промеж себя гутарят?

— Десяток лимонов. Не меньше.

— Ух ты! Десяток лимонов! Это ж надо! Всем бомжам России хватило бы на год. На два!

— Расширил пасть, — презрительно бросил майор.

— Да уж! — согласился Фризе. — Неча расширять. Подавишься. И как это вы, соколики, лопухнулись с пенензами?

Майор только хмыкнул.

Они проехали узкую горловину проспекта между ВДНХ и гостиницей “Космос”. Вырвались на Ярославское шоссе. Владимир прибавил скорость — здесь висел знак “80”.

Выспрашивая майора о подробностях охоты на бомжей, Фризе никак не мог придумать предлога для того, чтобы спросить о пропавших картинах. Задать прямой вопрос означало выдать себя с головой. Откуда у занюханного бомжа могут быть такие сведения?

— А травануть нас с другом в подъезде не ты собирался?

— О чем толкуешь?

— Котлетку, картошечку подсунул? И бледной поганкой присыпал?

— Спятил? Каждого бомжа травить — рук не хватит.

В голосе майора прозвучало такое удивление и презрение, что Фризе пожалел, что не съел котлету и хлеб.

В очередной раз он заглянул в зеркало заднего обзора. Привычный ритуал автомобилиста, доведенный до автоматизма. Опять какой-то разгильдяй включил сзади фары дальнего света. Фризе изменил наклон зеркала. На этот раз от его внимания не ускользнула маленькая деталь — со светящейся зеленоватым светом панели магнитолы исчезла едва заметная красная точка. Он вернул зеркало в нормальное положение. Точка появилась. Владимир повторил операцию: легкий, почти бесшумный щелчок, воспринимаемый прежде всего ладонью и фиксирующий положение зеркала. Красный огонек исчез со шкалы магнитолы.

“Ах ты, сволочь, — мысленно выругался сыщик. — И не предупредил, что идет запись!” Он резко затормозил и съехал на обочину шоссе. Справа виднелись красные буквы автозаправки, впереди — яркое праздничное облако теплого желтого цвета. Недавно выстроенная развязка Ярославского шоссе и кольцевой автодороги.

— Боишься гаишников? — ехидно спросил майор.

Фризе демонстративно вернул зеркало в изначальное положение.

— Боюсь, как бы не прикончить тебя раньше времени. Через зеркало идет видеозапись?

— Идет.

— Почему не предупредил?

— А ты как думаешь?

— Твое "пение" начальство не обрадует.

Тимур Анатольевич не ответил.

— Где кассета?

Майор кивнул на бардачок.

Обыскивая салон в первый раз, Фризе не заметил, что задняя стенка бардачка съемная. Теперь он нащупал кнопку, нажал. Крышка открылась с легким щелчком. В записывающем устройстве находилась кассета. Такая же, какие используют в видеокамерах. Фризе достал ее и опустил в карман пиджака.

— Пришлю с нарочным. Месяца через два.

— Да ты что! Этого мне не простят.

— Согласен. Если увидят пленку. Но я буду хранить ее, как... Как... — Он хотел сказать "как зеницу ока", но передумал. — Как заначку от жены.

— Даешь слово?

— Пс-с... Кто сейчас верит слову? Ты? Буду молчать. Это моя палочка-выручалочка.

Фризе подъехал к железнодорожной станции Северянин. Подогнав машину почти к самой платформе, он педантично протер все, к чему прикасался руками, вынул патроны из барабана "кольта", а сам револьвер засунул в бардачок. Наручники снял в тот момент, когда к платформе подходила электричка из Сергиева Посада. И еще одна — со стороны Москвы. Сказал, высказывая из "джипа":

— Не дрейфь, майор. Буду молчать. А если меня поймают, найдут и запись. Даже у мертвого.

Он не сел ни в одну из электричек. Спрыгнул с платформы и, спрятавшись за полуразрушенным забором, стал следить за черным "джипом". Дверцы "мерседеса" не открывались, майор продолжал сидеть в машине. Наверное, приходил в себя и решал, как поступить.

У платформы остановилась еще одна электричка из Москвы и заслонила от Владимира "джип". Когда поезд умчался, Фризе увидел, что Иваненко разговаривает по телефону-автомату. Разговор оказался коротким. Через минуту майор бросился бегом к машине. Хлопнула дверца, и "джип" резко сорвался с места. Похоже, Тимур Анатольевич не собирался ждать два месяца, пока ему пришлют кассету с нарочным.

Фризе позвонил с того же телефона Рамодину. Майор был дома. Сам поднял трубку. Владимир повесил трубку и тут же набрал номер Евгения еще раз. К аппарату никто не подходил. Подо-

ждав, пока не прозвучали четыре длинных гудка, сыщик повесил трубку. Теперь он был уверен, что утром увидит приятеля на своей секретной квартире. Проехав несколько остановок на электричке до Мытищ, Фризе взял там “левака”.

На тайной квартире

Фризе вошел в ванную комнату. Несколько секунд постоял перед зеркалом. Слипшиеся, давно не мытые волосы, чуть вытянутое лицо с вьезшейся копотью, потрескавшиеся губы... На мгновение Владимиру показалось, что никакого зеркала нет, а через пролом в стене на него смотрит обитатель соседней квартиры.

Это ощущение ирреальности рассеялось, когда он взял с полочки флакон “Дракар Нуар” и поднес к носу. Удовлетворенная улыбка на лице незнакомца была ему хорошо знакома. Это была его собственная улыбка. Еще минуту он постоял в нерешительности перед раскрытым баром. Ему хотелось глотнуть коньяку. Хотелось выпить виски со льдом. И на бутылку “Божоле” он смотрел с вожделением. А в холодильнике еще стояли бутылки с его любимым пивом “Туборг”.

— Если бы я так же медлил, когда майор Иваненко схватился за свой кольт, все эти напитки выпил бы кто-нибудь другой”.

Он налил фужер коньяку, выпил залпом, закрыл бар, не снимая одежды, осторожно прилег на постель, прямо на покрывало, и сразу заснул.

Проснулся Фризе в семь утра от сигнала домофона. Когда гость, завершив условный ритуал, нажал кнопку в четвертый раз, Владимир взял трубку и услышал голос Рамодина:

— Отворяй! Твой добрый приятель явился.

— Ни хрена себе, бомжик! — воскликнул добрый приятель, едва за ним захлопнулась дверь. Евгений был весел и возбужден. Он прошелся по комнате, заглянул на кухню и в ванную комнату. — Знаешь, Длинный, когда закончим эту бадягу, ты мне ключик от своей тайной квартиры закажи. — Майор с восхищением разглядывал крохотную, но хорошо обставленную квартиру. — Прекрасное гнездышко. Наверное, и выпивка есть в запасе?

— Выпивка — единственное, что принадлежит здесь лично мне. Квартира-то чужая.

Квартира принадлежала ему. Фризе купил ее несколько лет назад, поддавшись уговорам Берты. Все, кто имел хоть какие-то деньги, опасаясь инфляции и изъятий, старались вложить наличность в недвижимость. Запаниковавшая Берта умела убеждать.

— Очередной подружки? — Наверное, Рамодин, опытный розыскник, бывалый ищейка, с ходу определил, что хозяин квартиры — мужчина. Но решил позубоскалить.

— Друга. А друг...

— В заграничной командировке? Да брось, Длинный. Не теми. На выяснение, кому принадлежит это гнездышко, у меня уйдет... Сколько?

— Полчаса.

— Двадцать пять минут. — Евгений открыл бар. — Ого! Узнаю льва по когтям — Фризе по выпивке. Хорош коньячок. С него и начнем.

— Я начну с пива.

— Валяй! Насчет коньячка я пошутил. — Рамодин закрыл бар, повернул ключ в замке. Потом вынул его и забросил в угол. — Так надежнее, у меня времени в обрез.

...Несколько минут Рамодин сидел в глубокой задумчивости. Время от времени постукивал пальцем по столешнице, как стучит хозяйка, призывая цыплят-несмышленишей поклевать насыпанный им корм. Наконец, посмотрев на часы, встал со стула и отправился в угол комнаты, куда закинул ключ от бара. Ключ нашел тотчас, как будто и не выпускал его из виду. Открыл бар, налил коньяк и, деловито кивнув Владимиру, выпил. Проворчал подобрешшим голосом:

— Часом раньше, часом позже... Что я, не человек?

— Еще какой!

— Если бы так думало начальство. — Рамодин поставил стакан в бар, бросил прощальный взгляд на бутылки, но уже не жадный, не алчный, как показалось Фризе, а отстраненный. — Ну-у! — обронил многозначительно, закончив осмотр. — Квартира друга!

— Ты бы, Евгений, сосредоточился. Неужели не о чем другом сообщить? Ведь это по твоей милости я взялся за дело.

— Ну что ж! Докладываю. Первое. Никакого "линкольна" ни в Раздорах, ни поблизости нет и не было.

— Ты сам ездил?

— Сам. И больше не перебивай. Вопросы после. Второе. Все сообщения о больших партиях фальшивых долларов в Москве никак не проверить. Я поинтересовался у верных ребят из отдела, где, по утверждению прессы, задерживали сбытчиков. Глухо. Информация шла сверху, а долларов никто не видел.

— А в газеты...

— Сказал — вопросы потом. Но уж если ты спросил, отвечу: в газеты информация притекла из Центра общественных связей. Ты был прав. Но хочу спросить, Длинный, какое все это имеет отношение к "малым голландцам"? Думаешь, твой клиент еще и "капусту" печатал?

— Валюту никто не печатал. Я думаю, те, кто ведет следствие, распускают дезинформацию, чтобы предостеречь потенциальных покупателей: "Город наводнен фальшивыми долларами! Прежде чем покупать, проверяйте!" А тут еще такая диковинка, как тысячедолларовые купюры. Люди насторожатся. Кто-то начнет "стучать".

— Толково! Значит, эти сволочи, что отобрали у меня дело, кое на что способны?

— Способны на многое.

— Ха, ха, ха! И вся болтовня, что печатали “капусту” на какой-то мидовской даче, просто деза! Да ты, Длинный, мыслитель-стратег. До чего додумался. Но поторопись. Тебя могут обогнать.

— Я согласен придти вторым, — со значением произнес Фризе. — В данном случае.

— Сбил ты меня все-таки с генеральной линии. Хотел доложить по порядку... — Евгений пристально разглядывал приятеля. Ожидал разъяснений. Но их не последовало. — Кстати, о бабах. Следовательша Анастасия на тебя глаз положила. “Симпатичный бомж из Питера у тебя в осведомителях. Его отмыть как следует, да откормить...” — Рамодин очень похоже передразнил тягуче-ласковую интонацию милиционерши с Белорусского. И добавил: — Не вздумай шашни завести, все причиндалы отобью.

Третье. Славик Горобец насмотрелся, как чертовы охранники меня под белы руки в машину усадили, и растворился. Ни один телефон не отвечает. Не замечен ни возле дома, ни рядом со службой. И четвертое. Моя знакомая красотка Ирочка отбыла в Комарово. Слышал про такое местечко?

— Даже побывал однажды. В Доме актера.

— А Ирочка в Литфонде. Она не только жена и любовница... Она же еще и поэтесса! Член Союза.

— Одна уехала?

— В списке проживающих Горобец не значится, если ты о нем подумал. И знаешь, Длинный. — Рамодин поднялся со стула, открыл бар, секунду помедлил, решая, чего выпить, и опять предпочел коньяк. — Знаешь, Длинный, не отобрали бы у меня дело, а бы его уже раскрыл. И ты не можешь с этим поспорить. У них же вся информация, все вещдоки, все свидетели, к которым у нас с тобой доступа нет. Правда?

Фризе промолчал.

— Правда, правда. Они знают, из какого оружия стреляли в милиционеров! У них — труп убитого бандюги. Ведь они давно уже определили, кто он, из какой банды. У них эта чертова купюра, которую у меня отобрали. Не тебе рассказывать, как бы я с ней поступил! Ну, где справедливость? Все сведения держат под спудом.

— В интересах следствия.

— Чего, чего?

— Моему клиенту сказали: “В интересах следствия до поры до времени не можем предоставить информацию”.

— В интересах беспредела! — рассердился Рамодин. — Теперь о деле. Хоть какие-то проблески появились?

— Пока только в голове.

— Это плохо. Мне рассказывал один наш пенсионер. Полкаш. У него перед инсультом в голове тоже проблески появились.

— Есть у меня, Женя, подозрение, что картины и деньги — разные дела. Просто в определенный момент перекрестились.

— Сам и перекрестись.

— В определенный момент, — повторил Фризе с нажимом. — И получилось завораживающее действие момента.

— Не понял.

— Да и я пока многое понять не могу.

— Неужели Цветухин сумел тебя убедить, что доллары чужие? Чудес же не бывает. Кто их тогда в переулок подкинул?

— Действительно, кто? Почему на место преступления столько спецназа из президентской службы наехало? А ты удостоился чести со своим министром перекинуться парой слов?

— Ну, ты даешь, Фризе! — старший оперуполномоченный и мимикой и жестом пытался выразить свое изумление. — Да ведь это и жуку ясно! Один Ирочкин супруг чего стоит! Зам Главы! Хоть и рогат.

Фризе рассмеялся:

— Ты за рулем?

— Можешь не намекать. Сейчас выпью еще сто грамм и буду как огурчик. — Майор подошел к бару. — Кстати, после третьей, может быть, пойму, какое действие и в какой момент завораживает. Кассету с записью допросов Ирочки и ее хахала прослушал?

— Могу от начала до конца повторить. Очень любопытно! Очень. Такое ощущение, что кто-то кого-то подставляет. А вот кто кого?..

По прозвищу "Колизей"

— Володька!

Фризе с трудом вырвался из сладкой дремы.

— Володька! — повторил его новый знакомый бомж со странным прозвищем "Колизей". — Ты чего, в отключке?

— Есть немного. Кемарнул.

Внезапно Фризе больно кольнула мысль о том, что за последние несколько дней он только и занимается тем, что тихо подремывает. Вынужденное бездействие постепенно притупляло его чувства и волю.

— Кемарнул! — недовольно бросил бомж. — Ширанулся втихую.

— Чего тебе?

— Политическая тактика необоснованных обещаний. Восемь букв. Четвертая "у". Что за слово?

— Спроси у Генерала.

Василий мирно похрапывал на матрасе рядом с Фризе.

— Не знаешь, — с удовольствием проговорил Колизей. — Тогда вопросец попроще: опера Верди из восьми букв. Пятая "с".

— Охота тебе глаза портить, — Фризе перевернулся на другой бок и на несколько секунд задержал дыхание. Каждое движение

на старом полусгнившем матрасе вызывало неудержимый всплеск тошнотворных запахов, которые накапливались в слежавшихся слоях побуревшей ваты. Наверное, этот матрас послужил не одному бездомному. Моментами Фризе казалось, что все это ему снится: вонючий тухлявый матрас, на котором он лежит, недельная щетина на лице — рука непроизвольно потянулась к ней, и ему стоило большого труда оставить в покое непривычные заросли. Горячечным бредом казались пустые, состоящие чаще всего из одних междометий и мата разговоры с “коллегами”. Николай Тарасович и Генерал казались в сравнении с остальными бомжами златоустами. Иногда, опустошив бутылку непонятого вина — “красноты” или “блондиночки”, — кто-нибудь из бомжей пускался в воспоминания о “той”, далекой и, обязательно, прекрасной жизни, в которой у рассказчика были жена, дети и, главное, крыша над головой.

Наверное, Владимир непроизвольно застонал, потому что Николай Тарасович спросил:

— Клопики кусаются?

Спросил равнодушно, просто из желания начать разговор. С таким же равнодушием, заметив, что товарищ по несчастью приготовился отдать Богу душу, Колизей спросил бы: “Помираешь?”

Здесь никто никого не жалел. Никто никому не сочувствовал. Бомжи не были ни злыми, ни добрыми. Через полгода-год обитания на чердаках и в подвалах они начисто лишались самых простых человеческих чувств, становились равнодушными к чужой — и своей тоже! — боли.

Не дождавшись ответа, старик поинтересовался:

— Знаешь анекдот про клопа и дистрофика?

Анекдоты были вторым, после кроссвордов, увлечением старого бомжа, а история про клопа и дистрофика, которую Владимир слышал уже раз пять, его любимым анекдотом.

— Лежит дистрофик на больничной койке... — начал Колизей.

— Господи, — неожиданно подал голос Генерал, — чтоб тебя клопики поганые до костей обглодали! Осатанел!

— Чуешь, Володька? Услыхал! — удивился Колизей. — А прикидывается глухим. Зачем поминаешь имя Господа всуе, балабон?

Но, похоже, Генерал упрёка не услышал. Он опять похрапывал или притворялся.

Фризе повернулся на своем тухлявом матрасе и взглянул на Колизея. Тот пристроился на железных ступеньках ведущей к слуховому окну лестницы и, подставив мятую газету к носу, пытался осилить очередной кроссворд. Рассеянный свет августовского вечера с трудом проникал в узкое, похожее на амбразуру, оконце. Владимир в который уже раз подивился тому, каким образом Колизей сохранил в свои годы зрение? А ему было не меньше восьмидесяти.

Этот дед, большой любитель анекдотов про дистрофиков, и сам был похож на обтянутый желтоватой, нездоровой кожей скелет. Только лицо, как у всех профессиональных бомжей, было у него опухшее, с затекшими глазами-щелочками. Звали Колизея Николай Тарасович, а фамилии никто не знал.

— Я такой старый, — сказал дед Владимиру при знакомстве, — что фамилию забыл. Зачем башку ерундой забивать? Мне же в ведомости на зарплату роспись ставить не надо”.

Но его глаза смотрели с такой неприкрытой хитрецей, что Фризе не сомневался — все-то он помнит и знает.

Поначалу Владимир решил, что прозвищем старый божж обязан своему имени: Коля — Колизей. Но ошибся.

У Николая Тарасовича был кумир — Иосиф Сталин. С его портретом старик не расставался никогда.

— Большой человек, — говорил Николай Тарасович, разглаживая грязной, скрученной ревматизмом ладонью изрядно поистрепавшийся портрет. — Трижды Колизей науки! Форейтор мирового прогресса.

— Этот форейтор первым делом погрузил бы нас с тобой в товарняк и отправил на Колыму, — пошутил Фризе, услышав оригинальный панегирик генералиссимусу.

— Правильно рассуждаешь, Володька, — согласился Колизей. — Там нам и место. Скажи, что нет?

А сейчас он, как ребенок, сердился на неподдающийся кроссворд:

— Проклятая опера! Кроме “Аиды” да “Травиаты”, ничего в голову не лезет.

В этот момент кусочек неба в слуховом оконце осветился ярким желтоватым светом. Зажглась гигантская реклама, установленная на крыше дома.

— Так! — с удовлетворением произнес Колизей. — Так. Возьму-ка я другой журнальчик.

Фризе с облегчением подумал: “Ну, теперь-то, друг любезный, ты возьмешься за один из моих кроссвордов”.

Несколько часов он потратил на то, чтобы отыскать головоломку, которая навела бы старого божжа на нужный разговор. Прежде чем подсунуть ему журнал и скабрезный еженедельник, Владимир изрядно поработал над ними — начисто лишил товарного вида. Теперь издания ничем не отличались от тех, которые Колизей выуживал из мусорных баков.

— Ну и жопы, ну и жопы, — бормотал старик, разглядывая в отблесках рекламного сияния таблоид. — Что-то я не пойму, где эту порнуху ухватил? На Красной Пресне, что ли? У Белого дома? Члены правительства сбросили?

— Интересно! — опять подал голос Генерал и даже привстал с матраса. — Покажь, что за жопы?

Колизей бросил ему один из журналов.

— Ого! — восхищенно воскликнул божж и надолго замял.

Кроссворд в еженедельнике оказался серьезным, посвященным изобразительному искусству. Такие кроссворды Николай Тарасович уважал. Минут пятнадцать-двадцать он не беспокоил Фризе. Бормотал что-то тихо себе под нос, сердился, когда словечко ему не поддавалось, и радовался, быстро найдя разгадку. Владимир уже начал дремать, когда Колизей окликнул его:

- Володька, “малые голландцы”, это кто такие?
- Художники.
- Без тебя знаю. Почему “малые”, карлы, что ли?
- Дай поспать.
- Еще чего! У меня в крестословице в этого карлу три слова уперлись.
- Вот прилип. Говори, что у тебя там?
- Один из известных художников “малых голландцев”. Десять букв. Вторая — “р”.
- Брекенкамп.
- Да что вы про своих карликов дундите? — возмутился Генерал и, развернув таблоид, продемонстрировал цветную фотографию известной фотомодели во всей своей прелестной нагой красе. — Видали сооружения?
- Не мешай, — огрызнулся Николай Тарасович.
- Да ты погляди, погляди! Это тебе не Люськины прыщики!
- Люська — это кто? — поинтересовался Фризе.
- Ходит к нам одна сыроежка. С пятого этажа. — Колизей расплылся в улыбке. Видно, воспоминания от визита сыроежки были у него приятные. Но он тут же отогнал их. — Володька! Не то! Я же сказал тебе — десять букв. А в этом Бре-ка-ка — двенадцать.
- Попробуй Бракенбюрга.
- А ты-то откуда знаешь? — удивился божж. — Искусствовед?
- Учился на него.
- Во, дает! И помнит такие заколдобистые фамилии. А ну, повтори.
- Бра-кен-бюрг.
- Точно. Тютелька в тютельку! Анекдот про тютельку знаешь?
- Ты мне уже трижды рассказывал. Поспать дашь?
- Дам. А про этих “малых голландцев” я на прошлой неделе слышал кое-что.
- Анекдот?
- Да нет, не анекдот. Тут поблизости одну женщину взяли...
- Ох и хавира! — мечтательно прокомментировал Генерал и отбросил в сторону журнал с голой дивой. — Что тебе банк “Менатеп”!
- Ботало попридержи! — одернул его Колизей. — Нам сейчас бояться собственной тени надо. Где нынче Памперс? А Крокодил Гена?

Генерал быстро перекрестился.

— Крестишься, дурак? А сам, торчок, того и гляди, подведешь нас под монастырь.

— Плешь!

— Не плешь! Мундир никак не скинешь. Тебя же по нему всякий дурак определяет.

— Меня уже все обшмонали. И менты, и братки крутые, — обиженно сказал Василий. — Знают — мужик в мундире пустой. Больше не цепляют.

— Бельмондо! Ты дважды за шамовкой ходил? Тебя, как огородное пугало, за версту видать. Уверен, что сексотов не навел?

— Я ж по потемкам хожу. И только на пятый этаж. До Люськи.

— До Люськи! — передразнил Колизей. — То-то и оно!

Фризе вспомнил о своих сомнениях, когда впервые увидел Генерала в “зверинце”, в отделении милиции. Вспомнил и о том, что Генерала выпустили оттуда на несколько минут позже, чем остальных бомжей, и он с трудом нагнал Владимира на пустынной улице. Но если милиция использовала его в своих целях, почему об этом не знал майор Рамодин?

— ...Взяли, говорю, хавиру с этими самыми “малыми голландцами”. И долларей немерено! Можешь себе представить? Не на лимон, не на два. Немерено!

— Не слабо, — согласился Фризе, весь превратившись в слух.

Старик надолго замолчал, и Владимир подумал о том, что бомж размышлял, как распорядился бы деньгами, если бы миллионы достались ему. А может, раздумывал, стоит ли делиться информацией?

Наконец Колизей решил:

— А легавые-то облажались. Вот уж облажались, так облажались.

— Точно! — подтвердил Генерал. — Облажались. Постреляли не тех.

— Кого же постреляли?

— Ха! Кого постреля... — Колизей замолк на полуслове и прислушался. С Ростовской набережной доносился ровный, не умолкающий даже ночью, шум машин. Ничего необычного Фризе не услышал. А старый бомж вдруг легко спрыгнул со ступеньки и крадучись двинулся к железной двери в средний чердачный отсек. Большие пестрые страницы брошенного таблоида подхватил сквознячок и медленно понес по чердаку.

— Чего там? — тихо спросил Генерал. Он вскочил с матраса и с тревогой наблюдал, как Николай Тарасович, приложив ухо к двери, настороженно вслушивался.

Колизей предупреждающе поднял руку.

Генерал по-прежнему не двигался с места. Застыл, как сеттер перед дичью, и не сводил глаз с Николая Тарасовича.

А старик, между тем, осторожно подергал ржавую задвижку на двери. Крепко ли держит? Потом, бесшумно метнувшись в сторону, вынул откуда-то из темноты здоровенный лом и подпер им дверь.

Склонившись к Фризе, шепнул:

— Сваливаем, Володька.

— Менты?

— В гробу я их видал, твоих ментов! Это похуже. — Старик подал знак Генералу, потом подскочил к своему лежбищу и, повернувшись к Владимиру спиной, стал что-то быстро доставать из матраса и рассовывать по карманам.

Генерал еще несколько минут постоял в нерешительности возле своего матраса. Но Фризе заметил: смотрел он не на тряпье, а на кирпичную печную трубу, оставшуюся от былых времен. А может быть, это была вентиляционная, а не печная труба? Но чем-то она очень привлекала бомжа. Он не мог оторвать от нее глаз.

В это время Фризе услышал, как осторожно дергают железную дверь. Услышал звуки и Генерал. Он, наконец, обрел подвижность и бросился к слуховому окну. Фризе невольно искал глазами место, где под шлаком прятал "беретту". Но вытащить ее при бомжах он не мог — пойдут насмарку все его ухищрения и попытки сблизиться. Колизей закончил манипуляции с матрасом, обернулся к Фризе, выразительно кивнул на оконце, в котором уже скрылся Генерал.

— А потом? — прошептал Владимир.

Бомж сделал несколько быстрых движений руками, словно перебирал перекладыны лестницы. Фризе вспомнил, что и сам видел пожарную лестницу на стороне дома, выходящей в переулок.

А железную дверь уже дергали изо всей силы.

Колизей поднялся на лесенку и, перед тем, как выбраться на крышу, снова обернулся. Фризе пронзила неожиданная мысль о том, что он видит старика в последний раз и никогда не узнает значение странных слов про "облажавшихся" ментов.

...Послышался сильный грохот. Наверное, кто-то из осаждавших попробовал выбить дверь с наскока. Дверь устояла. Только сейчас неизвестные поняли, что она открывается наружу, а не вовнутрь, и стали дергать ее на себя.

"Похоже, что за дверью целое войско", — подумал Владимир. Он отчетливо представил себе все, что произойдет через несколько секунд. Дверь рухнет, неизвестные ворвутся на чердак, перевернут матрасы, обшарят темные углы, обнаружат открытое слуховое окно и выберутся на крышу. Даже если это бандиты, у них есть радиосвязь, получше, чем у милиции. Те сообщники, что остались внизу, получают предупреждение и блокируют пожарную лестницу.

Очень спокойно — и очень быстро — Фризе закрыл окно, в которое вылезли Колизей и Генерал, сорвал деревянную лесенку и

забросил ее в угол. Потом бегом устремился к слуховым окнам на противоположном скате крыши. Их было три. Одно оказалось забитым, и Владимиру не удалось его открыть. Зато другое распахнулось сразу. Он с трудом подтянулся за какую-то доску, протиснулся сквозь узкое отверстие на крышу и прикрыл за собой полукруг рамы.

Москва сверкала вокруг холодной россыпью огней. Со всех сторон равнодушно подмигивала реклама. А внизу — казалось, сумей посильнее разбежаться и допрыгнешь, — маслянисто поблескивала река.

Фризе всегда боялся высоты. Но спускаясь сейчас по ветхой, проржавевшей лесенке, он, неожиданно для себя, почувствовал полное равнодушие к пропасти, которая разверзлась у него под ногами, и только напряженно вглядывался в темноту, гадая, встречаются внизу или нет?

Генерал осторожно перебирал ступени в двух-трех метрах под ним.

Они едва спустились на два этажа, как Генерал вдруг исчез. Фризе инстинктивно съежился, ожидая, как ударится об асфальт тело, но внизу стояла тишина. А спустившись еще на несколько ступенек, он услышал тихий свист. Бомж выглядывал из расположенного рядом окна и призывно махал рукой. От лестницы до подоконника было не больше метра. Один шаг над бездной. Фризе сдвинулся на самый край ступеньки, снял с нее правую ногу и подвинул левую. До упора. Правая рука с трудом дотянулась до оконной рамы. “А как же хромой Генерал проделал этот кульбит?” — подумал сыщик и соскочил на подоконник. Бомж втащил его в комнату, осторожно затворил окно.

— Люськина комната, — шепнул он на ухо Владимиру. — А вот и сама красавица.

В комнате было темно. Владимир разглядел только блеснувшие в отсветах рекламы большие глаза на детском личике. Он отступил от окна, наткнулся на диван и сел. Почувствовал, как дрожат мышцы ног, дрожат мелкой, противной дрожью. Он принялся растирать их, но дрожь не унималась. От мысли, что трясучка не кончится никогда, его охватила паника.

— Васенька, это тот мужичок? Питерский? — спросила Люська. — Про которого ты рассказывал?

— Ври больше, — проворчал бомж. — Чего я тебе рассказывал?

“Тоже мне, Васенька”, — подумал Фризе. Ласковое обращение никак не соответствовало облику бомжа, опустившегося и грубого.

— Ноженьки свело? — женщина села рядом с Владимиром, наблюдая, как он растирает мышцы. — Лесенка наша — будь-будь! — Она отодвинула руки Владимира и принялась легко и ласково гладить ему ноги маленькими ладошками.

— Люська, — предупредил Генерал. — Не лезь куда не надо!

— На чердаке шмон? — спросила Люся, и, словно назло Генералу, ее ладошка скользнула с бедра в сторону. — Ой! Какие мы чувствительные! — шепнула она.

Фризе осторожно отодвинул маленькие ладони, вскочил с дивана и с удовольствием ощутил, что ни один мускул у него уже не дрожит.

— Как рукой сняло, — сказал он ласково, проникаясь теплым чувством к девушке. — Спасибо, Люсенда.

— Она у нас экстрасекс, — похвалил Генерал и добавил озабоченно: — Как бы Колизея не замочили.

— Что там случилось, окаянные? — Люся тоже поднялась с дивана и сделала несколько шагов в сторону окна. Стоя за портьерой, заглянула вниз. — Скажешь ты, наконец, бомж проклятый?

— Кабы знать!

— Дедушку на чердаке одного оставили?

— Да он быстрее нас слинял!

Люся все еще пряталась за портьерой, и Владимир, наконец, разглядел ее получше. Стройная — женщины постарше называли таких уничижительно: “кожа да кости”, невысокая, не больше метра шестидесяти, большеглазая блондинка с коротко стриженными волосами. Девочка-подросток из седьмого или восьмого класса.

— Жаль, не знал дедушка про мое окошко, — огорченно сказала Люся. — Да, может, пронесло? Успел смяться?

— Если на ментов напоролся, тоже хорошего мало. Он сегодня не пустой.

— Ох ты! Вот так фиговина! — Люся отошла от окна и встала возле Генерала, развалившегося на незастеленной кровати.

— Ладно. Чем болтать, прошвырнулась бы вниз.

— Еще чего! Менты меня знают. Прихватят. А если бандюги?

— Испугалась! Ну, поставят градусник. Ты это любишь.

— Дурак, двинутый!

— Ладно, ладно, генеральских шуток не понимаешь.

— Да-а! Хороши шутки. А сам... — она не договорила.

Бомж привстал с постели и притянул девушку к себе.

— Чего болтать? Чайку бы сварганила.

— Ладно. Сейчас сварю. Лейла опять развоняется, что по ночам на кухне гремлю.

— Азеры полквартиры снимают, — сказал Генерал. — С Черемушкинского рынка. А Лейла ихняя — натуральная ведьма. Люське шагу ступить не дает.

— Если дед опять в ментовку попал, хорошего мало, — пустил пробный шар Фризе. Он надеялся, что бомж разоткровенничается и объяснит, что означает фраза: “Он сегодня не пустой”. Но Генерал лишь вздохнул.

Хозяйка принесла небольшой эмалированный чайник, всыпала прямо в него большую горсть заварки, потом долго возилась у буфета, перебирая стаканы и чашки.

— Люська, “красноты” не поберегла на трудный день? — поинтересовался Генерал.

— Ты ж чаю просил?

— Так-то оно так...

— Уже достала, — смилостивилась девушка. — Знаю тебя, как облупленного. Ты, Володечка, красное не пьешь?

В ее тоне, в том, как был задан вопрос, заключался намек, какое-то скрытое предупреждение.

— Сегодня не могу. Печень разболелась.

— Вот насмешил! — вмешался Генерал. — Печень разболелась. Да у меня все болит. Даже дыхалка. А выпью — полегчает.

Люсенда

Фризе проснулся, почувствовав, что кто-то пытается снять с него пиджак. Он осторожно приоткрыл глаза и увидел перед собой милостивое полудетское лицо.

— Проснулся? — шепнула Люся. — Подымись чуток.

Владимир послушно выполнил все ее требования и почувствовал небывалое облегчение, оказавшись раздетым до пояса. Но Люся не собиралась на этом останавливаться. Начала расстегивать ремень на брюках.

— Стоп. — Он осторожно отстранил ее маленькую руку и покоился на кровати. Генерал сладко сопел на ней в полной парадной форме.

— В отключке, — заметив взгляд Владимира, сообщила Люся. — Я Васеньке в вино снотворного натолкала.

— Откуда у тебя снотворное?

— А... — беспечно отозвалась Люся. — Я на городской свалке подрабатываю. Там всего навалом. Таблеток старых! Ух!

— Твой Васенька может от старых таблеток и сандалии откинуть.

— Когда-нибудь все равно умрет. Он больной. Старенький.

— Не такой уж и старенький.

— Что ты! Сорок лет! — Она попыталась вырвать руку, но Фризе держал ее крепко.

— Зачем связалась со стариком? Нашла бы помоложе.

— Он меня не бьет, — дoloжила Люся с гордостью. — А потом вот это. — Девушка все-таки вырвала руку из его ладони и, расстегнув французскую булавку на кармашке халата, достала какую-то бумажку, бережно развернула и помахала перед лицом Владимира. Он узнал сто долларовую купюру. Люся вернула деньги в кармашек и тщательно зашпилила его.

— Богатый у тебя друг! — сказал Фризе с восхищением. — Это что ж? Лужков бомжам такие бабки выдает?

— Скажешь! Такая халява подвернулась.

— Ну и держись за него, красавица.

— Да ты не думай, я сейчас с ним не живу. Всякий раз таблеток в красноту толку, а потом рассказываю, как мы здорово с ним трахались, как он...

Фризе не дал ей продолжить. Осторожно прикрыл рот ладонью.

— Верит?

— Не знаю. Может, верит, может, нет. Но ему нравится, как я рассказываю. Бывает, что повторить просит. — Теперь она сама взяла ладонь Владимира и, приложив к губам, поцеловала. — Ты знаешь, зачем они тебя в компанию взяли?

— Решили питерца пригреть?

— Держи карман шире! Хотят вместе с тобой в Питер смуться. У них там дело намечается. Этих, — Люся похлопала себя по зашпиленному карману, — у них навалом. А в Москве и бакса не разменяешь. Все у ментов под колпаком. Приоденут тебя и пустят по обменным пунктам.

— Чудаки.

— Только, знаешь, мил друг, поберегись. Потом они тебя замочат. — Девушка сообщила ему эту новость таким спокойным, обыденным голосом, что у Владимира мурашки по спине побежали. — Свидетель-то им зачем?

— А тебя не замочат?

— Да в любую минуту могут. Но я мало знаю. Считают, что ничего. — Она попыталась изобразить загадочную улыбку. — Только одному Боженьке известно, как теперь дела пойдут. Если Колю-Колизея замочили... Или менты его с бабками загребли...

— С баксами? — уточнил Фризе. Но Люся не ответила. Распахнула халатик и крепко прижалась грудью к его груди.

— Ты и на бомжа-то не похож, Володенька. — Она стала гладить его щеку. Потом рука проворно скользнула вниз под одеяло.

— Люсенда! — Фризе опять перехватил ее руку и прижал к дивану. — Мы так не договаривались.

Его раздирали противоречия. Не хватало еще связаться с такой сыроежкой! Владимир предполагал, что девушке не больше пятнадцати лет. Вот только развитая грудь... Впрочем, все они, акселератки, такие. А эта, к тому же, подруга бомжа. Шугануть ее немедленно! Правда, сыроежка в призрачных отсветах мигающей рекламы, в распахнутом халатике, теплая, податливая, с мягкими пухлыми губами, казалась такой привлекательной... И, похоже, могла о многом рассказать. Что ж, кинуться в омут? Он отверг и то, и другое. Победила холодная расчетливость.

— Люсенда, у нас все впереди, — шепнул он и не удержался, нежно поцеловал девчонку в губы. Потом застегнул на ней халатик, кивнул на спящего. — Пока он здесь — ни-ни!

— Да ты что-о? Он же...

— Сейчас не могу. Давай встретимся завтра.

— Завтра уже наступило. — Люся дернула полы халата так, что отлетели пуговицы. Взяла груди в ладони:

— Целуй!

Фризе осторожно прикоснулся губами к длинным твердым соскам. Решительно, но не грубо, запахнул халат. Положил между собой и Люсей жесткий диванный валик.

— Не будем ссориться, малышка. При нем любовь не состоится.

— Я не малышка. Мне девятнадцать.

— Ври больше. От силы пятнадцать.

Люся усмехнулась. На этот раз совсем не по-детски. Улыбкой многоопытной женщины, знающей цену словам, особенно мужским.

— Ну-ну! А про любовь ты зачем сказал?

— С языка сорвалось.

Она долго молчала. Внимательно разглядывала Владимира большими глазами, в которых то вспыхивали, то гасли отсветы рекламы американских сигарет.

— Ладно, — наконец произнесла девушка хриплым голосом. — Не обманешь? Придешь?

— Приду.

Заметив, что у Владимира слипаются глаза, Люся добавила:

— Поспи. И я чуточку вздремну.

Записка

Фризе проснулся от завывания милицейской сирены. Ее звук постепенно отдалялся и отдалялся и, наконец, затих в стороне Лужников.

Старенький будильник, без стекла, с облупившимся циферблатом, показывал десять часов.

Генерал все еще спал. Теперь уже без красной шапочки, лицом к стене. На большой темной плешке — не то загорелой, не то давно не мытой — выступили бисеринки пота. У сыщика эта плешка, бисеринки пота, похожие на капли смолы, вызывали приступ нехороших мыслей. После откровений Люсенды божж сделался ему ненавистен. Отвернувшись, Фризе пробормотал: "Не введи нас, Господи, во искушение".

При дневном свете комната выглядела совсем убого. Одежда висела на стене, на гвоздиках. Шкаф отсутствовал. На этажерке — целый зверинец. Фарфоровые слоны, жирафы, лошади, мартышки... Некоторые фигурки выглядели очень изящными и могли украсить любую коллекцию, если бы не один общий изъян: все звери были калеками — трещины, отбитые носы и конечности, щербины. Зоопарк калек. На городской свалке Люсенда не только зарабатывала себе на хлеб.

На столе, покрытом клеенкой, гордо возвышалась пустая бутылка из-под очень дешевого портвейна. Владимир обратил внимание на то, что бутылка чисто вымыта.

"Володя, я пошла в магазин. Васеньку не буди, он поспит до полудня. Скоро буду. Л."

Свое послание хозяйка изобразила на плотном белом листе. Лист этот повидал на своем веку немало. Ржавого цвета круг от бутылки портвейна, характерный отпечаток кроссовки, пара жирных пятен — все эти следы жизнедеятельности человека уместились на площади размером в половину стандартного листа для ксерокса.

Фризе взял записку в руки, перевернул.

То, что перед ним был финансовый документ, сомнений не вызвало, но за все время своей службы в районной прокуратуре, за годы, когда он занимался частной практикой, такие документы Владимиру никогда не попадались. А главное, не попадались документы, в которых бы значились такие суммы.

Австралийский Банк Развития обращался к Дойче Банку с просьбой принять наличными пятьдесят миллионов долларов США и открыть счет на имя госпожи Татьяны Доценко. Деньги предназначались для покупки недвижимости в Федеративной Республике Германия. Бланк был отпечатан на немецком языке и на немецком заполнен. Заполнен очень аккуратно и четко, почти каллиграфическим почерком. Только подписан по-русски: Т. Доценко.

Фризе сунул листок в карман.

Где-то в глубинах квартиры хлопнула дверь. Легкие шаги протопали по коридору.

— Проснулся, гостенек? — Хозяйка стояла на пороге комнаты с авоськой в руке и улыбалась. — А у меня батончик свежий. Горячий!

Она и сама выглядела свежей. Школьница, вернувшаяся с прогулки. Но несмотря на приветливую улыбку, в глазах Люсенды — теперь Фризе увидел, что они небесного цвета, — проглядывала печаль. Девушка положила авоську на стол, подмигнула, убрала бутылку.

— Записку прочел?

— Прочел. Бумагу тоже со свалки приносишь?

— Скажешь! Васенька где-то подобрал целую пачку таких листков. Наказал выбросить, да я несколько листов прижала.

Фризе насторожился. Почувствовал, что стоит на пороге разгадки непонятной истории с долларами, от которых так отрекся его клиент, ограбленный коллекционер Цветухин. Чтобы не показывать своей заинтересованности, он круто переменял тему разговора:

— Что ты все Васенька да Васенька. Он тебе по шее за это не накостыляет?

— За что? За Васеньку?

— Ну да! Сю-сю-сю, да сю-сю-сю!

— Ой, насмешил! Кто ж на ласковое слово обижается? А у него слова только и остались. — Она многозначительно посмотрела на Фризе. Наверное, хотела напомнить ночной разговор.

— Мне бы “Володенька” надоел.

— “Володеньку” надо заслужить!

Фризе незаметно опустил записку в боковой карман своего пиджака, висевшего на спинке стула. И больше не стал задавать никаких вопросов.

— Что вы там шушукаетесь? — неожиданно подал голос Генерал. Заметив на столе хлеб и пакет молока, он спросил:

— Как на воле?

— Плохо, Васенька.

Люся наклонилась к нему и торопливо зашептала что-то в ухо.

— Да говори нормально! Все свои. — Бомж зыркнул на Фризе, нахмурился: — Володька, ты с Люськой еще не... того?

— Чего мелешь, чего мелешь! — запротестовала девушка. А Владимир спокойно ответил:

— Еще не того.

— Нашли о чем погаными языками чесать! Коленьку-то подстрелили!

— Во, бляха-муха! Подстрелили? Менты?

— А я знаю? В булочной продавщица сказала — утром во дворе труп нашли. Старика. Ментов понаехало! По квартирам ходили, свидетелей искали.

Фризе с огорчением подумал, что Люсенда ему и словом не обмолвилась о смерти Колизея.

— Точно ли, Колизей? — спросил Генерал.

— Точно, точно! Как портрет продавщица обрисовала, я так и обмерла. Он! Точно. Две дырки в груди и одна — в затылке.

— А все остальное? — Глаза-щелочки Генерала так и впились в Люсино лицо.

Теперь у Фризе не было сомнений в том, что распахивал по карманам Колизей, когда они бежали с чердака.

— Спроси чего попроще.

Васенька несколько минут сидел молча, даже глаза прикрыл. По сошедшимся гармошкой на лбу морщинам, по сосредоточенному лицу можно было догадаться, как напряженно протекает у него мыслительный процесс.

— Уходить надо, — наконец отрезал он.

— Куда уходить?

— На кудыкину гору. А то и сами попадем, и Люську подставим.

Фризе достал из своей сумки терьера и протянул Люсенде:

— Возьми, хозяйшюка, на память о постояльце.

— Ой! Володенька, какой ты добрый! — Она прижала игрушку к груди. — Собачка — прелесть.

— Сваливаем, твою мать. — Генерал дернул Фризе за рукав. — Развели тут!..

Бегство

Но свалили они с квартиры только поздно вечером.

Люся еще раз вышла из дома проверить, нет ли поблизости милиционеров, и вернулась взволнованная.

— В переулке ментовский УАЗ! С решетками. Два мужика в штатском на первом этаже в карты играют.

— Что за мужики? — спросил Генерал.

— Менты! Кто ж еще! Сидят на подоконнике, как у себя дома.

— Еще чего узнала?

— Дворничиха Лиза шепнула — на чердаке слесаря решетками все ходы-выходы заваривают.

Генерал помрачнел.

Рассказам Люсенды Фризе поверил лишь отчасти. Уж очень старалась девушка быть убедительной. Переигрывала. А, к тому же, извлекла из-под кровати бутылку портвейна. Поставила перед бомжем:

— Побалуйся, Васенька.

Владимир заметил, что бутылку уже откупоривали. Пластиковая пробка была слегка надрезана. “Ах, шалунья, — подумал он. — Опять снотворного натолкала”.

Генерал от вина отказался. Лег на кровать, достал свой заветный спичечный коробок, зажал во рту спичку с наркотой. Фризе на этот раз даже не предложил оттянуться. Не прошло и десяти минут, как он впал в забытье. Слова о том, что они могут подставить Люсю, примирили Фризе с бомжем. Все-таки осталось в Генерале что-то человеческое.

— Володенька. — Люсенда подошла к сыщику и нежно провела ладонью по волосам.

— Мы же договорились, красавица. — Он приложил палец к губам.

— Договорились, договорились, — недовольно прошептала девушка, но руку убрала. — Прошвырнись к подружке. Не торчать же весь день с малахольными придурками!

Когда хозяйка ушла, Владимир внимательно осмотрел комнату. Перетряхнул все Люсины вещи, заглянул под клеенку на столе, перелистал каждую страницу старых рекламных газет.

Единственной добычей стала голубая бумажка — документ, опять на немецком языке, подписанный все той же Татьяной Доценко и руководителем Южно-Германской риэлторской фирмы Юргеном Коппелем. Это была декларация о намерениях. О намерениях Татьяны Доценко купить замок в Баварии...

...Владимир подумал, что владелец сверкающей хромом иномарки притормозил только для того, чтобы отmaterить лезущего под колеса странного субъекта в генеральском кителе и старой красной каскетке на голове. Но то ли генеральская форма сработала, то ли им просто повезло. Машина остановилась. Довершили дело несколько денежных купюр, которыми бомж помахал перед носом здорового амбала-водителя.

Они ехали молча. Время от времени бомж только бросал коротко:

— У светофора направо! Бери налево! Направо! Еще направо!

Дважды они проехали по одной и той же улице и, наконец, выбрались на набережную. Напротив сверкающего огнями Дома Правительства попали в пробку.

У большого мрачного дома на Рочдельской улице бомж сказал:

— Под арку, во двор.

— Во двор не поеду, — заартачился водитель.

— Пес с тобой, — согласился Василий. — Тормози.

Они выбрались из машины, и бомж подтолкнул Фризе к воротам. Но во двор они заходить не стали. Молча постояли минуту-две, потом Василий осторожно выглянул в переулок. Машина, которая их привезла, уехала.

— Кажись, пронесло, — с облегчением сказал бомж и взглянул на Владимира повеселевшими глазами. — Пронесло. Утекли от Люски, как тени. Ни один козел не заметил.

— А чего они в доме ищут?

— Неужели не понимаешь? Опасно стало нашему брату. Придется в Рочдельских банях отсидеться.

— В банях?

— Пошли. Потихоньку. Что-то я большую ногу натрудил. Бегаю, как заяц.

Первый фигурант при свете свечи

Лет пять назад, когда Фризе еще служил в прокуратуре, его приятель, художник Миша Неволин, пригласил попариться в Рочдельских банях. Обстановка там оказалась простенькой, но душевной. В раздевалке без суеты и шума закусывали и выпивали. Пространщик разносил в большом чайнике холодное пиво. Соленые огурчики и капусту приносили с собой. Иногда отварную картошку. Колбасу предпочитали, как выражался приятель, “грубо-зримую”, ветчинно-рубленую или сдобренную чесночком отдельную. В перерывах между трапезой наведывались в парилку. Она, и правда, оказалась прекрасной.

Сейчас, пробираясь вслед за Генералом вдоль высокого дощатого забора, за которым темнело кирпичное здание давно заброшенных бань, Фризе вспомнил свое первое посещение.

— Ремонт?

Бомж не ответил. Он что-то сосредоточенно шептал себе под нос. Фризе показалось, что считал. Время от времени Генерал дергал пахнущие смолой доски. Наконец одна из них поддалась. Василий отогнул ее и осторожно просунул голову за забор. Около минуты прислушивался. Потом дернул Фризе за рукав и нырнул вовнутрь. Здесь он шел уже уверенно.

Фризе старался запомнить дорогу. Справа, в торце здания, они спустились вниз. Владимир сосчитал — на двенадцать ступеней. Обитая жестью дверь оказалась снятой с петель. Чтобы проникнуть в подвал, бомж сдвинул ее в сторону. А потом, чертыхнувшись, поставил на место.

В подвале пахло сыростью, мочой и падалью. В крошечной тьме они пробирались на ощупь вдоль нагромождения старой банной мебели. "Чужим здесь без фонаря не добраться, — подумал Фризе. — Поломаешь ноги". В это время в подвале кто-то чиркнул спичкой. Трепетный огонек высветил уложенные штабелями банные шкафики. На некоторых дверцах еще сохранились осколки разбитых зеркал, и зыбкое пламя, казалось, зажгли сразу несколько человек.

Наконец они оказались в просторном помещении с кафельным полом. Когда-то здесь были гардероб и ларек. Продавали банные принадлежности — веники, мыло, мочалки. Сейчас от ларька остались только фанерные стенки. Оттуда исходило слабое свечение.

Василий подошел к ларьку и заглянул внутрь. Заглянул и Фризе. Два мужика играли в карты при свете огрызка толстой свечи. Один из игроков — типичный бомж, другой — хорошо подстриженный, в белой рубашке и кожаной, из тончайшей лайки, серой курточке старик с лицом Карабаса-Барабаса. Третий обитатель ларька спал, подложив под голову старые веники.

— Ты? — старик, похожий на Карабаса-Барабаса, оторвался от карт. — И живой?

— Слегка.

— Кто с тобой?

— Вовка, питерский горемыка.

— Слыхал. В ментовке успел побывать?

— Ага. А вчера бес попутал — "Под верблюдом" ночевали. А там...

— И что там? — хитро прищурился старик. — "Под верблюдом?" Жарко пришлось?

Фризе заметил, что партнер говорившего ловко скинул карту.

— Считай, что так.

— Дурак ты, Вася, — тихо сказал Карабас-Барабас и тут же заржал: — Ты, дергач! Подыми стирку!

Второй игрок, неопределенного возраста бомж с грязными косями, захохотал неестественным нервным смехом и достал карту из-под рваного матраса, на котором сидел.

— И пошутить нельзя? Хотел проверить тебя на внимательность.

Фризе подумал, что шутить с таким мрачным типом ему бы и в голову не пришло. Тем более "проверить на внимательность".

Он заметил, что под шикарной курточкой у старика за ремень засунут пистолет.

Отвесив партнеру смачную оплеуху, Карабас приказал:

— Шило, прошмонай гостей. С толком, с чувством, с расстановкой.

* Стирка — карта (жарг.)

— Да ты что, Муха?! Сколько раз меня шмонал. И снова? А Володька — питерский. Только приехал.

— И уже попал в хорошую компанию. Ловок!

У Фризе замерло сердце. Его пути с Мухой, известным московским авторитетом, никогда не пересекались, но он немало слышал о его жестокости, изворотливом уме и удачливости. Если он что-то заподозрит — сыщику несдобровать.

— Да пустые мы, Муха, пустые, — заканючил Генерал. — Ты что, мне не веришь? Мне?

— Ни-ко-му!

Мужик, которого Муха назвал Шилом, уже тщательно проверял сумку Владимира. Перебирал вещь за вещь, даже вспорол подкладку стилетом. Отпихнув сумку ногой, взялся за Фризе. “Пронесло”, — сыщик мысленно поблагодарил Бога. Документы, взятые у Люсенды, он заложил под тесьму сломанной “молнии”.

Владимир сразу же понял, что Шило никакой не бомж. Ряженный. Сильный, ловкий, он делал свою работу профессионально. И пахло от него не грязью и потом, а вполне приличным одеколоном.

— Пуст, — отрапортовал он через пару минут.

— Генералу не забудь заглянуть в очко. Может, там пару косяк найдешь? — Муха загоготал. Засмеялся и Шило. Даже мужик, дремавший рядом со стариком, поднял голову с веников и улыбнулся.

— Да ты чего? — обиженно пробормотал Василий.

— Чего! Чего! — вдруг заорал Муха. — Растащили бабки, стебанутые придурки! Неделю шмонаю козлов вонючих! А “зелень” где? И каждый клянется! Памперс, сука, на коленях ползал, слезы лил. А сам сотку прятал на себе. Догадайся, Вова-питерский, где прятал?

Все опять заржали.

Долларов у Василия не нашли. Рубли, и то по мелочи.

— Тарасыч сгорел, — облегченно вздохнув, доложил бомж.

— Старый козел. Туда ему и дорога. Доигрался, — бросил Муха. Пристальным, тяжелым взглядом посмотрел на Фризе. — Менты его замочили. В облаве?

— За ними не заржавеет. Палят теперь, надо и не надо, — поддакнул Шило.

— Может, и менты, — неуверенно согласился Генерал.

— Да менты, менты! — Старик опять зыркнул на Владимира.

Баня

...Они устроились на ночлег в зале, где еще сохранилась часть мебели от бывшей раздевалки. В темноте трудно было судить о размерах. Лишь изредка вспыхивавшие огоньки сигарет, да приглушенный шепот обитателей помогли Владимиру понять, что зал очень большой.

— Женская раздевалка, — сказал Генерал, когда они улеглись на скамейках. — Чуешь? Бабами до сих пор пахнет.

Никакого запаха, кроме запахов плесени, давно не мытого человеческого тела и дешевого табака, Фризе не почувствовал.

— Жрать хочешь?

— Хочу.

Нервное напряжение, азарт, охватившие Фризе, когда он понял, что за старик разглядывает его холодными пустыми глазами, постепенно улеглось. Осталось чувство удовлетворения.

“Ну, что, ребята? Сколько вас там под ружьем в Службе Охраны? Десять тысяч? Двенадцать? Все гоняетесь за бомжами? Собираете по крохам растащенную “капусту”? Вычисляете организатора ограбления? Идите, ищите! А он, тут, рядом. За стеной. Тоже бомжей шмонает, выворачивает им карманы. И я на него раньше вас вышел”.

Фризе оборвал поток самодовольных рассуждений. По опыту знал — не к добру. Да и праздновать было нечего. Еще не факт, что ограбление — дело рук Мухи. Может, просто решил потрясти удачливых бомжей? Прибыльно и безопасно.

Теперь Генерал был последней надеждой сыщика. Судя по нескольким репликам, судьба сводила его с Мухой уже не раз. Впереди — долгая ночь. Если бомж не “заторчит” от своего “спичечного” зелья, может получиться хороший разговор. Генерал уже не казался Фризе спившимся, напротив сошедшим с круга, отщепенцем. Он быстро соображал и не утратил способности связно выражать свои мысли.

— Не спишь? — поинтересовался Генерал.

— Боюсь, цыган приснится.

— Лучше цыган, чем апостол Петр. — Бомж опять надолго замолчал.

Фризе знал, что даже самый скрытный человек рано или поздно проявит себя. Надо только быть очень внимательным и запастись терпением. Внимательности Владимира научила профессия. Правда, иногда ему казалось, что профессия лишь обострила эту способность, которой наделила природа. Или гены. Или Господь. Что, по сути дела, означало для него одно и то же. С терпением дело обстояло хуже. Оно не входило в набор его положительных качеств. Как же заставить Генерала раскрыться? Как спровоцировать?

Владимир прислушивался к звукам, которыми был наполнен зал, и пытался представить, много ли бомжей нашли здесь временное пристанище? Разговор, который еще полчаса назад доносился из одного угла, смолк. Зато из другого угла слышалась возня. Пьяное женское повизгивание. Кто-то с надрывом храпел.

Фризе подумал о том, что вряд ли сможет уснуть. И виной тому была не холодная неудобная скамейка, на которой он лежал, не опасение, что обитатели Рочдельских бань могут придушить его, чужака, в надежде разжиться червонцем на бутылку.

Ощущение тревоги родилось в нем до того, как он попал в этот зал. Он стал вспоминать все, что с ним приключилось за день. Люсенда, принеся весточку о смерти Колизея. Томительное ожидание облавы в ее комнате. Поспешный уход. Поездка в Рочдель?

Вот! Поведение водителя, словно по заказу подкатившего к ним на иномарке. Логического объяснения этому Фризе не находил. Какой владелец сверхшикарной тачки посадит грязных бомжей на белые кожаные сиденья ради нескольких десятков рублей?

— Сколько ты водиле кинул? — спросил Владимир, охваченный неожиданным подозрением.

— Десятку. Долларей.

Владимир постарался ничем не выдать удивления. Слушая шепот Генерала, он лихорадочно искал способ немедленно уйти из Рочдельских бань, каждой клеточкой своего организма чувствуя опасность. Сложность заключалась в том, что надо было не просто уйти, а увести с собой и бомжа.

Из вестибюля, где страшноватые урки играли в карты, донеслись звуки борьбы, приглушенные ругательства.

— Муха шмон проводит, — почтительно прокомментировал Генерал.

— Что это за Муха? — прикинулся Фризе.

— Ты его видел. Авторитет. Папа.

Кто-то осторожно приоткрыл дверь, на долю секунды впустив в зал слабый отблеск свечи.

— Кого он шмонает?

— Всех подряд, сука. Долларей ищет.

— Вася, уйдем отсюда, — предложил Фризе. Мысленно он уже спускался по разрушенной лестнице, прикидывая, где следует перескочить через отсутствующие ступени.

— Зачем уходить? Я тебе сейчас дозу отвалю.

— Ты чего из того дома сбежал? Вчера. На Шестом Ростовском?

— Чего, чего... Много будешь знать...

— Скоро состарюсь? Я уже состарился. А ты, Вася, молодой.

— Да ты же...

— Тихо, тихо! Видел я, как хорошо в машине было. Мечтаешь еще на своей тачке покататься? И Люську покатать? А для этого надо живым остаться.

— Да что ты лепишь? Что лепишь? — ожесточенно зашептал бомж. — С ума сошел? Откуда у меня деньги? Что было — все Муха снял.

“С тобой, голубчик, мягко надо. Обходительно, — внутренне усмехнулся Фризе. — А Муха, видать, сразу с побоев начал”.

— Вася, ты меня не понял. На машину нам с тобой век не собирать. Это и навозному жуку ясно. О другом подумай — ни один водила на такой шикарной тачке вонючих бомжей катать не будет! Факт?

— Я же ему долларей сунул. Последнюю десятку.

“Дались ему эти “доллари”, — рассердился Фризе, но виду не подал. Спокойно, как мать разъясняет непонятливому крошке-сыну, почему нельзя совать пальчики в пламя газовой конфорки, прошептал:

— В переулке было темно, Вася. Мог водитель разобрать, что у тебя в руке? “Капуста” или “нарезка”?

— Доллари и слепой разглядит.

— Страшно здесь оставаться.

— Здесь не страшно. Здесь люди. Муха уже который день...

— “Капусту” отбирает? Не темни, я догадливый. Одного понятия не могу. Кто это такой, кого ты больше Мухи боишься?

Бомж молчал.

— С той лестницы, в Шестом Ростовском, тебя как ветром сдуло. Кинулся как угорелый. И сегодня в первую попавшуюся тачку нырнул. Даже не просек, что иномарка в переулке нас поджидала. Тебя лично поджидала.

Фризе не был уверен, что автомобиль дежурил в переулке. Просто доверился своему ощущению. А такое ощущение не покидало его с того момента, когда громоздкая иномарка притормозила перед выскочившим на проезжую часть Генералом.

— Ну и что? — разродился, наконец, тот.

— А то! Если ты кому-то нужен — жди гостей. А я потопал.

— погоди. — Генерал ухватил Фризе за рукав. — Дай подумать.

— Думать уже поздно. Нога не подведет?

Из вестибюля опять донеслись приглушенные звуки возни, упал какой-то большой металлический предмет и с грохотом покатился по каменному полу. Едва скрипнув, открылась дверь. В проеме, на фоне слабого отсвета горевшей в вестибюле свечи, мелькнула одна фигура, вторая. На этот раз дверь затворилась, не скрипнув. Фризе увидел, как два узких тугих луча двинулись вдоль стены в разные стороны от двери. Это не могла быть ни милиция, ни ОМОН. Те ворвались бы с грохотом, с криками, приказывающими одновременно “стоять”, “лежать” и “к стене”!

— Дождались, — прошептал он бомжу и почувствовал, что Василия забила дрожь. — Есть еще выход отсюда?

Вместо ответа Генерал сильно потянул его вниз и сам опустил-ся на колени.

— Жми за мной.

Фризе полз за бомжем по холодному скользкому полу. И в то же время старался не упустить из виду медленнодвигающиеся вдоль стен справа и слева тугие лучи фонариков. Он даже слышал осторожные шаги людей, нечаянный хруст битого стекла, шорох скользящей по полу пустой упаковки из-под чипсов. Над кафельным полом огромного зала звуки разносились так же ясно, как над спокойной гладью озера.

Не зная, куда ведет его бомж, Фризе даже не пытался гадать, успеют ли они ускользнуть из раздевалки, прежде чем люди с фонариками, идущие по периметру зала, встретятся и начнут прочесывать ряды в центре. Когда они с Генералом подползли к тому месту, где заканчивались ряды шкафчиков, и Василий обернулся, хотел что-то сказать — наверное, о том, как поступить дальше, — зажегся еще один фонарик. Третий. На долю секунды в луче света мелькнули черные тупые носки туфель преградившего дорогу человека. Владимир собрал всю свою волю, спружинился и сделал молниеносный бросок. Схватив обладателя модных туфель за щиколотки, он рванул ноги на себя. Человек грохнулся на пол, не издав ни звука. Лишь какой-то металлический предмет ударился о кафельный пол и глухим шорохом покатился в сторону.

— Дружок, что там у тебя? — негромко спросил мужчина,двигающийся вдоль стены слева. Владимир узнал голос. Майор Тимур из Службы Охраны не стал дожидаться, когда обнаглевший бомж вернет ему видеокассету, которая могла перечеркнуть его карьеру, он сам вышел на охоту.

“Эти ребята недаром хлеб едят! — пронеслось у Фризе в голове. — Только час я был в лидерах. Интересно. Как они вышли на Муху? Сами? Или шли по моему следу?”

Двигаясь за Генералом, Фризе увидел прямо перед собой темный дверной проем и неясную тень напарника, метнувшегося в этот проем. Прежде чем последовать за ним, сыщик, не поднимаясь с колен, пошарил возле поверженного человека в надежде найти выроненный им фонарик. Вместо фонарика рука наткнулась на оружие. Рукоятка его хранила тепло руки. Подобрал револьвер, Фризе кинулся за бомжем. Едва он перешагнул порог, как Василий, ожидавший за углом, осторожно закрыл дверь и задвинул щеколду. Даже тлен и разруха не смогли истребить запах, десятилетиями настаивающийся на ароматах сосны, березы, эвкалипта, дуба.

— Парилка!

— Крепко нас тут напарят, в твоей парилке. — Владимир подумал о том, что через минуту-две ночные гости взломают дверь.

— Не бойсь, считай, что мы на свободе. Огонек есть?

— Есть.

— Посвети.

Владимир достал пластмассовую зажигалку. Слабый колеблющийся огонек высветил лишь нескладную фигуру бомжа да небольшое пространство пола. Фризе обратил внимание, что генеральский мундир Василия выпачкан, орденские колодки покосились.

— Двигай за мной. — Василий сделал шаг в сторону и растворился в темноте.

Шагов через десять Фризе наткнулся на бомжа. Тихо матерясь, Василий отодвинул в сторону дощатую секцию полка. Когда

между досками образовалась щель, бомж нырнул под дощатый настил:

— Забирайся! Коптилку гаси. Доски задвинь на место.

Прежде чем погасить зажигалку, Владимир ухватился правой рукой за одну из досок и потянул на себя. Секция настила легко встала на место. Труднее оказалось водворить на место чугунную плиту люка, в который они спустились, пропутешествовав метров десять на коленях под настилом. Сверху на крышке лежали битые кирпичи и мусор. Издалека, словно из другого мира, слышались удары. Пришельцы трясли дверь. Он отрешенно подумал о том, что сейчас они начнут стрелять, и осторожно опустил чугунную плиту. Провел по ней ладонью. Проверил, плотно ли легла на место.

Пожар в Рочдельских банях

— П-с-с, — удивленно прошептал Генерал, увидев в руках у Фризе револьвер. — Вот это “удостоверение личности”!

Он не сводил с оружия восхищенного взгляда. Владимиру даже показалось, что заплывшие глаза-щелочки раскрылись пошире.

— Хорошая машинка, — подтвердил Фризе. Это был точно такой же кольт, какой он видел у майора Иваненко.

— Успел у козла перехватить?

— Хорошая машинка, — подтвердил сыщик. — Жаль расставаться.

— Расставаться? Это еще почему?

— Меня за последнюю неделю трижды в ментовку брали. И каждый раз шмон. Сколько я от прокурора за него огребу? А если “машинка” с биографией? Так что скинем ее в Москву-реку. От греха подальше.

Отсюда, с Воробьевых гор, река казалась узкой и грязной. Генерал занервничал. Снял и снова надел каскетку. На его темном морщинистом лице появились мелкие бисеринки пота. Ладонью правой руки он быстро-быстро стучал по левой, сжатой в кулак:

— Ты, Володька, все правильно сказал. Пропасть с вольной — раз плюнуть. Да я и так пропаду. Со дня на день!

— Еще чего! Отобьемся.

— Не перебивай! Как сказал, так и будет. Не от “дури” загнусь, так от водяры. Если не Муха, то эти козлы доберутся. А с таким “удостоверением личности” я напоследок себя человеком почувствую. — Он долго молчал. Губы его шевелились. — Володька, я тебе за него тысячу долларей дам. Клянусь.

— Ты за пятьсот новенький возьмешь. У трех вокзалов. Пока я там ошивался, всего повидал.

— Володька! — в неожиданном дружеском порыве воскликнул бомж и осекся, как будто израсходовал на этот порыв все свои си-

* Удостоверение личности — револьвер, пистолет.

лы. А через мгновение добавил расстроено: — Нету у меня пяти-сот долларей. А тысяча есть. Как тебе объяснить? — Бомж поискал глазами новую бутылку пива, открыл зубами пробку и залихватски выплюнул ее.

— Дед! Бутылочку-то отдашь? — раздался голос у них за спиной.

Фризе вздрогнул от неожиданности и обернулся. Старушка лет восьмидесяти, одетая в серое платье и неопределенного цвета шерстяную кофту, смотрела на Генерала с надеждой своими голубыми, совсем не выцветшими от старости глазами.

— Отскочи! — рявкнул бомж, и бабушка молча поплелась прочь.

Фризе с трудом подавил в себе желание окликнуть старуху и отдать ей оставшуюся бутылку с пивом.

А Василий влюбленными глазами смотрел на свою опустевшую бутылку и качал головой:

— Музыка! — И добавил: — Володька, уступи волюну. Получишь тысячу одной бумажкой. Долларей.

— Сам напечатаешь?

— Я тебе, Володька, доверюсь. Вижу — не продажный.

Василий смотрел на Фризе пристально, не мигая. Перед Фризе сидел новый, еще не знакомый ему человек, напряженный и равнодушный одновременно. И этот человек сыщику очень не понравился.

— Денег этих, — долларей, у меня навалом. Все никак не посчитаю до конца. Как до трехсот семидесяти штук дойду — или собьюсь, или кто-нибудь помешает. — Он сделал паузу, а сам все так же внимательно вглядывался в собеседника. — Башли-то тысячные. Тонны.

— Кончай болтать! — Фризе надоели бесконечные хождения вокруг да около.

Бомж насупился.

— Ладно. Слушай сюда. Помнишь, после ментовки мы в одном доме кайф ловили? На лестнице.

— Помню. Тебя там кто-то насмерть перепугал.

— Еще чего! Напридумалась! Так вот — в том переулке, с неделю назад, заварушка произошла. Со стрельбой и жмуриками. Какого-то сазана грабнули. Доллари летели тучей. И какие-то картины... малые. А может, маленькие? В том доме хапанули. Слух пошел.

— Муха?

— Ш-ш-ш! Чего гудишь? Думаешь, такие, как он, сами на дело ходят? — Василий нахмурил лоб. Наверное, какая-то мыслишка пришла ему на ум. — Если только в черной тачке не сидел...

То ли Генерал радовался, что выбрался живым из Рочдельских бань, то ли надеялся, что платой за откровенность будет револьвер, но сейчас он оказался на редкость словоохотлив.

Неожиданно с юго-запада нанесло большую темно-синюю, почти черную, тучу. Мелкий дождь, не долетая до разогретого асфальта, превращался в облачка пара. Дождь закончился, даже не промочив землю под деревьями. Туча повисла над центром города. А над Москвой-рекой появились сразу три яркие крутые радуги. Где-то между белоснежным Домом Правительства и Центром международной торговли поднимались к небу густые черные клубы дыма.

— Вась, — позвал Фризе.

— Чего тебе?

— Догадайся, что там горит рядом с Белым домом?

— Господи, спаси! Похоже, Рочдель? Ну и пожарище полыхает. Это же и мы с тобой могли сейчас там жариться. — Неожиданно он повернулся к Фризе: — Володька, толкни волну.

— Заметано.

Владимир решил, что стоит рискнуть.

От майора Иваненко он узнал, чьи деньги украли. Документы, найденные у Люсенды, это косвенно подтверждали. Часть долларов растащили бомжи. К сожалению, не было ни одного свидетеля, который упомянул бы о похищенных картинах, кроме Колизея, внезапно отбывшего на свидание со своим страшноватым кумиром, и Генерала.

— Знаешь, Вася, не нужны мне твои доллары, — лениво произнес Фризе. — Не Муха, так кто другой отберет. Отдам я тебе кольт по дружбе.

— Не шутишь?

— Схожу сейчас за пивом — если денжат подкинешь...

— Подкину, подкину!

— ...Выпью и посплю под кустами. Страсть как спать хочу. А перед сном ты мне чего-нибудь интересное расскажешь. От кого слух про картины эти малые пошел?

— Да что ты все выстукиваешь да выстукиваешь? — озлился бомж. — Шел бы уж за пивом поскорей.

— Говорю — боюсь напороться.

— И как же мы дальше жить будем? — проворчал Генерал, вытаскивая из карманов несколько червонцев. — Долларей у меня нет. За ними ехать надо. Туда. — Бомж сделал неопределенный жест в сторону Центра. — Так ты шагаешь за пивом или нет?

— Хоп! — Фризе поднялся, взглянул на свою сумку.

— Постерегу, — пообещал Генерал.

Владимиру не хотелось обижать его своим недоверием. Но потом, всю дорогу до ларька и обратно, он проклинал себя за то, что не взял сумку с собой. Два документа, спрятанные в шов под молнией, дорогого стоили.

Когда он вернулся к скамейке, Генерал отсутствовал. Старая адидасовская сумка валялась на том же месте, где Владимир ее оставил. Чуть поодаль расположилась толстая пожилая женщина в

оранжевой форменной жилетке. Дворник. Она не сводила с сумки глаз и что-то рассказывала двум другим женщинам.

Фризе подошел к скамейке, положил на нее бутылки с пивом. Оглянулся в надежде увидеть Генерала.

— Эй! Чудило! Отойди от сумки! — сердито крикнула дворничиха. — Может, она заминирована!

— Это моя сумка.

— Еще чего! Своими глазами видела, как генерал ее на скамейку поставил.

— Да моя сумка, моя! — спокойно произнес Фризе. — Могу сказать, что там лежит. — Он протянул руку к молнии.

— Положь! Рванет! — завизжала дворничиха.

— Нечему тут рвануть. — Фризе осторожно поднял сумку. Она явно не прибавила в весе.

— Моя помощница пошла милицию вызывать. Приедут — разберутся, — сказала женщина.

Повернувшись к ней спиной, Фризе нащупал в подпоротом шве свой клад. Надо было торопиться — в любой момент могла появиться милиция. Он вытащил туго сложенные документы. А дворничиха продолжала честить его почем зря. Обозвала и уродом, и чертовым бомжем, и подонком, даже — педиком.

— Ну, что орешь? Что орешь? — Владимир обернулся. — Не нужна мне твоя дурацкая сумка. Посмотрел просто, нет ли в ней пустых бутылок? — Фризе подхватил со скамейки свое пиво и зашагал к Воробьевскому шоссе.

— Ворюга! — раздалось вслед. — На чужое позарился! Жаль, что тебе руки-ноги не оторвало!

Когда Фризе ехал на стареньком, дребезжащем всеми железьяками "Москвиче", со стороны Мосфильмовской промчались с воем милицейский "форд" и микроавтобус.

"За моей сумкой, — усмехнулся сыщик. — Что ж, ребята, казенный бензин вы потратили зря. А он нынче сильно подорожал".

Всю дорогу до своей "запасной" квартиры — появляться дома было еще преждевременно — Фризе размышлял о внезапном исчезновении Василия, Генерала, чью фамилию он так и не узнал. И в этих размышлениях не последнее место занимал дом "Под верблюдом", просторный чердак и кирпичная кладка печной трубы, от которой бомж так долго не мог оторвать взгляд.

В поисках Ирочки

Вячеслав Николаевич Горобец оказался человеком неуловимым. Сколько ни пытался Фризе дозвониться до него, все впустую. На службе приятный женский голос интимно, с придыханием, отвечал: "Вячеслав Николаевич у шефа". Или: "Вячеслав Николаевич отошел".

"Наверное, такой голосок, — думал Владимир, — имеют дамы, занимающиеся телефонным сексом".

По домашнему номеру Горобца тоже отвечала женщина. Голос у нее был строгий и звонкий. Каждый раз она спрашивала: "С кем я разговариваю?". Фризе вешал трубку. Белая "ауди" Вячеслава Николаевича уже несколько дней пылилась на платной стоянке на проспекте Вернадского, рядом с Детским музыкальным театром. Он каждый день заглядывал на стоянку, проверял, стоит ли "ауди"? Попытки подловить Горобца утром или вечером около дома тоже ни к чему не привели, а нагрянуть к нему на квартиру Фризе не мог. Не хотел засветиться.

Телефон Ирочки Карташевой тоже молчал. Но это было понятно. По словам Рамодина, фигурантка по делу уехала в Комарово, на Карельский перешеек. Сыщик мог похвастаться только тем, что получил исчерпывающие сведения об Ирочкином супруге. Господин Карташев последние несколько месяцев бывал в Москве лишь наездами, а большую часть времени проводил за границей. Где — оставалось для Фризе тайной. Его информатор-приятель, клерк из юридического отдела Администрации, раскрыть эту тайну не смог, а, может быть, не захотел.

В одном Фризе убедился твердо, прослушав запись допроса любовников: Ира Карташева знала, что Цветухин в отъезде, а Горобец не знал, поэтому так взвился, когда услышал разговор Рамодина с Ирочкой. Да и как было не взвиться? Он же ляпнул майору, что идет из квартиры двадцать семь. Ради доброго имени своей подруги ляпнул!

Почему же Карташева ни словом не обмолвилась об отсутствии соседа? Не было повода?

Клиент побеспокоил Владимира всего один раз. Позвонил по телефону, поинтересовался, есть ли новости?

— Всего одна, — невесело доложил сыщик. — Теперь я точно знаю — тугрики летели не ваши.

— Ну, спасибо! А то я уже засомневался — может, и правда, мои? Отложил на черный день и забыл. — В голосе Игоря Борисовича чувствовался сарказм. — А все остальное?

— По приезде расскажу.

— Уезжаете за границу? — почему-то насторожился Цветухин.

Фризе хотел сказать, что если Карельский перешеек посчитать за таковую, то да, но поостерегся.

— Подробности при личной встрече.

Прежде чем отправиться в Комарово, сыщик заглянул в Управление вневедомственной охраны и выяснил, что в тот злополучный день в доме номер три по Шестому Ростовскому переулку охранная сигнализация срабатывала лишь один раз. В квартире Цветухина.

Когда он приехал в очередной раз на автостоянку у Детского музыкального театра, машина Горобца отсутствовала. Охранник сказал, что владелец уехал на ней затемно.

— Наверное, в отпуск.

— Почему так думаете?

— Я с лету определяю. Одежда на вешалочке, сам — налегке. На заправке бензинчику залил под завязку.

— И настроеньице у отпускников особое. Рот до ушей.

— Вот тут неувязочка получилась. Парень был мрачней тучи.

— Бывает, — философски заметил Фризе. — Один едет с веселой душой, другой думает, не подвела бы машина, хороша ли до рога?

— Ой! И правда! — обрадовался охранник. — Спросил у меня парень про дорогу на Питер. Да откуда ж я знаю?

— Ну, вот и ладненько! — веселея, подумал сыщик. — Проявился любовничек! Потянулся на Запад, вслед за Ириной Георгиевной”.

Он выехал в Питер вечером. Не на любимой ласточке — “БМВ”, а на “Жигулях”. Зачем привлекать к себе внимание?

На заливе

Таким спокойным Владимир не видел Финский залив никогда. Сравнение с зеркалом ничуть бы не погрешило преувеличением. Сейчас в этом зеркале отражались Кронштадт с Морским собором, заводские трубы и даже лес на западе острова Котлин.

Двоились на серо-голубой глади форты, рыбацьи лодки и застывшие совсем близко от берега гранитные крутобокие валуны.

Над Кронштадтом застыла золотая гряда кучевых облаков, и сколько Владимир ни следил за нею, не собиралась никуда сдвигаться.

В прибрежном кафе еще не было ни одного посетителя. Хмурый усатый грузин, разговаривая сам с собой на родном языке, разжигал огонь на большом мангале.

— Чего зря сидишь? Выпил бы пива, — внимательно посмотрев на Владимира, сказал он.

— Так у вас еще закрыто. — Фризе посмотрел в сторону легко сооруженного из стекла и металла, возвышавшегося посреди пляжа.

— Открыто, закрыто! — грузин картинно вскинул руки. — Для хорошего человека открыто всегда.

— “Туборг” найдется?

— “Туборг”! Там одни консерванты! — Грузин поправил весело потрескивающие на мангале березовые полешки и скрылся за зданием кафе. А через несколько минут появился с двумя бутылками пива и стеклянными стаканами. Сел рядом с Владимиром на скамейку, поставил стаканы и ловко открыл одну из бутылок.

— “Балтика”! Номер шесть. Лучше не бывает.

Пиво, и правда, было очень приличным.

— Какая благодать, послушай. — Грузин широким жестом обвел пустынный пляж, спокойную водную гладь. — И зимой хорошо. Только делать нечего. Шашлык никто не покупает. Как будто у них пост круглую зиму.

— Ты сам, значит, не питерский?

— Из Кутаиси. Здесь у брата живу. Он женат на русской. — Собеседник вздохнул тяжело, опять обвел взглядом залив. — Правду говорю — хорошо. Только осень очень длинная. — Откупорив вторую бутылку и разлив пиво по стаканам, повар спросил: — Где отдыхаешь?

— На Кавалерийской улице. В Литфонде.

— Хорошо?

— Хорошо. И спокойно.

— Приходи шашлык вечером покушать. Я видел — он вчера тебе понравился. И вино “Киндзмараули” ты пил. Молодец! — Повар поднялся со скамейки, протянул Фризе руку: — Степан.

— Владимир. А почему вечером? Шашлык вкуснее?

— Послушай, что говоришь? Шашлык всегда вкуснее. Вечером такие девушки сюда заглядывают!

— Так ведь, наверное, не одни!

— Одни, не одни! Не ломай голову. Верно говорю. Ты еще молодой. Я бы... — Степан махнул рукой. — Жаль, летом работы много, а зимой девушки дома сидят. Знаешь, генацвале, из твоего Литфонда сюда каждый вечер такая козочка приходит... — Он сложил пальцы и, поднеся к губам, сочно чмокнул. — Высокая блондинка, глазищи — во! Попка, талия — лучше не придумаешь.

— Зовут Ирочка. — Портрет, нарисованный грузином, был точный.

— Знаешь? — Степан восхищенно поцокал. — Красуля. Но... У нее — сопровождающий. Круто упакованный тип. И злой! Что тебе мхедриони.

Фризе насторожился. Вот почему Карташева исчезает каждый вечер и без особого интереса относится к его попыткам познакомиться поближе. У нее уже есть мужчина. И как это ему до сих пор не удалось засечь их встречи? Он не сомневался, этот мужчина — Вячеслав Горобец, которого сыщик не мог отыскать в Москве.

— Чего еще про мхедриони скажешь? Кроме того, что он злой?

— Злой, он и есть злой, — ответил Степан. — Шашлык кусками заглатывает. Можешь себе представить? Я что? Зря стараюсь? Вымачиваю мясо в вине. В уксусе. Не даю подсохнуть. Скажи, Володя, ты же ел мой шашлык.

— Настоящий шашлык.

— Вот! Настоящий. А он...

— Теперь понимаю, почему Ирочка улыбается загадочно. Какой он? Молодой, старый? Брюнет? Рыжий?

— Блондин. Красавчик лет тридцати. Но злой! Славик. “Славик, закажи виски”, “Славик, а лед?”, “Славик, едем на ранчо”.

Степан очень точно передал интонацию Ирочки. Получилось смешно. Только ласковое “Славик” никак не вязалось с “мхедриони”.

— Выходит, кавалер с тачкой?

— Тачка будь здоров! Белая “ауди”. Но чуёт мой грузинский шнобель — уведут у него тачку. А ты — Ирочку.

— Постараюсь. А кто — тачку?

— Да это я так! От зависти. — Степан помолчал. Смешно потопорщил жесткие усы. — Но и то правда — один абрек уже второй день за Славиком приглядывает. С сотовым телефоном. У него, наверное, и приборчик есть, чтобы сигнализацию засканировать.

Заметив, что Владимир потянулся к карману, Степан гордо предупредил:

— Я угощаю, генацвале! — и поиграл кустистыми черными бровями.

Степан занялся шашлыками, а Фризе все сидел и любовался заливом, время от времени поглядывал на дорожку вдоль шоссе. Поэтесса Каргашева сегодня припозднилась.

Детектив и поэтессы

Пляж потихоньку заполнялся народом. Появились несколько пожилых дам. Они по-хозяйски расположились на песчаных дюнах. Пестрые полотенца, сумки с едой и питьем, платья, брошенные на чахлы, с трудом пробивающиеся из песка березки, нижнее белье, в котором они загорали, не дав себе труда надеть купальные костюмы, — все это начисто лишило пейзаж утреннего очарования.

Пришли на пляж и некоторые из обитателей Дома творчества. Пожилые литературоведы, муж и жена, с которыми Фризе еще не успел познакомиться, питерская поэтесса со звучной фамилией Протулис-Проневич, которой она несказанно гордилась. Поэтесса сидела с Владимиром за одним столом и, знакомясь, представилась:

— Протулис-Проневич. — И только после короткой паузы, предназначенной для того, чтобы сосед по достоинству оценил фамилию, женщина добавила: — Лида.

Лида выглядела молодо — не старше чем на тридцать, имела хорошую фигуру, да и про лицо нельзя было сказать ничего плохого. Но вот ела она некрасиво. И много. Фризе так и подмывало проехаться на сей счет. Дескать, едите вы за двоих, и за Протулис, и за Проневич. Но поэтесса могла пригодиться, и сыщик не стал нырять на неприятности.

— Володя, как вода? — остановившись рядом, сладко пропела Лида. Она со всеми разговаривала, как избалованное дитя.

— Прекрасная.

— Через десять минут автобус в Сестрорецк. Поехали в Курорт?

— Мы не успеем вернуться к обеду, — сказал первое, что пришло на ум, Фризе.

— Вы будете очень горевать о столовских щах? Там недалеко хороший ресторан. Вы же сами жаловались на пресную еду.

— Завтра встанем пораньше...

— Ну вот! — недовольно протянула поэтесса. — А Ирочку похитил молодой пижон на белом авто. И, уж, конечно, повез в ресторан.

— Да-а?

— Да-а! Так что не смотрите так жадно на дорогу.

— С какой стати?

— С такой. Мне кажется, вы на нее глаз положили.

— На дорогу?

— Фу! На Ирочку. Ладно, пошли поближе к воде. Я сейчас переоденусь, и мы совершим заплыв.

Около воды Лида достала из пляжной сумки купальник, протянула Владимиру широкое полотенце:

— Что за жизнь! Ни одной будки для переодевания! Прикройте.

Фризе подумал о том, что Лида могла надеть купальник и у себя в номере, но покорно растянул полотенце. Его милостиво брали в сообщники, помимо его воли.

Поэтесса сбросила халатик, оставшись в чем мать родила. Даже не пытаясь прикрыть полную грудь, она спросила, глядя Владимиру прямо в глаза:

— Надеюсь, я вас не шокирую?

— Красота всегда шокирует.

— Лидка! Ты совсем обнаглела! — раздался вдруг голос за спиной у Фризе. — У мужика могут появиться неоправданные надежды!

— Недолго же ты каталась на “ауди”, — сказала Лида и ловко натянула купальник.

— Представляешь? Этот пижон отвез меня на почту в Зеленогорск, доставил обратно и ни копейки не взял, — беззаботно ответила Ира. На красивом ухоженном лице Карташевой Фризе не заметил и тени смущения.

Он вернул Лиде ее полотенце и, отступив на шаг, с удовольствием разглядывал женщин. Ирочка выигрывала по всем параметрам. Моложе, чуточку выше, намного стройнее. Владимир готов был поклясться, что руки массажистки не реже двух раз в неделю разминают тонкие Ирочкины косточки. Благополучная и ухоженная московская дамочка. Но, странное дело, теперь Фризе почувствовал себя состоящим в заговоре с Лидой. Она неожиданно стала ему чуть ближе, как будто их окатило одной волной, налетевшей на прибрежный валун. Волна такая, как и все другие. И, в то же время, особенная: одна на двоих. Первая ниточка. Она может тут же и оборваться, но может и окрепнуть. Владимир усмехнулся — умеют женщины находить такую, нужную, волну.

— Примете в свою компанию? — спросила Карташева. Не дожидаясь ответа, бросила пляжную сумку и с удовольствием растянулась на песке.

— Володя предложил поехать в Курорт и пообедать в ресторане, — сказала Лида и заговорщицки посмотрела на Фризе. — Но сестрорецкий автобус уже ушел. Вот бы пригодился твой пижон на “ауди”.

— Мой? Ищи ветра в поле. Случайный “левак”.

— Мне показалось, что он тебя чмокнул в щечку. Нет?

— О, Господи! Ну и выдумщица же ты, Лидия Павловна.

Владимир улегся между двумя поэтессами и ощущал, как припекает спину солнце. Слушая их ленивый пустой треп ни о чем, Фризе ломал голову, как отделить зерна от плевел? Зерном, в данном случае, была Ира. На пути более тесного знакомства его постоянно преследовали неудачи. Карташева или бесследно исчезала из Дома творчества, — теперь он понял, что встречалась с Горобцом, — или рядом с ней, не отступая ни на шаг, маячила Протулис-Проневич.

Воспользовавшись тем, что питерская поэтесса задумалась, Владимир подмигнул своей московской фигурантке, написал на песке цифру “7” и слово “сегодня”. Потом ткнул пальцем в песок. Надеялся, что Ирочка догадается — он назначает ей свидание сегодня в семь на этом месте. Женщина посмотрела на Фризе с любопытством, но ни взглядом, ни жестом не дала понять, как относится к предложению. Фризе написал “Олень”, покрутил ладонью у рта, словно забрасывал в него еду. И, наконец, показал девушке кулак с оттопыренным мизинцем и большим пальцем. Эту интернациональную фигуру знает любой пьющий.

“Выгляжу полным идиотом, — подумал сыщик, представив свои конвульсии со стороны. — Еще подумает, что я шизик”.

Судя по тому, как весело рассмеялась Ирочка, такая мысль ей в голову не пришла. Кончив смеяться, она согласно кивнула и щелкнула себя по горлу.

— Что это вы за моей спиной хохочете? — Лида села, и Фризе едва успел затереть свое песчаное письмо.

Ирочка

Ирочка пришла в условленное место ровно в семь. Одета как обычно — в то же белое платье, в котором разгуливала по вечерам в Доме творчества. Только на шее появился кулон на золотой цепочке. В кулоне великолепный образчик камня “тигровый глаз”. С трудом скрыв удивление, Владимир бросил взгляд на Ирочкины руки. Нет, перстень с “тигровым глазом” она, наверное, оставила в номере. И еще — Ирочка взяла с собой белую сумочку. Какая женщина пойдет в ресторан без сумочки? Но сыщику эта сумочка не понравилась. Очень модная, из жатой лайки, она не предназначалась для того, чтобы носить в ней тяжелые предметы. А в этой сумочке явно было запрятано что-то тяжелое. Фризе решил — пистолет. Зачем молодой женщине, идущей со своим знакомым в ресторан, оружие?

Владимир резко оборвал официанта, крупного, начинающего лысеть усача, пытавшегося всучить вино под названием "Старый Арбат". А виски существовало только в прејскуранте. Не было и хорошего коньяка.

Ирочка внимательно слушала его препирательства с официантом и, наконец, не выдержала:

— А водка хорошая у вас есть?

— Есть, конечно, — обрадовался усач и провел ладонью по вспотевшему лбу. — Ливизовская. "Посольская", "Дипломатическая".

— "Дипломатическая" в самый раз. Большую бутылку. И обязательно селедки. — Ирочка посмотрела на Фризе и, не услышав протеста, добавила: — С картошкой. И если бы она была горячая...

— Будет! — официант повеселел. — Что еще?

— Черной икры. По мясной солянке. И оленину в горшочке.

Официант еле заметно покачал головой:

— Рекомендую шашлык по-карски. Пальчики оближете.

— Годится. Еще маслин, зелени. Боржоми.

— Как я справилась? — гордо спросила Ирочка, когда усатый крепыш скрылся на кухне.

— Мудра. — Фризе внимательно оглядел ее и добавил: — Не по годам.

Этот двойной комплимент Карташевой понравился, и Владимир был удостоен легкого прикосновения ее узкой ладони к его руке. А потом, когда они пошли танцевать, прикосновения очень естественно переросли в объятия.

Один раз поэтессу пригласил на танец пожилой моряк. Вернулась Ирочка за стол воинственная и гордая:

— Пришлось отшить морячка. Стал мне вешать лапшу на уши, что вдовец. Ищет подругу жизни. Надо же, так и сказал — подругу жизни!

— Молодец! — похвалил Владимир моряка. — Мариманы — народ стремительный. А этот, небось, служит на торпедоносце.

— У меня и свой старенький есть.

— Муженек?

— Муженек.

— И молодой любовник.

— И молодой любовник, — бездумно, словно эхо, откликнулась Ирочка и внезапно нахмурилась: — Ты поверил этой дуре Протулис? Кстати, заметил, какая у нее дряблая грудь?

Фризе заметил другое — замешательство Ирочки. И подумал о том, что настало время поболтать с ней о "малых голландцах". Хмельная и напуганная, она может выболтать что-нибудь.

— Ничего я не заметил. Как пай-мальчик стоял с закрытыми глазами. Но ушами шевелил. И о том, что владеlec "ауди" чмокнул тебя в щеку, слышал.

— Боже мой! Какая глупость. Ты думаешь, я стала бы скрывать, что завела себе любовника? Вот заведу, — она многозначительно посмотрела Фризе в глаза, — тогда узнаешь обо мне много интересных подробностей.

— Ох, Ирочка! Я о тебе столько подробностей знаю...

— Лидка доложила, что мой муж работает в Администрации?

— Мадам! Я старая ищейка. Я сам по себе.

— И мне хотелось бы о тебе побольше узнать. Расскажешь?

— А почему бы нет?

— Разведка донесла — ты пишешь роман. Правда?

— Ах, эта разведка! Двойной агент.

— Так пишешь или нет?

— Пишу. Но еще не уверен — роман ли?

— Название придумал? Учти. — В голосе Ирочки проскользнули менторские нотки. — От названия многое зависит. Это как камертон.

Фризе испытал секундное замешательство, бросив взгляд на Ирочкин кулон. Если это подарок Цветухина, молодая женщина должна знать фамилию сыщика, работающего на коллекционера. Но тут же Владимир отмел все сомнения.

— Совет мэтра дорогого стоит!

— Не придуривайся. У слабой женщины может быть сильная интуиция.

— “Законные вору”. Что подсказывает твоя интуиция?

— “Законные вору”, “Законные вору”. — Ирочка, словно взвешивала эти два слова на весах. — Детектив?

— Да.

— Ка-а-ак ин-те-ресно. Люблю читать детективы. И название ничего. В нем чувствуется подтекст. Володя, почему ты не нали-ваешь?

Фризе разлил водку по маленьким хрустальным рюмкам и с удовольствием следил за тем, как управляется Ирочка с закуской: мажет хлеб маслом, режет на маленькие кусочки, кладет на каждый по ломтику жирной селедки, потом режет горячую картофелину, водружает на нее кусочки масла и отправляет в рот вслед за селедкой. Икра, маслины и зелень пока еще дожидались своей очереди.

— И что же натворили “законные вору”? — спросила Карташева после двух рюмок подряд.

— Если бы ты согласилась послушать... Кстати, материалом я владею хорошо. Но есть один пробел — мало знаю о девушках “из высшего общества”.

— Они действуют в твоём романе?

— Еще как действуют!

— Узнаешь. Рассказывай сюжет. Телеграфно. Сумеешь?

— Попробую. В Москве ограблена квартира. В элитном доме. Очень богатая квартира. Сработала сигнализация. Милиция примчалась, когда грабители несли вещи к машине. Перестрелка.

Два грабителя и три милиционера убиты. Машина с места преступления скрывается.

— Такое случается почти ежедневно, — скучным голосом отзывалась Ирочка.

Они выпили еще по одной рюмке. На этот раз Ирочка даже не притронулась к еде, только выпила фужер холодного “Боржоми”.

— Ты права, такое случается часто. Но в моей истории есть изюминка. Во время перестрелки раскрылся чемодан, из него вывалились доллары. Очень много. Миллионы. И несколько бомжей своего не упустили.

— Хорошая изюминка!

— Это не главная изюминка, — с некоторым самодовольством заявил Фризе. — Главная в том, что из квартиры, где сработала тревожная сигнализация, украли уникальную коллекцию картин старых голландских мастеров. Их еще называют “малые голландцы”.

— Вот это хороший ход, — одобрила Карташева. Она уже пришла в себя после первого потрясения. И, судя по поощрительной, ласковой улыбке, приготовилась к неожиданностям. — Но разве это возможно — украсть из квартиры миллионы долларов? Их хранят в банке!

— Я же пишу роман. В романе все случается. Может быть, владелец не хочет афишировать свое богатство. Может, решил переправить “капусту” за границу. Или подкопил для очередных выборов. Мало ли?

— Ты еще не знаешь всех подробностей?

— Мой герой, частный сыщик, не знает, но очень старается их выяснить.

— А картины?

— Вот тут-то вся интрига. Коллекционер поклялся головой своей матушки, что миллионы ему не принадлежат и никогда не хранились у него дома. Кстати, во время ограбления он отсутствовал.

— Посчастливилось. Иначе бы убили.

— Ты права, красавица.

— Ну, ладно. Твой герой-сыщик еще идет по следу. Не знает, кто украл картины, не знает, чьи миллионы летали по переулку. Но автор-то должен знать!

Фризе отметил про себя — он ни разу не сказал Ирочке, что преступление совершено в переулке, а доллары летали по воздуху. “Поэтессы — женщины не собранные, — подумал он. — Расеянные”.

— Я тебе не наскучил своими фантазиями?

— Нет. Чем дальше, тем страшней! Продолжай.

— Кое-что герой уже установил: деньги, действительно, принадлежат не коллекционеру. Совсем-совсем другому человеку. А может быть, их даже и не крали...

— Приехали! Володя, ты не закосел?

— Мой герой, Иришка, нашел неопровержимые доказательства того, что имели место два криминальных события, а не одно.

— Ты заговорил как юрист.

— Два события, — повторил Владимир. — Исчезновение картин и похищение денег. Тебе интересно?

— Очень. — Ирочка словно обрела второе дыхание и держалась отлично. — Но почему деньги похитили, а картины как бы исчезли сами? Так задумал автор?

— Так задумал автор исчезновения картин. Они уплыли до того, как в квартире сработала сигнализация. В пустой квартире.

Карташева опять напряглась. Смотрела на сыщика своими большими изумрудными глазами не мигая, будто хотела загипнотизировать.

Фризе налил ей водки. Ирочка выпила, на этот раз даже не запив "Боржоми".

— Ты хорошо владеешь сюжетом, — сказала она, поставив рюмку на стол. — Но голый сюжет — это не литература. Нужны детали. Убедительные, выпуклые детали. Нужны яркие метафоры.

— С деталями все в порядке. У автора другие трудности.

— Поделишься? Может быть, справимся с ними общими усилиями?

— Для того и рассказываю. — Он улыбнулся.

Лишь после того, как официант разложил по тарелкам аппетитный, в меру зарумяненный шашлык по-карски, и они, на время забыв, по каким раскаленным углям ходят, съели по первому сочному куску, Фризе продолжил:

— У меня есть два варианта развития сюжета. Первый — квартиру, набитую валютой, ограбили бандиты. Милиция приехала вовремя, перехватив их на выходе из дома. Перестрелка. Поле битвы усеяно трупами. Доллары, как ты сказала, летают по переулку.

— Я так сказала?

— Неважно, — отмахнулся Владимир. — Главное — летают. Из всех подвалов вылезают бомжи и мародерствуют.

Второй вариант — эту квартиру никто не грабил! Вот сюжетец, а? Хозяева квартиры летят за границу спецсамолетом. Ты же понимаешь, хозяева, ого-го! Высокопоставленные ребята. Что-то там, за границей, им надо приобрести или продать. Спецсамолет — подходящий транспорт. На них теперь многие летают. Туда-сюда, туда-сюда. Зачем их гонять пустыми, эти самолеты? Сечешь?

— Володька, по-моему, сюжет ты раскручиваешь на ходу, — засмеялась Ирочка, но как-то не очень искренне. И голос у нее сел, наверное, от ледяной минералки. — И даже перешел на жаргон. Ты, часом, не мафиози?

— У меня герои-то разные! А ты не перебивай. Хотела, чтобы я все телеграфно излагал, а сама мешаешь. Значит, так. Хозяйка

еще в квартире носик пудрит, хозяин выбирает галстук поприличней. А халдеи, как ты выражаешься, — ну, охрана, помощники — вещички в машину понесли. И надо ж такому случиться, наряд из вневедомственной охраны на своей разболтанной тачке подгреб в этот момент к подъезду. И халдеи, и менты посчитали, что перед ними грабители. У кого-то не выдержали нервы... Знаешь, как это бывает?

— Как они там оказались?

— Ирочка! Ты, небось, в школе ходила в отличницах? Стихи пишешь, а простой вещи понять не можешь. Сигнализация сработала! Повторить по буквам?

— Почему? Ты сказал — квартиру не ограбили, и хозяева еще дома.

— Да в другой квартире сигнализация сработала! В другой! Из которой картины “малых голландцев” уже давно вывезли. Не украл их, а вывезли. Понимаешь? Должна понять. Допустим, владеют картинами двое. Муж и жена. И у них конфликт: часть картин завещана государству. Та часть, что принадлежит супруге. Потом еще страховка. Человек так устроен — хочется и на елку влезть, и не ободраться. И картины продать, и страховку получить. И еще хочется купить, например, виллу на Лазурном берегу и жить в ней с новой супругой. Молодой.

— От меня ты чего ждешь? Какого совета?

— На каком варианте мне остановиться?

— Твой сыщик — одиночка?

— Точно.

— Он какое преступление расследует? Картины его интересуют или деньги?

— Как ты вопрос поставила! Умница. По жизни, его и деньги, и картины интересуют. Но в романе поручено найти только картины.

— Пускай их ищет.

— Правильно. Тем более у людей, которые потеряли доллары, найдутся помощники. Служба Охраны, то да се...

— Да уж! Эта Служба твоего шпика и близко к расследованию не подпустит.

— Как ты мне помогла! — продолжал актерствовать Фризе, но чувствовал — выдыхается. Становится скучно и противно.

— Ты мог бы и не стараться так, — печально сказала Карташева. — Объяснил бы мне сразу, что к чему. А так, пришлось постараться на ужин. Получил удовольствие от спектакля?

— Прости. От спектакля — никакого. А от того, что ты рядом, — огромное.

Он заметил, что погрустневшие Ирочкины глаза ожили.

Некоторое время она пристально смотрела на Фризе. Глаза в глаза. Ему казалось, что он понял, о чем сейчас думает молодая женщина, и словно окунулся в ледяную воду. У него перехватило дыхание. “Ну уж нет. Меня этим не возьмешь, дуреха!”

— Я тебе говорила о своем муже? О его возрасте? Как ты думаешь, почему я выбрала пожилого спутника жизни?

— “Спутника жизни!” Цитата из романа Чарской?

— Он вовсе не богат, — Ирочка не обратила внимания на иронию, — зато умен и красноречив. Если ты подумал о деньгах, то ошибся. Я из разряда женщин, которые любят ушами. — Она низко склонилась к Фризе, положила горячую ладонь ему на бедро и шепнула: — Володя, не будем ждать ликер и кофе. Расплатись поскорее.

Когда они ехали по хорошо освещенному Приморскому шоссе, Фризе молил Бога, чтобы не напороться на какого-нибудь бдительного инспектора.

Напротив дороги, поднимающейся в гору к Дому творчества, Ирочка тронула Фризе за руку:

— Свернем к заливу.

Владимир остановил машину среди сосен.

— Выкупаемся? — Она дотронулась до руки сыщика. Потом прильнула к нему, прикоснулась губами к щеке. Если она и вела игру, то очень умелую. Прикосновение было удивительно нежным. А Фризе с трудом сдержался, чтобы не рассмеяться: от Ирочки, красивой, утонченной, пахло селедкой и водкой. И слегка — прекрасным ароматом “Мажи”. — Мы выкупаемся нагишом?

— А ты не боишься за подарок Игоря Борисовича?

Карташева так резко отодвинулась от него, что ударилась о дверцу.

— “Тигровый глаз” в золоте... уникальная оправка. И перстень великолепен. У Цветухина хороший вкус, не правда ли? Коллекционеры наделены чувством прекрасного.

Ирочка молчала.

— Иришка, ты не ушиблась?

— Он даже об этом тебе сказал? — Голос у нее опять сел.

— О чем?

— Что зовет меня Иришкой.

— Нет. Это мне подсказала мадемуазель Симпатия.

— Я тебе нравлюсь?

— Очень.

— Не надейся. — Ирочка издала звук, похожий не то на сдерживаемое рыдание, не то на смешок. — Ничего тебе не скажу.

— И не надо.

Недалеко от них с шоссе съехал еще один автомобиль и остановился среди сосен. Погасли фары. “Любители ночных купаний”, — подумал Владимир. Но из машины никто не вышел, и он решил, что там занялся делом более серьезным, чем купание.

— Учти, если мне не понравится конец твоей истории, я тебя застрелю, — деловито сказала Ира. — Пока мы ехали, я думала о твоём детективе. Почему сработала сигнализация? К владельцу картин все-таки залезли воры? В пустую квартиру? — Ей хоте-

лось убедиться, как далеко зашел Владимир в своем расследовании.

— Да нет! Какие вору? Хозяин оставил молодой красивой соседке ключи. Объяснил, что следует сделать. Дело-то выеденного яйца не стоит! Открыть дверь...

— Какая нехорошая соседка. Но красивая. Правда? — Не дождавшись ответа, Ира крепко обняла его и начала целовать в губы. Сыщик не сопротивлялся. Наконец она с легким стоном отстранилась, ласково провела ладонью по лицу Владимира. Шепнула: — Откинь сиденье.

— В моей машине сиденья приварены намертво.

— Дурацкая машина.

Фризе включил двигатель и медленно развернулся. Взглянув в зеркало, он увидел, что по шоссе за ними едет машина. “Неужели та, что стояла рядом? Уж, не сам ли Горобец?”

Прежде чем открыть ворота при въезде на территорию, Владимир сказал:

— Будь осторожна со Славиком.

— Это еще кто такой?

— Твой любимый владелец белого “ауди”. Назвать номер тачки?

— Да кто ты такой, на самом деле? — Голос у Ирочки зазвучал резко и зло. — Шпик?

— Расскажу. Заглянешь в мой номер?

— Размечтался. Почему ты решил... — она несколько секунд молчала, а потом неожиданно хихикнула: — А почему бы и нет? У тебя за стенкой живет моя подружка Лидочка. Вот будет потеха — слышимость в доме стопроцентная!

В вестибюле спального корпуса горела только лампа на столе дежурной.

— Ну вот! Мои пропавшие постояльцы, — обрадовалась дежурная. — Вам, Ирочка, несколько раз звонили.

— Кто? — насторожилась Карташева.

— Мужчина. По-моему, молодой.

Ира взглянула на Фризе, поджидавшего ее у лестницы. Ему показалось, что она даже не заметила его. Потом сделала несколько шагов к телефону, но тут же махнула рукой.

— А! Ладно! — И прошмыгнула мимо Владимира на лестницу. В ночной тишине ее каблучки гулко зацокали по ступеням.

Фризе пожелал дежурной спокойной ночи и хотел идти следом, но для него тоже имелась информация.

— А вас, Владимир Петрович, потеряла одна дама. Все беспокоилась, не заблудились ли вы в трех соснах.

Ночью все кошки серы

В номере было прохладно. Пахло хвоей, какими-то терпкими цветами. Фризе не стал зажигать свет, чтоб через открытую дверь не налетали комары или мошки. Осторожно вышел на крошеч-

ный полукруглый балкончик и взглянул на окна Ирочкиных комнат. Она жила ниже этажом в двухкомнатном номере, громко именовавшемся литерными апартаментами. В апартаментах горели настольные лампы, и на занавесках металась тень. То возникла в одном окне, то в другом.

“Чего она там шастает? — раздраженно подумал Фризе. — Готовится ко сну или собирается ко мне в гости? Надо же поставить точку в моем романе”.

В этот момент в дверь легонько постучали. Даже не постучали — поскреблись. Владимир негромко сказал:

— Входите.

На пороге возникла Лида. Яркий — малинового цвета — халат, длинные темные волосы, падающие на плечи, мерцающие огоньки в глазах. Что и говорить, зрелище было эффектное, но Фризе ждал другую женщину.

— Володя! Где вы пропадали весь вечер? — спросила поэтесса капризно. — Я хотела почитать вам новые стихи.

Она вошла в комнату, оглядела внимательным взглядом застланную постель, села в кресло.

Фризе лихорадочно пытался придумать предлог спровадить ее, но ничего путного в голову не приходило.

— Мы не разбудим соседей?

— Соседей? — Лида улыбнулась. — Я ваша единственная соседка. Старый ворчун Двориков уехал сегодня вечером.

— Лида...

— Володя, перестаньте стоять столбом. Для начала погасите верхний свет. Зажгите настольную лампу. Налейте мне чего-нибудь выпить. Если нет ничего экзотического, можно немного водки.

— Такой экзотический напиток, как “бурбон”, вас устроит?

— Бурбон? Что это? Французский коньяк?

— Виски из Америки.

— Отлично. Нам пора уже выпить на брудершафт.

Фризе на мгновение замер. Злые обидные слова, готовые сорваться с языка, вихрем пронесли в голове, но не сорвались. “А почему, черт возьми, я должен выпроваживать эту симпатичную дуреху? — подумал он, теплея душой. — Ради того, чтобы услышать от другой то, что мне уже известно? Расскажет об этом завтра”.

“Бурбон” не произвел на гостью никакого впечатления.

— По-моему, пахнет парфюмерией. Нет?

— Налить водки?

— Хочешь меня спить? — улыбнулась Лида и расстегнула пуговицу на его рубашке, затем еще одну. Провела теплой мягкой ладонью по груди. — Нет, Володя. Не хочу ни водки, ни “бурбона”. Почитать стихи?

Этого момента Фризе боялся. Боялся, что стихи ему не понравятся и разрушат неожиданно пробудившуюся нежность.

Но Лида не стала читать свои стихи. С необыкновенной теплотой и проникновенностью она шептала Блока: "В густой траве пропаду с головой, в тихий дом войду не стучась..."

Фризе обнял ее, стал целовать лоб, глаза, щеки. И почувствовал, что его гостья плачет.

— Мы так не договаривались, котенок, — сказал он ласково. И добился только того, что слезы побежали ручьем. — Так кто обидел знаменитую поэтессу?

— Меня все обижают.

— Не придумывай.

— Да нет. Я не придумываю. — Лида вздохнула и снова взялась расстегивать пуговицы на рубашке Владимира. Сказала со смешком: — Я сейчас пожалела, что у меня под халатом ничего не надето. Ты бы тоже долго расстегивал пуговицы на моей блузке, потом молнию на юбке, потом застёжки на лифчике, потом...

— Предпочитаю, когда женщина раздевается сама.

— Фу! — Лида отпрянула от него. — Как можно жить без романтики?

— Аминь! — весело сказал он. И развязал поясок на ярком халате своей гостьи.

Утром Фризе проснулся от энергичного стука в дверь. В этом Доме так никогда не стучали. Если приходила дежурная позвать к телефону или кто-то из знакомых — пригласить на прогулку, стучали осторожно, боялись нарушить покой.

Владимир осторожно, стараясь не разбудить Лиду, поднялся с кровати, накинул первое, что попало под руку, — яркий Лидин халат. У дверей стоял крупный молодой мужчина, из-за его спины выглядывали милиционер и дежурная.

— Владимир Петрович Фризе? — громко спросил штатский.

— Не могли бы вы потише? — Фризе попробовал закрыть дверь, но гость уже заглянул в комнату. Лида в это время проснулась и сонным голосом спросила:

— Володя. Кто там?

— Милиция.

— Да? Разве мы нарушили конституцию?

Штатский смутился.

— Вы не могли бы ответить на несколько вопросов?

— Пожалуйста. Сейчас переоденусь. А что случилось?

— Владимир Петрович, с Ирочкой Карташевой несчастье, — выглянула из-за широкой спины дежурная.

Фризе осторожно прикрыл дверь. Ему пришлось слегка отодвинуть гостя из милиции, который бесперемонно заглядывал в номер, где разгуливала не вполне проснувшаяся Лида. Наверное, искала свой халат.

— Ой! — воскликнула Лида, одновременно обнаружив и халат, и Фризе. — Неужели я выгляжу в этом халате так же нелепо, как и ты?

— Зато сейчас ты великолепна. Мент, по-моему, ослеп.

— Поделом. — Лида сняла с Владимира халат, прижалась к нему.

— С твоей подругой случилось несчастье.

— С Ирккой? — Лидин голос прозвучал очень буднично.

— С Ирккой. — Фризе быстро натянул на себя джинсы, футболку. Достал из письменного стола паспорт.

Пока он собирался, Лида стояла посреди номера, наблюдая за его действиями. И только после того, как Фризе ласково провел ладонью по ее щеке, спросила шепотом:

— Ее убили?

Когда они вместе вышли из номера, милицейский в штатском, в одиночестве расхаживая по коридору, мрачно сказал:

— Госпожа Протулис! Вы тоже далеко от дома не уходите.

— А до столовой? Это не будет слишком далеко? — любезным голоском поинтересовалась поэтесса.

— Не будет.

Новые обстоятельства

— Дежурная открыла нам эту комнату. — Милиционер показал на номер, из которого накануне выехал критик Двориков. — Там и побеседуем. Не возражаете?

Окна комнаты выходили на север. В ней было прохладно, пахло лекарствами. Они сели друг против друга возле журнального столика с темной столешницей. Столешница носила на себе следы многочисленных выпивок — большие и малые круги от бутылок и рюмок наводили на мысль о том, что многие поколения обитателей номера пили не водку, а, по крайней мере, концентрированную кислоту.

Звали милиционера Леонидом Ивановичем. Работал он следователем в местном отделении внутренних дел и имел чин лейтенанта.

— Я веду предварительное дознание, — предупредил он Фризе, внимательно ознакомившись с его паспортом. — Следователь прокуратуры с минуты на минуту подъедет.

...Тело Ирины Карташевой обнаружили сотрудники патрульно-постовой службы, проезжавшие в три часа ночи по главной улице поселка, Большому проспекту на пересечении Морской, рядом с когда-то популярным, а ныне никому не нужным полуразрушенным кафе. Фризе почти каждый день проходил мимо него. Одному из патрульных померещилось что-то белое в кустах. УАЗик подъехал поближе. Водитель включил дальний свет... Рядом с дорогой лежала женщина в белом платье. Тут же валялась мягкая кожаная сумочка.

Обо всем этом Леонид Иванович рассказал Фризе перед тем, как начал задавать вопросы. Не раскрыл только самого главного — как погибла Карташева.

Лейтенант медленно перелистал странички паспорта. Демонстративно сравнил фотографию с оригиналом.

— Отдыхаем?

— Стараемся.

— Залив нынче сильно зацвел, — словно бы извиняясь за главную местную достопримечательность, констатировал лейтенант. Не дождавшись ответа, следователь нахмурился.

— Ваше место работы?

Фризе знал, что такой вопрос неминуем, и продумал ответ. Докладывать стражу порядка о том, что занимается частным сыском, он не собирался.

— В настоящее время нигде не служу.

— Безработный?

— По образованию юрист. Последнее время работал в еженедельнике “Сыщики и воры”. — Он положил перед лейтенантом визитную карточку. — Еженедельник закрылся. Сейчас пишу книгу.

— Понятно. С Ириной Карташевой давно знакомы?

— Со дня приезда. Здесь, в Доме творчества, так мало обитателей, что все друг с другом знакомы.

— Карташева москвичка, как и вы.

— До приезда в Комарово мы знакомы не были.

— Понятно. Вчера поздно вечером вы пришли домой вместе с Карташевой...

— Да. Ужинали в ресторане “Олень”. Встретились в семь у залива. За столик, наверное, сели в половине восьмого.

— С Карташевой вы провели вечер в ресторане, а ночь...

— А ночь с другой женщиной.

— Не мои заботы! — Лейтенант порозовел и опять насупился. — Ночью вы с Карташевой не встречались?

— Нет, Леонид Иванович, не встречался, — мягко ответил Фризе.

— У вас с Карташевой были близкие отношения?

— Нет.

— Вы не обратили внимания — у Ирины Георгиевны не было здесь... мужчин... которым бы она уделяла много времени?

— Она подолгу беседовала с человеком, который вчера вечером выехал из этого номера.

— Это кто? — в серых глазах лейтенанта вспыхнул огонек.

— Петр Петрович Двориков. Известный питерский критик. Он говорил мне, что Ирины стихи великолепны.

— В какое время он уехал?

— Леонид Иванович, Дворикову восемьдесят семь лет. Но мужчина крепкий. Вы не хотите мне рассказать, как погибла Ира?

Лейтенант с сомнением посмотрел на магнитофон.

— Эта поэтесса... Лидия Павловна, всю ночь была с вами?

— Вплоть до вашего прихода.

— Ночью из номера не выходила?

— Нет. Спала как сурок.

— Понятно, — следователь выключил магнитофон. — Отвечу на ваш вопрос — Карташеву сбила машина. Она куда-то отправилась ночью, в сторону Зеленогорска.

— О, Господи! — Фризе с горьким сожалением подумал о том, что все могло бы обернуться иначе, если бы...

— Вопросов возникает много. — Лейтенант опять включил магнитофон. — Почему она ночью ушла из своей комнаты? Куда направилась?

— Дежурная видела, как Ира уходила?

— Нет. Крепко спала.

— Но кто-то должен был вызвать Иру? Криков под окнами мы не слышали. О телефонном звонке дежурная бы знала.

— Зачем было звонить дежурной? У Карташевой имелся сотовый телефон. Мы нашли в сумочке.

“Фризе! Вы теряете квалификацию, — с огорчением подумал Владимир. — В Ирочкиной сумочке лежал не пистолет, а сотовый телефон. Надо же так обмишуриться!”

— Вас что-то удивило? — Наверное, следователь почувствовал замешательство Владимира.

— Удивило, — подтвердил Фризе. — Когда мы вернулись вечером из ресторана, дежурная сказала, что Карташевой звонил мужчина.

— Знаю.

— И еще. По дороге из ресторана Ира просила меня остановиться у телефонной будки в Зеленогорске.

— Кому она звонила?

— Я не спрашивал. Судя по тому, как быстро она управилась, абонент был занят. Или автомат не работал. — Фризе придумал этот эпизод в надежде, что лейтенант расскажет о том, что “выжало” следствие из Ириного телефона. Кому, например, сделала она последний звонок. Но лейтенант не собирался делиться информацией.

— Карташева не говорила вам о своих близких в Москве? Домашний телефон молчит. Надо же сообщить о несчастье родным.

— Позвоните в Администрацию Президента.

— Это еще зачем? — спросил лейтенант. Похоже, он воспринял совет Фризе, как неудачную шутку.

— Там работает ее муж. Большой чин.

Владимир видел, как уходит краска с тугих, гладких щек следователя, а глаза, долю секунды назад пронизательные, по-милицейски давящие, становятся тревожными. И даже беспомощными.

— Вы не шутите, Владимир Петрович?

— Какие тут шутки? Валентин Эмильевич Карташев близок к Самому. Наверное, в Ириной сумочке есть его служебный телефон.

— Понятно. — Щеки лейтенанта медленно приобрели нормальный цвет. — И вот что странно — такие дамочки обычно отдыхают в элитных санаториях. Здесь “Белые ночи” рядом.

— Ира — поэтесса. Может быть, ей хотелось пообщаться с коллегами? Помните: “Девушкам из высшего общества трудно избежать одиночества”.

— Вы не знаете, с кем еще общалась Карташева?

Владимир рассказал о белом “ауди”. Его так и подмывало, сославшись на Ирочку, которая теперь уже не сможет ничего опровергнуть, сообщить следователю подробности — номер машины, имя ее владельца, его место в Ирочкиной жизни. Но осторожность взяла верх — показывать информированность было опасно.

— Моя соседка, Протулис-Проневич, наверное, сможет рассказать подробнее. Это она видела “ауди”, видела его владельца.

— Вы надолго приехали в Комарово?

— Купил путевку на десять дней. Сегодня — четвертый. И такой печальный.

— Да, не самый удачный денек. — Лейтенант положил перед Владимиром визитную карточку. Поднялся с дивана. — Соберитесь уезжать — поставьте меня в известность.

По следу белой “ауди”

“Теперь милиция начнет искать белую “ауди”, — размышлял Фризе. — Для них Вячеслав Горобец не будет иголкой в стоге сена. Это вам не в одиночку прочесывать заросшие соснами дачные участки! Спросят дорожно-постовую службу, возьмут под наблюдение автозаправочные станции”.

Дело оставалось за малым — найти московского финансиста раньше милиции. Не давали Фризе покоя и слова повара-грузина о том, что Горобца кто-то “пасет”. Но сейчас Владимир уже не был уверен, что следили за Вячеславом Николаевичем. Грузин видел слежку в тот момент, когда любовники проводили время вместе. После того, что случилось с Ирочкой, можно предположить, что следили за ней.

Когда Владимир вешал ключ от номера на доску в вестибюле, то обнаружил наколотую на гвоздик записку. Крошечный, сложенный вдвое листок, вырванный из записной книжки. Мелким, словно бисер, округлым почерком там была написана одна фраза: “Володя, ты прав. И”.

В чем прав, можно было только догадываться. Ему вдруг пришла в голову мысль о том, что вчера Горобец мог договориться с Ирочкой о новой встрече и приехать утром за ней к Дому или даже заглянуть в номер. И попасть в лапы оперативников.

Он оставил машину на обочине возле ворот Дома творчества, а сам решил прогуляться, не выпуская из поля зрения подходы к Дому. Времени на поиски Горобца вслепую уже не осталось. Одна надежда на везение. А Фризе всегда считал себя везунчиком, хоть никогда и никому не признавался в этом. Боялся сглазить.

Уже дважды мимо него стремительно пролетала группа мальчишек-велосипедистов. Сначала доносился нарастающий шорох по асфальту, редкие подбадривающие возгласы. И вот уже колонна выныривает из-под горы. Впереди — машина дорожно-постовой службы, потом, словно яркая комета, сами спортсмены. Плотное ядро лидеров и, как хвост кометы, упорно преследуемые аутсайдеры. И так повторялось каждое утро. Колонна пронеслась мимо, оставив на обочине одного из спортсменов — паренька лет двенадцати. У него оказалась проколота шина.

— На втором круге заберу! — крикнул из притормозившей “Волги” мужчина. По-видимому, тренер.

— Прокол? — сочувственно осведомился Фризе.

Мальчик кивнул. Он снял шлем, повесил его на руль велосипеда.

— Какой-то козел все время гвозди разбрасывает. Каждый раз кто-нибудь здесь поймает гвоздь.

— Спортшкола?

— “Спартак”! — В голосе парнишки прозвучали гордые ноты.

Владимир подумал о том, что тренировки забирают у мальчишек столько времени и сил, что прелести курорта они уже не замечают. И когда гоняют по тенистым, окруженным сосновым лесом дорогам, наверное, сосредотачиваются только на своей машине.

— Тебе здесь ни разу не попадалась белая “ауди” с московскими номерами? — спросил он, решив все-таки попытаться счастья.

— Попадался, козел! — Юный велосипедист презрительно оттопырил и без того пухлые губы. — Вчера на улице Танкистов чуть не врезался в колонну на подъеме. Сначала встал поперек шоссе, а потом озираться начал.

— А где это случилось?

— Я же говорю — на улице Танкистов. Мы с Приморского пилили, а белая “ауди” справа, с горки выскочила. Эти козлы-москвичи гоняют как шальные!

— Удачи тебе! — Фризе вдруг почувствовал безотчетное желание потрепать мальчишке белые вихры. Он уже поднял руку, но вовремя остановился. Чего доброго, тот мог и обидеться.

Крутой подъем с Приморского шоссе по улице Танкистов сыщик преодолевал уже дважды. Но каждый раз, проезжая здесь, думал лишь о том, не вынырнет ли из-за горы встречный автомобиль, и низенькие старые ворота справа оставались как бы на задворках его памяти. Тем более что песчаный съезд к воротам выглядел так, как будто колеса не касались его уже целую вечность. Да и густой ельник на взгорке казался неприступным.

Сыщик съехал с асфальта и поставил “жигуленок” вплотную к воротам. Он не хотел давать Горобцу ничтожного шанса улизнуть на машине. Если только Вячеслав Николаевич уже не подался в бега.

На поляне стояла большая, сохранившаяся, наверное, еще с финских времен, деревянная дача. Затейливая башенка придавала даче кокетливый вид. Янтарные стволы сосен окружали ее со всех сторон. Казалось, что они отдают дому часть своего тепла. По земле стелился брусничник. Ягоды уже поспели, и Владимир с трудом преодолел искушение нагнуться и сорвать несколько красных бусинок.

Крупный молодой мужчина в кремовом шелковом пиджаке с короткими рукавами, в темных брюках стоял на маленьком крыльце и безуспешно пытался закрыть дверь дачи. Большой ключ все время проворачивался в замке, и Фризе слышал, как мужчина сердито матерился. «Еще пара минут, — подумал сыщик, — и мы бы разъехались». Он поискал глазами машину. Белая «ауди» виднелась за кустами малины, рядом с гаражом.

Мужчина, наконец, справился с замком и оглянулся.

«Молодой. Блондин, — отметил Фризе. — Круглое лицо». Цвет глаз с такого расстояния не определить. Рамодин, давая словесный портрет Горобца, сказал, что глаза у него голубые. Так ли это, Фризе предстояло сейчас убедиться. Горобец прошел вдоль стены дома, остановился рядом с большим железным ящиком, на котором было написано: «Газ», наклонился и засунул ключ в щель между ящиком и землей, а когда обернулся, встретился с Фризе взглядом.

— Здравствуйте, — сказал Владимир вежливо.

— Чего надо? — мужчина бросил быстрый взгляд на железный ящик. Наверное, решал — оставить ли ключ на прежнем месте?

Фризе сделал несколько шагов в его сторону.

— Еще шаг, и огребешь неприятностей!

— Вячеслав Николаевич, у меня для вас новость.

Несколько секунд, настороженно вглядываясь в лицо незваного гостя, мужчина раздумывал над его словами. Фризе вспомнил характеристику, которую дал Горобцу Рамодин, и подумал: «Ничего детского в его лице нет. Почувствовал опасность — глядит волком».

— Какая новость?

— Я живу в Комарово. В Литфонде...

— Проваливай! Сунешься еще раз... — Он достал ключ из нехитрого тайника и большими скачками, словно вспугнутый заяц, побежал к автомобилю. Судя по тому, что машина сразу отъехала, она стояла с включенным мотором.

— Славик! Новость важная!

Теперь Владимир хорошо разглядел автомобиль. Это был тот самый белый «ауди-100», который сыщик видел в Москве на стоянке.

Машина пронеслась мимо сыщика, а через секунду послышался резкий визг тормозов.

Когда Фризе спустился с горки к воротам, Горобец пытался раскрыть створки ворот, но глазомер его подвел — расстояние ме-

жду воротами и “Жигулями” все равно было слишком маленьким.

Увидев Фризе, он потянул правую руку за спину, но, словно вспомнив о чем-то, бросился к машине и вытащил из-под сиденья монтировку.

— Будем драться? — спросил Фризе скучным голосом.

— Убери свою тачку!

— Вячеслав Николаевич, ночью убили Ирину Георгиевну.

— Что вы несете? — заорал Горобец.

— Убили...

— Вы из милиции?

— Нет. Эти ребята могут появиться с минуты на минуту. Ищут владельца белого “ауди” с московскими номерами.

— Ну и что? Мне их бояться нечего.

— А тех, кто расправился с Карташевой?

Молодой человек обернулся, посмотрел на свою машину. Motor “ауди” продолжал работать.

— А вы-то кто такой?

— Фризе Владимир Петрович. Сосед Карташевой по Дому творчества. Вчера вечером мы были с Ириной Георгиевной в ресторане. Вернулись поздно, а ночью ее убили.

— В номере?

— Нет. Больше не скажу ни слова. Или мы начинаем откровенный разговор, или получайте информацию у следователя.

— Погодите! — не очень уверенно произнес Горобец. — Поговорим на даче. Заезжайте на участок.

Задним ходом, удивительно легко, “ауди” преодолела крутой подъем по песчаной дороге. Фризе въехал в ворота и аккуратно закрыл створки. Потом подогнал машину к дому. Горобец уже открывал дверь.

— Может быть, лучше поставить в гараж? — опять предложил Фризе и кивнул на “ауди”. — И поговорить можно на участке.

Горобец молча зашел в дом.

Внутри дача имела запущенный вид. Правда, сыщик увидел только одну комнату. Двери двух других были закрыты. Ему даже показалось, заперты. Но и по той небольшой комнате, в которую провел его Славик, не трудно было догадаться, что посещают дом от случая к случаю. Чувствовался запах плесени, пыли.

Сыщик понимал, что сильно рискует, зайдя в дом. Но в другом месте этот человек — Горобец он или нет — просто отказался бы с ним разговаривать. Исчез бы, растворился.

Минуту или две оба молчали. Приглядывались друг к другу.

Горобец прикрыл дверь в прихожую, потом нажал на кнопку старенького приемника. Слава Богу, музыка была очень тихой.

— Вчера утром вас видели на Кавалерийской, — сказал сыщик, — когда вы заезжали за Карташевой. — Он помолчал, ожи-

дая реакции на сообщение, но ее не последовало. — Вас видели вместе на берегу залива. “Славик! Закажи виски!” — Сыщик попробовал симитировать интонацию Ирочки. Наверное, получилось похоже.

Городец усмехнулся и неожиданно закрыл ладонями лицо. Так он сидел несколько минут. Потом, все еще не отнимая ладоней, спросил:

— Зачем вы мне это рассказываете?

— А вы до сих пор не поняли?

— Нет, не понял. Не могу взять в толк, зачем вы запугиваете меня ментами? Убивать Ирину у меня не было причин. — Городец покачал головой. — Я даже не знал, что она ходила с вами в ресторан, а то был бы хоть какой-то повод!

Фризе никак не мог сделать окончательный вывод, кто перед ним? Одно он понял: этот молодой мужчина — человек не случайный.

— О смерти Карташевой я вас предупредил. Не ждите, когда вас начнут искать. Пойдите в милицию сами.

Городец не издал ни звука. Фризе показалось, что он опять к чему-то прислушивается.

— Вячеслав Николаевич, вы знакомы с коллекционером Цветухиным?

Лицо Славика исказила непонятная гримаса не то страха, не то ненависти, не то брезгливости.

— Значит, все-таки мент. — произнес он. — Только зря тратите время.

— Не мент. Частный сыщик.

— Меня уже допрашивали в Москве. Ничего нового добавить не могу. — Городец искоса взглянул на наручные часы, и Фризе подумал: ожидаются гости. Он еще раз внимательно оглядел комнату. Дверь в прихожую, окно, забранное ненавязчивой решеткой, за окном сосны.

— Допрос не был закончен. И не состоялась ваша очная ставка с Карташевой.

Городец промолчал, Фризе показалось, что он опять прислушивается.

— Если вы, Вячеслав Николаевич, и не причастны к похищению картин, то, наверняка, видели похитителей. Хотите, я сейчас докажу вам это?

Городец опять не ответил, прислушивался, даже не пытаясь этого скрыть. Неожиданно вскочив со стула, он завопил:

— Нет! Не могу! Не могу! Уедем отсюда.

— Вячеслав Николаевич! Куда уедем?

— Куда угодно. Я расскажу, что знаю. — Он быстрыми шагами пересек комнату, поддал ногой дверь, потом вторую и выскочил из дома.

Фризе старался не отставать.

— В какую сторону поедет?

Горобец с тоской посмотрел на дверь, в замке которой торчал ключ. Наверное, ее запираение каждый раз требовало немалых усилий.

Пока Славик раздумывал, Фризе прислушивался. На улице шум мотора был чуточку слышнее. И доносился он из закрытого гаража.

— Дайте ключ, — жестко сказал сыщик. — Ну! Быстро, быстро.

— Нету у меня ключа.

— Быстро!

Горобец не пошевелился.

Фризе бегом вернулся в дом, нашел кладовку. Там стояли две широкие лопаты для уборки снега, метла, несколько пар лыж и лом.

Замок только на вид оказался неприступным. Сбить его ломом труда не составляло. Распахнув железные ворота, Фризе увидел автомобиль, накрытый огромным куском брезента, и почувствовал острый запах угарного газа. Он сдвинул брезент. Откинувшись головой на подлокотник, сидел мертвый Цветухин. Игорь Борисович был накрепко приторочен к сиденью, а рот заклеен лейкопластырем. И еще Владимир заметил на виске коллекционера сильный кровоподтек. “Ну вот, я лишился клиента”. Распахнув дверцы, Фризе выключил мотор и обернулся. Славик стоял, прислонившись к воротам.

— Он оставил записку?

— Какую?

— В которой просил никого не винить в своей смерти?

— Смерть — не повод для зубоскальства. — Наконец-то Горобец стал похож на того обиженного пупсика, о котором рассказывал майор Рамодин. И с логикой он был явно не в ладах.

— Чем вы его ударили?

— Он упал, — сказал Горобец мрачно. — С крыльца.

Сыщик помнил, что крыльцо состояло всего из одной невысокой ступеньки.

— В милицию сами будете звонить?

— А надо?

Теперь тяжело вздохнул Фризе.

— Лес большой. — Славик окинул мрачным взглядом освещенные солнцем сосны, густой березняковый подрост. — Зарою здесь.

Фризе надоело слушать этот бред. “А может, пупсик издевается надо мной? И тянет время в ожидании подмоги? — Он посмотрел на безучастного ко всему собирателя “малых голландцев”. — Скрутить так же Славика, чтобы не убежал?” Он оттеснил Горобца от ворот, прикрыл их и строго спросил:

— В доме есть телефон?

— У меня мобильный.

— Действуйте! — ободрил его сыщик. — Не дожидайтесь, когда милиция нагрянет сама. Я сейчас приду.

Подождав, пока Горобец зайдет в дом, он вернулся к гаражу забрать ключи от "Жигулей". Береженого Бог бережет.

Приоткрыв ворота, Владимир с опаской взглянул на покойника. Тугой солнечный луч пробился сквозь густые ветки сосен и осветил лицо коллекционера. Игорь Борисович недовольно жмурился.

— Батюшки! Что за чертовщина?!

Цветухин разлепил веки и в упор смотрел на сыщика. Да еще энергично тряс головой и двигал бровями.

— С возвращением, Игорь Борисович! — прошептал Владимир. Он был готов поклясться, что десять минут назад пульса у Цветухина не было.

Коллекционер замычал.

— Надо же! — обрадованно воскликнул сыщик, — никогда не общался с мертвецами. Сюда бы пригласить Моуди*.

Цветухин так таращил глаза, что, казалось, они вот-вот выскочат из орбит.

— Подождите, подождите! Возвращаться с того света следует осторожно. Как с большой глубины. — Фризе никак не мог решить: вернуться в дом и скрутить Славика, чтобы не слинял? Или плюнуть на него? Решил — пропади он пропадом, этот Славик! В конце концов, он не подрыжался ловить убийц. А коллекционер все-таки выдал ему аванс на поиски "малых голландцев". Почему бы не использовать шанс и не выяснить, куда они запропастились?

Наверное, сам того не замечая, Владимир произнес эту фразу вслух, потому что Игорь Борисович опять энергично затряс головой, соглашаясь на все.

Фризе затворил ворота.

— Вы по-прежнему мой клиент?

Цветухин кивком головы изобразил нечто, похожее на вульгарное, но убедительное выражение: "А то?!"

Осторожно, чтобы не причинить боли, сыщик расклеил клиенту рот, но не до конца, так, чтобы в любой момент можно было запечатать его вновь. Он уже проделывал нечто подобное с майором Иваненко.

— Какого черта! — Это были первые слова вернувшегося с того света Цветухина. Судя по лексике, до райских кущ он не добрался.

— Не кричите! Славик может вернуться.

— Подонок! Мразь! Даже убить как следует не мог.

— Ирочку убил.

Цветухин разразился отборным матом.

— Чего вы ждете? Развяжите, наконец.

— Сначала скажите, где картины.

— Кто из нас сыщик?

* Реймонд Моуди — автор книг "Жизнь после жизни" и "Возвращение назад".

— Игорь Борисович, не будем тратить время на объяснения. Во всей этой гаденькой истории для меня остается загадкой только одно — с чего это Славик ополчился на Ирину Георгиевну? Ну, на вас-то — понятно. Четвертая сторона треугольника.

— Развяжите!

— Расскажите!

— Я плачу вам деньги!

— А я опять заклею вам рот. И пойду к Славику. Скажу, что вы вернулись. Теперь он убьет вас поленом.

— Поленом он меня и звезданул, — с огорчением пробормотал коллекционер и подвигал кожей зашибленного места.

— Наверное, было больно?

— Все элементарно. Иришка, дуреха, испугалась сама открыть двери моей квартиры, чтобы сигнализация сработала. Ничего не объяснив, послала этого обалдуя.

— А он попал в лапы милиции.

— И решил, что его подставили специально.

— И пупсик вашу Иришку дожал?

— Дожал. Развяжете вы меня, наконец?!

— Взяли бы его в долю. Знаете, как это в воровском мире бывает?

— Мы не воры! Картины-то мои. Что хочу, то и делаю с ними. А Горобец решил забрать себе все. Еще бы! Такой случай может представиться раз в жизни. Картины уже проданы. Переправлены за границу. Открыт счет на девятьсот тысяч в иностранном банке. На предьявителя. Что проще — взял документы, и айда! А владельца в газовую камеру.

— На девятьсот тысяч? — разочарованно протянул Фризе. — Всего-то?

— А вы что думали? Это же не открытая продажа с аукциона!

— Почему было не продать открыто?

Цветухин промолчал.

— Ну, конечно! Жена! Страховка.

— Связался с вами, дурак! Жена настояла: пригласи Фризе! Пригласи Фризе!

— Женщин нельзя слушаться. — Владимир снял остатки скотча с лица Цветухина.

— А веревку?

— Вы так и не сказали Славику номер секретного счета?

— Не сказал даже, в каком банке он открыт. — В голосе Игоря Борисовича прозвучали горделивые нотки.

— Железная воля! Умираем, но не сдаемся. — Владимир развязал узел, распутал веревку.

Получив долгожданную свободу, Игорь Борисович расправил плечи и попытался выбраться из машины, но не смог встать на ноги. Ослаб. Он съезжился на сиденье, бросил на сыщика виноватый взгляд и заплакал. Фризе решил не мешать. Святое дело — дать человеку выплакаться.

Ближайший телефон Фризе нашел на шоссе.

Лейтенант откликнулся тотчас.

— Леонид Иванович, это Фризе. Пару часов назад мы с вами...

— Почему вы не сообщили, что работаете частным детективом? — недовольно оборвал Владимира следователь.

“Молодец! — с некоторым даже удивлением отметил Фризе. — Даром время не терял”.

— Я приехал отдохнуть и на время забыл о своей профессии.

— Разберемся, — пообещал Леонид Иванович. — А сейчас вы зачем звоните?

— Сообщить, что мужчина, совершивший наезд на Карташеву, только что подался в бега. Теперь на моих “Жигулях”. — Он продиктовал номер машины, фамилию и имя беглеца.

— Вы где?

— Улица Танкистов, дача номер восемнадцать. — Он хотел сказать, что здесь тоже было покушение на убийство, но передумал. В конце концов, это дело пострадавшего.

Вечером они с Лидой смотрели в холле Дома творчества телевизор. Человек пять-шесть отдыхающих разместились полукругом у экрана. Поэтесса всячески демонстрировала их близкие отношения. То, как бы нечаянно, брала его руку в свои ладони, то склоняла голову на плечо. Владимир не выносил такой сопливости. Но сейчас терпел.

Когда началась программа “Петровка, 38”, Фризе собрался встать с дивана, но на экране появилось страшноватое лицо мертвого мужчины. Голос диктора бесстрастно доложил, что мужчина сорвался с пожарной лестницы на брандмауэре высокого дома. Кто он, почему полез на крышу, никто не знал. Никаких документов при нем не обнаружено.

А Владимир узнал его сразу. Это был Генерал. Фризе не сомневался в том, с какого дома тот упал. И догадывался, зачем полез по ржавой лестнице на чердак. Судя по тому, что труп до сих пор не опознан, от Генерала отказались все: милиция, спецслужбы, урки. Наверное, отказалась от него и Люсенда. Так же, как и Фризе, ей нечего было о нем рассказать.

Зовут — Василий. Прозвище — Генерал. Пользуется забавным наркотиком, наподобие спичек. Не любит молоко, но пьет его, когда дают. И еще — хромает.

Да и кому они нынче нужны, бомжи? Даже генералы.

— Ты уж прости меня, грешного. — Рамодин виновато улыбнулся. — Втравил тебя в авантюру...

Фризе молчал. Ему было интересно узнать, как далеко пойдет майор в своем раскаянии. Оказалось — не слишком далеко.

— И гонорар накрылся. И обещанная картина. Да у тебя и своих картин навалом. Наверное, пыль с них сметать надоело?

О том, что приятель несколько раз находился на волосок от смерти, Евгений и не вспомнил.

“А чего о ней вспоминать? — усмехнулся сыщик. — Работа такая. У каждого свой образ жизни”.

— Правда, Женя. Я могу подарить тебе на память договор. А может, поскребешь по сусекам и заплатишь?

— На большее, чем обед в ресторане, не рассчитывай. — Рамодин нахмурился. Наверное, прикидывал, хватит ли ему денег на предложенный ресторан. Скорее всего, результаты подсчета оказались неутешительными, потому что он сказал: — Но у моей Веры домашний обед получается в сто раз вкуснее ресторанного. Честно скажу тебе, Длинный, за твой уплывший гонорар казнию себя днем и ночью. Может, Цветухин не все свои деньги на адвокатов потратит?

— И выплатит мне гонорар? За то, что я создал ему столько трудностей?

— Ну, не только ты... — осторожно возразил Евгений. — В конце концов, дело-то в суд мы отправили.

— Направили, — усмехнулся Фризе, чувствуя, что для майора участие в завершении дела о похищении “малых голландцев” хоть и слабое, но все-таки утешение... ■

Имя нашего героя — Генрих Шлиман (1822 — 1890 гг.) Его первая жизнь (рассчитываем, что никто не воспримет смысл подзаголовка излишне буквально) начнется... с восьми лет.

Итак, в канун Рождества в семье мекленбургского пастора Эрнста Шлимана взрослые вручают детям подарки. Кому-то достанется перочинный ножик, кому-то ларчик с набором ножниц и наперстков, а Генриху — толстая книга в кожаном переплете — “Всемирная история для детей” с множеством красочных иллюстраций. Примерный книголюб, мальчик тотчас с головой уйдет в книгу, листая ее страницы и жадно разглядывая рисунки. Больше других его поразят два. На одном художник изобразит сияющую белизной зубчатых крепостных стен древнюю Трою — с мощными воротами, высоким храмом Афины и дворцом дивной красоты, из которого благообразный царь Приам вместе со своим семейством взирает на плещущееся вдалеке синее Эгейское море. А на другом рисунке тот же самый город обьят пламенем и клубами черного дыма, у его стен и ворот кипит смертельный бой, земля усеяна телами тысяч убитых. Так иллюстратор изобразит пос-

Великий

дилетант,

или

Три жизни
одного человека

ледный день Трои — легендарного города, об осаде и разрушении которого воинственными греками-ахейцами рассказывается в "Илиаде" Гомера.

Примерно такой разговор произойдет в тот вечер у Генриха с отцом, человеком, к стати говоря, неглупым, начитанным, но по характеру грубоватым да еще, как это ни прискорбно для духовного пастыря, склонным к выпивке.

— Отец, — скажет ему Генрих, — ты когда-то рассказывал про Троянскую войну, грозного царя Агамемнона, прекрасную Елену, хитроум-

ного Одиссея, про то, как сражались Гектор с Ахиллесом. Посмотри, что сделали ахейцы с Троей!

Отец нехотя выйдет из-за праздничного стола, глянет в книгу.

— Память у тебя что надо: все запомнил, — похвалит он сына. — А я говорил, что древние Трои называли также Илионом? Оттого Гомер и поэму свою назовет “Илиадой”.

— Да? — удивится мальчик, затем спросит: — Скажи, а что осталось от Трои?

— Ничего. Совершенно ничего.

— Не может быть! — не поверит Генрих. — Как же тогда художник смог нарисовать ее?

— Очень просто. Что-то взял из описаний Гомера, остальное — придумал.

— Нет, нет! — с жаром, словно речь шла о чем-то близком и дорогом ему, возразит отцу мальчик. — Посмотри, у Трои были такие толстые стены, дворец Приама был такой большой... Не могло все это пропасть без следа!

— Мал ты еще спорить со мной! — Когда отец выпьет лишку, он становится раздражительным. — Троянская война происходила три тысячи лет назад. И твоя Троя давно уже превратилась в пыль. Понятно?

Генрих знает: с отцом лучше не связываться. Но мысль о том, что прекрасной Трои больше нет и уже никогда не будет, кажется ему ужасной и несправедливой. Мальчик с чувством поклянется:

— Вот увидишь, я когда-нибудь найду Трои!

— Ну хватит! — пьяно махнет рукой родитель и вернется за стол...

В отличие от отца, мать всегда ровна и ласкова с Генрихом и остальными детьми. Да вот беда: родив девятого ребенка, она вскоре умрет. А Эрнст Шлиман, немного погоревав, сойдется с полногрудой служанкой, с которой крутил роман еще до смерти жены. И прежде-то замкнутый, Генрих теперь вовсе уйдет в себя. Из-за того, что по требованию прихожан отца уволят и семья окажется в трудном материальном положении, мальчику придется оставить гимназию. Четырнадцати лет от роду он становится подручным у приказчика бакалейной лавки: таскает ящики и мешки с товаром, торгует водкой и молоком, солью и спичками. “Я гнул спину, — напишет он впоследствии в дневнике, — с пяти утра до одиннадцати вечера, не имея ни минуты свободного времени, чтобы чему-то научиться”. Единственным лучом света в этой беспроблемной жизни для подростка станет местный мельник Нидергофф. Он многим удивляет Генриха. Бывший пастор, лишенный духовного сана за пьянство (и что за напасть для этого уголка Германии?), Нидергофф хорошо знает литературу и историю и, что для провинциального городка в диковинку, знает греческий язык. Всякий раз, придя в лавку за водкой и выпив купленное тут же, у прилавка, мельник начинает читать нараспев гомеровские гекзаметры, и неведомый язык приводит Генриха в состояние

блаженства и запредельного восторга. Ему кажется, что, не понимая значения ни одного слова, он понимает, о чем с ним говорит древний поэт. "Еще почитайте!" — просит он, когда мельник умолкает и, зная его слабость, наливает ему за свой счет еще одну рюмку, потом другую...

Пять лет своей первой жизни Генрих отдаст бакалейному делу. Когда юноша уразумевает, что оно не принесет ему ни счастья, ни прибýtка, он поедет на поиски удачи в портовый город Гамбург. Но там его, едва он где-нибудь устроится, скоро увольняют. Дело в том, что у юноши слабое здоровье. Поднимет что-то тяжелое — и у него горлом идет кровь. А кто из хозяев захочет держать у себя в рабочих парня, который в любой момент может "сыграть в ящик"?.. Все чаще и чаще Генрих остается без заработка, без угла — один в огромном городе, чужой среди сотен тысяч людей...

Но вот по воле случая (о, сколько еще раз он будет играть главенствующую роль в жизни Шлимана!) юноша познакомится с одним из гамбургских торговых маклеров, который, как выяснится, в молодости знал и горячо любил его мать. Желая по вполне понятной причине помочь Генриху, он предлагает ему поехать в Венесуэлу и стать представителем его торговой фирмы за океаном. Еще слабо представляя, где находится эта самая Венесуэла, юноша тотчас соглашается. Но так как денег, чтобы поплыть туда на пароходе, у него нет, да и его благодетель не шибко богат, Генрих устраивается на плывущее в Венесуэлу грузовое судно каютным юнгой. К несчастью, в голландских водах судно попадет в жесточайший шторм и затонет. Бедолагу Генриха волны выбросят на берег, где его подберут и с трудом откачают голландцы. Жизнь Шлимана после этого чудесного спасения мы уже почти без всякой натяжки можем назвать второй по счету...

Отлежавшись в больнице после кораблекрушения, Генрих захочет остаться жить в Голландии: после случившегося родная страна покажется ему хуже чужбины. Правда, у него опять ни гроша за душой, но судьба, прежде подбрасывавшая ему только плохие карты, кажется, начинает подбрасывать и козыри. Узнав о том, что юноша чудом остался в живых, его гамбургский покровитель собирает среди сердобольных людей приличную по тем временам сумму и оказией присылает их Генриху. Это поможет нашему герою обосноваться в Амстердаме, снять мансарду, устроиться на работу... Чем он, немного обжившись на новом месте, решается заняться в первую очередь? Наивный юноша считает, что теперь для него самое важное — как можно быстрее изучить английский язык. Метод он изобретает такой: ведет с самим собой диалоги, выучивает наизусть целые страницы текста, останавливает посреди улицы людей и, немало удивив их, просит послушать его речь. Уже через два месяца Шлиман услышит в свой адрес: "Вы говорите по-английски так же, как и я, англичанин!"

А Генрих? Овладев этим языком, тут же принимается за французский. И снова в мансарде, которую снимает, до глубокой ночи слышны его диалоги. Это не нравится соседям, они тарабанят в стены, требуя, чтобы Шлиман замолчал. А он после непродолжительной паузы снова берется за свое. Словом, уже в ту пору в нем проявятся черты характера, которые одних людей будут приводить в восторг, других — в ужас...

А что же с обещанием найти бесследно исчезнувшую Трою?.. Пиши мы святочный рассказ, у нас бы эта голубая детская мечта занимала ум и душу Генриха днем и ночью. На самом деле Шлиман постоянно думает о другом: как найти свое место под солнцем, стать обеспеченным человеком...

Однажды Генрих придет на прием к владельцу голландской торговой фирмы господину Шредеру и предложит свои услуги.

— Но нам не нужны рабочие руки, — скажет ему коммерсант.

— Тогда, быть может, вам пригодится мой язык?

— В каком смысле?

— В том, что, кроме немецкого и голландского, я владею также английским, французским, испанским, португальским и итальянским.

— Вы не шутите?

— Можете проверить.

— Сколько вам лет?

— Двадцать два.

— Я беру вас на работу...

Видно, что-то незаурядное почувствует господин Шредер в худом, бледном юноше с лихорадочно блестящими темными глазами. И — не ошибется! Кроме феноменальных способностей к изучению языков (в среднем шесть недель на каждый), Шлиман проявит себя блестящим коммерсантом. Богом данным чутьем он улавливает торговую конъюнктуру, советуя владельцу фирмы какие-то товары побыстрее сбывать, какие-то, наоборот, закупать в большом количестве. Он в курсе того, что происходит на бирже, из сообщений иностранных газет извлекает ценную деловую информацию, быстро и четко выполняет все поручения хозяина. Шредер не успевает продвигать энергичного молодого человека по служебной лестнице, планомерно повышает ему оклад. И Генрих немедленно дает знать своим родным в Германии, что у него дела пошли на лад. Он посылает отцу, которого, несмотря ни на что, чтит, два бочонка французского бордо и ящик дорогих гаванских сигар, шлет посылки своим многочисленным братьям и сестрам. А сам... А сам по-прежнему живет в мансарде и питается более чем скромно.

Новый поворот в судьбе Шлимана тоже связан с его жадной статью полиглотом. Когда у фирмы возникнет необходимость завязать деловые связи с Россией, он тут как тут: через несколько недель он по поручению фирмы пишет на приличном русском языке "милостивому государю Василию Ивановичу Плотникову" в Пе-

тербург. Некоторое время спустя молодой Шлиман возглавит филиал фирмы в российской столице, затем создаст здесь собственную компанию и в короткие сроки станет одним из самых преуспевающих и богатых негоднатов России.

Он проживет в нашей стране немалый срок — восемнадцать лет. Женится на русской девушке Катерине Лыжиной, займет с ней троих детей. И все эти годы будет Генрихом Эрнстовичем Шлиманом, обрусевшим немцем, российским купцом первой гильдии. Свое многомиллионное состояние он сколотит на торговле красителем “индиго”, а также на скупке золотого песка в США, куда однажды приедет принимать дела покойного брата — владельца гостиницы...

А что же Троя? Верит ли Генрих, что когда-нибудь отправится по свету искать священный град Приама? Биографы Шлимана, как правило, положительно отвечают на этот вопрос. Но, скорее всего, это их предположение, чем факт. Надо знать характер нашего героя — за что он ни возьмется, вкладывает столько страсти и энергии, что многие люди из ближайшего окружения (включая и жену) воспринимают его как одержимого, и прежде всего одержимого стремлением приумножить свой капитал. Где бы ни находился, он постоянно пребывает в заботах о том, как выгоднее продать товар, как увести из-под носа конкурента прибыльный заказ. Причем в деловых вопросах он не страдает особой щепетильностью. Если это прибыльно, готов принять и контрабандный товар. У американских золотоискателей скупает драгоценный песок по такой низкой цене, что, приехав в США с 50 тысячами талеров, возвращается со 100 тысячами. И, как это часто бывает с богатыми людьми, чем больше у Шлимана денег, тем неохотнее он с ними расстается. На этой почве у него то и дело возникают ссоры и размолвки с женой.

Об одной следует сказать особо, чтобы если не оправдать, то хоть как-то объяснить, почему Генрих Эрнстович теряет чувство меры в коммерческих делах: его брак с Катериной Лыжиной окажется на редкость неудачным. Привыкший достигать поставленных целей, Шлиман долго добивается руки Катерины, прекрасно зная, что он ей не по душе. Но, видно, он, немец, слишком уверует в мудрость русской пословицы — “Стерпится — слюбится”. А когда поймет, что совершил ошибку, сделав несчастными их обоих, уйдет в работу и заколачивание денег, как другие люди уходят в запой. Все чаще и чаще Генрих Эрнстович допоздна засиживается в конторе и, зная, что жена не скучает по нему, от нечего делать учит очередной язык. Словенский. Польский. Шведский. Датский... Но зачем ему все это? В молодости он учил языки в смутной надежде, что они помогут ему преуспеть в жизни. Теперь успехов у него хоть отбавляй, а счастья как не было, так и нет. А раз так, то почему бы ему не взяться за новогреческий, а затем — за древнегреческий? Теперь он может, как когда-то мельник Нидергофф, нараспев читать божественные гексаметры Гомера. Только

вот — кому? В конторе, кроме него, давно уже никого нет. Глухая ночь...

Наверное, в часы полного одиночества Шлиман оставит на полях рабочих тетрадей записи, похожие на крик отчаяния в ночи: “Мне надо бежать отсюда”. “Я знаю, говорят: “Каждый сверчок знай свой шесток. Но я не могу больше оставаться купцом. В том возрасте, когда другие учились в гимназии, я был рабом... Поэтому я не получил основ знаний. Из меня никогда не выйдет ученого, но кое-что я хочу наверстать”. “Я знаю, я скуп и жаден. Мне надо перестать быть таким”. “Я хочу в Грецию”.

Все чаще на купца Шлимана накатывает берущая за горло тоска. Все чаще, перепоручив дела своим помощникам, он садится на пароход и на несколько месяцев исчезает из Петербурга, отправляясь в путешествие. И где он только ни побывает: в Испании, Италии, Англии, Египте, Сирии, Аравии, Китае, Японии... Но, как ни странно, всякий раз проплывает мимо Греции, точно боится, что, ступив на эту землю однажды, уже никогда не расстанется с ней. Правда, Шлиман и как путешественник не знает чувства меры. Так, он, христианин, решает побывать в Мекке и увидеть знаменитый черный камень Кааба, святыню мусульман. Чтобы осуществить замысел (а видеть этот камень иноверам запрещено под страхом смертной казни), он овладевает арабским языком и... совершает обрезание! Поистине с таким характером можно или голову потерять, или совершить что-то великое...

Возвратясь из дальних стран, Шлиман, словно отрезвев, вновь погружается в коммерцию. Однако деловой азарт скоро проходит и сменяется полной апатией. Имеющий много миллионов купец теряет интерес к тому, чтобы иметь их еще больше. Ему до смерти надоедает сводить кредит с дебетом, брутто с нетто... И, наконец, своей семье и друзьям он объявляет, что закрывает все дела. (Он навсегда покинет Россию и, щедро обеспечив жену с детьми, впоследствии разведется с ней.) Отныне больше нет российского купца Генриха Эрнстовича Шлимана. Теперь он — никто. Вернее, теперь он просто Генрих Шлиман. Частное лицо. Человек, проживший сорок с лишним лет и, наконец, осознавший: не в деньгах счастье. И не в том, чтобы беспрестанно колесить по белу свету. Ведь от себя и своей душевной пустоты не скроешься на быстроходном пароходе, не спрячешься в роскошном отеле. Генриху Шлиману надо заняться чем-то таким, чтоб забыть об остальном на свете. Но — чем? Господи, не он ли когда-то давал зарок найти Троию?! Пришло время исполнить его. Поиски Трои — только это избавит его от непреходящей тоски. Только это даст ему право на третью жизнь и наполнит ее смыслом. И нет на свете человека, который может сделать то, что может — только Генрих Шлиман, богатый, ни от кого не зависящий человек.

Сорокачетырехлетний миллионер приезжает в Париж и становится студентом, слушает курсы по истории, философии, археологии, необыкновенно быстро получает ученую степень доктора

философии. Затем, чтобы быть поближе к Трое, переезжает в Грецию. Вот теперь он на самом деле, словно персонаж святочного рассказа, думает об исполнении своей давней мечты днем и ночью. Он уже мысленно бродит по улицам Трои, заходит в храм Афины, с высоты крепостной стены наблюдает, как ахейцы под руководством хитроумного Одиссея создают "троянского коня"...

"Меж городами людей, на земле беспредельно живущих,

Сколько на свете ни есть их под солнцем и звездами неба,

Сердцем всех ближе моим Илион почитался священный.

И повелитель Приам, и народ копыеносца Приама..."

Зная натуру Шлимана, нетрудно догадаться, что голубая детская мечта теперь становится его неотвязной, если не сказать, навязчивой идеей. И это — не просто слова. Наш герой "под Троию" даже решает жениться во второй раз! И не на ком-нибудь, а обязательно на гречанке, хорошо знающей историю и литературу Древней Греции. "Она должна восторженно любить Гомера... — просит он своего друга, чтобы тот подыскал ему подходящую невесту. — Для меня не важно, знает ли она иностранные языки. Но она должна быть греческого типа, иметь черные волосы и быть по возможности красивой". Вскоре друг пришлет ему несколько фотографий греческих красавиц на выданье. Наш герой с первого взгляда выберет девушку из небогатой семьи Софью Эстрагоменос. Что Шлимана поначалу возмутит, а затем покорит в ней: в день сватовства Софья честно признается, что не испытывает к нему никаких чувств и выйдет за него замуж лишь по воле родителей. Шлиман вспылит, пулей вылетит из дома, но, помучавшись несколько дней, по достоинству оценит ее искренность и попросит руки. И никогда об этом не пожалеет. Пройдет немного времени — и Софья полюбит этого странного, как многие немцы, педантичного, порой невыносимо занудливого, но по сути доброго и порядочного человека. Она станет верной помощницей и неразлучной спутницей мужа во всех его экспедициях. Да что жена-гречанка! Он и детей от нее назовет именами героев Гомера — Андромаха и Агамемнон, попросит слуг своих откликаться на "Эдипа", "Иокасту" (а жену, как мы узнаем далее, однажды назовет именем красавицы, из-за которой, по Гомеру, и начнется Троянская война), дом, построенный им в Афинах, обставит в древнегреческом стиле... Правда, зачем ему на пятом десятке жизни эти игры в Древнюю Грецию и что они дадут для его открытий — загадка...

Когда Шлиман официально объявит, что намерен найти Троию, многие археологи в ответ иронически пожмут плечами. Ведь одно дело — "идея фикс" самонадеянного миллионера, другое — Троя как исторический факт. Была ли она на самом деле? Да, она упоминается в трудах Геродота и Фукидида, а Гомер посвящает ей немало вдохновенных строф. Но тот же Фукидид, то и дело ссылаясь на великого поэта, как бы мимоходом бросает многозначитель-

ную фразу: “если только его можно считать достоверным свидетелем”. Больше того, некоторые видные ученые считают, что не только Трои, но и самого Гомера не было, что он — всего лишь собирательный образ, а поэмы “Илиада” и “Одиссея”, приписываемые ему, плод гениальной фантазии...

Поразительно — и в этом тоже есть какая-то загадка — Шлиман в ту пору окажется, пожалуй, единственным на свете человеком, который поверит Гомеру, что говорится, на все сто. Он рассматривает его поэмы не только как литературные шедевры, но и как учебник по истории древнего мира. Возникнет парадоксальная, если не сказать, скандальная ситуация. Адепты науки полны скепсиса в отношении Трои. Шлиман же, пригостишка от археологии, готов вложить в весьма рискованное предприятие, не сулящее ему никаких прибылей, свои кровные и немалые деньги...

И вот он высаживается на малоазиатский берег Эгейского моря (территория Турции), где, по описаниям древних историков, могла находиться Троя. Но где ж тут она? Бескрайняя равнина с редкими холмами и скудной растительностью, пустоши, болота, нищие деревеньки — и никаких античных развалин. По этой земле, как по мосту из Европы в Азию, прошло столько орд, столько завоевателей, и все они почему-то считали своим прямым долгом перебить и обратить в рабство целые народы, а также на корню уничтожить их города и села. Однако убогий вид здешних окрестностей не смутит Шлимана. В эти годы уже грузный, но, как подросток, порывистый, с черными, наподобие полумесяца, усами, печальным и слегка надменным взглядом, он начинает действовать точно живой локомотив: конфликтует, не дает покоя местным и центральным властям Высокой Порты, требуя поскорее разрешить ему приступить к раскопкам, нанимает сотни рабочих, завозит в огромном количестве продукты, шанцевый инструмент, тачки. Сразу восстанавливает против себя рабочих неслыханной в здешних местах требовательностью. К примеру, запрещает во время работы курить. Несколько слушников безжалостно увольняет. Его боятся, ненавидят и в то же время над ним смеются, вслед ему крутят пальцем у виска. А он, не обращая ни на что внимания, целыми днями колесит по пустошам и холмам с томиком Гомера, то и дело заглядывая в него, словно в топографическую карту, и с чисто немецкой дотошностью сличает рельеф с описаниями поэта. И такое на него иногда находит: выбирает какой-нибудь холм и, вообразив, что под ним находится Троя, пытается, как это в свое время сделали Гектор и Ахиллес, преследуя друг друга во время поединка, трижды обежать воображаемый город в течение часа. И если ему это не удастся, напрочь теряет интерес к холму...

В то же время всему ученому миру ясно: уж если искать Трою, то только рядом с деревней Бунарбаши. Именно на это место указывают два путешественника, побывавшие здесь через тысячу лет после Троянской войны. Но дилетант и упрямец Шлиман верит одному Гомеру. Он еще с детства помнит, что красотой и гордостью

Илиона был дворец Приама. Стоп! — осеняет нашего героя, — а не под холмом ли Гиссарлык (что в переводе с турецкого означает “дворец”) нашла свое упокоение многострадальная Троя? Чудаковатый немец не считает за труд трижды обежать Гиссарлык — и на этот раз укладывается в указанное Гомером время! (Нетрудно представить, как надрывали животики над этими его экспериментами ученые мужи.) Шлиман отдает распоряжение сделать на холме неглубокий прокоп. И, о чудо, вскоре кирки и лопаты упрутся в лежащий под землей город! Душа Шлимана от радости взлетит до небес...

Нет, не скоро скажется сказка про Троию. Еще несколько прокопов — и под этим городом обнаружатся остатки другого. А под ними — третьего, четвертого, пятого... Окажется, что с той же закономерностью, с какой завоеватели сравнивали города с землей, люди на их руинах возводили новые. Только вот какой из них — гомеровская Троя? Не этот ли, что, весь черный из-за когда-то бушевавшего в нем пожара, явится свету из недр Гиссарлыка, создавая впечатление, что он еще горячий и чуть дымится? Но где же тут дворец Приама со множеством залов и опочивален? Не это же примитивное сооружение о пяти комнатах? А вот эти ворота — не Скейские ли? Но через такие не смог бы пройти громадный “троянский конь”... Может, Гомер все сильно преувеличил? В то же время про многие обнаруженные здесь находки — сосуды с диковинными орнаментами, предметы роскоши, оружие — можно сказать, что они есть и в “Илиаде”...

Ничего не скажешь, археология — романтическое занятие. Но и прозы в ней хоть отбавляй. Шлиман и Софья живут в палатке, обогреваются дровами, питаются, главным образом, консервами. Летом над Малой Азией нависает душная жара, сутки напролет истошно кричат миллионы лягушек, не дают прохода москиты. Зимой беспрестанно льют дожди. То Генриха, то Софью треплет лихорадка: хинин по существу входит в рацион их питания. Алчные турецкие чиновники по всякому поводу требуют взятку. Ахнуть не успеешь, как найденные при раскопках мраморные плиты или остатки мозаичных полов исчезают с холма: местные крестьяне устилают ими дворы своих домов. И так — три года. Весь Гиссарлык уже изрыт вдоль и поперек, а Шлиман никак не может успокоиться, ему все грезится, что гомеровская Троя находится еще ниже. А ее все нет и нет. Лишь Софья и еще два-три человека из числа помощников, как и он, не теряют надежды. Остальные смотрят на него как на свихнувшегося богача, которому некуда девать деньги.

Но приходит день, когда копать глубже уже не имеет смысла. Дальше идут слои, интересные геологу, но не археологу: глина, песок, глина, песок... “Вот уже три года продолжаются наши раскопки, — пишет Шлиман сыну Сергею от первого брака. — Мы вынули двести пятьдесят тысяч кубометров земли и извлекли из недр Илиона целый музей никогда прежде не виданных древно-

стей. Но теперь я устал..." В конце концов он объявит, что нашел гомеровскую Троя — в третьем культурном слое, если считать снизу.

А что услышит в ответ? Вот отзывы на его сообщение профессоров археологии (главным образом, немецких.) "Потрясающая мистификация!" "Что он, собственно, нашел? Горшки. А кто нам докажет, что они не подделка?" "В конце концов этот американский(?) немец нажил себе состояние контрабандой. Возможно, эти вещи он нашел не при раскопках, а у старьевщика".

Шлиман прекрасно знает, что в ученом мире его считают шарлатаном. Но его волнует другое: нет неопровержимых доказательств, что найденные им в третьем слое руины — гомеровская Троя. Между тем раскопки уже приостановлены, Шлиман и Софья пакуют чемоданы... Но дальше произойдет то, что рассеет все его сомнения. В канун отъезда он, как привык за эти годы, встанет ни свет, ни заря. Еще и еще раз попытаюсь убедить самого себя, что найденная им Троя и есть Троя его мечты, он долго и пристально смотрит на одну из стен "Приамова дворца". И вдруг — о, эта случайность, иногда выглядящая как закономерность! — на его глазах от стены отваливается большой кусок кладки, образуется ниша, а на ней в лучах утреннего солнца что-то нестерпимо ярко сверкнет. Рискаю жизнью (могла обрушиться вся стена и похоронить под собой археолога), он обследует нишу и найдет в ней истлевший деревянный ларец с грудой изделий из золота и серебра. Само провидение, возликует счастливец, купая руки в золоте и серебре, посылает ему знак, что он не ошибся — нашел "златообильную" Троя! И лежащее перед ним сокровище — две золотые диадемы, десятки ожерелий, тысячи перстней — не что иное, как клад царя Приама. Вот он, триумф жизни! Вот пример того, что вера — почти в буквальном смысле — движет горами!.. В эти неповторимые минуты суховатого Шлимана не узнать. Он разбудит Софью, наденет на нее золотые диадемы и потрясенно воскликнет:

— Елена!!!

Несмотря на контракт, заключенный с турецким правительством и предусматривающий, что все драгоценные находки будут поделены пополам, потерявший от счастья голову Шлиман тайком вывезет "клад Приама" в Грецию: кощунственно, решит он, поделить неделимое. Узнав об этом, турки заклеят открывателя Трои как мошенника и контрабандиста. Впоследствии, выплатив им из своего кармана отступные, Шлиман будет предлагать свою сенсационную находку музеям Англии, Франции, России, Греции, Италии, но от всех получит отказ и передаст "клад Приама" в дар стране, которую любил меньше других — Германии...

Пока наш герой извлекает из праха тысячелетий один за другим города, это мало кого волнует. Подумаешь, полуразвалившиеся стены, битые горшки и прочая труха. Но когда Шлиман нахо-

дит “клад Приама”, он вмиг становится самым известным человеком Европы! Газеты называют его величайшим археологом, Шлимана приглашают на научные симпозиумы, избирают почетным членом академий многих стран, ему присуждаются высшие ордена.

Впрочем, современники далеко не сразу осознают, что еще откроет миру Шлиман, кроме Трои. Этот дилетант преподаст несколько уроков сразу нескольким наукам: истории, философии, литературоведению и, конечно, археологии. До него, если не принимать во внимание специфический интерес грабителей к древностям, никто не занимался раскопками столь серьезно и фундаментально. До Шлимана люди уже многое знали о древнем мире. Он им покажет его и, что называется, в натуре. Благодаря ему места археологических раскопок отныне станут местом паломничества не только ученых, но и простых людей.

Об одном уроке Шлимана надо сказать особо. Он в том, что гений детства — не просто красивая метафора. В мечте ребенка заключена некая материальная сила. Обстоятельства жизни, как в случае с нашим героем, могут сыграть с ней дурную шутку, далеко отодвинуть ее осуществление и даже неузнаваемо изменить ее. Но она, подобно подземному ключу, так или иначе пробьется сквозь завалы...

И после раскопок на холме Гиссарлык Шлиман еще не раз повергнет мир в изумление. В Микенах (Греция) он найдет уникальное захоронение древних воинов в золотых масках, предположительно царя Агамемнона и его приближенных, убитых в результате заговора. Неподдалеку от Микен раскопает неплохо сохранившуюся древнюю крепость... (Как водится, эти блестящие открытия некоторые археологи отнесут за счет чистой случайности.) Но главным делом жизни он будет по-прежнему считать Трои. Шлиман вновь ведет раскопки на Гиссарлыке, построив по этому случаю целый поселок, прозванный кем-то “Шлиманополисом”. Грустно, что настоящую, гомеровскую Троию он все же найдет, но, как это иногда бывает в жизни, не узнает свою мечту в лицо и, зарываясь все глубже и глубже, пройдет мимо нее.

...Возвращаясь из научной поездки, Шлиман заболит в пути и на одной из улиц Неаполя упадет без сознания. Так как в последние годы он перестанет следить за своим внешним видом, прибывший на место происшествия полицейский примет его за бездомного бродягу. Когда его привезут в больницу, страж порядка забеспокоится, кто оплатит расходы за доставку больного.

— Зря волнуетесь, — скажет ему врач, случайно опознавший Шлимана. — Он богатый человек.

И в этот момент, словно подтверждая слова врача, из кармана поношенного пальто Шлимана посыплются на пол золотые монеты...

Гуляй

Олег ПОЛОНСКИЙ

В старину апрель называли снегогоном за быстрое таяние последних снегов. Старые люди про апрель говорили: "Отмыкает апрель ключи и воды, гонит снег. Обновляется земля". Весной паутины много летит — жаркое лето на пороге стоит. Гроза лягушке квакать велит. Жаворонок на заре не запел — жди ненастную канитель. Дубовый лист впереди ясенева распускается — сухое лето надвигается. А в деревнях крестьянки торопились выбелить холсты. "Стели красна по морозам", — учит поговорна. Холсты вымерзнут и станут мягче, белее. Так и бабий нрав по весне: "мол, солнышко прогреет и

выморозит апрель бабы надсады, суровины с бабьих лиц смоеет и светлыми станут углады бабы". "В апреле весна необлыжная (необманная)", — сказывали в деревне.

Снег от земли, лед от воды отстает в апреле. Полезно пробежаться босиком по снегу. И потому бабушки своих внучат под яркое солнце выгоняли в апреле пробежаться босыми на улицу. Уходили прочь простуда и кашель.

1 апреля. Дарья — говна прорубница.

К этому времени оноло прорубей в деревне оттаивает в большом количестве скопившийся за зиму помет животных.

— не хочу?

апрель

2 апреля. Фотима — волчья сыть.

По поверьям в этот день волчица считает своих волчат. Сурова волчица и лучше в лес в это время не ходить.

3 апреля. Фома лихорадки гонит. В этот день гнали худые, злые силы с полей, от скотины и от людей.

4 апреля. Василий-солнечник.

Солнце на Василия — "Солнечник в кругах" — к урожаю хлебов. Василий-солнечник каплей велик. Выходили в этот день смотреть на солнце. Если дом был ветхим и надо было заново строиться, то смотрели, где новый дом

срубить. Если капель с крыши падала и ударялась о землю, то в этом месте дома не рубили. Считали, что место это с годами подпустит воду — тут проторенный путь водице ко глуби земной.

5 апреля. Зяблик прилетает — онокательно весна наступает.

Зазывали птиц ко крылечку, потчевали крошнами, зернышна-ми, льняным семенем.

6 апреля. Канун Благовещения.

В этот день по обычаю в старину жгли костры за дворами, обходили избы кругами.

7 апреля. Благовещение.

В древние времена так можно было назвать всякую благую весть,

рисунок Виктора Ковалева

извещение о добром и радостном событии. Но слово это утвердилось в нашем языке только в одном значении: как название великого христианского праздника, установленного в память о вести, которую дева Мария получила свыше о будущем рождении ею Божественного Сына Иисуса Христа. Праздник этот весенний. На Благовещение по народным приметам "весна зиму поборола". Все оживает и обновляется в природе после долгой зимы. Теплее светит солнце, тает снег, длиннее становится день. Среди дней Великого поста Благовещение — праздник радостный, предвещающий скорую Пасху. И уже тысячу с лишним лет в этот день звучит в русских храмах торжественное песнопение в честь Богоматери: "Радуйся, Благодатная Мария, Господь с тобою!" В этот день по народному поверью, как на Пасху, солнце играет. Нельзя девкам носы плести, птица — и та гнезда не завивает. Было поверье: "Коли птица на Благовещенье гнездо завьет, то крылья у нее ослабнут, и тогда ни летать, ни порхать ей, век свой по земле ходить". Ликует природа, веселится и торжествует все творение. Переживание праздника в народе было так велико, что в некоторых местностях на Руси пасхальный обычай выпускать на волю птиц совершался уже на Благовещение.

На юге России с этого дня переставали топить печи в домах и переходили спать в неотапливаемые клетки и сени, что и отразилось в старинном присловье — "на Благовещение под дымом не сидят". А убеждение, что с "Благовещения огня не дуют", означало, что с праздником этим приходят светлые, долгие дни, и нет необхо-

димости ни утром, ни вечером в искусственном освещении жилья. Хотя эта примета жизни только южных областей России. Часто сам праздник приходился на далеко не всегда солнечную погоду, нередко еще лежал кое-где снег, день случается сырой, туманный, с капелью.

По благовещенской погоде по всей Руси примечали, наким быть лету, судили об урожае хлебов, овса, грибов и ягод. Крестьяне приносили из церкви домой праздничную благовещенскую просфору, но не съедали сразу, а хранили под образами до первого сеяния хлебов. Тогда клали просфору в лушконо с семенами, чтобы они освятились и дали обильные всходы. До конца прошлого столетия дожили некоторые благовещенские народные обычаи с примесью дохристианских языческих обрядов. К ним относится сжигание соломенных постелей, на которых проспали всю зиму, сжигание обуви и особенно сканание через огонь. Согласно древним поверьям в этих обычаях выражается вера в очистительную и целебную силу огня, свойственная языческим религиям. Христианская церковь не особенно осуждала эти пережитки язычества, считая их больше забавой, игрой, народным развлечением. Тем более, что и телесное "утешение", то есть послабление в посте, разрешалось на Благовещение, несмотря на время строгого Великого поста. Всем можно есть в этот день рыбу, употреблять растительное масло и вино. Соединив языческое и христианское, Благовещение делалось любимым и почитаемым праздником на Руси.

8 апреля. Архангел Гавриил.

По народным поверьям в день памяти архангела Гавриила нельзя прясть, а то оттянет руки сухота.

11 апреля. Слушание берез.

В этот день все собирались и шли за березовым соком, так как с древности известны его лечебные свойства. Березовым соком отпаивали больных, чистили кровь, выгоняли немочь из желудка. Сложено немало песен о березе, о ее пользе и красоте.

14 апреля. Марья-запги снега. Начало половодья.

18 апреля. Федул.

В народе говорили: "Пришел Федул — тепляк подул". В этот день в сельской местности растворяли окошницу, заговаривали ее беречь избу от гнилых ветров, от нечистой силы.

20 апреля. День Анулины.

В этот день по народным представлениям просыпаются русалки. В деревнях, по поверью, ходили женщины на реку, чтобы одарить русалок хлебом, чистой тряпичей от рубахи или от полотенца. За это русалки остерегут детей от глубокой воды и не дадут утонуть.

23 апреля. Вербное воскресенье.

Этот церковный праздник в христианстве называется вход Господа в Иерусалим. Он совершается за неделю до праздника Пасхи и посвящен последним земным дням Иисуса Христа. Согласно Евангелию Иисус Христос перед своей мученической кончиной прибыл в Иерусалим, где народ приветствовал его, бросая перед ним на дорогу пальмовые ветви. От обычая употреблять в этот праздник ветви финиковой пальмы он и называется неделей "цветоносной" или "цветною", а в просторе-

чи "Вербным воскресеньем". Пальмовые ветви в России заменялись вербами, так как верба ранее других древесных ветвей дает почку.

На юге России существовал обычай накануне праздника носить вербы по селам вокруг церкви, а в городах носят вербу из одной церкви, преимущественно стоящей в конце города, в другую, соборную или монастырскую. Освященные вербы обычно хранили в течение года, украшая ими в своих домах иконы. Простой народ придавал освященной вербе особую силу, ею он старался предохранить свой домашний скот от всякого рода болезней, от порчи, от хищного зверя, от злых людей и злых духов. Также вербе приписывалась очистительная сила.

30 апреля. Пасха.

Наждую весну христиане всего мира празднуют Пасху или Светлое Христово Воскресение. Хорошо известны пасхальные обряды: крестный ход, печение куличей и крашение яиц, обмен поцелуями — христосование. Пасхальные обряды сходны у всех христиан — православных, католиков, протестантов. В них нетрудно найти отголоски праздника древних скотоводов и земледельцев, приносящих в жертву богам плоды своего труда. На праздничном столе всегда присутствуют яйца, окрашенные как бы кровью жертвенных животных, кулич и творожная пасха. Испокон веков наши предки почтили яйцо как символ жизни и плодородия, символ Воскресения. Яйцами обменивались для того, чтобы только добро и свет проникали в наши души, а все плохое как скорлупа в этот день отстало от человека. Пасхальное

яйцо может свести порчу, охранить человека от сглаза. Если болит голова, то следует по солнцу поводить яйцом по голове, и оно вберет, втянет в себя боль, устранив муни.

Праздник Пасхи имеет одну особенность — он непостоянен. Это объясняется тем, что в древности время считалось по лунному календарю: началом каждого месяца служил день новолуния. По лунному календарю он всегда приходился на одно и то же число, по нашему же, солнечному — на разные, и к тому же на разные дни недели. В 325 году Первый Вселенский собор в Никее постановил праздновать Пасху всегда по воскресеньям, а именно — в первое воскресенье, наступающее после первого весеннего полнолуния, и всегда после 21 марта — дня весеннего равноденствия.

Праздник Пасхи на Руси представляет собой самое радостное и торжественное празднество. Не напрасно наши предки обставляли этот праздник особенными верованиями и обычаями. Праздник весны и пробуждение природы, соединяясь с великим религиозным торжеством, дает ему особую прелесть: природа, по народному убеждению, как бы сочувствует Воскресению Христа и выражает эту радость в своих явлениях. В древности праздник Пасхи отличался широкой благотворительностью. На Руси во время Пасхи государи посещали больницы и богадельни, не забывали и про тюрьмы. И везде чувствовалась царская милость. Царская амнистия наслася и разбойников, и воров, и даже убийц. А больницы и богадельни получали щедрые субсидии в виде даров, подношений и денег.

Посещение святых мест и знаменитых монастырей включалось в пасхальную программу царской семьи. Простой народ также участвовал в путешествиях по ближним и дальним почитаемым религиозным местам, участвуя в крестных ходах и молебнах.

Всю пасхальную неделю длилось богомолье, сопровождавшееся щедрой раздачей милостыни нищим и увечным. В субботу заканчивались пасхальные торжества, в течение которых во всех храмах России круглосуточно были открыты царские врата в алтаре. Это означало, что Божья благодать непрестанно целую неделю будет осенять всех присутствующих в церкви и дарует им здоровье и благополучие. Следующее воскресенье после Пасхи по церковному календарю называлось Антипасха, но в народе этот день называли Красной горкой.

Приготовление пасхальных блюд тщательным образом соблюдалось со времен принятия христианства на Руси. В средней полосе и на севере России, кроме яиц и творожной пасхи, освящают хлеб, называемый куличом. Накануне Пасхи кулич необходимо было освящать в церкви, а в самый праздник вместе с крашеными яйцами угощаться им в кругу семьи.

В наши дни христианский праздник Пасхи по-прежнему очень популярен. Многие посещают церковь, освящают куличи, едут на могилы родных и близких. А праздничное пасхальное застолье в этот день можно наблюдать повсюду в каждом доме. Как и в прошлые времена, Пасха остается любимым народным праздником. ■

Баловни судьбы

Николай АЛЕКСАНДРОВ

Сорокалетний житель Лондона Терри Номбс увлекался азартными играми. Если точнее, игрой в карты. И при этом порой в сложной ситуации не мог удержаться от того, чтобы не перевернуть.

В тот вечер он играл в доме у приятеля. До времени ему везло, а потом фарт перешел к противнику, и Терри стал жутко проигрывать. А следом за тем он, в соответствии со своими привычками, естественно, начал шулерствовать.

Игра, однако, закончилась для него плохо. Его нечестность была замечена, разразился скандал, он получил от противника как следует в челюсть, а напоследок, выталанчивая Терри на улицу, тот втолкнул ему в нагрудный карман пиджана карточную колоду, с которой он пришел играть. Совершенно справедливо полагая, что колода крапленая. "Чтоб ты сдох!" было ему напутствием.

Оказавшись на улице, неудачливый шулер первым делом хотел

переложить колоду карт из нагрудного кармана пиджана в боковой — он всегда носил карты там. В нагрудном ему было ужасно неудобно. Но колода застряла в узком кармане и не вытаскивалась. Терри подергал-подергал ее и оставил на месте. У него не было на борьбу с колодой сил — все-таки его основательно потрепали.

Буквально через минуту, когда Терри проходил мимо паба посреди улицы, он попал в перестрелку. Стреляли друг в друга, выясняя отношения, трое молодчиков, но одна из пуль досталась любителю азартных игр. Летела она ему прямо в сердце, и непременно бы убила его, но угодила — вот ведь судьба! — в колоду карт в нагрудном кармане и застряла в ней. В результате Терри отделался только небольшим синяком над левым соском.

В бизнесмена Алексея М. никто не стрелял — ни специально, ни случайно, — и жизни его ничего не угрожало. Но с ним произошло событие в некотором роде того же характера, что и с Тер-

ри Комбсом: ему фантастически повезло.

Выйдя утром из дома, он не обнаружил на привычном месте своих "Жигулей". Угнали! Но дела, которыми он должен был заниматься, были настолько неотложны, что ему пришлось отодвинуть посещение милиции и погрузиться в них. Он одолжил машину у компаньона и целый день гонял на ней из одного места Москвы в другое. И за целый день у него так и не выдалось получаса, чтобы подать заявление об угоне. Время от времени он вспоминал о происшедшем, однако как-то вяло — словно бы сквозь пелену, словно бы машину украли не у него, а у кого-то другого, кто странным образом был все же им: до такой степени ему было не до того, чтобы переживать по поводу пропажи.

Алексей освободился только к вечеру. Произошло это уже за пределами Москвы, в Мытицах. Он сел за руль чужой машины, чтобы ехать домой, и вот тут-то его вновь посетила мысль о случившемся утром. Теперь она соседствовала с досадой на себя, что за целый день так и не сумел подать заявления. Он даже помянул вслух черта.

Вместе с тем Алексей М. не позволил себе расслабиться. Что ни говори, а кража автомобиля была куда меньшей неприятностью, чем если б ему сегодня не удалось разрешить деловых проблем. Подаст заявление завтра, какая разница. Все равно машину никакая милиция не найдет.

Когда выезжал на Ярославское шоссе, на дорогу вышла и проголосовала молодая женщина с ребенком лет трех. Настроения останавливаться и подсаживать

попутчицу не было никакого. Тем более не своя машина. Но все же, не понимая, почему делает это, Алексей М. затормозил и посадил женщину. Хотя в Москве, как оказалось, ей нужно было совсем не туда, куда следовало ехать ему.

Летний день, когда он, наконец, высадил женщину около ее дома, уже сменился сумерками. Алексей М. вывернул из двора на улицу — и нога его ударила по тормозам: у обочины стоял его "жигуленок"! У машины были сняты номера, но какой же хозяин не узнает своего старого верного коня?

Возвращение себе собственного автомобиля было уже делом техники. Но вот что во всем этом самое главное: ведь если бы даже Алексей неведомым образом оказался на этой улице, не пронесся по ней на скорости, а не выезжал медленно со двора, высадив там пассажирку, он бы ни за что не заметил своей машины!

И Терри Комбса, и Алексея М. без всяких натяжек смело можно назвать счастливицами. Так везет не многим. И не просто не многим. Единицам.

При этом каждый из своего жизненного опыта знает, что есть люди, которые словно бы притягивают к себе удачу и везение, другие же, наоборот, будто отталкивают их. На этот счет даже существует множество поговорок-присловий, из которых известнейшая: "Деньги — к деньгам". (Продолжение ее, менее известное: "а счастье к счастью"). Один выходит сухим из воды в обстоятельствах, когда весь, с ног до головы, должен был бы оказаться "мокрым", другой спотыкается на ровном месте и сворачивает себе шею, когда, казалось бы, его не

должно было ждать ничего, кроме форта.

А вот две замечательные и незабываемые истории про счастливых наоборот.

В декабре 1995 года гангстер Джо Портиполи по кличке Клюв вошел в чикагский офис бывшего юриста мафии Дино Костелло и убил его шестью выстрелами из револьвера 38 калибра. Мафия опасалась, что ФБР, насевавшее на юриста, расколется, и нанесла упреждающий удар. Единственным свидетелем убийства был любимый адвокат мафии — старый зеленый попугай. Когда полиция увозила мертвое тело, он непрерывно выкрикивал: "Pretty Polly! Pretty Polly! — Хорошенькая Полли! Хорошенькая Полли!" Убийство осталось нераскрытым. Портиполи-Клюв разгуливал на свободе и наслаждался жизнью.

Одновременно с небольшим года спустя, в начале 1998 года, он был арестован, и ему предъявили обвинение в убийстве. До детективов, как до жирафа, долго доходило, но в конце-то концов дошло, что "Притти Полли" означало на самом деле "Портиполи". Чтобы потешить тщеславие гангстеров, убитый юрист мафии учил своего попугая произносить их имена, и таким образом попугай, прекрасно знавший Клюва, выдал его.

Портиполи-Клюв был в бешенстве. "Кому такое могло прийти в голову, что тебя залонит птица! — кричал он. — Ведь я же мог убить и ее!"

Истории, конечно, шутны: Клюва погубил клюв. Клюв птицы. Говорящая птица.

История Рафа Йорна из города Феникс (США, Аризона) внешне ничуть не похожа на случай с Пор-

типоли. Но по степени невезения напоминает ее один к одному.

Сначала у молодого грабителя все складывалось как нельзя лучше. Ему удалось украсть среди бела дня из раскрытого гаража горный велосипед и остаться ничем не замеченным. Отъехав от места преступления на некоторое расстояние, он решил все же на всякий случай остановиться и осмотреться, нет ли за ним погони.

Спрятавшись за каким-то домом, Раф стал наблюдать. И тут же увидел подъезжающую к дому патрульную полицейскую машину. Ему стало ясно, что нужно уносить ноги. Оставив велосипед, он бросился наутек. На пути к спасению лежал пруд. Раф, не задумываясь, прыгнул в него и поплыл. Когда он уже выбирался на берег, то увидел, что к пруду сворачивает другая полицейская машина. Молодой грабитель понял, что окружен, и, поджав руни, пошел сдаваться.

Только оназавшись за решеткой, он узнал, что дом, за который спрятался, был полицейским участком и подъехавшая патрульная машина не имела к нему, Рафу Йорну, никакого отношения. Равно как и та, что свернула к пруду. На берегу пруда стояла бензоколонна, и полицейская машина ехала к ней на заправку.

Невероятно, правда? Но Раф Йорк получил на суде вполне реальный срок — год тюрьмы.

В чем дело? Почему же происходит так, что кто-то притягивает к себе удачу, а кто-то отталкивает?

Недавно появилось вполне научное объяснение этому феномену. Принадлежит оно израильскому психологу Рихарду Эпштейну. Р. Эпштейн — специалист в новой области исследований: генетической

психологии. Его теория гласит, что счастье закодировано в генах. Иными словами, это так определено от рождения: одному должно везти, другому — наоборот. Один в любой ситуации сохранит оптимистическое чувство жизни, другой впадет в депрессию без всякой видимой причины. Одного судьба словно бы балует, а другого мордует без всякой жалости.

Все дело, утверждает Р. Эпштейн, в присутствии или отсутствии гена, который стимулирует рецептор дофамина — вещества, выполняющего для нашей нервной системы роль своеобразной рессоры: оно не дает слишком долго пребывать в печали, позволяет быстро забывать неприятности, посылая в результате человеку успех и удачу.

Объяснения ученого звучат вполне убедительно и правдоподобно. В самом деле, все мы знаем, сколь много значит в нашей жизни умение "держат удар", забывать неприятности, сосредотачиваться мыслями на хорошем.

Тем не менее, копаясь в статистике невероятных случаев, невольно начинаешь задаваться вопросом: а при чем гены вот в этой истории или вот в этой?

Например, соотечественник счастливчина Терри Комбса, другой англичанин, Джастин Брунс, всю жизнь находил какие-нибудь ценные вещи. Везде — на улице, в пабах, кинотеатрах, автобусах. Все началось в детстве, когда, играя в парне, он увидел в траве замечательное граненое стеклышко. Вечером мать, освобождая карманы его испачканных штанишек, чтобы отправить их в стирку, обнаружила это стеклышко. Стеклышко оказалось бриллиантом!

Так потом и повелось. Джастин занимал в кинотеатре свое кресло, освободившееся после предыдущего сеанса, чувствовал, что неудобно сидеть, шарил рукой — и вытаскивал из-под себя бумажник, набитый деньгами. Наклонился на улице к ботинку, чтобы завязать развязавшийся шнурок, — и в шве между двумя тротуарными плитками видел старинную золотую брошку.

При этом, как правило, он не "разменивался" по мелочам. Если то был бумажник, то непременно пухлый, если брошка, сережка, кулон — то обязательно с бриллиантом или золотые. Можно сказать, что обнаружение потерянных ценных вещей стало профессией Джастина. Он печатал в газетах сообщение о найденной вещи, владельцы объявлялись, и, естественно, выплачивали ему соответствующее вознаграждение.

Существенно при этом то, что никакой остротой зрения счастливец не отличался. Более того, был даже близорук и никакого объяснения тому, почему так удачлив в находках, дать не мог. Он только говорил: "Похоже, какой-то механизм во мне знает, где сесть, где встать, где наклониться".

А два года назад статистина невероятных случаев пополнилась фантастическим происшествием с девятилетней Кристин Лозендал (Норвегия). Девочка ехала на велосипеде по склону крутого холма поблизости от деревни Аалесунд, расположенной километрах в трехстах к северо-западу от Осло. Навероятно разогнавшись, она не сумела затормозить у перекрестка, вынеслась на него — и получила сильнейший удар от ехавшего с большой скоростью по встречной дороге автомобиля.

Водитель в ужасе выскочил из машины, но Кристин нигде не было. Валялся в кувете исковерканный велосипед, а сама она — как растворилась в воздухе.

Между тем в это время Кристин, находившаяся в шоне, лежала на платформе стоявшего на обочине дороги неподалеку от перекрестка грузовика, груженного деревянными ящиками со стеклом. Вылетев из седла, она пролетела по воздуху и приземлилась в древесную стружку, которой был засыпан пол платформы, — попав при этом точно в щель между рядами ящиков, стоявших вертикально. Когда обезумевший водитель догадался, наконец-то, заглянуть на платформу, он обнаружил ее абсолютно целой и невредимой, только немного поцарапанной о ящики при падении.

Дорожная полиция, забирая целую и невредимую Кристин с места происшествия, никак не могла поверить их с водителем рассказу: попасть в узкую щель между набитыми тяжелым стеклом ящиками — это был один шанс из тысячи!

Нужно заметить, что интерес человечества к феномену везения-невезения сохранил для нас в документальном, иной раз буквально запротоколированном виде, довольно большое количество невероятных случаев, которые происходили в мире и десять, и пятьдесят, и сто, и более лет назад.

Известно, снажем, какие бедствия, какие разрушения приносят с собой ураганы, какую угрозу человеческой жизни таит в себе смерч. Оказаться на пути смерча — верная смерть. Но вот шестнадцать лет назад, в 1984 году, смерч, пронесшийся неподалеку от Франк-

фурта-на-Майне (Германия), захватил с собой, поднял в воздух, пронес по нему и через сто метров опустил на землю живыми-невредимыми разом шестьдесят четыре школьника. Шестьдесят четыре — и ни на одном ни царапины!

Известно также, как опасны бывают встречи с молниями. Уцелеть, если в человека ударила молния, практически невозможно. Однако Книга рекордов Гиннеса сообщает о Рое Салливане, егере Американского национального парка. В него на протяжении его жизни молния ударила пять раз. Впервые это произошло в 1942 году. В последний раз тридцать один год спустя, в 1973 году. Но и после пятого раза он остался жив!

Другой поразительный случай, связанный с молнией, произошел в Японии. Дело было в горах. Туристическая группа школьников попала в грозу. Чтобы никого не потерять, учитель велел ребятам связаться веревкой — подобно тому, как это делают альпинисты. Школьники связались и, растянувшись цепочкой, пошли дальше. Ударившая молния убила в цепочке каждого третьего. Те, кто находился между ними, остались живы.

Все эти задокументированные, обнаруженные случаи везения никак не укладываются в рамки генной теории счастья Р. Эпштейна. Ученый, безусловно, прав — на сательно определенных жизненных ситуациях, того, как складываются судьбы тех или других людей, но все же — и это тоже ясно со всею очевидностью, — кроме генного фактора действует и другой, более могучий и, видимо, непознаваемый нашим человеческим мозгом.

Имя ему — Божий промысел. Очень могучий фактор. ■

Говорят, когда один высокопоставленный чиновник (видимо, случайно) увидел музыкальный клип Натали, то, якобы, сказал: "Какая хорошая девочка. Песня у нее замечательная, и костюм правильный: в сине-красно-белую полоску, как российский флаг". И действительно, после исполнения шлягера "Ветер с моря дул..." Натали заметили.

— Правда ли, что профессионально заниматься пением ты стала потому, что влюбилась в одного молодого человека, который, кстати, и помог тебе самореализоваться?

— Действительно, молодой человек был. Но сначала я окончила музыкальную школу в городе Дзержинске, постоянно участвовала в школьных концертах. И вот однажды мне предложили выступить на рок-фестивале в нашем

городе. Вышла я на сцену, стою, пою, а зал беснуется. Публика специфическая — мальчишники-нэйджеры свистят, кричат и комментируют мои ножки. Короче, со сцены я ушла с твердым намерением никогда больше на нее не возвращаться. А после концерта мой преподаватель из музыкальной школы познакомил меня с парнем из студии звукозаписи. Там я и записала первые свои сочинения. Когда песен накопилось

"ВЕТЕР С МОРЯ..."

много, решила испытать их на "московском" уровне. Мне исполнилось восемнадцать, и я с любимым человеком (тем самым звуорежиссером) отправилась покорять Москву.

— И тут же нашлись деньги, связи...

— Вообще нет. Певицей не собиралась становиться. Хотела предложить свои песни другим. У меня и нужного образования не было. Закончила педагогическое училище, а музыка для меня была чем-то вроде хобби. Решил все случай. Я попала в больницу, и в одной палате со мной оказалась жена вице-мэра нашего города. А так как в больнице развлечений немного, практически каждый день я пела под гитару. Ей, жене, очень нравилось мое пение. В итоге первый альбом "Русалочка" мне помог записать город. Потом мой нынешний продюсер Валерий Иванов выпустил "Русалочку" на компакт-диске. Уже в Москве мы записали еще один альбом — "Снежная роза" и лишь потом "Ветер с моря" и "Считалочка". Популярность пришла после третьего альбома. Оказывается, в шоу-бизнесе многие "выстреливают" после третьего альбома.

— А популярность как-то повлияла на твою личную жизнь?

— Я приехала в Москву с любимым человеком, который делал все, чтобы я стала певицей, не пугалась поражений, неприятностей на первых порах. Я очень постоянна, и мы до сих пор вместе.

— Значит, твоим поклонникам не на что надеяться?

— А они, кстати, надеются. Достают мой домашний адрес и

приезжают свататься. Радуются, что официально я не замужем. Вот недавно к родителям приехал один из Сибири: привез орешков кедровых, баночку меда и баночку варенья, которое сам сварил. Другой с Амура приезжал. И такие настырные, что их из дома потом не выгонишь, говорят, что побудут пона с родителями, меня подждут. А вообще, я всех своих поклонников очень люблю. Более того, они помогают мне работать. Не так давно мы предложили им придумать название для моего нового альбома. Чего они только ни предлагали: "Золотая рыбка", "Звезды падают с неба", "Продавщица лампочек". А девчонки вообще додумались. Как-то в один город я приехала на "жигуленке". Так они мне потом письмо написали, что теперь будут себя во всем ограничивать, лишь бы нанопить денег мне на "мерседес". Представляете?!

— Твоя внешность не обманчива? Ты так ангельски улыбаешься с телеэкрана!

— А я и не притворяюсь, все песни проношу через сердце. Пою искренне.

— Значит, всегда поешь о себе?

— Почти все мои песни автобиографичны.

— И "Не стерпелось, не слюбилось", где есть такие строки: "Не нужны мне бриллианты, жемчуга с рубинами, не хочу теперь богатства, а хочу любимого!"?

— Ее написали композитор Игорь Зубков и поэт Симон Осиашвили. Значит, это не про меня.

— Часто ты поешь чужие песни?

— Да это, честно говоря, первый опыт. В основном пишу только

сама. Но работать с именитыми авторами, конечно, интересно. Вот принес мне Симон Осиашвили ту же "Не стерпелось, не слюбилось". Текст понравился, правда, после некоторых доработок. Я попросила его изменить несколько строчек. Например: "Опрокину я рюмку полную!" Я ему говорю: "Это, конечно, хорошо, но девушка, только что певшая про то, как ветер с моря дул, про первую наивную любовь, никак "опрокинуть рюмку полную" не может". И еще фраза: "Пожелтело все платье бело". Пожелтелеть белое платье может, как минимум, лет через десять.

— Ты часто сталкиваешься с проблемами авторских прав. Когда исполнила песню "Звезда по имени солнце" Виктора Цоя, ронеры хотели тебя даже побить за попсовое исполнение...

— Это выдумки журналистов. Я перед тем, как записать эту песню, звонила Марьяне Цой, вдове Виктора, которой принадлежали авторские права. Она ничего против не имела. А конфликт возник между Марьяной и звукозаписывающей фирмой, растиражировавшей запись.

— Историю, а что думает о Натали старшее поколение, наши мамы? Они ее знают?

— Еще как знают. Придя девочкой в шоу-бизнес, я смотрела на наших мэтров широко открытыми глазами. Думала, они могут передать мне какой-то опыт. Но оказалось, они смотрят на меня тоже широко открытыми глазами и намерены передать опыт совсем другого толка. Мужчины есть мужчины.

— Значит, романов с Вячеславом Добрыниным, Александром Градским и Юрием Антоновым не было?

— Конечно, нет. Говорили, что я на каком-то там месяце от Павла Буре, а мы даже не знакомы, что сижу и плачу, потому что меня бросил Сергей Чонишвили, известный многим как Шадурский из "Петербургских тайн".

— Судя по всему, ты счастлива...

— У меня почти все мечты сбываются. Но... Однажды я впала в депрессию. Задумалась, почему все так хорошо в жизни складывается? А вдруг придется когда-нибудь за это платить? Страшно стало, но я сильная девушка. Взвесила свои удачи и оказалось, настоящего счастья еще не достигла, многое еще впереди. ■

Беседовала

Галина СИРИК.

Под редакцией международного гроссмейстера **Виктора ЧЕПИЖНОГО**
IX международный конкурс составления шахматных задач-миниатюр

28. В. ШМАТОВ
 ст. Курбатово
 Воронежской обл.

2

29. Н. АКИМОВ
 г. Щучинск, Казахстан

2

30. А. КОШЕЛЬКОВ
 Псков

2

31. В. ГРЕБЕШНОВ
 п. Середка Псковской обл.

2

32. М. КАЛГИН
 Воронеж

2

33. В. КОРЕНЕВ
 Израиль

2

34. Ш. АНБУЛАТОВ
 Красноярск

3

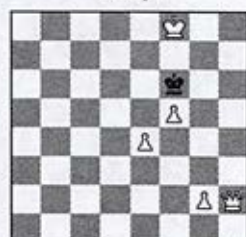
35. Л. ГРОЛЬМАН
 Казань

3

б) + б.пб6

36. Ю. НАЛУГИН
 Самара

3

37. В. ЖЕЛТОНОЖКО
Екатеринбург

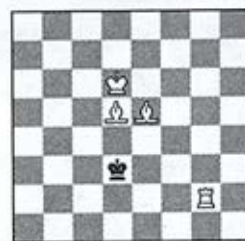
б) nf6;в) ne7-a4 # 3

40. В. КОВАЛЕНКО
г. Большой Камень
Приморского кр.

3

43. Л. ПРОНИН
Москва

б) Krd6-h2 # 4

46. М. МАТРЕНИН
г. Колпино
Ленинградской обл.

4

38. А. АЗОВ
Гомель, Беларусь

3

41. В. КОЖАКИН
Магадан

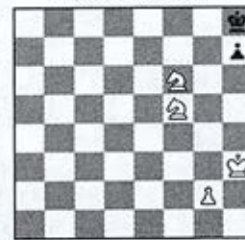
б) Krb2-b7 # 3

44. Ю. СУШНОВ
Санкт-Петербург

4

47. В. КОВАЛЕНКО
г. Большой Камень
Приморского кр.

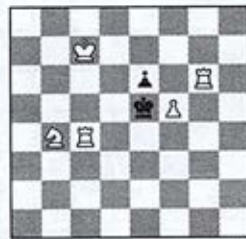
5

39. М. ЧЕРНУШКО
Уссурийск

3

42. В. КОЗЫРЕВ
д. Нина, Эстония

3

45. В. КОЖАКИН
Магадан

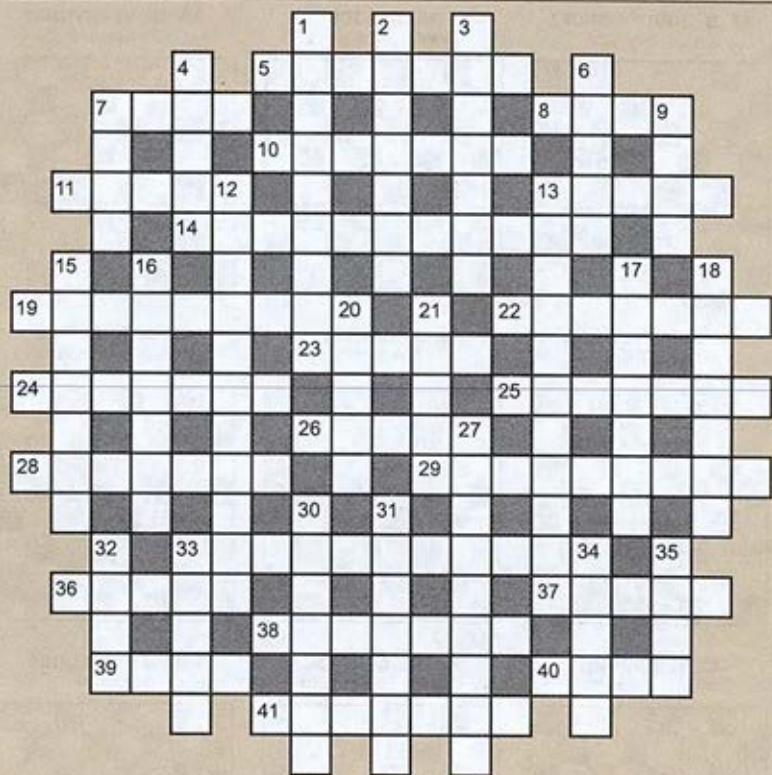

4

48. Н. ЗИНОВЬЕВ
Усть-Каменогорск,
Казахстан

11

КРОССВОРД

По горизонтали. 5. Очки для одноглазого. 7. Усыпляющее летучее вещество. 8. Волшебная палочка автоинспектора. 10. Грубый коврик. 11. Шум на школьной перемене. 13. Рыжий враг Буратино. 14. Короткий период после эпохи застоя. 19. Известный писатель, в официальных случаях называвший себя дворянином и хохлом. 22. Бочнодел. 23. Форвард московского "Динамо", ставший вместе с командой чемпионом СССР в 48 лет. 24. Место болезни здоровых людей. 25. Таможенный взгляд на человека и его вещи. 26. "Свистать всех наверх!" на корабле. 28. Развеселившийся сатирик. 29. Мироощущение едущего "за мечтами, за туманом и за запахом тайги". 33. Благотворительность. 36. Химический элемент, чье название появилось на тридцать лет раньше его открытия. 37. Навеска на вещь или человека. 38. Веселая круговая поруна. 39. Российское собрание говорунов. 40. Вторая часть

танца, если первая — "летка". 41. Ветер на озере Ильмень, связанный с концом лета.

По вертикали. 1. Деревенская вечеринка. 2. Канадский город на озере Онтарио, основанный как французская торговая крепость. 3. Записная книжка. 4. Сахарный развод. 6. Медоносное дерево с ломкими ветвями. 7. Античный раб с острым языком. 9. Венгерский композитор, назвавший М. Глинку "патриархом-пророком музыки в России". 12. Генерал-лейтенант, герой Бородинского сражения. 13. Свойство глаза ясно видеть разноудаленные предметы. 15. Аренда или наем на Руси земельных или лесных участков. 16. Водяной пузырь на теле. 17. Прибор, позволяющий определить пройденное расстояние. 18. Литературное разбирательство. 20. Дерево, чью ветку приглубил Пикассо. 21. Валюта восьми арабских стран. 27. Впереди поезда. 30. Волшебник, маг. 31. Зверь, который и яйца несет, и молоком кормит. 32. Медицинский инструмент для исследования желудка. 33. Организация. 34. Невеста Максима в опере Г. Майбороды "Арсенал". 35. Хутор в Эстонии.

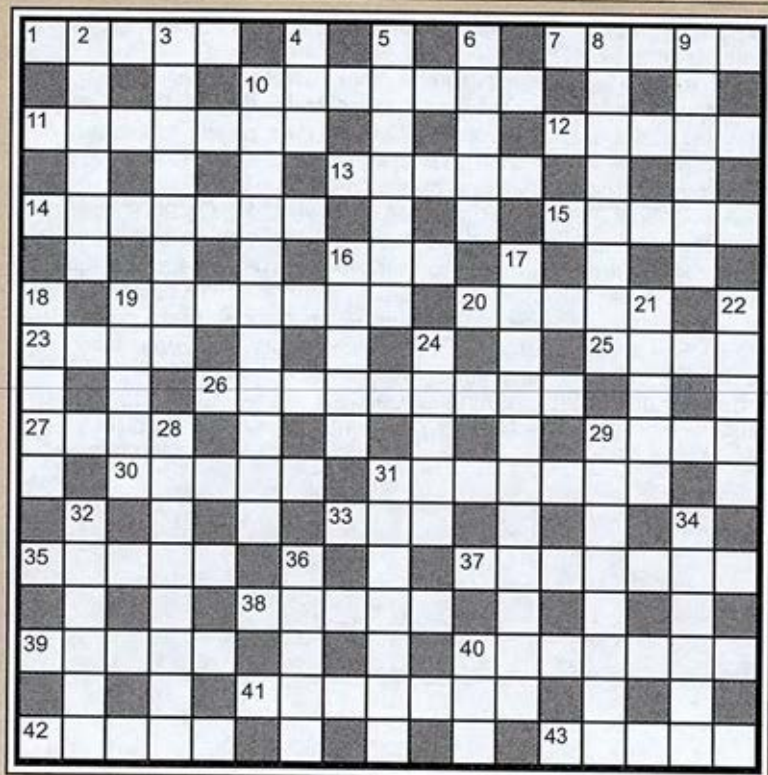
Составил **Н. ПЕТРОВ,** ■

Москва

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 3

По горизонтали. 1. Евтерпа. 5. Степь. 8. Олово. 12. Гардина. 14. Имп-хал. 16. Верста. 17. Фейерверкер. 18. Штуф. 20. Зима. 21. Робиния. 22. Штурман. 26. Человек. 27. Мажор. 29. Порна. 31. Гон... 33. Орлов. 34. Замок. 36. Скворец. 38. Хор. 41. Дилемма. 42. Бонарев. 45. ...ария. 47. Цент. 48. Рентгенолог. 50. Бандит. 51. Разгар. 52. Филемон... 53. Устав. 54. Намыш. 55. Бахрома.

По вертикали. 2. Владение. 3. Ендова. 4. Панкратион. 6. Топшур. 7. Пиаф. 9. Леер. 10. Веснин. 11. Вирши. 13. Халат. 15. Ленивец. 16. Ведро. 19. Фотофобия. 20. Запорожец. 23. Цедра. 24. Багор. 25. Октет. 28. Жок. 30. Шахматница. 32. Эватор. 35. Моа. 37. Щебет. 39. Йодоформ. 40. Самбо. 41. Дионис. 43. Венгры. 44. Шторм. 46. Шедвр. 48. Рига. 49. Гана.

ЭРУДИТ

По горизонтали. 1. "Крашенная харя" в пьесах Шекспира. 7. Трава, дающая растительную губку. 10. Благовест всех церковных колоколов. 11. Должность А. Берга, будущего советского ученого-радиотехника, на подводной лодке "Пантера". 12. Белый журавль, в которого может стрелять лишь человек с черным сердцем. 13. "Знак, признак, примета; печать, клеймо, тамга, тавро, подпись или рукоприкладство" (В. Даль). 14. Красногвардеец в поэме А. Блока "Двенадцать" предупреждает: "Запирайте этажи, нынче будут ...!" 15. Излучение Тармаса — одного из четырех первоэлементов во Вселенной У. Блейна. 16. Человек "повышенной проходимости". 19. Немецкий пионер ракетной техники, запустивший первую в Европе ракету с ЖРД. 20. Горячая специальность В. Тропинина, когда он был крепостным. 23. Неподступный богач на Руси. 25. ...Помпилий — второй правитель Древнего Рима, разделивший граждан на сословия. 26. Прогнозист, обычно попадающий пальцем в небо. 27. Калашников как участник поединка с Кирибеевичем в поэме М. Лермонтова. 29. Известный кирилло-белозерский книжник XV века Ефросин по своему положению. 30. Волнистая линия на самарнандских поливных гончарных изделиях. 31. Самый популяр-

ный в Индии эпос. 33. Силен ...: и горами начает, и людьми, что вениками трясет (русская поговорка). 35. Художник из "Бубнового вала", любивший работать в крымской долине Нозы (теперь Солнечная). 37. Композитор, виртуоз и педагог, основавший римскую школу, положившую начало "золотому веку" итальянского скрипичного искусства. 38. Игра с легким обручем, какой надо поймать палочкой. 39. Маорийское божество Туна Роа как рыба. 40. Пушкинская героиня, чья алчность оставила ее у разбитого корыта. 41. В романе "Хлеб" Д. Мамина-Сибиряка "молчаливый Драле, двигавшийся как манекен из папье-маше, наводил на Вахрушку накую-то ...". 42. Мера сыпучих тел у ингушей и чеченцев. 43. Единственный самоцвет, каной, по Шекспиру, должен дарить король.

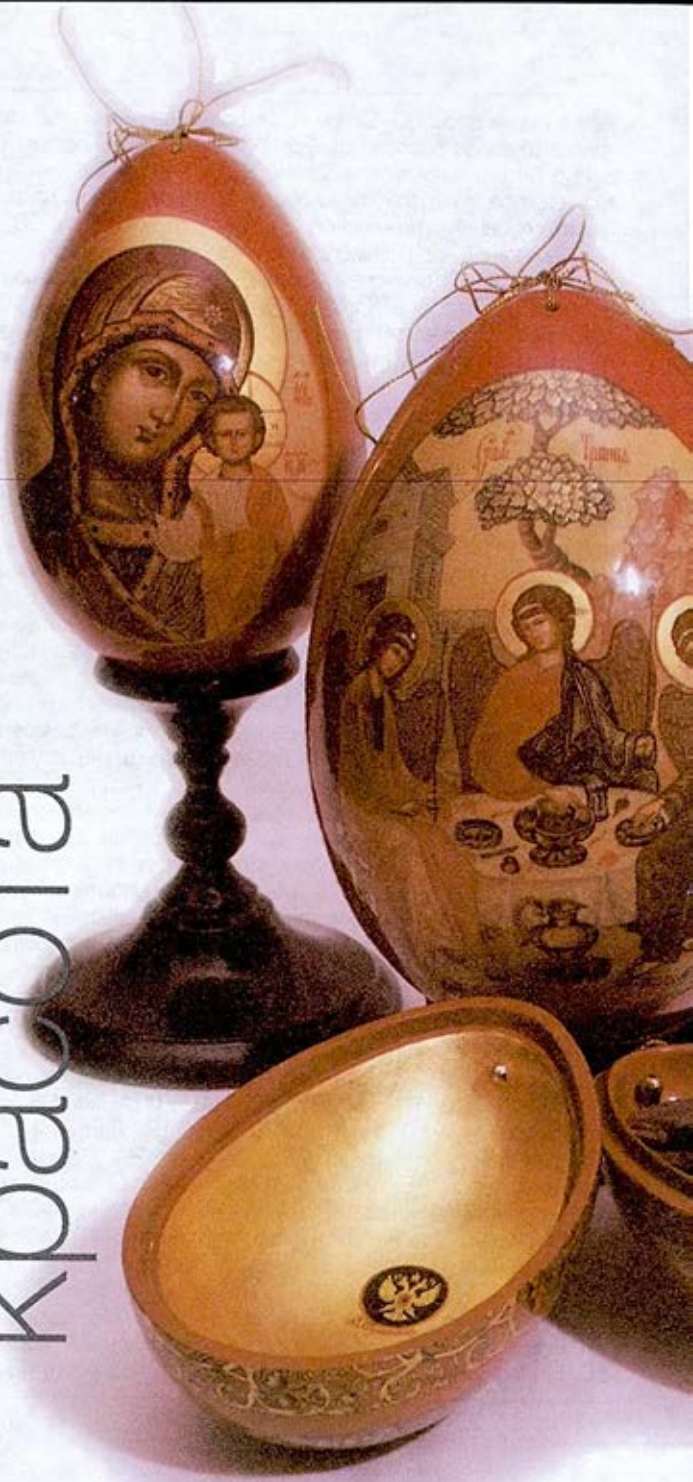
По вертикали. 2. Возвышение, на которое должен был положить яйцо выпущенный после боя гладиаторов на потеху зрителей раб, пройдя через всю арену между наглотавшимися человечины львами. В случае удаче ему давали свободу. 3. Наутилус как моллюск. 4. Русский философ, горячо поддерживавший завет В. Соловьева оправдать "веру отцов". 5. Место, битва при котором стала вершиной успехов англичан в Столетней войне. 6. Занавазские голубцы. 8. Византийский император, завоевавший Северную Африку. 9. Нерамина, с которой в первую очередь связан термин "крякле". 10. Среднеазиатская страна, где на сузани основной цвет красный, поскольку янобы спасает от дурного глаза. 16. Французский живописец и график, делавший раскрашенные мраморные статуи обнаженных женщин, заработав на них состояние. 17. Серебристый отблеск, придаваемый временем старинным туркменским коврам. 18. Русский языковед, автор понятной фразы из непонятных слов: глокая куздра штено бодланула бокра и курдячит бокренна. 19. Азербайджанский поэт, у которого немецкий поэт и путешественник Ф. Боденштедт брал уроки восточных языков. 21. Развалина, давшая жизнь множеству картин. 22. Вождь польских нальвинистов, учившийся у Эразма Роттердамского и купивший его библиотеку, правда, погибшую при перевозке. 24. Мифический правитель Фригии с ослиными ушами, чья поучительная история была выгравирована на золотом слитке Ф. Листа. 28. Древнерусское название Константинополя. 29. Искомое в исчислении, обратном дифференцированию. 31. Винтовая, гидравлическая, листовая, пневматическая или торсионная. 32. Самоназвание ингушей. 34. Одежда мачехи в "Сорочинской ярмарке" Н. Гоголя. 36. Самые положительные отличительные свойства рыцаря: ... набожность и способность любить. 40. Курорт в Бельгии, где стоит бюст Петра Первого. ■

ОТВЕТЫ НА "ЭРУДИТ", НАПЕЧАТАННЫЙ В № 3

По горизонтали. 1. Игнас. 4. Экарте. 12. Лапта. 13. Гирудотерапия. 15. Синодин. 18. Джеб. 20. Бочна. 21. Цехин. 22. Кутузов. 26. Вдохновение. 27. Чехия. 29. Аррет. 30. Способность. 32. Вигилии. 34. Цусев. 37. Натес. 38. Цорн. 39. Замашна. 44. Прелюбодеяние. 45. Весна. 46. Трагик. 47. Кровь.

По вертикали. 2. Гордец. 3. "Аида". 5. Керени. 6. Репс. 7. Елян. 8. Спад. 9. Хайк. 10. ...ягода. 11. Отгон. 14. Иисус. 16. Оруженосец. 17. Изоггета. 19. Бесплебица. 20. Бишоп. 23. Ударница. 24. Нерпа. 25. Бирск. 28. Убрус. 31. Фианр. 33. Жалюзи. 34. Щекот. 35. Воинов. 36. Юннер. 39. Зевс. 40. Мост. 41. Шпат. 42. Аена. 43. Недр.

ВОЗРОЖДЕННАЯ
КРАСОТА

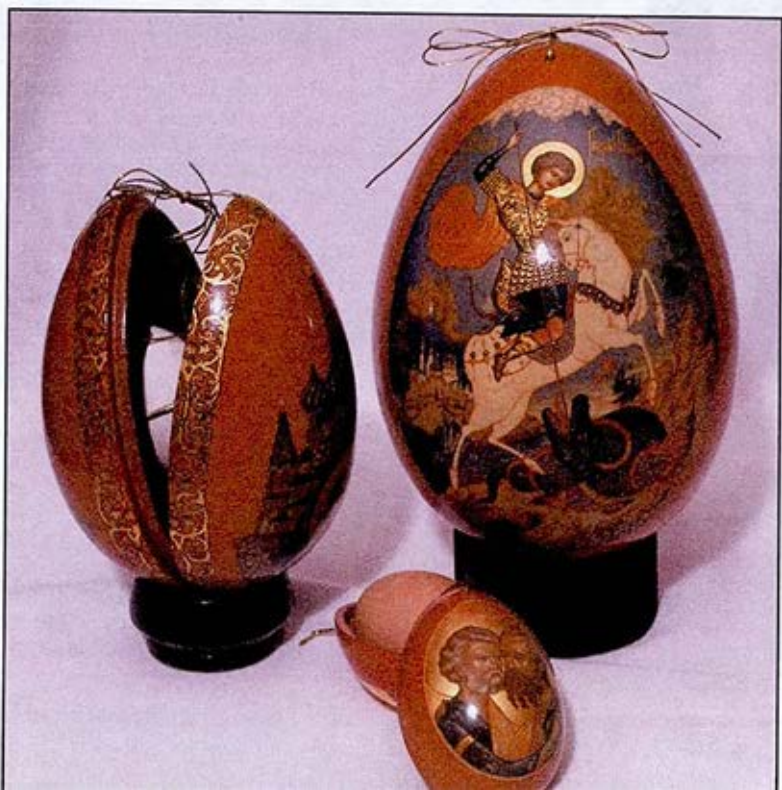
"Xристос воскрес!" — говорим мы один раз в году в светлый праздник Пасхи и дарим, как две тысячи лет назад, крашеное яичко — символ победы жизни над смертью. И тем самым желаем ближнему счастья, добра и благоденствия... А когда-то в нашей стране преподносили крашеные и освященные в церкви яйца, поместив их в деревянные футляры. Расписные, нарядные, они не только радовали глаз, но и были со смыслом. Для самых близких и любимых в мастерских по специальному заказу расписывали их так: на одной стороне изображали, и это обязательно, Воскресение Христово, а на другой — святого, покровителя того человека, для которого предназначался подарок. Не обижали и случайного гостя, с пустыми руками не отпустили, для чего всегда имелись футляры с нейтральными сюжетами: храмами, монастырями, старинными русскими городами. И хранилась вся эта красота в красном углу — самом почетном месте в доме, возле образов.

Увы, теперь православные, в большинстве своем, и не подозревают, что когда-то существовали пасхальные футляры. И казалось, ремесло их изготовления навсегда утрачено. Но, видимо, действительно, на все "промысел Божий". Однажды питерский художник Виктор Симоненко во

время реставрационных работ в храме нашел одну, сильно попорченную временем, половинку футляра с изображением святого Иллариона. С этого все и началось. По крупицам восстанавливал Виктор секреты старого ремесла. Что-то в книгах прочел, на старинных открытках увидел, до чего-то сам додумался. И вот результат. За последние десять лет в коллекции Виктора 29 яиц-футляров. Изготавливает их художник с помощью топора и стамески, а раскрашивает в полном соответствии со старыми канонами. Деревянная форма грунтуется, наносится левкас. После чего художник приступает к нанесению живописи, которая выполняется натуральными пигментами, разведенными на яичном желт-

ке. Процесс золочения производится как твореным золотом по лаку, что практикуется и в современном Палехе, так и сусальным золотом на полимент. Затем изделие покрывается олифой, просушивается, а завершается процесс нанесением нескольких слоев лака и полировкой. На изготовление одного футляра уходит от двух до десяти месяцев.

Виктор Симоненко использует разные иконописные традиции и школы: Московскую, Новгородскую, Симона Ушакова, Елизаветинское письмо XVIII века, встречаются и элементы Палеха. Но, возрождая забытое искусство, художник не копирует работы старых мастеров и даже придумывает новые сюжеты для росписи. Есть в его коллекции

футляр, на одной стороне которого — автопортрет художника, выполненный в манере парсуны, а на другой — покровитель Виктора — Святой Виктор. "Это — своеобразный способ приблизиться к своему духовному патрону", — поясняет художник. Святотатства в этом нет, Виктор специально справлялся у священнослужителей. Другой пример творческих поисков — композиция "Георгий Победоносец". В ней основные цвета — красный, синий и белый, колор российского флага.

На Пасху Виктор свои работы не дарит: слишком уникален каждый экземпляр. Да и финансовые возможности не позволяют. Спонсоров у художника нет. Искусствоведы, с которыми Симоненко разговаривал, при словах "рас-

писные яйца" тут же вспоминали арбатские поделки — сувениры для иностранцев с изображениями кремлевских башен, медведей, портретами политиков — и большого энтузиазма, увидя работы художника, не проявляли. "Хоть портреты новых русских пиши на яйцах!" — шутит Виктор. Но не все так грустно. Его работы благословил настоятель Сретенского монастыря отец Тихон. А в прошлом году в Москве, в музее прикладного и народного искусства и в Храме Христа Спасителя, прошли выставки футляров для яиц. И может быть, уже в XXI веке мы будем своим родным и близким дарить пасхальные яйца в нарядных футлярах. "Христос воскрес!" ■

Мария МЕЛЬНИКОВА
фото **Владимира Чейшвили**

ЕВРОЭКСПОМЕБЕЛЬ 2000

8-ая Московская
международная
специализированная
выставка-ярмарка мебели

Россия, Москва,
Культурно-выставочный центр
"Сокольники"
15-20 мая 2000 г.

Министерство Экономики Российской Федерации, Департамент экономики лесного комплекса

Культурно-выставочный центр "Сокольники"

Ассоциация предприятий мебельной и деревообрабатывающей промышленности России

Источник красоты

Наверное, все женщины, глядя в зеркало, с грустью думают о неумолимом ходе времени. Но одни, махнув рукой, продолжают медленно стариться, а другие ради себя, любимой, готовы на любые жертвы: тратят баснословные деньги на импортную косметику весьма сомнительного качества, регулярно делают пластические операции, лазерные шлифовки, производят различные изощренные манипуляции со своей кожей, зачастую получая минимальный положительный результат, а часто принося своей коже непоправимый вред.

Можно ли избежать этих ошибок?

Профессионалы считают, что "обычного" ухода за кожей сегодня недостаточно. Возрастающее загрязнение окружающей среды, резкие перепады температур, ультрафиолетовые лучи, неправильное питание и многое другое доводят уровень нагрузки на кожу до степени стрессового. Преимуществом косметики "Лита-Цвет", выпускаемой московской фирмой "Лита-Цвет" и уже хорошо известной своими сериями "Прикосновение" и "Мастер и Маргарита", является то, что ее кремы адаптированы к российским климатическим условиям. Главный секрет косметики "Лита-Цвет" — уникальный биостимулятор "Эксолин" и другие идеально подобранные компоненты, не вызывающие неприятных побочных эффектов. Они восполняют потерю кожей белка, приводят к сокращению морщин, предотвращают образование новых, то есть эффективно омолаживают кожу. Не дожидаясь появления явных признаков старения, чтобы потом бороться с ними. "Лита-Цвет" можно использовать с подросткового возраста.

Гели-пенки для мытья не только легко и тщательно удаляют даже водостойкий макияж с различных типов кожи, но увлажняют, смягчают, обогащают ее питательными веществами.

Тоники для различных типов кожи завершают процедуру очищения, восстанавливают pH-баланс, отшелушивают ороговевшие клетки, устраняют зуд и чувство стянутости, освежают цвет лица, подготавливают кожу к лучшему восприятию средств по уходу.

Регенерирующий крем-гель двойного действия — великолепное средство с активным увлажняющим и лифтинг-эффектом. Подтягивает и укрепляет кожу, стимулирует обновление клеток, предотвращает образование морщин.

"Лита-Цвет" — высочайшее качество при доступных ценах!

Спрашивайте косметику "Лита-Цвет" в магазинах Москвы и других городов России!

Приглашаем оптовых покупателей:

Москва,
ул. 9-я Парковая, дом 37, корп. 1.

Телефоны:

(095) 165-90-01,

(095) 965-20-38, (095) 965-05-39.

Вы
никогда не были
В РАЮ?

это недалеко —

остров

ИСКЬЯ

в Неаполитанском заливе (Италия)

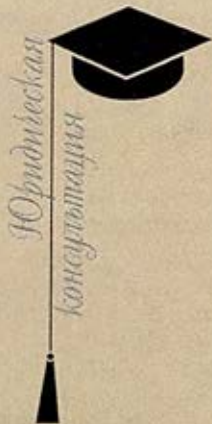
Один из **самых красивых и известных** островов Средиземно-морья. **Кристально чистое море, великолепные пляжи, 300 гостиниц с термальными бассейнами. Термальные парки. Непревзойденный эффект при лечении ревматизма и артрита, остеохондроза, астмы, гинекологических и кожных заболеваний (в т.ч. псориаза).**

ФЛЕГРЕАН
ТУРИСТ СЕРВИС

Тел.:
(095) 246-71-26,
246-71-32,
246-89-80

В другой город выселить нельзя

"Когда муж-военнослужащий уволился, вместо служебной квартиры нам предоставили жилое помещение в другом городе. У нас двое детей, придется переводить их в другую школу, детский сад, поликлинику и т.д. Можно ли на этом основании просить квартиру в городе, где мы пока проживаем?"

Н.Савельева,
Калужская обл.

Вы можете не просто просить, а требовать квартиру в этом же городе. Для этого даже необязательно ссылаться на школу, детский сад, ваше место работы и т.д. В соответствии с п.п.4 ст.108 Жилищного кодекса РСФСР семьи военнослужащих не могут быть выселены без предоставления другого жилого помещения. При этом выбор квартиры производится соответствующими должностными лицами не произвольно, а в соответствии со ст.97 ЖН. Указанная норма закона требует, чтобы предоставляемое гражданам жилое помещение не только отвечало установ-

ленным санитарным и техническим требованиям, но и находилось в черте данного населенного пункта.

На основании этой статьи вы можете требовать, чтобы вам предоставили квартиру в том же городе, где вы проживали до увольнения вашего мужа со службы.

Если решение не исполняется

"Суд принял решение в мою пользу о приватизации квартиры, а я так и не могу добиться оформления документов. Судебный пристав налагает штрафы, но все бесполезно. Как я могу защитить свои права?"

Ф.Лукашин,
Красноярский край

К сожалению, защита нарушенных прав и свобод граждан не замыкается на вынесении решения суда в их пользу. Необходимо принимать меры по исполнению судебных актов. Федеральным законом "Об исполнительном производстве" от 21.07.97 г. предусмотрена такая мера обеспечения принудительного исполнения решения, как наложение штрафа на должника. Если это не помогает, ч.3 ст.85 указанного закона позволяет судебному исполнителю подать заявление в органы прокуратуры о возбуждении в отношении должностного лица уголовного дела по ст.315 УК РФ за неисполнение судебного акта. Возможно также, что причиной неисполнения решения является уклонение самого судебного пристава от активных действий по реализации судебного акта. В этом случае, на основании ч.1 ст.19 Федерального закона "О судебных приставах" от 21.07.97 г., вы може-

те подать жалобу на исполнителя в вышестоящий орган или в суд.

Оперативное взыскание алиментов

"Бывший муж отказывается материально поддерживать нашего ребенка. Судебный процесс может занять долгое время, да и мне не хочется встречаться с ним в суде. Можно ли получить алименты без судебного разбирательства?"

О.Г.Фильченко,
Саратовская обл.

Законодательство предусматривает такую возможность. Если вы не хотите проходить через судебное разбирательство, ст.125-1 Гражданского процессуального кодекса РСФСР предоставлено право обратиться за выдачей судебного приказа. Судебным приказом является постановление судьи, вынесенное по заявлению кредитора о взыскании денежных сумм или об истребовании движимого имущества от должника. Такое постановление, в частности, издается по требованию о взыскании алиментов на несовершеннолетних детей, если не встает вопрос об установлении отцовства. Судебный приказ выдается единолично судьей без вызова должника. Взыскание алиментов по нему производится по истечении десятидневного срока после выдачи.

Требование о выдаче приказа должно быть подкреплено соответствующими документами. Относительно алиментов такими документами являются свидетельство о браке и свидетельство о рождении ребенка. Если судья усмотрит в вашем требовании спор о

праве, он откажет в выдаче приказа. Это не исключает возможности обратиться в суд в порядке искового производства.

Имущественное положение учитывается

"У меня в жизни сложилась такая ситуация, что необходимо подавать в суд, а денег на уплату госпошлины нет. Неужели из-за этого я не смогу защитить свои права в суде?"

М. Кольцов,
Пермь

Для таких ситуаций, как ваша, законом предусмотрена возможность отсрочки, рассрочки, уменьшения, а также полного освобождения от уплаты государственной пошлины.

Ст. 80 Гражданского процессуального кодекса РФ устанавливает право судьи освободить гражданина от уплаты госпошлины исходя из его имущественного положения. Необходимо учитывать, что это право, а не обязанность суда. Освобождение от госпошлины является предметом усмотрения судьи при приеме искового заявления либо при вынесении решения по делу.

Если неблагоприятное имущественное положение носит временный характер, можно подать заявление об отсрочке, рассрочке или уменьшении размера госпошлины. При этом к заявлению должны быть приложены документы, подтверждающие вашу просьбу (справки о размере заработка, пенсии, наличии в семье нетрудоспособных лиц и т.д.). ■

Ольга КОРЫТКО,
консультант "Смены"
по юридическим вопросам

Светлана Валуева

Когда Светлана Валуева училась в институте имени Сурикова, педагоги по живописи говорили ей: “Вы родились позже на целый век”. Действительно, герои картин художницы живут во времена Серебряного века в России или Ар Нуво на Западе. “Сейчас уже и не вспомнить, когда возникла моя страсть к “модерну” — стилю в искусстве, появившемуся на рубеже XIX — XX веков, но думаю, что я с рождения была обречена на эту любовь, — признается Светлана. — Все, чем дышал этот утонченный, аристократический стиль, все в нем пронизывала какая-то щемящая грусть, некая эстетика умирания, как напоминание о хрупкости и недолговечности всего на Земле, будь то лето, молодость, чувство...”

Светлана родилась в семье художника-дизайнера и рисовать начала с двух лет. В пять пошла в изостудию, потом была художественная школа, затем Суриковский институт, факультет графики. В 1991 году, как лучшая ученица, Светлана едет в Германию — в Штутгартскую академию художеств, где занимается офортом.

В живописи Светланы Валуевой несколько тем. Прежде всего — это картины, посвященные

День черной королевы.

женщинам. Ее модели — или плод воображения художницы, или реально существующие люди. Часто они на полотнах живут в фантазийном мистическом мире в окружении странных форм, знаков и предметов. Первая коллекция называлась “Зеркало модерна”. Двенадцать картин о любви, жизни, красоте. Прообразом героинь послужили три подруги Светланы — актриса, модельер и фотохудожник. Для работы с моделями были сшиты костюмы, сделано много предварительных рисунков, и через шесть месяцев перед зрителями предстали дамы, но уже не похожие на реальных, свободные от земных проблем, утратившие современную деловитость. “Я пишу женские образы, — говорит Светлана, — потому что меня волнует красота, ее разнообразие, метаморфозы. Стараюсь передать перламутр кожи или мягкий матовый блеск тела. Особенно хорошо выглядит женщина на фоне ультрамаринового ночного неба или на изумрудной траве туманным утром в японском саду...”

Осенью 1995 года Светлана начала серию картин, посвященную балеринам Большого театра, и теперь ее работы украшают его репетиционные залы.

Еще одна тема творчества — городской пейзаж. “Моя “жадность” заставляет меня сплавлять страны и города во что-то единое, чтобы поместить эту красоту в строго очерченную форму холста. Так появились картины, где Москва и Прага, Петербург и Венеция слились воедино в какой-то особый мир, населенный волшебниками, лирическими героями и просто людьми”.

Людмила КАНДАЛОВА

Наш адрес:
143530
Московская обл.,
Истринский р-н,
г. Дедовск,
керамический завод
Тел.: (095) 561-74-87,
561-75-50
Факс: (095) 561-74-83,
561-72-60
Розничная торговля:
Тел.: (095) 561-75-04

ВЫСОКИЙ
ПОЛЕТ

ПРОИЗВОДСТВО
И РЕАЛИЗАЦИЯ
КЕРАМИЧЕСКИХ ПЛИТОК

